

Нерси Реджиналд
Стивенсен
ЛЕГЕНДА
ОБ АЛИСТЕРЕ КРОУЛИ

Телема

P. R. STEPHENSEN

THE LEGEND
OF ALEISTER CROWLEY
A STUDY OF THE FACTS

П.Р. Стивенсен
«Фанфролико-пресс», Лондон, 20-е годы

ПЕРСИ РЕДЖИНАЛЬД СТИВЕНСЕН

ЛЕГЕНДА
ОБ АЛИСТЕРЕ КРОУЛИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ГАНГА»
ТВОРЧЕСКАЯ ГРУППА «ТЕЛЕМА»
МОСКВА, 2009 г.в.

Перси Реджинальд Стивенсен

Легенда об Алистере Кроули / Пер. с англ. Алексея Осипова, Анны Блейз — М.: Издательство «Ганга», 2009. — 352 с. — (Серия: Магические гримуары).

ISBN 978-5-98882-097-0

Известный британский мистик и маг Алистер Кроули (1875–1947) как будто бы совместил в себе две разных личности: доктор Джекилл и мистер Хайд в одном человеческом теле, Дориан Грей в обеих своих ипостасях. Для одних авторов Кроули — величайший маг XX столетия (а, может, и всех предшествующих веков); мистик, способный к самым глубоким прозрениям и откровениям из тех, что когда-либо получало человечество; глава знаменитого *Ordo Templi Orientis* (Ордена Восточных Тамплиеров); отважный альпинист и путешественник, а еще художник и писатель, поэт и шахматист. Для других — «сатанист», наркоман, «самый порочный человек на Земле», сексуальный маньяк.

Книга Перси Реджинальда Стивенсена «Легенда об Алистере Кроули» впервые увидела свет еще при жизни «Великого Зверя» в 1930 году. И это — первая попытка очистить Алистера Кроули от клеветнических обвинений, выдвинутых против него в британской прессе и, в конечном счете, сформировавших в массовом сознании образ «самого испорченного человека», который закрепился за ним на десятилетия.

© Ordo Templi Orientis

© Алексей Осипов, перевод («Введение», главы 1, 4, 5, «Приложение II»), 2009

© Анна Блейз, перевод (главы 2, 3, «Приложение I», «Приложение III»), 2009

© Надежда Саламахина, оформление, 2009

© Творческая группа «Телема», 2009

© Издательство «Ганга», 2009

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. <i>Sr I. C., Fr Marsyas</i>	7
Введение к изданию 1986 года. <i>Израэль Регарди</i>	21
ЛЕГЕНДА ОБ АЛИСТЕРЕ КРОУЛИ	38
Глава первая. Человек по имени Кроули	42
Глава вторая. Ранний период. 1896 — 1907	66
Глава третья. Период «Эквинокса». 1908 — 1914	106
Глава четвертая. Война. 1914 — 1918	152
Глава пятая. После войны	183
ПРИЛОЖЕНИЯ	221
Приложение I. Послесловие к изданию 1983 года. <i>Израэль Регарди</i>	223
Приложение II. Автобиографические газетные статьи Алистера Кроули, 1933 — 1935 гг.	237
Открытое письмо лорду Бивербруку	237
Лох-Несский волшебник	248
Они называли меня ренегатом!	254
Мои странствия в поисках абсолюта	260
Угроза черных «Мастеров»	270
Я убил их!	275
Нелепое обвинение	282
«Худший человек на свете» рассказывает удивительную историю своей жизни	288
Приложение III. Алистер Кроули. <i>Луис Уилкинсон</i>	308
Гимн Пану. <i>Алистер Кроули</i>	330

ПРЕДИСЛОВИЕ

Sr I.C.¹, Fr Marsyas

Известный британский мистик и маг Алистер Кроули (1875—1947) как будто бы совместил в себе две разных личности: постстивенсоновский доктор Джекилл и мистер Хайд в одном человеческом теле, постуайльдовский Дориан Грей в обеих своих ипостасях. По крайней мере, такой вывод напрашивается после прочтения множества посвященных ему исследований, статей и биографий.

Для одних авторов Кроули — величайший маг XX столетия (а, может быть, и всех предшествующих веков); мистик, способный к самым глубоким прозрениям и откровениям из тех, что когда-либо получало человечество; глава знаменитого *Ordo Templi Orientis* (Ордена Восточных Тамплиеров)²; отважный альпинист и путешественник, а еще художник и писатель, поэт и шахматист... Другие же авторы видят в нем всего лишь «сатаниста», убогого и деградировавшего наркомана, «самого порочного человека на Земле», сутенера, торговавшего своими «Багряными Женами», сексуального маньяка, придумавшего свою магическую систему главным образом для того, чтобы оправдать свои сексуальные нужды и многочисленные извращения.

Обычно, изложив две противоположные точки зрения, серьезный исследователь должен с ученым видом заявить, что «истина лежит где-то посередине», а далее пуститься в велеречивые рассуждения, заявляя, что «с одной стороны, разумеется, ..., но зато с другой стороны, ...». Однако этот солидный и проверенный веками метод нам, увы, не подходит. Ибо существует более объективный критерий для оценки личности человека,

1 Sr. I.C. — глава Российского отделения *Ordo Templi Orientis*.

2 О.Т.О. — *Ordo Templi Orientis* (Орден Восточных Тамплиеров), магический орден, созданный в начале XX века. В 1922 году О.Т.О. принял закон Телемы. Его главой стал Алистер Кроули. В настоящее время Орден насчитывает около 4000 человек и действует в полусотне стран.

уровня его интеллекта, его места в истории человеческой мысли. И этот критерий — его Творчество.

Поэтому, когда мы обращаемся к книгам, написанным Алистером Кроули (он же «Великий Зверь 666», он же «самый порочный человек на Земле»), все сразу же становится на свои места. Ибо не может дегенерат и маньяк, проводящий всю свою жизнь в грязных оргиях и наркотическом угаре, излагать таким чистым и понятным языком величайшие магические Тайны, так доходчиво взывать к Божественному началу в человеке, убеждая его постичь свою Истинную Волю (она же — Воля Божественная) и тем самым стать Богом.

Но в чем же причина «черной легенды», столь плотно окутавшей личность Пророка Нового Эона — Алистера Кроули? Конечно, судить о личности Кроули по его книгам могут лишь те, кто эти книги не только прочитал, но и понял. А таких, разумеется, немного. Обычному человеку гораздо интересней прочитать на ночь страшную сказку о «сатанинских оргиях» Великого Зверя, чем вникать в его сложнейшую систему магии Телемы (от др.-греч. *Θελημα* — «воля») или хотя бы понять, что ее основной Закон — «Поступай согласно своей воле» — вовсе не равнозначен призывам к безответственной анархии и вседозволенности. Ибо для того, чтобы поступать согласно своей Воле, ее необходимо постичь. А постигнув ее, человек понимает, что его Истинная Воля — это Воля Бога.

И все же — откуда взялось столько злобной клеветы, обрушившейся на Алистера Кроули? Кому понадобилось перевернуть факты из его жизни, выдумывая оргии, которых никогда не было, кошмарные ритуалы, которые он никогда не проводил, постыдные слова, которые он никогда не произносил? Было бы слишком просто свалить всю вину на одних только недобросовестных журналистов, которым Кроули отказался давать взятки и которые решили ему за это отомстить; на убогих представителей ханжеской викторианской морали в современной ему Англии; на тупых буржуа, буквально воспринимавших его шокирующие шутки и эскапады!

Нет, конечно же, все это было. Но ради объективности этот список стоит дополнить. В число создателей «черной легенды» об Алистере Кроули обязательно следует включить и его самого. Продажным журналистам, моралистам-чиновникам и тупым

буржуа было бы нечего делать, если бы сам мистер Алистер Кроули регулярно не снабжал их (прямо или через своих знакомых) сенсационной информацией о своих необычайных похождениях: то он самолично съедает своих проводников в горах, то заставляет свою Багряную Жену совокупляться с козлом, то приносит в жертву несколько тысяч «детей мужского пола».

Как говаривал в подобных случаях один симпатичнейший персонаж из романа Михаила Булгакова, «самое интересное в этом вранье — то, что это вранье от первого до последнего слова!». Но зачем Кроули понадобилось возводить на себя напраслину? Проще говоря, зачем ему понадобилось так врать о себе?

Тому существует множество объяснений. Быть может, все дело в том, что, как писал один бойкий журналист, «Логос Нового Эона, каковым он себя совершенно искренне считал, пересек Бездну и теперь пребывал за пределами Добра и Зла; и ему было совершенно наплевать на весь род человеческий. Он был для него «всего лишь колодой карт»¹.

И в самом деле, Кроули был убежден, что пересек Бездну, отделявшую Божественное от Земного и уничтожавшую все противоположности, еще при жизни. А раз так — почему бы ему и в самом деле не перестать различать Добро и Зло и не подшучивать, в меру своего божественного понимания, над недוגадливыми людишками?

Мнение остроумное, но, увы, неверное. Перейдя Бездну, Алистер Кроули, в отличие от своих более удачливых предшественников, не был в сей же момент вознесен на небеса. Он стал «Мастером Храма» — Мировым Учителем². А, значит, ему было суждено просвещать и вести за собой людей, говорить с ними на их языке и даже шутить с ними так, чтобы смысл этой шутки понимало как можно больше людей, а не только ее автор и пара-тройка его приятелей.

Увы, Великий Пророк, достигший высочайшего мастерства в науке и искусстве магии, потерпел полную неудачу в искусстве простого человеческого общения. Он не умел ладить с людьми — не только с ханжами и лицемерами, но и с самыми

¹ Литературное приложение к «Таймс» от 23 октября 1969 года

² Подробнее об этом см.: Алистер Кроули. Сердце Мастера. Книга Лжей. М.: Ганга, Телема, 2009.

близкими друзьями, искренне преданными ему. Он на редкость скверно разбирался в людях, назначив своим литературным душеприказчиком Джона Саймондса, который впоследствии сделал себе имя и деньги на тошнотворных памфлетах, «изобличавших» Кроули как извращенца и сатаниста. Вслед за ним, не мудрствуя лукаво, множество авторов перекраивали книги Саймондса на свой лад, продолжая творить «черную» (но весьма прибыльную для себя) «легенду об ужасном Алистере Кроули»¹.

Первые объективные академические исследования о личности Алистера Кроули стали появляться всего несколько лет назад. К ним можно отнести работы Лоуренса Сьютина «Твори свою волю. Биография Алистера Кроули» (Lawrence Sutin. *Do what thou wilt. A Life of Aleister Crowley*. St Martin's Press, 2000) и Мартина Бута «Жизнь мага: биография Алистера Кроули» (Martin Booth. *A Magick Life: The Life of Aleister Crowley*, 2001; рус. пер. «Ультра Культура», 2004). Особенно стоит отметить книгу «Perdurabo: жизнь Алистера Кроули», написанную музыкантом и магом, членом *Ordo Templi Orientis* Ричардом Качинским (Richard Kaczynski. *Perdurabo: The Life of Aleister Crowley*, 2002; рус. пер. готовится к изданию в московском издательстве «Энигма»).

Публикуемая книга — «Легенда об Алистере Кроули» Перси Реджинальда Стивенсена — впервые увидела свет еще при жизни «Великого Зверя» в 1930 году. Она представляет собой первую попытку очистить Алистера Кроули от клеветнических обвинений, выдвинутых против него в британской прессе и в конечном счете сформировавших в массовом сознании образ «самого испорченного человека», который закрепился за Кроули на десятилетия. О том, насколько успешной оказалась эта попытка, мы поговорим ниже.

История кампании «черного пиара», организованной против Кроули, достаточно полно освещена в предисловии Израэля Регарди ко 2-му изданию "Легенды..." (1969) и непосредственно в тексте публикуемой книги. Поэтому ограничимся лишь рассказом о ее авторе, Реджинальде Стивенсене и его взаимоотношениях с Алистером Кроули.

¹ К числу подобных работ следует отнести и книгу Фрэнсиса Кинга «Мегатерион» (рус. пер. М.: АСТ, «Адаптек Пресс», 2009).

В своем предисловии к последнему изданию этой книги (Australia: O.T.O. Inc., 2007) глава Великой Ложи O.T.O. Австралии Брат Шива пишет следующее:

...Стивенсен родился в Австралии в 1901 году. Он поступил в Квинслендский университет и, получив стипендию Родса для учебы в Оксфорде, в 1924 году приехал в Англию. Будучи по убеждениям коммунистом, он активно включился в политическую жизнь Британии и вскоре привлек к себе нежелательное внимание властей. Университетское руководство официально потребовало от него — под угрозой исключения из Оксфорда — прекратить коммунистическую деятельность, а британская разведывательная служба MI5 установила за ним постоянное наблюдение. <...> Формально отказавшись от участия в политике, Стивенсен некоторое время все же продолжал прежнюю работу втайне. Однако со временем он утратил к ней интерес и нашел новое поприще для реализации своих неконформистских устремлений. Основой для этой новой деятельности послужило сотрудничество с поэтом Джеком Линдсеем (1900–1990), также иммигрантом из Австралии и знакомым Стивенсена еще по Квинслендскому университету. Джек был сыном художника и философа Нормана Линдсея (1879–1969) и, подобно ему, сторонником классической, антимодернистской эстетики. Он финансировал издательство «Фанфролико-пресс», директором которого был Джон Кертли. Закончив Оксфорд в 1927 году, Стивенсен присоединился к «Фанфролико» и впоследствии стал его соуправляющим¹.

Своей главной задачей Стивенсен считал борьбу за свободу слова. В конце двадцатых годов в Англии усилилась литературная цензура, налагавшая жесткие запреты на любые упоминания о сексуальной сфере жизни человека. Гонениям подвергались самые известные писатели. В 1928 году Дэвид Герберт Лоуренс вынужден был напечатать свой знаменитый роман «Любовник леди Чаттерлей» за границей, так как

¹ Здесь и далее цитаты приводятся в переводе Анны Блейз.

английские издатели отказались иметь с ним дело; и в том же году издатель Джонатан Кейп изъясил из оборота и уничтожил тираж романа Маргарет Рэдклифф Холл «Колодец одиночества», опасаясь негативной реакции публики на лесбийский подтекст этой книги. Атмосферу того времени характеризует и борьба Джеймса Джойса за судьбу своего главного романа «Улисс», который был запрещен британским судом по судебному иску «блюстителей нравов». С 1920 по 1933 год изданные в Англии экземпляры романа конфисковывались и уничтожались.

Самыми рьяными борцами за цензуру были министр внутренних дел Великобритании Уильям Джойнсон-Хикс и литературный критик из газеты «Сандей экспресс» Джеймс Дуглас. Разумеется, они не могли обойти своим вниманием Алистера Кроули.

В 1929 году Кроули был вынужден отказаться от первоначального намерения публиковать свою «Магию в теории и на практике» в Англии, и, в результате, первое издание этой книги вышло во французском издательстве «Лекрам-пресс». В письмах того времени к своему ученику в Англии Джеральду Йорку Кроули называл Джойнсона-Хикса «оголтелым фанатиком», а по поводу скандала в прессе вокруг романа «Колодец одиночества» писал:

...если вы пойдете и начнете расспрашивать бакалейщиков, пристойна ли Библия, они, само собой, выберут все те места, которые вызывают у них сексуальное возбуждение, — потому что других они просто не знают (как произошло и с моими дневниками из Чешалу), — и постановят, что ее написал законченный негодяй.

Реджинальд Стивенсен, хотя и был приверженцем классики, активно противодействовал движению за цензуру. Совместно с книготорговцем Эдвардом Голдстоном он основал издательство «Мандрейк-пресс», быстро завоевавшее известность благодаря развернутой Стивенсеном кампании в поддержку Д.Г. Лоуренса, которого Стивенсен почитал наставником и героем в борьбе за эстетическую и сексуальную революцию. В 1929 году Стивенсен помог Лоуренсу в подготовке к изданию

полного, без цензурных купюр, сборника стихотворений «Анютины глазки», а в 1930-м, уже после смерти Лоуренса, «Мандрейк-пресс» отважилось на рискованный шаг, переиздав запрещенного в Англии «Любовника леди Чаттерлей» (с фальшивыми выходными данными — в качестве места издания была указана Флоренция).

Алистер Кроули познакомился с Реджинальдом Стивенсеном в июне 1929 года. Очевидно, именно борьба Стивенсена с цензурным давлением на литературу привлекла к нему внимание «Великого Зверя». Вот как описывает их первую встречу в своем предисловии Брат Шива:

Кроули с первого взгляда показался Стивенсену человеком незаурядным, хотя и весьма эксцентричным. 53-летний Кроули и впрямь выглядел необычно: «...в причудливых одеяниях и с налысо бритой головой — только на лбу оставался небольшой чуб фаллической формы»¹. Явившись без предупреждения в кабинет Стивенсена в «Мандрейк-пресс», он без обиняков заявил: «Я хочу, чтобы вы опубликовали историю моей жизни». Стивенсену, который в то время был вдвое моложе Кроули, такое начало беседы показалось забавным. «И где же она?» — осведомился он. «Я оставил ее снаружи», — ответил Кроули и, выйдя, вскоре вернулся с носильщиком — маленьким мальчиком, который катил перед собою тачку, нагруженную рукописями.

Стивенсен взял их себе почитать и уже при следующей встрече с Кроули дал согласие на сотрудничество. «Его "магия" не особенно меня заинтересовала, — вспоминал он впоследствии, в 1952 году, в письме к литератору Дж.К. Мойру, — но я увидел в нем (и до сих пор вижу) одного из величайших прозаиков, когда-либо рождавшихся на английской земле; и, вдобавок, хорошего поэта. <...> У Кроули накопилось столько материалов, что он мог бы обеспечить издательство работой на годы и годы; и я вознамерился опубликовать все, что у него имелось».

¹ Из предисловия Кейта Ричмонда к изданию: Crowley, Aleister. The Forbidden Lecture: Gilles de Rais. Thame, Oxfordshire: Mandrake Press, 1990.

На первой же встрече 28 июня 1929 года Кроули подписал свой первый контракт со Стивенсенем — договор на публикацию сборника рассказов «Стратегема и другие истории» — и получил аванс размером в 50 фунтов. В следующем месяце был подписан второй контракт — на издание романа «Лунное дитя», сборника рассказов «Золотые прутья» (вдохновленного трудом Дж. Фрэзера «Золотая ветвь»), автобиографии Кроули и критического эссе о его сочинениях. Книги начали быстро выходить: уже 10 сентября был отпечатан тираж «Стратегемы...», а 25 сентября увидело свет «Лунное дитя».

К сожалению, с партнером Стивенсена по книгоизданию, Эдвардом Голдстоном, отношения у Кроули не сложились. И дело здесь, по-видимому, опять в дурном характере Великого Зверя. В одном из писем к Джеральду Йорку Стивенсен рассказывал: «...однажды А.К. — исключительно забавы ради — устался своим фирменным взглядом василиска на моего несчастного партнера, Тедди Голдстона, и напугал его до полусмерти».

Похоже, Голдстон, действительно, испытывал суеверный страх перед Кроули и боялся даже его картины, которую Стивенсен повесил в своем кабинете; но, полагаем, дело не только в этом. Голдстон понимал, что инвестиции в автора со столь дурной репутацией — дело рискованное. И в своем понимании он оказался отчасти прав. Выставка картин Кроули, которую Стивенсен устроил в ноябре в офисе «Мандрейк-пресс», с коммерческой точки зрения провалилась. Публика и большинство критиков оставили ее без внимания.

При всей своей личной симпатии к Кроули Стивенсен прекрасно понимал, что ведущий автор его издательства нуждался не просто в рекламе, но в очищении и исправлении своей репутации. С этой целью Стивенсен и решил написать его биографию, опираясь, в основном, на газетные заметки из коллекции, собранной за многие трудные годы самим Кроули. Согласно первоначальному замыслу, «Легенда об Алистере Кроули» должна была представлять собой «краткую литературную биографию», которая «проложит дорогу для полномасштабной программы публикации его книг». Кроули принял эту идею с радостью; Стивенсен был одним из немногих издателей, внушавших ему уважение, и одним из «троих друзей», которых он упомянул с благодарностью в посвящении

к автобиографической «Исповеди» как «П.Р.С., который видел суть».

29 ноября 1929 года Кроули сообщил о новом проекте своему другу и соратнику по О.Т.О. Карлу Гермеру: «Мы собираемся издать брошюру или небольшую книжицу, в которой будут цитироваться и опровергаться худшие из сложенных обо мне небылиц. Мы собираемся воззвать к английскому духу честной игры». Чтобы облегчить Стивенсену работу, Кроули предложил ему сотрудничать со своим секретарем, Израэлем Регарди, который недавно также прибыл в Англию и поселился в Нокхолте, в одном доме со своим работодателем и наставником. Об истории сотрудничества со Стивенсеном Регарди подробно рассказывает в своем предисловии к переизданию «Легенды...» (см. стр. 21). Однако дела шли все хуже.

Брат Шива пишет:

...между тем, финансовый кризис в издательстве усугублялся, отношения с Голдстоном портились, и, в конце концов, Стивенсен предложил выкупить «Мандрейк-пресс». Друзья и помощники Кроули — Джеральд Йорк, Карл Гермер, майор Роберт Томпсон Тинн и майор Дж. Макаллан — внесли требуемую сумму и составили совет директоров реорганизованного издательства. Регарди был принят на должность бухгалтера, а Стивенсен остался управляющим. Первоначально предполагалось создать на основе прежнего издательства книготорговую и издательскую компанию «Телема», полностью посвященную публикации работ Кроули. В планах значились «Видение и голос», «Книга Алеф», комментариев к «Книге Закона», «100 стихотворений», «Просто Саймон» (сборник детективных рассказов Кроули о Саймоне Иффе), «Золотые прутья», «Легенда об Алистере Кроули», «Избранные рассказы» Кроули и «777». Но из-за недостатка финансов решено было сохранить прежнее название издательства и, наряду с публикацией книг Кроули, продолжить работу с прежними авторами.

Хуже всего было то, что между Кроули и Стивенсеном также назревал конфликт. Стивенсена раздражало постоянное

вмешательство Кроули в издательский процесс. В одном из писем Кроули, написанном в тот период, он возмущался: «...как будто мало с меня того, что я выступаю против всего мира в вашу защиту и непрерывно ломаю голову над тем, как обойти все эти осточертевшие препятствия, предрассудки, финансовые проблемы <...>! Все и так достаточно плохо, так что я прекрасно обошелся бы без ваших заявлений о том, что вы мне не доверяете, и безо всех этих мелочных испытаний нашей дружбы».

Но, возможно, вмешательство Алистера Кроули в работу издательства было вызвано не только его дурным характером. Дело в том, что мешать изданию своих собственных книг Алистер Кроули начал только тогда, когда дело дошло до публикации третьего тома его «Исповеди». А именно в этом томе повествуется об обстоятельствах получения в 1904 году в Каире нового Откровения — «Книги Закона», провозглашавшей наступление Нового Эона в истории человечества и объявлявшей Кроули его Пророком.

Как Пророку и «писцу», воспринявшему и перенесшему на бумагу текст «Книги Закона», Кроули вменялось в обязанность поведать миру историю этого откровения. Этому делу и должен был служить третий том «Исповеди». Кроули договорился со Стивенсеном о том, что в эту книгу войдет факсимильное воспроизведение рукописи «Книги Закона»; однако он опасался, что исполнение его магического обязательства может высвободить поток необычайно мощной оккультной силы — своего рода подтверждение того, что Владыка Нового Эона, Ра-Хор-Хут, «бог Войны и Возмездия», окончательно вступает в свои права. К этому времени Кроули публиковал «Книгу Закона» уже дважды и обратил внимание на то, что через девять месяцев после первого ее издания началась Балканская война, а после второго — Первая Мировая.

Кажется, Кроули сам не мог понять, как следует относиться к таким совпадениям. В письме Стивенсену от 31 июля 1930 года он в полушутливой форме предупреждал, что после издания третьего тома «Исповеди» с «Книгой Закона» «...современный мир разнесет в клочья»; «...но мы с вами и так по уши в дерьме, так что хуже уже не будет <...> так сделайте же, наконец, хоть что-нибудь и выпустите его в свет». Но Стивенсен полагал, что,

несмотря на всю эту браваду, Кроули в глубине души боится последствий этой публикации и пытается сорвать ее выход.

Много лет спустя, в 1954 году, он писал Джеральду Йорку: «Подлинное, или “магическое”, объяснение состояло в том, что А.К. попросту не хотел, чтобы третий том был опубликован. Он запугал Голдстона до полусмерти и каким-то образом добился того, что и у меня стали опускаться руки. <...> он все время путался под ногами вместо того, чтобы просто оставить меня в покое и дать без хлопот разобраться с этим серьезным делом».

В саботировании выхода своей собственной книги Кроули преуспел. Многострадальный третий том так и не был опубликован, а надежды, возлагавшиеся Стивенсенем на «Легенду об Алистере Кроули», провалились. Книга была завершена еще в конце 1929 года, но вышла из печати лишь в середине 1930-го. Позднее Стивенсен утверждал, что ему удалось отпечатать и распродать 5000 экземпляров, но, по свидетельствам других сотрудников издательства, тираж в действительности был гораздо скромнее (не более 1000 экземпляров) и разошелся с большим трудом.

Кроули был глубоко разочарован провалом книги и вскоре расстался со Стивенсенем и с издательством «Мандрейк». Провалилась и попытка защитить Пророка Нового Эона от лживых обвинений. И все же «Легенда об Алистере Кроули» заняла свое место в истории как первая серьезная биографическая книга о «Великом Звере» — и единственная, написанная при его жизни.

Защищая Кроули от клеветнических домыслов, Стивенсен старается не терять объективности. Он не пытается нарисовать идеализированный портрет, а вполне откровенно высказывается о некоторых подлинных недостатках, которые были присущи характеру Кроули, отмечая и его «необоснованно глупые» юношеские эскапады, и пристрастие к «шалостям в духе эдвардианской эпохи», и «романтическую браваду девяностых». Через двадцать с лишним лет после публикации «Легенды» Стивенсен заявлял в письме к Дж.К. Мойру: «Эта книга совершенно правдива, потому что я был не “учеником”, а всего лишь добрым другом “самого порочного человека на свете”».

Несмотря на то, что современные биографии Кроули превосходят «Легенду...» и по количеству информации, и по форме

изложения материала, эта книга имеет свое, совершенно особое, значение. Реджинальду Стивенсену удалось составить обширное собрание документальных свидетельств о литературной работе Кроули того времени. Он первым попытался очистить имя Великого Зверя от клеветы — если не перед современниками, то, по крайней мере, перед потомками.

«Это книга, которой я горжусь, — писал он в том же письме к Мойру, — потому что для нее я проделал огромную работу, разобрав все его [т.е. Кроули] публикации и рукописи». Заслуженную гордость за эту работу Стивенсен испытывал до конца своих дней; и до самой своей смерти он не отступил от убеждения, которое выразил на страницах «Легенды...», — убеждения в том, что Алистер Кроули был выдающимся мастером художественного слова и мучеником, без вины пострадавшим от клеветы нечистоплотных газетчиков. «Когда по его смерти пройдет достаточно много времени, лицемерные англичане будут похваляться тем, что произвели на свет — и распяли — такого гения!»¹

* * *

Публикация «Легенды об Алистере Кроули» на русском языке предваряется введением Израэля Регарди, которое было написано для второго издания этой книги, вышедшего в 1969 году в США. В приложения вошли: послесловие Израэля Регарди к третьему изданию (U.S.A., AR, Phoenix: Falcon Press, 1983); подборка автобиографических статей Кроули, опубликованных в газетах в 1933–1935 гг.; небольшой мемуарный очерк Луиса Уилкинсона (1881–1966) — английского писателя, литературного критика и лектора, которого на протяжении сорока лет связывала с Кроули теплая дружба, и «Гимн Пану» Алистера Кроули.

1 Из письма Стивенсена к Джеральду Йорку от 12 декабря 1953 года.

Перси Реджинальд Стивенсен

ЛЕГЕНДА
ОБ АЛИСТЕРЕ КРОУЛИ

ВВЕДЕНИЕ К ИЗДАНИЮ 1986 ГОДА ИЗРАЭЛЬ РЕГАРДИ

Весною 1929 года *Sûreté Générale*¹ устроила ничего не подозревавшему Кроули большой сюрприз. В то время он жил в Париже вместе со своей любовницей, Марией де Мирамар. Я же не так давно съехал из маленького отельчика по соседству и поселился вместе с ними на съемной квартире на авеню Сюффрен в 16-м округе, дабы вплотную заняться своими обязанностями секретаря. И вот, неожиданно-негаданно, нам всем были вручены предписания покинуть Париж в течение двадцати четырех часов.

Кроули немедленно притворился больным, чтобы выиграть время и успеть принять какие-то юридические меры для отмены решения о высылке. Но у нас с Марией де Мирамар не было другого выбора, кроме как подчиниться *Refus de Séjour*² и бежать в Брюссель, где мы и стали ожидать приезда Кроули.

Убедившись наконец, что поколебать позицию *Sûreté Générale* ему не удастся, он гордо отряхнул прах Парижа со своих ног. В Брюсселе он поддался на уговоры и присоединился к группе своих пламенных последователей в Берлине. Проблема была только в том, как вывезти туда де Мирамар и меня.

Будучи выставлены из Франции и не имея права вернуться в Англию (как о том достаточно подробно рассказывается в «Оке в треугольнике»³), мы вполне понятным образом сомневались, что нам дадут разрешение на въезд в Германию. Полагая, что это может до некоторой степени облегчить нам задачу, Кроули решил жениться на де Мирамар, что оказалось вовсе не легко, учитывая, сколько препонов ставит бельгийское законодательство на пути иностранных граждан, желающих

1 «Сыскная полиция» (фр.). — Здесь и далее примечания переводчиков.

2 Отказ в виде на жительство (фр.).

3 «Око в треугольнике» — биография Алистера Кроули, написанная Израэлем Регарди в 1970 году.

заключить брачный союз на местной почве. Но поскольку вопрос о браке все-таки возник, решать его было надо, невзирая на все сопротивление бельгийцев. Кроули решил попробовать увезти де Мирамар в Берлин и жениться на ней там. Это ему удалось. Меня бросили в Брюсселе допечатывать на машинке дополнительные экземпляры «Исповеди» для публикации. Все это было сорок лет назад!

Благополучно проведя лето в Берлине, Кроули с женой все-таки вернулись в Англию. На этот раз с визой для нее не было никаких затруднений, так как она законным образом вышла замуж за британца. В Лондоне Кроули встретился с владельцами издательства «Мандрейк-пресс», что на Мьюзиэм-стрит. Один из них, П.Р. Стивенсен, уже имел прежде опыт книгоиздательства и, совместно с писателем по имени, если мне не изменяет память, Джек Линдси, заправлял делами «Фанфролико-пресс», которое выпустило ряд красиво отпечатанных, переплетенных и проиллюстрированных книг. Творчество Кроули вызвало у него прилив такого энтузиазма, что он сумел убедить своего партнера, которого звали Голдстон или Голдштейн, не помню точно как, открыть проект по публикации работ Кроули. В более чем сжатые сроки свет увидели «Стратагема», «Лунное дитя» и первые два из запланированных шести томов «Исповеди Алистера Кроули».

Между тем Кроули, отнюдь не купавшийся в то время в деньгах, перебрался из Лондона в маленький кентский городок под названием Нокхолт, где Стивенсен снимал дом. Возможно, именно он убедил Кроули последовать его примеру — вероятно, чтобы с комфортом обсуждать перспективы дальнейшей совместной работы.

К концу 1929 года, кажется, в ноябре, я тоже обзавелся разрешением на въезд в Англию и немедленно отправился к Кроули в Нокхолт, расположенный милях в тридцати или около того к югу от Лондона. Там я обнаружил его во власти жестокого приступа флебита. Мария де Мирамар, в свою очередь, страдала от острого колита, скуки и одиночества, осложненных тяжелым пьянством.

Далее мы принялись страдать от скуки втроем. Чтобы хоть немного скрасить жизнь, мы с Кроули много играли в шахматы. У меня оказалась бездна свободного времени, которое

я разумно потратил на чтение написанных Кроули книг и покамест неизданных рукописей — всех, на какие сумел наложить руку. Так мне удалось обрести почти что энциклопедические познания в области его литературного наследия. Мария тем временем справлялась со скукой как могла, чередуя обильные возлияния с живописью маслом — занятием, в ее исполнении непродуктивным и чрезвычайно неопрятным.

Благополучным и безмятежным наше жилище назвать было нельзя ни с какой точки зрения. Я то и дело старался улизнуть из дома — и когда это удавалось, направлялся к Стивенсену, жившему неподалеку, в пешеходной доступности. Я понятия не имел, что за «П.Р.» предваряет его фамилию; Уинифред, его супруга, звала его Чернилкой¹ — Чернилкой он для нас и был. Это были очаровательные, очень добросердечные люди. В гостях у них я провел немало пленительных часов и целых вечеров, играя с Чернилкой в шахматы, много беседуя и всячески наслаждаясь их щедрым австралийским гостеприимством.

Интерес Чернилки к Алистеру Кроули носил сугубо литературный характер. Он был хорошо подкован в философии, но до оккультизма ему не было никакого дела. К моему увлечению магией, йогой и прочим внутренним ростом и развитием он относился с веселой терпимостью, но видно было, что все это не имеет для него особого смысла. Он был добродушным, славным, щедрым человеком, искренне наслаждавшимся жизнью, умственной деятельностью, хорошей едой и напитками, сексом и художественной литературой, в особенности если последняя была качественно и красиво издана.

Увы, в своих благих начинаниях издательству «Мандрейк-пресс» суждено было столкнуться с упорным сопротивлением книготорговцев не только в Лондоне, но и по всей Англии. Они не желали иметь ничего общего с Кроули. Его репутация была тщательно смешана с грязью благодаря *exposé*², организованному Джеймсом Дугласом на страницах «Сандей Экспресс» несколько лет назад — как раз когда «Коллинз» впервые опубликовало его «Дневник наркомана». Изгнание из Италии тоже ее не улучшило, как и последующее выдворение из Франции. Продажи были ничтожны, и Голдштейн уже

1 Англ.: Ink.

2 «Разоблачение» (фр.).

начинал беспокоиться. Он, в конце концов, вложил в дело некий капитал, а тот даже и не думал окупаться.

Все это ставило Стивенсена в весьма неловкое положение. Он по-прежнему восхищался великолепным литературным слогом Кроули и хотел продолжать его печатать. Они с Кроули довольно много об этом говорили. У Кроули имелся большой альбом с вырезками из газет и журналов — рецензиями на его работы и посвященными ему статьями. И вот Чернилке пришлось в голову написать на основе этих рецензий книгу в защиту Кроули, чтобы сдвинуть наконец продажи с мертвой точки.

Чернилка отлично владел пером. Как до, так и после «Легенды» ему неоднократно случалось писать за других лиц. Через пару лет после ее выхода, когда Кроули снова уехал в Германию, я сам помогал ему сделать две книги — одну о жизни Анны Павловой от лица ее бывшего музыкального руководителя; другую — об охоте на лис и английских паратых гончих от лица заводчика последних, проживающего в Южном Кенте. Это было очень весело. Я узнал от него много нового, за что очень ему признателен. Надеюсь, что, где бы он сейчас ни был, он прочтет эти строки и узнает о моей благодарности.

Итак, Кроули, если можно так выразиться, ссудил меня Стивенсену, дабы я помог ему с задуманной книгой. Чернилка был превосходным писателем, у Кроули имелся альбом с газетными вырезками, а я был хорошо знаком с его работами. Что нам оставалось? Чернилка стал диктовать, я — стенографировать. Мы работали упорно, целенаправленно и ежедневно.

Теперь я уже не могу вспомнить, сколько времени мы писали эту книгу, но не особенно долго — это точно. За несколько месяцев до того меня попросили сделать *précis*¹ длинной статьи Кроули «Последняя соломинка», некогда опубликованной в газете «Интернейшнл», редактором которой он был в годы войны. Эта статья тоже была включена в текст «Легенды». В готовом виде книга явила собою великолепное резюме того приема, который оказала Кроули британская и международная пресса. Чернилка использовал альбом вырезок по полной программе, сплетая благоприятную и негативную критику в единое красочное целое, призванное наглядно продемонстрировать британским книгопродавцам, насколько безбожно они ошибались,

1 «Краткое изложение» (фр.).

противясь публикациям кроулиевских работ. В результате книга действительно оказалась отличной. Даже сейчас, через срок лет после выпуска, она все еще превосходно читается и явно заслуживает переиздания.

Однако в 1930 году первый мизерный тираж расхотелся с таким жутким скрипом, что стало ясно — это конец. На крыло она так и не встала. И, увы, ни на йоту не поколебала решимость книжного общества не иметь никаких дел с Кроули.

«Мандрейк-пресс» вылетело в трубу.

Голдштейн решил, что с него хватит, и вышел из партнерства. Несколько учеников Кроули вложились в дело, а затем привлекли пару бывших армейских, переквалифицировавшихся в финансистов. Под их мудрым руководством «Мандрейк-пресс» было благополучно поглощено, а вскоре и ликвидировано.

Чернилка удалился в Нокхолт, еще немного поработал «негром» и в конце концов вернулся на родину, в Австралию. Много лет спустя я получил от него письмо касательно Кроули, в котором чувствовалось все то же неизменное большое уважение к литературной деятельности последнего. Чернилка никогда не ссорился с Кроули, в отличие от столь многих его друзей и партнеров. Может быть, потому, что прообщались они очень недолго. В итоге Чернилка сумел сохранить к «старика», как мы его фамильярно называли, глубокое уважение и самые лучшие чувства.

Сейчас на дворе 1969 год. Мир с тех пор стал совсем другим. Пришли — и в каком-то смысле так и не ушли — хиппи, оставив на нашей культуре несмыываемый отпечаток. И частью их влияния стали безошибочные признаки того, что не назовешь иначе, как «возрождением Кроули». Интерес к его книгам неимоверно возрос, а сами книги превратились в страшно дорогую библиографическую редкость — если их вообще удавалось достать, а удавалось это нечасто. Те, у кого они имелись, были чрезвычайно к ним привязаны, так что в букинистические магазины попадали считанные экземпляры.

Кроули умер в 1947 году. Почему и с какой стати он назначил одним из своих литературных душеприказчиков именно Джона Саймондса, есть тайна, которую нам вряд ли когда-нибудь удастся разгадать. Это, возможно, еще один пример того, как посредственно Кроули разбирался в людях. Лет с десять назад Саймондс написал отвратительную книгу под названием

«Великий Зверь». Эта зловредная и подлая книжонка напичкана намеренными искажениями и демонстрирует самое невежественное непонимание того, чем жил Кроули. За этой тошнотворной работой последовала вторая, «Магия Алистера Кроули», в которой Саймондс самым бессовестным образом понадергал фрагментов из дневников и прочих работ Кроули и составил из них настолько неприглядное целое, что «старик» в нем получился полным идиотом.

Не остановившись и на этом безобразии, Саймондс категорически отказал мне и ряду других исследователей в праве использовать какие бы то ни было опубликованные материалы Кроули. По всей вероятности, он решил, что порученная ему от имени и в интересах *Ordo Templi Orientis* роль литературного душеприказчика должна на самом деле служить к вящей его, Саймондса, выгоде. Не так давно он написал введение к «Исповеди», только что опубликованной в Англии издательством «Джонатан Кейп Лимитед» и готовящейся к печати американским издательством «Хилл энд Уонг Инк.», намеревающим выпустить его в начале 1970 года. В этом введении его позиция по отношению к Кроули претерпела значительные изменения. Отнюдь не став благожелательной, она перестала быть столь огульно критичной. Должен признать, что его издание «Исповеди» вовсе не так уж плохо. За него он заслужил некоторую толику аплодисментов — но все равно увлекаться ими не стоит.

Рецензии на «Исповедь» наглядно продемонстрировали, что прежнее непримиримое отношение к Кроули с годами ничуть не изменилось. Увы, для английских журналистов он по-прежнему оставался излюбленным «мальчиком для битья». Поэтому я предложил «Левеллин Пабλικейшнс» переиздать «Легенду об Алистере Кроули».

Недавно я получил весьма любопытное письмо от английского друга-психиатра, только что прочитавшего «Исповедь». Вот что он сказал по поводу книги:

Я совершенно поражен блеском и живостью его мысли, ярким, живописным языком, великолепным чувством юмора и той энергией, которой было проникнуто его отношение к жизни, — на самом деле в его поведении есть немало от маниакального возбуждения. Но где,

скажите на милость, проходит грань между уравновешенной и хорошо контролируемой маниакальной энергией и здоровым энтузиазмом?

Читая современные рецензии на «Исповедь Алистера Кроули», которые я собираюсь процитировать далее по примеру Чернилки, не упускайте из виду этот отзыв профессионала.

Литературное приложение к «Таймс» от 23 октября 1969 года поместило длинейший обзор книги, который доставил бы самому Кроули немало удовольствия. Он появился на первой странице, но не ограничился ею, а захватил еще и вторую. Неподписанная статья гласила:

Пусть же читатель сам решит, относиться ли ему к Кроули как к Совершеннейшему, воплощению Логоса Эона, или просто как к человеку-загадке.

Далее следует честный перечень эгоцентрических эскапад Кроули:

Он сам был ослеплен своим многогранным сиянием. С Оскаром Эккенштейном он разделил славу лучшего из альпинистов. Он был мастером игры в шахматы (и членом сборной Кембриджа по этому виду спорта). Он сравнился с Шекспиром в сочинении стихов, романов и рассказов высочайшей возвышенности; он — путешественник по физическим и духовным мирам, не уступающий в отваге сэру Ричард Бёртону; как психолог он превосходит глубиной своего современника Фрейда; как ученый маг он следует традиции великих мастеров, но со всем смирением превозносится и над ними, ибо не кто иной, как он избран богами через посредство своего Священного Ангела-Хранителя, дабы положить начало новому Эону — Эону Божественного Ребенка. Он — аристократ, возведенный в рыцарское достоинство самим Доном Карлосом и т.д. и т.п.

Остаток обзора посвящен не столь привлекательным чертам его натуры и завершается следующими строками:

Власти и публика в целом относились к Кроули со вполне понятным недоверием. Фактически, он стал таким же символом смятения и дисгармонии, как некогда вызванный им демон Хоронзон. Он был плохим, сумасшедшим и просто человеком, знаться с которым опасно, — однако не потому, что он осознанно и намеренно зол. Нет, он куда коварнее и опаснее. Логос Нового Эона, каковым он себя совершенно искренне считал, пересек Бездну и теперь пребывал за пределами Добра и Зла; и ему было совершенно наплевать на весь род человеческий. Он для него был «всего лишь колодой карт».

И, надо признать, он сам — великолепный джокер!

Во всем двухстраничном обзоре не нашлось ни единой строчки, благожелательной по отношению к Кроули и его работе. Это было, по сути, очередное велеречивое обвинение — разумеется, завуалированное, но в своем роде не менее разрушительное, чем давние злопыхательства Джеймса Дугласа, занимавшие целые полосы в «Сандей Экспресс».

«Лиснер» от того же самого числа оказался ничуть не более приветлив. Его обозреватель, некто Д.Дж. Энрайт, начинает с истории о том, как обнаружил в букинистическом магазине книгу Джозефа Конрада с автографом Кроули на форзаце. Выяснив, что книга несколько раз подверглась уценке, Энрайт делает следующие далеко идущие выводы:

Неуклонно падающая рыночная стоимость писаний Кроули показывает, насколько низкой была его самооценка в последние годы перед смертью в 1947 году. Эта «автоагиография» вряд ли сможет заработать ему иную репутацию, кроме сомнительной славы очередного экстравагантного англичанина извода fin-de-siecle², с которым отказался иметь дело Британский совет³.

1 Англ.: joker — «джокер», а также просто «шутник».

2 Конец века (фр.).

3 Британский совет — департамент правительства Великобритании, занимающийся распространением британской культуры за пределами страны.

Возможно. Но раз уж речь зашла о «неуклонно падающей рыночной стоимости писаний Кроули», то позволю себе привести один факт: если много лет назад полную подшивку первого тома «Эквинокса» — десять выпусков — можно было раздобыть за сто американских долларов, то теперь, после того, как в феврале 1969 года ко мне вломились грабители и унесли все работы Кроули, местный книготорговец предложил мне один только первый выпуск за сорок пять долларов.

Нет, Энрайт пытается быть честным. Вот что он пишет:

Кроули, разумеется, не назовешь обычным клоуном, строчившим на потеху публике, и большую часть его книги (хотя, конечно, и не все тысячу страниц) вполне можно читать. Помимо всего прочего он был еще и немножко Джоном Булем, человеком со здравым смыслом и быстрой реакцией, с истинно британским презрением к британскому же лицемерию. Он был неутомимым и бесстрашным путешественником, особенно по странам Востока. Он отказывался пользоваться рекомендациями и помощью консулов Его Величества, которые традиционно предоставляются британским подданным за границей, и, как многие британцы, считал магометан далеко превосходящей все прочие ветви туземной эволюции. Он еще только начинал проникаться симпатией к китайцам, когда мандарин пригласил его на пир, «на котором роскошь Тримальхиона¹ меркла пред утонченностью Лукулла и культурой Горация». Впрочем, уже не столь по-британски он восторгался кули, чья работоспособность доказывала безвредность опиума. «Я поставил этих людей в наилучшие возможные условия, и за два часа они без единого привала проделали восемь миль. Если бы они и вправду были «живыми останками, изведенными опиумом», хотел бы я посмотреть на подобную зверюгу в неповрежденном виде!»

¹ Тримальхион — персонаж романа Петрония (ок. 14–66 н.э.) «Сатирикон», вольноотпущенник и нувориш, фигурирующий в части под названием «Тримальхионов пир».

В связи с альпинистскими подвигами Кроули в Швейцарии, Мексике и Индии обозреватель вынужден добавить:

Судя по всему, он действительно был серьезным и бесстрашным альпинистом. Среднестатистический читатель, вооруженный солонкой, скорее всего, найдет эту часть истории — наряду с рассказами о путешествиях — наиболее удобоваримой, а главы о магии, в свою очередь, наименее — хотя бы потому, что человеческие способности мириться с вымыслом имеют свои границы.

В целом Энрайт довольно точен и вполне корректно комментирует прямые цитаты из «Книги Закона» Кроули, его приключения с женщинами и покровительственное отношение к ученикам и последователям.

Однако блистательное высокомерие, благодаря которому признания Кроули поначалу столь приятны для чтения, понемногу начинает приедаться. Весьма красноречива в этом смысле история о Викторе Нойбурге — одном из самых верных его последователей, впоследствии обретшем уже не столь двусмысленную славу в качестве человека, открывшего талант Дилана Томаса, чьи ранние опысы он печатал в «Сандей Реферри». <... >

Но повествование движется дальше. Кроули все глубже и глубже погружается в оккультизм — и книга становится все более отталкивающей. <... > С некоторым налетом жалости к себе Кроули продолжает изображать себя непонятым и непризнанным гением, рисуя своих ближайших сподвижников откровенно убогими или глупыми — слабаками, пьяницами, наркоманами, мошенниками, извращенцами, распутниками... Миру, возможно, еще крупно повезло, что к светской политике он не чувствовал ничего, кроме презрения.

Был и еще один обзор, озаглавленный «Император фокуса-покуса» и подписанный Морисом Ричардсоном. Появился он в «Обзервер Ревью» 26 октября 1969 года и был крайне неблагоприятен и остро критичен от первой буквы до последней.

Об уровне этой публикации можно судить по одной-единственной ремарке из первой же колонки:

Любители сенсаций найдут более подробные сведения, равно как и более точное и полное освещение событий в биографии «Великий Зверь» Джона Саймондса.

Где-то посредине обзора наличествует и еще один абзац, весьма показательный в плане презрительного отношения к предмету, которое автор полностью разделяет с Джоном Саймондсом:

С этими маньяками-мегаломанами всегда нелегко бывает отделить фантазии и надувательство от искренних заблуждений. Особенно это трудно в случае с Кроули, так как он был не просто маньяком и параноиком, нередко по самые уши напичканным наркотиками, но еще и опытным мошенником...

Завершается статья следующей фразой:

Как же, должно быть, неудобно ему было таскать за собой свое эго, раздутое до размеров азростата, — от которого он как подлинный мистик искренне полагал себя избавившимся!

В «Ивнинг Ньюс» от 23 октября 1969 года был опубликован еще один обзор под крупным заголовком «Зверски трудный путь к славе». Под ним располагалась фотография Кроули из третьего выпуска «Эквинокса», а еще ниже — две строчки: «Как рад был бы Кроули, что его не забыли».

Его автор также считал работу Саймондса куда более точной и информативной, чем сама «Исповедь». По этой детали легко заключить, каков был настрой статьи, открывавшейся следующим абзацем, набранным крупным шрифтом:

Между Мэй Уэст и каким-то индийским гуру с групповой фотографии на обложке диска «Клуб одиноких сердец сержанта Пеппера» смотрит горящим взглядом

жирное лицо с тяжелой челюстью. Кажется, оно крайне недовольно тем фактом, что его урезали до масштаба насекомого¹.

Чуть далее автор утверждает:

Он был блестящим шоуменом и, скорее всего, не менее блестящим шантажистом. Он был мошенником по истине впечатляющего уровня. <...> С первых же строк этого напыщенного пустозвонства становится ясно, что Зверь был ненормальным.

А завершается статья следующим пассажем:

Вне всяких сомнений, Зверя будут помнить еще долго, так что мечты его, можно сказать, осуществились. Но достигнуть этого ему было зверски нелегко.

Это что касается «Ивнинг Ньюс».

В тот же день «Пипл» опубликовал рецензию под исполинским черным заголовком «Самый порочный человек на свете!», подписанную Томом Драйбергом. Правда, как вы узнаете из «Легенды» Стивенсена, Драйберг не сам придумал столь эффектное название — это всего лишь цитата из «Джона Буля».

Драйберга отнюдь нельзя назвать огульным очернителем. Он оказался вполне способен на объективную критику и тщательное изучение предмета, который ему, в общем-то, не слишком интересен. К примеру:

Главной заповедью Кроули было «Твори свою волю, таков да будет весь закон». Поскольку для серьезной магии требовалась суровая дисциплина, под этим ни в коей мере не подразумевалось «Следуй каждому своему случайному побуждению». Истинный смысл этой сентенции заключался в том, чтобы открыть свою истинную волю и исполнить ее. Иными словами, «Познай себя и будь собою».

¹ В оригинале игра слов: англ. «beetle» — «жук», «The Beatles» — название группы, выпустившей упомянутый диск.

Однако такое учение слишком легко понять превратно и использовать в качестве оправдания своим поступкам, особенно если использующий порочен или слаб волен... а таких людей вокруг Кроули всегда было предостаточно.

Впервые я повстречался с ним в Лондоне, когда был еще очень молод. Он пригласил меня на ланч. Мне было чрезвычайно любопытно, но и бдительности я терять не собирался. <...> Он оказался пожилым, лысым, крепко сбитым джентльменом, одетым в отличный зеленый харрисский твид, — никакой экзотики, за исключением того, что когда мы сели за столик, он извинился и попросил подождать, пока он призовет Луну.

Во все наши последующие встречи он оставался совершенно нормальным светским человеком. Он беспокоился о деньгах, курил гаванские сигары или трубку, беседовал остроумно и с большим дружелюбием. Было просто невозможно поверить во все те ужасы, что о нем рассказывали. <...> Похороны Кроули в 1947 году в муниципальном крематории в Суссексе прошли столь же необычно, как и вся его жизнь: призывались египетские боги, прозвучал собственное его сочинения «Гимн Пану»...

Местные чиновники были глубоко возмущены и пришли к выводу, что во вверенной им епархии больше ни в коем случае не должно происходить ничего подобного.

Полагаю, и не произойдет.

Пожалуй, самую интересную, объективную и во многих отношениях самую честную рецензию из всей этой подборки опубликовала «Сандей телеграф» от 26 октября 1969 за подписью Пэта Уильямса. Первый же абзац практически вторит основной теме этого введения к «Легенде»: прошлое не желает умирать; люди не готовы с легкостью отказаться от своих прошлых впечатлений или воспоминаний о минувших событиях.

Имя Алистера Кроули, самопровозглашенного Зверя 666, до сих пор вызывает сатанинские ассоциации — даже сейчас, пятьдесят лет спустя после появления в прессе сенсационных, брызжущих слюной репортажей

об оргиях и черных мессах, всколыхнувших респектабельный Лондон.

Эти ассоциации и сенсации до сих пор не дают публике покоя — и не позволяют Кроули обрести такую репутацию, какой он заслуживает на деле.

Рецензент показал себя точным и проникательным наблюдателем. В отношении Закона Телемы он весьма обоснованно вопрошает:

Но что же такое воля и чей это закон? Ответ, основанный на источнике, свидетельствует о куда более высоких намерениях, чем можно было бы ожидать. Кроули искал сокровенную истину; сама эта фраза призвана была, по его словам, побудить людей к осознанию своей глубинной сути, в которой они едины с божественным...

Совсем неплохо подмечено!

В самом Кроули бахвал нередко затмевает верующего, а лицедей — жреца, и мудрец оказывается не столько ребенком, сколько enfant terrible. В фарватере его магических и сексуальных прозрений (провести границу между теми и другими зачастую непросто) прочно держались самоубийство и безумие.

И все же в итоге книга оставляет чувство невольного уважения к его устремлениям, его способностям, тяжким трудам и преданности своему делу. И нам есть чему у него поучиться.

Этим уважительным допущением предваряется откровенное признание, еще больше располагающее читателя к рецензенту. Жаль, что многие другие обозреватели оказались не в состоянии признать этот факт с такой простотой и изяществом, как Пэт Уильямс:

Даже сейчас, около тысячи страниц спустя, я все еще не знаю, что и думать об этом человеке.

И ближе к концу этой статьи, занимающей две колонки, мы находим следующее заключение:

... история, рассказанная с таким тщеславием, красноречием, апломбом и энергичной самоуспоенностью, что не увлечься ею попросту невозможно. <...> Это не считая еще пятисот страниц сплетен о современниках, альпинистских приключений, путешествий <...> которые превращают ее в совершенно потрясающее, чарующее чтение — если только вы сможете переварить это неподражаемое сумасбродное бахвальство.

И, наконец, позволю себе, невзирая на обуревающее меня отчаяние, привлечь ваше внимание к заметке Мориса Барбанелла, одного из столпов британского спиритуализма, появившейся 1 ноября 1969 года на страницах «Сайкик Ньюс». Подчеркну, что это не рецензия, а просто заметка, озаглавленная, ни много ни мало, «Клоун от оккультизма». Дабы читатель в полной мере ощутил вкус либерального и просвещенного подхода Барбанелла к освещению предмета, достаточно процитировать буквально пару коротких абзацев:

Г.Д. Зиман, чья рецензия (помещенная в «Дейли Телеграф») была озаглавлена «Клоун от оккультизма», считает, что главная проблема в отношении людей к этому мегаломану заключалась в следующем: они не понимали, хочет ли он, чтобы его принимали всерьез <...>

В новой книге рассказывается о том, как он предавался разнообразным распутствам, принимая колоссальные дозы наркотиков. Уверен, что читать такое я не хочу.

Будет очень интересно понаблюдать за тем, как станут разворачиваться события, когда «Хилл энд Уонг Инкорпорейтед» опубликует в начале 1970 года американское издание «Исповеди». За всю свою творческую карьеру, весьма продолжительную, Кроули не смог произвести на английских литературных критиков и оккультное сообщество сколько-нибудь глубокого впечатления. Во время его пребывания в Штатах в годы Первой Мировой войны американская читающая

публика и потребители оккультной литературы, по-видимому, были впечатлены им еще того меньше. Все это его ужасно злило. Отношение Кроули к США стало еще более горьким и желчным, чем к родине, а это кое-что да значит, если вспомнить о той горячности, с которой он проклинал в ранней своей поэзии ханжество и узкомыслие британцев.

То, что Кроули имел сказать нам об Америке в своей «Исповеди», по большей части написано настолько предвзято, критично и деструктивно, что можно без особого труда предсказать, с каким восторгом набросятся на него американские обозреватели. Возможно, они не преминут воспользоваться его запальчивыми выпадами, чтобы повторить во всей ее чудовищности британскую клеветническую кампанию пятидесятилетней давности. В сравнении с тем, что мы прочтем, когда американские журналисты запустят зубы в «Исповедь», текущие английские рецензии покажутся просто детским лепетом. И не могу сказать, что подобная перспектива меня очень радует.

Допускаю, что Кроули был позером, эгоцентриком и *enfant terrible*, как утверждают журналисты. Однако все они, за одним или двумя исключениями, наотрез отказываются видеть другую сторону этого человека, который между тем был великим мистиком, а также обладал невероятной искренностью, целеустремленностью и трудолюбием. К своим ученикам он предъявлял требования, и вполнину не столь строгие, как к самому себе, — и биография наглядно это показывает. Можно понять, что рецензентов оттолкнуло его самовосхваление. Но это не дало им понять, что он и вправду был великим поэтом — не обязательно величайшим из всех, как он утверждал, и не равным Шекспиру, но все же настоящим крупным поэтом, из-под пера которого, вне всяких сомнений, вышло некоторое количество бессмертных строк.

Да, для критики Кроули есть свои основания. Но точно такие же основания есть и для высочайшей оценки много из того, что он делал. И сейчас как раз настало время заняться вплотную второй чашей весов и достичь наконец равновесия. Потому что, увы, слишком долго этого человека либо напрочь игнорировали, либо злокозненно очерняли — и не в последнюю очередь благодаря собственной его глупости, точно подмеченной Пэтом Уильямсом: «...В самом Кроули бахвал нередко

затмевает верующего, а лицедей — жреца, и мудрец оказывается не столько ребенком, сколько *enfant terrible*».

Приходится согласиться со Стивенсеном: кампания по очернению Кроули воистину не знает себе равных в истории мировой литературы.

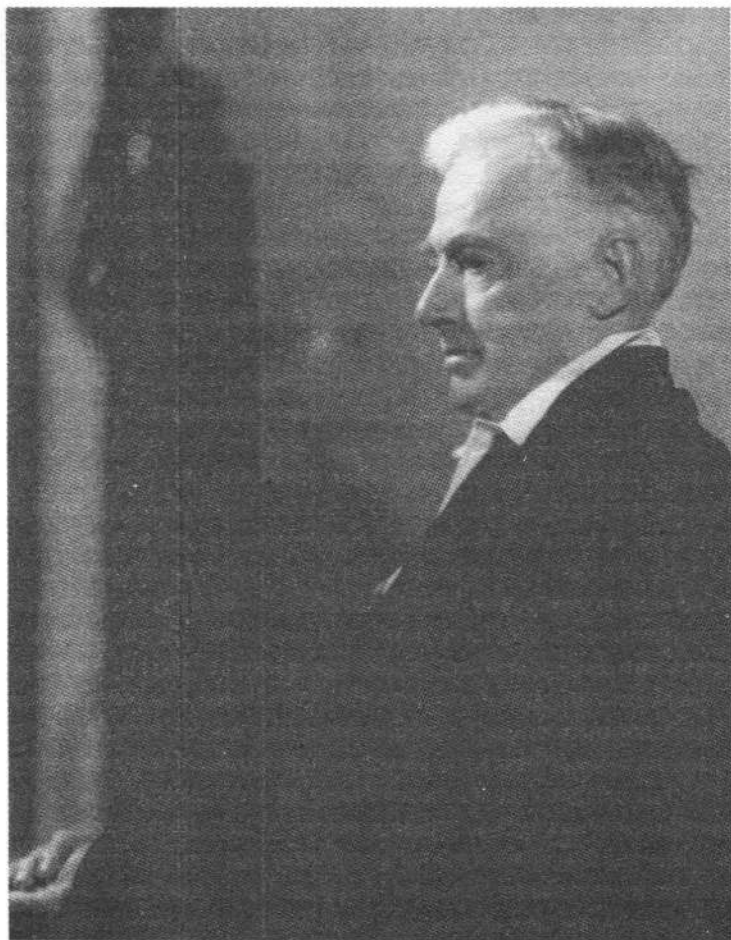
Но, невзирая ни на что, я совершенно уверен: издание «Исповеди», «Легенды об Алистере Кроули» и моя собственная биографическая попытка — «Око в треугольнике» — до некоторой степени смогут поспособствовать восстановлению его в правах и хотя бы немного исправить ту несправедливость, с которой история отнеслась к этому глубоко религиозному (хотя и не в ортодоксальном ключе), сильному и отважному писателю и человеку, дабы вернуть ему вполне заслуженное почетное место на своих страницах.

Израэль Регарди
15 декабря 1969 года,
Студио-сити, Калифорния.

ЛЕГЕНДА ОБ АЛИСТЕРЕ КРОУЛИ

П.Р. СТИВЕНСЕН.

Исследование документальных свидетельств кампании по очернению этого автора, не знающей себе равных в истории мировой литературы

Джеймс Дуглас (Национальная портретная галерея).]

ПОСВЯЩЕНИЕ

Джеймсу Дугласу¹ (издателю «САНДЕЙ ЭКСПРЕСС»)

Едва только приступив к изучению легенды об Алистере Кроули, я в наивности своей полагал, что у ваших лживых и хамских атак на этого человека, предпринятых шесть лет назад, возможно, были какие-то разумные причины. Я думал, как, без сомнения, думали и миллионы ваших читателей, что в них вы были искренни — довольно глупым образом, но, тем не менее, искренни. Именно в таком настроении я и попытался открыть правду о Кроули, выяснить, каковы были ваши основания для развязывания против него кампании оголтелого поношения. Я был совершенно готов признать до некоторой степени вину Кроули, так как полагал, что вам должно хватить здравого смысла не нападать столь невиданным образом на частное лицо, не будучи уверенным в своей правоте.

Исследования, однако, показали, что ни чувство ответственности, ни чувство стыда вам неведомы, равно как и не было у вас никаких весомых причин для нападков на Кроули, кроме вашего же собственного беззастенчивого тщеславия. Вы призывали к запрету этой книги² в манере, куда более распространенной ныне, чем в те времена. И, не удовлетворившись поднятой вами шумихой, вы развязали целую кампанию по поливанию Кроули грязью, более ожесточенную, нежели все, чем до сих пор успела отличиться современная нам канализационная журналистика. В своем стремлении к победе вашей газеты и к запрету книги вы не гнушались никакими средствами, в том числе и откровенной клеветой в адрес автора. Необычайность этой атаки, ее невиданная ядовитость, безжалостность, полное попрание истины, яростность искажений и оскорблений смогут стать классическим примером того, как можно извратить ту «власть», что имеет над людьми пресса, — и так непременно случится, когда история свершит свой суд над вами и вашим боссом³.

Дабы ускорить вынесение приговора, я возьму на себя смелость утверждать, что вы отнюдь не безвредный безумец — ибо

1 Джеймс Дуглас (1867–1940) — журналист и редактор «Сандей экспресс».

2 Имеется в виду «Дневник наркомана» Кроули (1922).

3 Имеется в виду политик и газетный магнат лорд Бивербрук.

вы способны причинить колоссальный вред. Трусливо затворившись в крепости ваших издательских прерогатив и руководя оттуда (совместно с амбициозным колониальным миллионером¹, дергающим вас за ниточки) этим невероятным заговором в средствах массовой информации, вы не постеснялись пустить в ход самые грязные приемы — вплоть до клеветы и злословия — в жалких попытках утвердить свою власть над умами. Вы добились поставленной цели; но на самом деле все, что вам удалось, — это раскрыть нам глаза на ваше собственное глубокое нездоровье и поучаствовать по мере сил в истерии, охватившей страну, которая только-только успела оправиться от ужасов войны. И более всего отвратительным в этом публичном признании своей болезни и неспособности отвечать за свои поступки оказалось то, что признание это приняло форму нападков на писателя выдающихся способностей и самых серьезных намерений, писателя, которому вы недостойны даже завязать шнурки на ботинках.

Вы — подлинная наша проблема, и это так же верно, как и то, что вы — продукт демократии. И демократия, без сомнения, найдет способ управиться с вами и вашими приспешниками, как находит способ управиться со всеми проблемами. А до тех пор ваши визгливые атаки на литературных соперников, во многом превосходящих вас, будут безошибочно направлять других издателей на верный путь. Своими попытками ниспровергнуть книгу вы ее только рекламируете.

И все же один раз вашему визгу сопутствовал «успех». Атака на одну из книг Кроули² шесть лет назад положила начало организованной кампании нападков на автора. Один тот факт, что «чисто литературную» критику вам понадобилось сопроводить обильным поливанием писателя грязью, свидетельствует о пустоте и неадекватности вашей оценки. И все же ваш яд возымел свое действие, пусть даже и временное. Вам удалось смутить покой по крайней мере одного из своих выдающихся современников, подорвать продажи его книг, организовать его бойкот и почти что лишить его средств к существованию на те самые шесть лет. Полагаю, там, на своем картонном Олимпе, вы купаетесь в самодовольстве.

1 Тот же лорд Бивербрук, бывший родом из Канады.

2 Вновь подразумевается «Дневник наркомана».

И все же у этой истории было продолжение. *Ars longa*¹. (Возможно, даже вы понимаете, что любое беспристрастное и трезвое рассмотрение фактов реабилитирует Кроули, несмотря на всю истерию, для развязывания которой вы сделали так много.) Репутация Кроули будет восстановлена, ибо он, как сказал Честертон, — «поэт могучий и подлинный»², в то время как от вашей не останется ничего, стоит вам лечь в землю, ибо писания ваши — не более чем пена на морде взбесившегося цепного пса у будки общественной морали.

В конце же хочу лишь добавить, что буду счастлив воспользоваться любой возможностью, какую вы только соблаговолите мне предоставить, дабы со всем пристрастием расспросить вас перед лицом суда о «фактах», стоящих за лживыми и беспардонными нападками «Сандей Экспресс» на Алистера Кроули. Учтите, что против вас я могу использовать ту же самую логику, что использовали вы против Кроули, а именно: пока вы не предпримете ответных действий и не опровергнете мое утверждение, что вы действовали как хам и лгун, читатели моей книги смогут беспрепятственно делать собственные выводы.

П.Р. Стивенсен.

¹ От лат. «искусство длинно», часть популярной латинской поговорки «*Ars Longa Vita Brevis*» («Жизнь коротка, искусство вечно»).

² Имеется в виду Гилберт Кейт Честертон (1874–1936); его рецензию на поэтический сборник Кроули «Душа Осириса» см. ниже, на стр. 79.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЧЕЛОВЕК ПО ИМЕНИ КРОУЛИ

Алистер Кроули — человек. «И что за человек!» — добавят многие тоном крайнего восторга, либо (что более вероятно) крайней неприязни. Я намерен избежать обеих крайностей. Я не могу поддерживать нормальную дискуссию с теми, кто считает его больше-чем-просто-человеком — одним из *Них*, представителем высших иерархий. Точно так же я не в состоянии спорить с теми, кто полагает его недочеловеком — демоном (и это в лучшем случае) в человеческом обличье. Я не оккультист и не имею ни малейшего желания участвовать в подобных диспутах. И один из серьезнейших аргументов в пользу Кроули, с моей точки зрения, — как раз то, что он, вне всякого сомнения, человек.

Более того, он в высшей степени интересный человек, необычайный человек; и, что еще того краше, он опасно хороший поэт — как в стихах, так и в жизни. Как о том, так и о другом широкая публика знает прискорбно мало. Зато грязных сплетен она наслушалась вдоволь. Внимательно изучив вопрос, я с глубоким удовлетворением сообщаю, что сплетни лгут — можно было бы добавить «как обычно»; но именно об этом человеке они лгут куда более обычного подло и некрасиво.

Тридцать лет — с постоянством, достойным лучшего применения, — в него летела грязь, а в последние годы обстрел перешел в категорию сплошного заградительного огня. Поливание Алистера Кроули помоями превратилось во что-то вроде национального спорта, тем более приятного и популярного, что поливаемый даже не пытается ничем кинуть в ответ. Кажется, он уверен, что до него ничего не долетает, что сам навоз и кидатели навоза суть всего лишь преходящие природные явления, нечто малореальное и вообще не имеющее

особого значения в масштабах космоса. Если некий журналист раздражается оскорблениями на три колонки, отождествляя его, ни много ни мало, с Джеком-Потрошителем, Кроули, по-видимому, только пожимает плечами, будучи уверен, что ни один человек, пребывающий в здравом уме и не лишенный определенных интеллектуальных способностей, не поверит в подобный отъявленный вздор, — а все остальные значения не имеют. Возможно, Кроули просто недооценивает совокупный объем невежества в нашем мире? Он — в прямом и буквальном смысле этого слова — человек выдающихся способностей, и, тем не менее, он никогда не давал себе труда как следует защититься от нападок журналистов вроде Джеймса Дугласа и Горацио Боттомли¹. Не потому ли, что считает их недостойными своего внимания?

Если так, мистер Кроули изволит высокомерно игнорировать тот факт, что немалое — и даже, что греха таить, очень большое — количество брошенного в него навоза прочно пристало к его физиономии. Представители «публики», в иных обстоятельствах, казалось бы, вполне здоровые и интеллигентные, начинают ерзать и нервно оглядываться при одном упоминании имени Кроули — «не бывает же дыма без огня». В своих суждениях о нем они определенно предпочитают полагаться на сплетни, слухи и подлые газетные статьи; предпочитают оставаться на той стороне, где безопаснее, и по возможности не иметь к человеку по имени Алистер Кроули вообще никакого отношения. Вызвать их на откровенный разговор очень трудно: обсуждать этот предмет они не хотят. И, тем не менее, испытывают предубеждение, и очень серьезное, против Алистера Кроули. Само это имя — анафема и табу.

Почему? Кто же такой и что же такое этот Алистер Кроули, положивший начало легенде о бесчестье, не имеющем себе равных в современном мире? Именно на этот вопрос и намерено ответить наше небольшое исследование. Кроули — сильный поэт, а сильные поэты часто бывают непопулярны. Байрон тоже был непопулярен, и весьма. Он и до сих пор непопулярен. Этот жалкий донкихотствующий писака, Джеймс Дуглас, совсем недавно прохаживался в прессе насчет «жирного» Байрона.

¹ Горацио Боттомли (1860—1933) — основатель и редактор «Джона Буля».

Байрон, скорее всего, дал бы Дугласу фору в заплыве через Геллеспонт — половину расстояния, не меньше (несмотря на плоскостопие и лишний вес, в котором тот его обвиняет); может быть, он разрешил бы ему использовать ялик. И вот этот атлет-бумагомаратель описывает Алистера Кроули как злобно-го дегенерата — Кроули, который за свою жизнь одолел больше гор, чем Дуглас накропал статей: гор, куда более крутых, чем допустимые в воскресной газете эпитеты, и далеко не настолько простых в покорении...

Пытаясь понять мотивы столь ожесточенных нападков на репутацию Кроули, важно помнить, что он — поэт, и поэт успешный, то есть такой, который успешно исполняет свои поэтические задачи. Гнев поэтов не столь высокого полета — разочарованных поэтов, к стану которых принадлежал и Джеймс Дуглас, — принимает поистине впечатляющие масштабы, когда обращается на поэта более успешного, чем они. Впрочем, было бы, пожалуй, слишком смело приписывать создание легенды об Алистере Кроули завистливым проискам его соперников по профессии. Атака была слишком ожесточенной даже для них. Нужно поискать другие причины.

Патриот Боттомли стоял плечом к плечу с Дугласом в деле создания этой легенды (или, точнее, самых грубых и жестоких ее частей) в наиболее популярной и сенсационной ее форме. Что сказать о бедняге Боттомли? Сам Кроули, вероятно, сказал бы: «Он достаточно пострадал; у него было время хорошенько все обдумать»¹, — и, тем не менее, Боттомли с его «Джоном Булем» следует принимать во внимание не в меньшей степени, чем Джеймса Дугласа и «Сандей экспресс». Оба выступили в амплу главных бросателей грязи в тетушку Салли¹, и обоих мы не намерены обделить вниманием в этом качестве.

Много лет Кроули прожил за границей. Вроде бы никто не собирался будить спящих собак, ан нет. Уже в мае 1929 года «Джон Буль» охарактеризовал Кроули как «самого ужасного

1 В 1921 году Боттомли исключили из Парламента и приговорили к семи годам тюремного заключения за мошенничество с лотерейными облигациями. Освобожден он был в 1927 году.

2 «Тетушкой Салли» в Англии именуется любое лицо, являющееся объектом нападков и оскорблений. Традиционно тетушка Салли — женщина с трубкой в зубах, в которую на ярмарках в качестве аттракциона бросают всякие предметы.

человека в Англии» и предупредил, чтобы он и думать не смел ступить на английские берега. В качестве ответа Кроули по прибытии в Лондон приятно отобедал с одним из начальников Скотленд-ярда¹.

Издатели его автобиографии, надо думать, немало повеселились². Таинственные посетители являлись к ним в кабинеты, изрекали загадочные предостережения и исчезали, не представившись. Один из них увещевал: «Когда говорите с Алистером Кроули, обязательно скрещивайте пальцы!» Сам он держал пальцы скрещенными все то время, пока находился в конторе. «Это сверхчеловек, — добавил он, подозрительно озираясь по сторонам. — Он умеет читать мысли и знает, о чем мы с вами сейчас думаем». Оставив наши вопросы без ответа, странный визитер удалился, так и не разомкнув пальцев и стена: «Помните! Помните!» — словно какой-нибудь призрак отца Гамлета.

Множество доброжелателей «самым серьезным образом предупреждали» издателей, очевидно искренне желая им добра. В ходе разговора большинство из них крайне изумлялось тому факту, что Кроули живет себе благополучно в Англии, зарабатывает на жизнь писательским ремеслом, вычитывает гранки и отслеживает судьбу своих книг в прессе. Наверное, им казалось, что, ступи он и вправду на английские берега, его тут же немедленно и арестовали бы! А узнав, что ни разу за всю свою богатую приключениями жизнь Кроули не представал перед судом по обвинениям, находящимся в сфере ведения уголовного права, они восклицали: «Ага, это только доказывает, насколько он умен!»

Легенда оказалась чрезвычайно жизнеспособной.

Многие книготорговцы наотрез отказывались рассылать рекламу автобиографии или даже вообще брать ее в оборот, даже если получали на то прямые распоряжения. Обычно они, даже не посмотрев книгу, изрекали что-нибудь вроде: «Не надо нам тут всех этих любовных культов!» И практически все по-

1 Подразумевается полковник Николас Картер, следователь Скотленд-ярда. В апреле 1929 года он расспросил о личности Кроули его ученика Джеральда Йорка, после чего оплатил Кроули проезд в Англию из Брюсселя, пригласил его на обед и расстался с ним по-дружески.

2 Имеется в виду «Исповедь» Алистера Кроули, первый и второй тома которой опубликовало «Мандрейк-пресс».

дружески уговаривали издателей быть очень, очень осторожными во всем, что касается Алистера Кроули.

Дальше больше. Некто вошел в книжный магазин, в витрине которого присутствовала реклама «Исповеди». Он был чрезвычайно заинтересован и задал продавцу кучу вопросов относительно Кроули. После чего поведал следующую поразительную историю: в монастырской школе во Франции священник на занятиях предупредил его дочку ни в коем случае не читать никаких книг Алистера Кроули. Разумеется, это произвело обычный в таких случаях эффект: окончив школу, она возжелала отведать столь строго запрещаемого плода или, по крайней мере, поглядеть на него. По каковой причине и упростила папу добыть ей все книги Кроули, какие он только сможет!

Можно приводить и другие примеры. Я уже процитировал достаточно, чтобы вы поняли, какой живучей оказалась — и остается вплоть до настоящего времени — эта легенда. Самый факт существования столь романтической изустной традиции в наш, казалось бы, такой прозаический век (тем более когда протагонист легенды все еще жив) поистине примечателен — хотя бы в свете компаративной теологии. И уже хотя бы на этих основаниях стоило бы исследовать ее происхождение и развитие. Иначе будущие поколения решат — не без помощи университетской профессуры — что Кроули был солярным мифом¹. Именно поэтому я с первых же строк настаиваю на том, что он был человеком — ведь это делает бытование легенды еще более интересным. Если легенда правдива или хотя бы частично правдива; если он действительно убил и съел хотя бы одного кули в Гималаях (ну, скажем, вместо двух заявленных) — мой скорбный долг будет привлечь его к суду, поэт он там или нет, и приложить к этому все усилия, пока он не съел меня самого. Но если легенда паче чаяния не соответствует действительности, правосудие точно так же должно восторжествовать.

¹ Ср. следующий отрывок из «Исповеди» Алистера Кроули: «...потомкам простительно будет заподозрить: не один человек совершил все это, но несколько лиц, коих связала воедино легенда, — и даже зайти еще дальше и сказать: да этот Алистер Кроули и не человек вовсе, и даже не группа лиц; он, очевидно, солярный миф».

То, что Алистер Кроули есть человек, и человек необычайный, — это аксиома. Более того, я даже думаю, что он гений. Его хулители при этом уточнят, что он *злой* гений. С моей точки зрения, это отнюдь не делает эго менее интересным в качестве объекта нашего исследования, равно как и вообще менее интересным для потомков. «Злой» в данном случае — просто эпитет гения, лишь подогревающий к нему интерес. Альтернативное объяснение — что он одержим неким гением. Это уже чревата оккультными и магическими гипотезами, которые я, по невежеству своему, обсуждать не могу. Тем не менее, для легенды действительно важно, что Кроули — либо сам по себе гениален, либо одержим неким духом. Ни один ординарный человек при всем желании не сможет стать героем таких побасенок. Достичь такой непопулярности, которая устойчиво продержалась бы три десятка лет, литературному деятелю не так уж легко. А Кроули ее достиг — и со временем все более упрочивает свои позиции! По сравнению с ним Бернард Шоу, некогда терроризировавший девственные умы наших дам из предметий, стал на диво патриархальной, почти что святой фигурой. Возможно, его похоронят в Вестминстерском аббатстве, как Томаса Харди, еще одного Великого Старца, одну из ранних книг которого критики нарекли «Джудом Непристойным»¹. Рэмзи Макдональд, всеми ненавидимый уклонист в годы войны, стал ни много ни мало премьер-министром². Есть и множество других примеров тому, с какой легкостью меняется первое впечатление о человеке, и это лишь доказывает преходящий характер любых мнений. Германских генералов и капитанов подлодок тепло принимают в Англии. Алистера Кроули принимать отказываются. Дарвин, Гексли, Бредлоу³ и прочие «атеисты»

¹ Томас Харди (1840—1928) — английский романист и поэт. Имеется в виду его роман «Джуд Незаметный» (1896).

² (Джеймс) Рэмзи Макдональд (1866—1937) был лидером лейбористской партии и премьер-министром Великобритании в 1924 и 1929—1935 гг.

³ Английский натуралист Чарльз Дарвин (1809—1882) в своем трактате «Происхождение видов» (1859) развил теорию эволюции и естественного отбора; Томас Генри Гексли (1825—1895) — английский биолог, антрополог и философ, поддерживавший теории Дарвина; английский социальный реформатор и свободомыслящий политик Чарльз Бредлоу (1833—1891) был атеистом и республиканцем.

ныне вспоминаются с нежностью; Кроули по-прежнему боятся и ненавидят. Кроули, видите ли, «плохой».

Времена меняются. Новое и более энергичное поколение родилось из ужасов войны. Это поколение относится без должного пиетета ко многим традициям своих отцов. Викторианскую и даже эдвардианскую эпоху оно знает лишь по рассказам. Мистер Гладстон — уже почти миф¹. Старые баяны и старые буки вымирают. Новые циники потешаются над старомодными предрассудками; в то, что было до войны, они не верят, потому что попросту не могут вспомнить. Но старые буки не желают покидать насиженных нор. Алистер Кроули — все еще «плохой». Он питается невинными младенцами... Он поклоняется дьяволу... Он — настоящий злой гений...

Причисляя себя к этому самому послевоенному поколению, я искренне считаю, что все эти скрещивания пальцев и злое шептание по углам о личности великолепного поэта — при том что сама его поэзия получает вполне высокие оценки — попросту неблагодарны, и их следует немедленно прекратить. Если он — преступник, повесьте его или посадите в тюрьму, и покончим с этим. Если же он не преступник, пусть его невинность станет делом решенным, чтобы люди могли читать его стихи безо всяких бредовых предрассудков. Если он — религиозный учитель или религиозный маньяк, раз уж на то пошло, или философ, или просто смелый и провокационный мыслитель, послушаем, что он имеет нам сказать, прежде чем поднимать вой по поводу «черной магии». Если он нападал на христианство, то, простите, это не новость! Если его взгляды на секс не совпадают с воззрениями святого Павла, то не в большей степени напоминают их и принципы судей по бракоразводным процессам. И даже если поэзия его эротична, богохульна, бесстыдна, непристойна, развратна, извращенна, если она языческая, декадентская, чувственная и какая угодно еще — вопрос только в том, качественная ли это поэзия.

Грядущие поколения, возможно, будут рассматривать Кроули как великого поэта или как великого, может быть, даже эпохального религиозного учителя. Я не знаю, что там будут

¹ Уильям Эварт Гладстон (1809—1898) — британский государственный деятель, занимавший пост премьер-министра в 1868—1874, 1880—1885, 1886 и 1892—1894 гг.

себе думать грядущие поколения, и, признаться, мало мне дела до этого. Я хочу упрекнуть *это* поколение, наше «эмансипированное» поколение, в котором писателя — на одном только том основании, что ход его мыслей необычен, — клеймят дурной славой, и кто! — мелкие грязные бумагомаратели, пытающиеся науськать публику на старый, еще довоенный жупел и нимало не думающие при том, сколько вреда могут этим причинить.

Упражняться и дальше в изъявлениях негодования нет смысла. Любой мало-мальски честный человек без труда поймет, что «легенда об Алистере Кроули» разрослась уже до смешного. Я поставил себе задачу в точности выяснить и объяснить, на чем она выросла, в надежде на некую разумную оценку таланта и деятельности этого человека. Воспроизводимые здесь документы взяты из наиглупейшего собрания газетных вырезок, какое только существует на свете, и призваны показать, какую роль сыграла пресса в раздувании клеветнической кампании. Я проработал эту коллекцию — а она еще далеко не полна — в стремлении беспристрастно проследить рост и развитие легенды. И несмотря на то, что масштаб издания неизбежно повлек за собой множество упущений, приведенного материала вполне достаточно, чтобы показать, как поднималась волна беспрецедентного поношения. Я исхожу из предположения, что новое поколение газетчиков со Флит-стрит принимает на веру эту легенду — легенду, которую создали двое или трое их предшественников, прекрасно сознававшие ее ложность.

Я далек от желания реабилитировать Кроули лично. В силу своеобразной простоты, присущей его натуре, он способен навлекать на себя неприятности практически на ровном месте — и это я тоже намерен показать. Но общей справедливости ради он, несомненно, должен быть очищен от тех отвратительных обвинений, которые на него возводили, — причем очищен не перед судом, а в глазах прочих расположенных на Флит-стрит организаций. «Казалось бы, чего проще, — скажет кто-нибудь. — Раз его оболгали, пусть возбудит иск о клевете». Но все владельцы газет — миллионеры. Правосудие существует для тех, кто может за него заплатить. Кроули как-то подсчитал, что подача исков против всех газет, поливших его грязью, обошлась бы ему в пять, а то и все десять тысяч фунтов стерлингов. И это при том, что никакой уверенности в вердикте у него

не было и быть не могло — ввиду всей фантастичности сделанных в прессе заявлений и сложности задачи по их опровержению (так как с момента самых сенсационных «разоблачений» уже прошло изрядное время), а также ввиду того, сколь непривлекательна для поэта перспектива надолго погрязнуть в судебных разбирательствах. Поэтому решение принести *amende honorable*¹ — пусть даже запоздалые — останется целиком и полностью на совести газетных магнатов, если они все же поймут, что вляпались в грязь слишком уж глубоко. Эта книга будет направлена им особо. Разумеется, это совершенно безнадежная надежда, но ведь никогда не скажешь, где тебе повезет.

Итак, я перехожу к изложению легенды в ее историческом развитии, даже не пытаюсь снять с Кроули вину там, где его действительно есть в чем винить.

III

Кроули — воистину величайший шутник, но юмор его по своему воздействию, в целом, довольно зол.

И самой злосчастной жертвой его шуток неизбежно оказывался он сам. Иными словами, в своих розыгрышах он сам же и выступал в страдательном залоге. Любой, кто знаком с его поэзией, согласится, что в ней присутствует некий неизменно окрашенный юмором элемент извращенности, заставлявший его смеяться над собой посреди самых «серьезных» пассажей. Как же это должно бесить сентиментальных читателей, только-только настроившихся, чтобы насладиться красотой его мысли.

«— О, БРАТ PERDURABO! Подобные чувства тебя недостойны!..

— Заткнуть тебе пасть?»²

Интерполяции такого рода в глазах многих бесхитростных читателей портят его поэзию, не говоря уже о философских изречениях. Если бы У.Б. Йейтс завершил свой «Озерный остров

1 Юридический термин, используемый для обозначения приносимых пострадавшей стороне извинений и возмещения ущерба.

2 Из 80-й главы («Терновник») «Книги Лжей, ошибочно именуемой также «ОБРЫВЫ»: Заблуждения или искажения единой мысли Брата Perdurabo, каковая и сама по себе неверна» (1913). «Perdurabo» (лат. «Претерплю до конца») — магический девиз, который Кроули принял при вступлении в Герметический орден Золотой Зари.

Иннисфри» пассажем, подобным по настроению вышеизложенному, он достиг бы этим ровно такого же опустошительного эффекта, какой оказывает свойственное Кроули извращенное чувство юмора на его читателей¹. Сравнение это ни в коей мере нельзя назвать нечестным. В лирической силе Кроули ничуть не уступает Йейтсу, а полетом мистической мысли даже превосходит последнего. Но вот чего Йейтсу в сравнении с Кроули недостает, так это саморазрушительной мощи.

Ни один из ныне живущих писателей не производит такого сокрушительного воздействия на самого себя, и следовательно, на своих читателей, как Алистер Кроули. Если бы в мои намерения входило углубиться в это его свойство, пришлось бы показать, откуда оно растет, — по-видимому, из восточных религий, которые Кроули самым пристальным образом изучал; из религиозной по своему характеру задачи обретения глубинного самопознания посредством разрушения обыденного интеллектуального самосознания. Но, увы, такое исследование увело бы нас в сторону от целей настоящей работы. Все, что нам нужно здесь подчеркнуть, — это тот факт, что ненормальное чувство юмора Кроули досаждало и досаждало многим людям, которые не в состоянии понять его цели. Его склонность весьма недобро посмеиваться надо всем и вся, над священным и профанным и, в том числе, над самим собой стала одним из главных факторов, питавших рост легенды о нем и способствовавших ее живучести. В своем поиске высших ценностей, истинной сути, стоящей за внешним обликом любого явления, он, возможно, чересчур яростно нападал на все и всех подряд. Он не соглашался почитать что бы то ни было «святым» только по той причине, что оно таковым выглядит. Фрагмент за фрагментом он препарировал аморфную массу догм, именуемую Общественным Мнением, и беспощадно разносил ее в пух и прах. Всю силу своего убийственного юмора он обращал прежде всего против тех, в чьих доктринах этого самого юмора не доставало.

Как рационалист он бросал вызов христианству и, с особенной жестокостью, самым рационалистическим его направлениям, вроде секты плимутских братьев или римско-

¹ Уильям Батлер Йейтс (1865–1939) — крупнейший ирландский поэт XX века, эссеист, драматург и мистик, состоявший в одно время с Кроули в Герметическом ордене Золотой Зари. Подразумевается его стихотворение «Озерный остров Иннисфри» (1892).

католической церкви, а как мистик — обвинял тех же рационалистов в недостатке воображения! В результате ненавидели его, разумеется, обе стороны. Общим он умудрялся хорошенько врезать под дых.

Планомерными ударами по жизненно важным точкам он, мягко говоря, настроил против себя все возможные группировки, полагавшие оккультный мир своей законной вотчиной: теософов, спиритуалистов, вольных каменщиков и «розенкрейцеров». Его «каббалистические» знания и осведомленность во всех областях оккультной науки превратили его в первейшего врага всякого дилетантизма и претенциозности в магических делах. Все наши маленькие мистики вполне обоснованно боятся Кроули и его способности в любой момент сорвать те покровы таинственности, в которые они так тщательно рядятся. Эти группы, достаточно многочисленные и социально влиятельные — или, по крайней мере, шумные — по большей части и ответственны, я полагаю, за упорно циркулирующие слухи о том, что Кроули — дьяволопоклонник и адепт «черной магии». Его нападки не имели бы такого эффекта, будь он столь же невежествен и лишен литературного дара и логической ясности, как большинство его оппонентов. Но его блестящий полемический стиль, глубина и широта познаний, острота ума, страстная искренность, стоящая за всеми его атаками, — все это было слишком для них, чтобы пытаться противостоять ему средствами честной полемики. Оставалось два выхода: либо капитуляция, либо анонимная мстительная клевета. Легенда подняла голову и принялась набирать обороты.

Тем временем, не удовольствовавшись приобретением столь могущественных, но узко специализированных недругов, Кроули последовательно обратил свой стенобитный таран против каждой концепции, поддерживаемой христианским сообществом в целом и блюстителями его традиций в Англии в частности — мещанством, средним классом, буржуазией, словом «филистимлянами». Большая часть его выпадов против «филистимлян» была, по моему частному мнению, форменной глупостью и романтическим позерством, и в качестве таковых подлежит осуждению, но только безо всяких там скрещенных пальцев. В конце 90-х годов XIX века Кроули покинул Кембридж, имея в своем распоряжении сорок тысяч фунтов стерлингов,

с каковыми и отправился в Лондон¹. Там он всячески валял дурака, как делал бы всякий на его месте, в его возрасте и в подобных обстоятельствах. Поэзия его тогда была «неистойвой» в духе Суинберна, Бодлера, и «Желтой книги»². Одной из самых ранних его работ стал поэтический ответ Крафту-Эбингу³. Свои книги Кроули печатал в «Чизик-пресс» у Джейкоби⁴ за собственный счет, выбирая самую лучшую бумагу, шрифты и переплеты, после чего (пожалуй, излишне самонадеянно) отсылал экземпляры в прессу для обзора. Жил он тогда на Ченсерилейн под именем графа Сварева, переоборудовав квартиру под магический храм⁵. Кроме того он купил усадьбу в Болескине (Шотландия, неподалеку от Инвернесса) и появлялся в «Кафе Ройял» в полном облачении вождя шотландского клана как «наследный владетель Болескина» (сенсация!).

Женщины, помнящие те веселые деньки, признают, что в килте Алистер Кроули выглядел просто невероятно. У него были изумительно красивые ноги — вероятно, из-за постоянного лазания по горам. Он поднимался даже на меловые утесы Бичи-Хеда — к вящему изумлению местных жителей, не говоря уже об опытных альпинистах⁶. Он ставил рекорды в Камберленде, в Уэльсе и в Альпах. И даже этим подвигам силы и дерзновения была впоследствии придана зловещая

1 Его отец, Эдвард Кроули (1834–1887) происходил из зажиточной династии пивоваров. По его смерти Кроули унаследовал пятьдесят тысяч фунтов стерлингов (в пересчете на современные деньги — около двух миллионов долларов).

2 Элджернон Чарльз Суинберн (1837–1909) — английский поэт и критик; Шарль Бодлер (1821–1867) — французский поэт и критик. «Желтая книга» — иллюстрированный английский ежеквартальный журнал, выпускавшийся с 1894 по 1897 год издательством Джона Лейна «Бодли Хед». По большей части то был плод сотрудничества писателя Генри Гарланда (1861–1905), ставшего его литературным редактором, и художника Обри Винсента Бердсли (1872–1898).

3 Ричард фон Крафт-Эбинг (1840–1902) — немецкий психиатр, автор труда «Половая психопатия» (1893), в котором изложена его теория сексуальных девиаций. Стивенсен подразумевает цикл стихотворений Кроули «Белые пятна» (1898), в котором природа половых извращений объясняется иными причинами, чем у Крафта-Эбинга.

4 Имеется в виду издатель Чарльз Томас Джейкоби (1853–1933).

5 Под именем графа Владимира Сварева Кроули снимал квартиры в домах 67 и 69 по Ченсерилейн.

6 Бичи-Хед расположен в восточном Суссексе и представляет собой самый высокий мыс южного побережья Англии. Считалось, что на меловые утесы можно взобраться не выше двадцатифутовой (шестиметровой) отметки над уровнем прилива. Кроули первым покорил некоторые из особо крутых склонов и зарекомендовал себя пионером в восхождении на береговые скалы.

окраска. Алистер Кроули покорял непобедимые вершины. Разумеется, со сверхъестественной помощью. Рано или поздно он неизбежно должен был вступить в конфликт с воплощением респектабельности — Альпийским клубом. Так и произошло. Кроули принялся разоблачать их как дилетантов и, более того, недостойных доверия лжецов и хвастунов. Итог — еще одна группа врагов. Но это так, мимоходом.

Когда парижская полиция запретила открывать эпштейновский памятник Оскару Уайльду, поскольку у статуи имелись гениталии, Кроули «открыл» его самолично, руководствуясь «интересами искусства»¹. Он оторвал металлическую бабочку, которой по распоряжению властей были прикрыты оскорбительные части статуи, и с триумфом явился в то же самое «Кафе Ройял», прицепив ее вместо галстука к вечернему костюму (еще большая сенсация!).

Легенда росла. Можно было бы сказать, что Кроули сам стремился стяжать себе дурную славу и преуспел в этом. Но, думаю, объяснение несколько проще: все дело в его поэтической безудержности, в том, что Кроули действительно думал, будто, шокируя мещан, он служит идеям искусства, и нимало не беспокоился о том, что о нем подумают другие, так как у него было достаточно денег, чтобы позволить себе не обращать внимания на враждебные мнения и критику.

Против него было выпущено судебное постановление, должствующее воспрепятствовать публикации предполагаемых «розенкрейцерских» тайн в журнале «Эквинокс». Кроули подал апелляцию и выиграл ее. Тайны стали доступны публике. Волна возмущения набирала силу.

Далее он провел в Кэкстон-холле серию представлений — так называемые «Элевсинские обряды». Это вызвало бурю негодования в прессе, хотя сами спектакли, как отмечалось, были достойны по замыслу и исполнению. Легенда уже неслась на всех парах.

Время от времени Кроули таинственным образом исчезал... чтобы, возникнув снова в прежних угодьях, предстать перед публикой словно помолодевшим на несколько лет, освеженным

¹ Джейкоб Эпштейн (1880—1959) — британский скульптор американского происхождения, прославившийся, среди прочего, эпатажными для своего времени работами. Он изваял памятник, установленный на могиле Оскара Уайльда на кладбище Пер-Лашез в Париже.

умом и телом и даже еще более сардоническим, остроумным, злоязычным и «безнравственным». Во время таких отлучек он пешком пересекал Сахару, восходил на гималайские вершины, занимался йогой на Цейлоне, путешествовал по Китаю, исследовал мексиканские вулканы или попросту бездельничал где-нибудь в Гонолулу. Такие поездки, может быть, не вполне обычны для лондонца, но вряд ли зловещи. И, тем не менее, даже они подстегивали легенду, которая тем временем уже перешла с рыси на галоп.

Изнуренные жизнью англичане судачили, что Кроули, мол, изобрел эликсир жизни: одним этим уже можно было объяснить его физическую свежесть и жизненную силу. Говорили также, что он открыл способ превращать неблагородные металлы в золото: одним этим уже можно было объяснить его богатство, о котором свидетельствовали роскошно изданные книги, любовь к хорошей кухне и путешествия. Для разнообразия его манеру чудесным образом возобновлять свои силы объясняли физическим вампиризмом. Фантазии об источниках его состояния постепенно кристаллизовались в сплетню о том, что деньги он получал от некоей богатой дамы, к которой применял шантаж, угрозы и еще чего похуже.

Такого рода злословие неизбежно выдает зависть и страх. Как уже говорилось, профессиональные тавматурги имели все основания завидовать достижениям Кроули и страшиться его бесстрашия. Никто даже не пытался атаковать его иначе, как средствами злонамеренной клеветы. Помимо страхов тавматургических нетрудно представить себе отчаяние поэтических критиков (большинство из которых, вне всякого сомнения, представляли собой поэтов второго сорта, перехватывавших гинею-другую на обзорах свежих книг) перед лицом нескончаемой процессии великолепных кроулиевских шедевров! И так же нетрудно представить себе ярость бледной и вечно нетрезвой богемы при виде Кроули, пропитанного солнцем и мускулистого, закаленного тренировками и воздержанием, являвшегося покорять их женщин своими физическими и умственными чарами. Увы, повторяю, в литературной преисподней Лондона против Кроули не было иного оружия, кроме зависти и клеветы. Сам того не желая, он напрашивался на неприятности, и он их получил. В траве тайлась не одна змея, а целый гадюшник.

Я уже говорил, что многие его действия в ту эдвардианскую эпоху были необоснованно глупыми, что в его поведении и выходках было чересчур много романтической бравады девяностых. Прогрессивные литературные круги были настроены против викторианской эпохи и всего, что она собой олицетворяла. Кроули в годы горячей юности зашел дальше всех в своей неприязни лично к королеве. В своем обычном стиле, который многие считали глубоко оскорбительным, он назвал ее жирной немецкой *hausfrau*¹, объявил ганноверскую династию узурпаторами, присоединился к карлистским заговорщикам, был произведен в рыцари Доном Карлосом² и в конце концов договорился до того, что — по законам «Салической правды»³ — все рыцарские титулы, полученные в викторианскую эпоху, недействительны. Это само по себе уже открывало прямую дорогу к непопулярности в респектабельной Англии, и если в намерения Кроули входило стать кумиром среднего класса, то этот ход следует признать крайне неудачным. Впрочем, быть может, у него не было таких намерений? Но факт остается фактом: в эскападах, которые в дальнейшем легли в основу легенды о его подлости и порочности, ему некого винить, кроме себя самого. Буржуазия вообще придерживается честной игры. Какое-то время ее можно оскорблять, но всему наступает предел. Кроули написал памфлет против королевы Александры⁴ (по всей вероятности, совершенно невинный) и отпечатал его в Париже. Весь тираж был арестован и уничтожен таможенной службой. *Lèse majesté*⁵ стало частью легенды. Хотя лично мне

1 «Домохозяйка» (нем.).

2 Имеется в виду Дон Карлос VII (1844–1925). Карлисты — сторонники Дона Карлоса I (1788–1855), испанского принца и претендента на престол (он был вторым сыном Карла IV, короля Испании), а также его потомков. Кроули в своей «Исповеди» утверждал, что присоединился к заговору Дона Карлоса, планировавшего завоевание Испании, и был произведен в рыцари одним из лейтенантов принца.

3 «Салическая правда» (*Lex Salica*) — свод древних судебных обычаев салических франков, создавших в V—VI вв. н.э. на территории Римской Галлии крупнейшее в те времена варварское королевство в Западной Европе. Согласно «Салической правде», женщина не имела права наследовать землю, трон и т.д., а, следовательно, не могла и даровать рыцарский титул.

4 Имеются в виду Александра (1844–1925), супруга короля Эдуарда VII, и анонимный памфлет «Александра» (1909).

5 «Оскорбление величества» (фр.) — преступление, заключающееся в неуважительном поведении по отношению к царствующей особе или прямом ее оскорблении.

эта выходка, опять-таки, кажется скорее бессмысленной, чем злонамеренной.

IV

Несмотря на все только что описанные шалости в духе девяностых и эдвардианской эпохи, нельзя сказать, что на пороге войны Алистер Кроули был тотально осуждаем английским общественным мнением, будь то мнение широких кругов общества в прямом смысле слова, либо же исключительно литературной его прослойки. В профессиональных литературных и оккультных сферах он сумел произвести некоторое возмущение, но сколько-нибудь значительной волны народного гнева покамест не вызвал. Но за время войны и в последующие годы он успел исправить это упущение. Он подставил себя сразу по трем направлениям, превратившись в объект журналистской травли в масштабе миллионных тиражей. Три предъявленных ему обвинения заключались в следующем: он поддерживает Германию, он наркоман и торговец наркотиками, и он организовал «приют любви», связанный с торговлей белыми рабами. И в каждом из этих случаев Кроули самолично выпустил птичку из клетки.

Доходящая до абсурда прямолинейность, полное пренебрежение вероятными последствиями и какое-то запальчивое школярское чувство противоречия, заставившие его провозглашать свои прогерманские и проирландские настроения *во время войны*, производят почти отталкивающее впечатление. Сомневаюсь, что Англия когда-нибудь простит ему эту выходку. Хотя Бернарда Шоу, Рэмзи Макдональда, Бертрана Рассела и Литтона Стрейчи она простила¹. Ибо Кроули, как водится, легких путей не искал. Будучи по натуре человеком весьма активным, он не мог смириться со стратегией добропорядочного пассивного сопротивления, когда банда завывающих демагогов захватила Англию, свергнув с престола здравый смысл. Когда ура-патриоты принялись поносить культуру Вагнера, Бетховена и Ницше, вопить о «зверствах» и планомерно насаждать истерию ради военных нужд, Кроули, как

¹ Бертран Рассел (1872–1970) — английский философ, математик и писатель; Литтон Стрейчи (1880–1932) — английский писатель, литературный критик и биограф.

и все представители «лучшего класса», был до крайности разгневан. Как Старый Тори, каковым он, несомненно, был в глубине души, он романтически полагал, что война принесет Англии чистую и легкую победу. Он думал, что война будет вестись, по крайней мере, со стороны Англии, джентльменскими методами. И пресловутая победа Англии в таком случае была сама собой разумеющейся — просто в силу морального превосходства. Но когда командовать парадом начали Боттомли, Ллойд-Джордж, Нортклифф и иже с ними, Кроули пришел к выводу, что идеалы Англии, представленные *такими людьми*, победить не должны¹. Возмущенный и обиженный, он отправился в Америку, приплыл на моторной лодке к статуе Свободы и лично провозгласил оттуда Ирландскую Республику.

Разумеется, после этого он почувствовал себя куда лучше.

«Нью-Йорк Таймс» посвятила три колонки этой эскападе, а Кроули в одночасье обрел популярность среди прогерманской (то есть ирландской и немецкой) фракции нью-йоркской журналистской братии. Они даже попросили его написать статьи в их газеты — «Фазерленд» и «Интернейшнл». Кроули охотно согласился — надо же было довести начатое до конца!

Далее события стали разворачиваться настолько нелепо, что в это уже почти невозможно поверить. Оказавшись благодаря своей импульсивности в столь неловком положении, Кроули продолжил водить за нос серьезно настроенных немцев — со всем упорством, с которым всегда относился к такого рода задачам. Дабы высмеять и спародировать английских журналистов, завывавших, словно свора бешеных псов, и требовавших, ни много ни мало, запретить Санта-Клауса по причине его немецкой национальности, Кроули написал довольно тяжеловесную статью, в которой сравнил кайзера с Парсифалем, устремленным на поиски нового Святого Грааля². Эта статья во всей своей неприкрытой ироничности воспроизведена в настоящем издании³.

1 Дэвид Ллойд-Джордж (1863–1945) — британский государственный деятель, занимавший пост премьер-министра с 1916 по 1922 гг.; лорд Альфред Хармсворт Нортклифф (1865–1922) — британский политик и газетный магнат.

2 Имеется в виду кайзер Вильгельм II (1859–1941), занимавший пост германского императора с 1888 года и вплоть до своего низложения в 1918-м. Парсифаль — один из легендарных рыцарей короля Артура, популяризированный в одноименной опере Рихарда Вагнера.

3 См. стр. 167.

Шутка обернулась трагедией, когда некоего книготорговца в Англии посадили в тюрьму на три месяца за продажу журнала с этой самой статьей, а дома лондонских друзей Кроули подвергли обыску. Этот досадный инцидент лишь усилил популярность Кроули в прогерманских кругах Нью-Йорка. Он сразу же превратился в *persona grata* среди сторонников кайзера и еще долгое время практически единолично (хотя и под дюжиной разных имен) заполнял страницы «Интернейшнл», как в старые добрые деньки — лондонского «Эквинокса». Нельзя сказать, что «Интернейшнл» под его руководством был эффективным политическим инструментом. За годы войны Кроули, судя по всему, остепенился. Он стал относиться к себе более серьезно как к магу и этическому учителю. Свое положение фактического диктатора «Интернейшнла» он использовал не столько для написания прогерманских политических статей, сколько для распространения Закона Телемы — как в открытую, так и художественными средствами, во множестве превосходных коротких рассказов. Даже его политические «колонки редактора» носили по большей части этический характер. Одна из них, «Человечество прежде всего», которую мы воспроизводим в настоящем издании¹, более чем адекватно освещает его «прогерманскую» деятельность в Нью-Йорке.

Я отнюдь не прошу читателя «простить» Кроули подобное поведение во время войны. У читателя, несомненно, сложится собственное мнение, но пусть оно будет основано на знании, а не на слухах.

Да, война до некоторой степени заставила Кроули взглянуть на жизнь серьезнее — и в этом нет ничего удивительного. Даже во дни «Эквинокса» он считал себя достаточно одаренным, чтобы стать религиозным учителем человечества. «Элевсинские обряды» (поставленные в Лондоне в 1910 году) стали серьезной заявкой на создание новой религии, натуралистической и, в то же время, церемониальной; религии, способной удовлетворить человеческое стремление к красоте, не отягощая при этом историческую и научную совесть. За пять проведенных в Америке лет Кроули успел более подробно проработать этическую доктрину этой религии, хотя необходимо отметить, что деятельность эта была не столько открытием

¹ См. стр. 163.

новых горизонтов, сколько развитием уже устоявшегося взгляда на данный предмет. Вернувшись в Европу в 1919 году и поселившись на Сицилии, в Чефалу, на вилле, которую он именовал «Телемским аббатством», Кроули со всей серьезностью уверовал, что Первая Мировая война ознаменовала собой крушение христианской цивилизации и что именно на него возложена величайшая ответственность — провозгласить и преподавать этический кодекс Нового Эона. Мы уже упоминали, что Кроули на мелочи никогда не разменивался.

Подробно рассказывать здесь о Законе Телемы не входит в мои задачи, даже если допустить, что я понял его правильно. Однако основной его принцип формулируется предельно просто: каждый индивидуум должен постичь и исполнить свою Истинную Волю. Новая религия утверждала, что «каждый мужчина и каждая женщина — Звезда»¹, то есть автономная космическая единица, обладающая собственным значением и смыслом. Следовательно, смыслы эти столь же многочисленны, как и индивидуумы. «ТВОРИ СВОЮ ВОЛЮ, ТАКОВ ДА БУДЕТ ВЕСЬ ЗАКОН»² (требование богов к человеку) — вот вкратце суть нового закона, призванного заменить «ДА БУДЕТ ВОЛЯ ТВОЯ»³ (мольбу человека к Богу) более ранних религий.

Однако для наших текущих целей имеет значение в основном лишь тот факт, что во время пребывания в Америке Кроули пришел к заключению, что Закон Телемы необходимо донести до человечества, и страстно уверовав в то, что его работа имеет для этого самого человечества непреходящую ценность, отправился в Чефалу, дабы жить в соответствии с телемическими принципами.

В решении этом самом по себе нет ничего особенно нечестивого. У Кроули было точно такое же право основать закрытую религиозную общину, как, скажем, у римской католической церкви. Религии, как и всякой другой форме человеческой деятельности, экспериментальная проверка идет только на пользу. Но возникли определенные проблемы. Первая трудность состояла в том, что религия Кроули была натуралистичной, ввиду

1 «Книга Закона», I:3.

2 Там же, I:40, III:60.

3 Мф. 6:10.

чего аббатство распахнуло свои двери для верующих обоих полов — в то время как все прочие религиозные институты жестко их разделяют. Именно из-за этого его стали обвинять в организации «культы любви» или «колонии промискуитета». Между тем, отметим, что женщины в свое время были неотъемлемой частью окружения и того древнего Учителя, который сказал, что «Бог есть любовь», — но это почему-то не породило никакой легенды об общине свободной любви. Когда «Сандей экспресс» развернула кампанию травли Кроули за его «Дневник наркомана», критики внезапно воспылали непритворным интересом к гипотетическим сексуальным оргиям в Чефалу, считая совместное поклонение божеству для мужчин и женщин априори недопустимым; и эти критики притом даже не пытались строить догадки об особенностях сексуальной жизни в онанистических монастырях, как мужских так и женских, — равно как и на тысячах других вилл на морских берегах Италии, Франции *et cetera*.

А тем временем жизнь потихоньку закручивала гайки. Денег у Кроули на тот момент уже почти не оставалось. Даже пожелай он заниматься всем тем же в Лондоне, как в старые добрые дни, у него на это попросту не хватило бы средств, по крайней мере, наличных. (Уместно будет вспомнить в этом контексте легенду о немецком золоте, каковая — как и ее современный аналог, только уже с русским золотом — в наши дни уже едва способна вызвать хотя бы улыбку.) Кроули явился в Лондон в 1922 году и подписал контракт на создание «Дневника наркомана» с намерением честно заработать себе на жизнь литературным трудом.

Я намеренно упоминаю о его лишениях в то время, так как в этом факте заключена своя мораль. И она не в том, что причиной падения служит гордыня, как не преминут заметить люди злопамятные; и не в том, что молодому человеку с сорока тысячами фунтов следовало вложить средства в «Консолс»¹ и больше их не трогать, а не транжирить на путешествия по дальним странам, сложнопостановочные магические ритуалы, роскошные обеды и вина, а также великолепные издания собственных стихов. Мораль здесь в том, что именно в такой момент и стоит ожидать нападения худших своих врагов. И именно в этот

¹ Государственный сберегательный фонд, выплачивающий вкладчикам консолидированную ренту.

момент застарелое негодование, много лет кипевшее под спудом в лондонских литературных и оккультных кругах, вырвалось наружу и обрушилось на Кроули с мощью и яростью тайфуна.

Поводов для этого было два — публикация «Дневника наркомана» и несчастный случай с Раулем Лавдеем в Чефалу, окончившийся его смертью. Джеймс Дуглас и издатель «Джона Буля» усмотрели в этих событиях повод для оргии сенсационной злоязычной журналистики, в каковой оба являются неоспоримыми мировыми лидерами. Никогда в истории английского газетного дела не случалось примеров столь мстительных атак на частное лицо. Уже по одной только этой причине — как живую иллюстрацию этого периода развития английской литературы — выдержки из их статей следует сохранить для потомков в форме более долговечной, чем ломкая крошка газетной страницы.

Трагичность этого эпизода — прежде всего в том, что в самом начале своей первой серьезной кампании по пропаганде нового этического кодекса, в тот момент, когда он попытался остепениться и отдать все силы этой важной задаче, когда у него не было более никакого желания эпатировать буржуазию, Алистер Кроули внезапно оказался лицом к лицу с толпой разгневанных читателей и обнаружил у себя на груди табличку, утверждавшую, что перед ними — чудовищный выродок общества и воплощение всех низостей и злодейств, равных которому еще не знал человеческий род! Эта трагическая ирония была, увы, сродни извращенному кроулианскому юмору. Но мне представляется, что сейчас, по прошествии семи с лишним лет, шутка чересчур затянулась.

«Дневник наркомана» — это роман, написанный Кроули за двадцать семь дней с целью честно заработать денег путем эксплуатации своих литературных талантов. Это роман, то есть художественная литература. Книга написана с мастерством опытного психолога, обладающего изрядными познаниями в токсикологии (что отнюдь не удивительно для того, кто так тщательно изучал эзотерику), и отличается незаурядной силой описаний, направленной на изображение всех ужасов и деградации наркомании — порока, и в те времена, и сейчас распространенного как раз среди самых праздных слоев буржуазного «общества». Книга показывает, как эту привычку можно

излечить самодисциплиной и тренировкой воли сообразно принципам Телемы. Совершенно очевидно, что Кроули выбрал такой экстремальный пример морального разложения именно для того, чтобы продемонстрировать возможности Телемы.

Издатели, которым следовало бы подумать раньше, запоздало изъяли книгу из оборота после трех тысяч проданных экземпляров. В этом решении несомненную помощь им оказал один из самых визгливых и истеричных разгромных обзоров, какие когда-либо выходили из-под пера журналистов — пусть даже таких мастеров этого жанра, как Джеймс Дуглас.

Невозможно в достаточной степени адекватно оценить, сколько грубой лжи этот инцидент добавил к легенде о Кроули. Если бы книгу не изъяли с рынка, у каждого читателя была бы возможность самостоятельно составить мнение о ее достоинствах. Но, лишившись объекта для изучения, широкая публика вынуждена была принимать на веру те рецензии, которые ей только и оставалось теперь читать, и строить ужасающие догадки о том, что же именно привело их авторов в столь невиданную ярость. Так что те, кто не смог раздобыть себе экземпляр книги, совершенно естественным образом решили, что сам Кроули и был выведенным в заглавие наркоманом, а книга представляла собой его личный дневник. Легенда развила эту дикую идею, породив до сих пор циркулирующие слухи о том, что Кроули возглавлял тайную международную организацию, занимавшуюся производством и распространением незаконных наркотиков во всем мире, — и что Магический Орден Посвященных есть на самом деле не что иное, как эта самая организация. Бедняга Кроули! Нет, на самом деле: бедняга Кроули, написавший этот роман-набросок, чтобы обеспечить финансами свою общину в Чефалу. Звезды наконец обернулись против того бесшабашного удалца предвоенных дней, что разглашал оккультные секреты в «Эквиноксе».

Даже в инциденте с «Дневником наркомана», прошу заметить, я не снимаю с Кроули главного своего обвинения, предьявляемого на этих страницах, — обвинения в беззаботности и пренебрежении теми результатами, каковые могло возыметь неправильное понимание читателями, вне всякого сомнения, серьезных посланий, содержащихся в его литературных трудах; а также в переоценке удельного веса здравого смысла в мире.

По моему мнению, роман демонстрирует все недостатки, связанные с поспешным написанием. Но, наряду с этим, он также являет все достоинства и привлекательные черты богатейшего поэтического воображения, остающегося одним из неотъемлемых признаков творчества Кроули. Из того и другого складывается вывод: эту книгу, безусловно, стоит прочесть. Но в то время и в тех обстоятельствах публикация книги такого рода была наихудшей из всех возможных тактик пропаганды Закона Телемы. Это самая большая ошибка, какую только мог сделать Кроули. Совершив ее, он тем самым буквально предал себя в руки Джеймса Дугласа. Кто-то, возможно, скажет, что он бессознательно хотел сокрушить себя как религиозного учителя человечества и что в этой драме йогическая практика самоуничтожения достигла апофеоза.

«Дневник наркомана», повторяю, стал колоссальным просчетом, и мы, увы, не можем полностью снять с Кроули — с каким бы сочувствием мы к нему ни относились — вину за то, что вытворяли Дуглас, Боттомли и их последователи.

Совершенно иначе обстоит дело с гибелью Рауля Лавдея в Чефалу — кульминацией несчастий, преследовавших Кроули. Совершенно очевидно, что Кроули ни в малейшей степени, ни прямо, ни косвенно, не нес ответственности за эту трагедию. В своей не так давно увидевшей свет книге¹ вдова, Бетти Мэй Лавдей, подтверждает, что ее муж скончался от острого энтерита, вызванного употреблением сырой нефилтрованной воды — против чего Кроули строжайше предостерегал всех своих «домочадцев». Она также добавляет, что Лавдею была оказана необходимая медицинская помощь и что сам Кроули в указанных обстоятельствах сделал все возможное для спасения Рауля. На этом оставим данную тему. Как именно «Сандей экспресс» и «Джон Буль» строили свою сенсационную кампанию против Кроули, будет освещено в должное время. Сейчас же достаточно будет заметить, что когда пробил час, «Джон Буль» не постеснялся придать своей статье об Алистере Кроули, занявшей целую полосу, заголовок, беспрецедентный в истории публичных оскорблений: «Человек, которого мы бы хотели повесить». Когда Кроули, бывший, помимо всего прочего, человеком

¹ Имеется в виду книга Бетти Мэй «Женщина-тигрица: моя история» (1929).

и чувствительной натурой, обнаружил, что его, пусть и косвенно, но, тем не менее, обвиняют в убийстве одного из самых его ближайших и драгоценнейших друзей; когда эта чудовищная клевета обрушилась на поэта и идеалиста в и без того трудное время, полное лишений, и стала причиной болезни, — я подчеркиваю и настаиваю: глупые шутки судьбы поистине зашли слишком далеко, а сравнительно невинная легенда об Алистере Кроули превратилась в жестокую и безжалостную месть, преступившую все грани приличия, вкуса и благоразумия даже по стандартам грубой, падкой на сенсации буржуазной журналистики.

Впоследствии «Джон Буль» принес публичные извинения за ложь о том, что Рауль Лавдей во время своего пребывания в Чефалу принимал наркотики. Но одно маленькое извинение, увы, не в силах перечеркнуть предшествующую ему разнузданную оргию поношения.

«Сандей экспресс» так и не принесла никаких извинений. Джеймс Дуглас, этот Папа протестантского мира, как ему и положено, непогрешим.

Далее в этой книге я постарался представить в хронологическом порядке документы, имеющие отношение к легенде об Алистере Кроули, чтобы читатель мог самостоятельно сделать выводы относительно ее происхождения и развития. Алистер Кроули — человек, и человек интереснейший. Он поэт, и чрезвычайно интересный поэт. И там, где клубится такое количество слухов и инсинуаций, невинному человеку отнюдь не повредит немного света, пролитого туда, где до сих пор безраздельно царила тьма.

ГЛАВА ВТОРАЯ

РАННИЙ ПЕРИОД

1896 — 1907

Алистер Кроули родился в 1875 году, получил образование дома у частных учителей и в Малверне, а в 1895 году поступил в Тринити-колледж Кембриджского университета. В юные и отроческие годы главными его увлечениями были поэзия, химия, математика и шахматы; в спорте его наиболее привлекал альпинизм, в котором он сумел достичь заметного мастерства. Больше всего молодой Кроули ненавидел религию (особенно в том виде, в каком ее исповедовала секта плимутских братьев, к которой принадлежала его семья) и домашнюю жизнь, которую для него символизировал ханжеский, фанатичный и агрессивный пуританизм его матери. Именно от нее он получил прозвище «Зверь 666» — мистический знак, который он не без гордости принял.

В Кембридже он много и усердно читал, хотя и без особой связи со списком литературы по учебной программе, и мечтал поступить на дипломатическую службу. Вскоре он, однако, оставил мечты о карьере ради совершенно недипломатической жизни поэта, мага и искателя приключений. Еще в Кембридже были опубликованы его первые сборники стихотворений — «Акелдама» и «Белые пятна». За ними незамедлительно последовали «Повесть об Архаиде», «Песни духа» и «Иеффай» — все в 1898 году, к концу которого Кроули покинул Кембридж.

За десять лет, прошедших с выхода его первой книги, он опубликовал не менее тридцати работ (по большей части сборников поэзии), полную библиографию которых и поныне невозможно привести в порядок, так как большая их часть издавалась в частном порядке и очень маленькими тиражами. Окончание этого «раннего периода» ознаменовалось выходом «Собрания

сочинений» в трех томах (1905, 1906 и 1907), за которым последовало хвалебное критическое эссе капитана (ныне полковника) Дж.Ф.Ч. Фуллера «Звезда на Западе», опубликованное в 1907-м¹.

Именно в связи с завершением этого периода и появлением книги капитана Фуллера Флоренс Фарр Эмери² изрекла следующие слова, оказавшиеся пророческими:

Лондонское общественное мнение — это гидроглавое чудовище; и все же не следует удивляться при виде практически беспрецедентного события, а именно — ситуации, когда все эти головы гидры устремились к единой цели — обличению мистера Алистера Кроули и всех его работ.

Для молодого джентльмена, всего несколько лет назад окончившего Кембридж, это поистине замечательное достижение. Чтобы возмутить общественное мнение до состояния активной оппозиции, нужна серьезная цель, и вопрос при этом возникает только один: есть ли такая цель у мистера Кроули? <...> Приходится сделать вывод, что этот молодой человек — примечательное порождение ничем не примечательной эпохи. <...> Мощь его самовыражения невероятна; его воздушный змей парит в поднебесье, но он не забывает — не без некоторой насмешки или пародии на пафос — вовремя спускать его на землю, и при виде этого всякий раз возникает вопрос: пробудит ли он опять в общественном мнении ту живительную враждебность, которую оно приберегает лишь для самых опасных мыслителей? («Нью Эйдж», 1907).

Дабы читатель понял, что изумление, которое Кроули вызвал у миссис Эмери в тот период, основано не только

1 Джон Фредерик Чарльз Фуллер (1878–1966) — британский военный, историк и оккультист, в 1906–1911 гг. — друг и ученик Алистера Кроули. Эссе «Звезда на западе», опубликованное им в 1907 году, было представлено на объявленный самим Кроули конкурс на лучшее литературно-критическое эссе о его «Собрании сочинений». В этой работе Фуллер объявил Кроули новым Дионисом и основателем «кроулианства» — новой неогерметической или неорозенкрейцерской религии, идущей на смену христианству.

2 Флоренс Беатрис Фарр (1860–1917), в замужестве Эмери — английская актриса и оккультистка, в 1890–1902 гг. состоявшая в Герметическом ордене Золотой Зари.

на его литературных успехах, достаточно лишь добавить, что за упомянутые десять лет, в перерывах между сочинением тех тридцати опубликованных работ, о которых было сказано выше, он, помимо прочих занятий, обогнул земной шар (в 1900—1902 гг.) и посетил по дороге Нью-Йорк, Мехико, Сан-Франциско, Гонолулу, Японию, Китай и Цейлон, а также принял участие в полугодовой экспедиции в Гималаи, где (в 1902) году совершил попытку восхождения на пик Чогори (K₂)¹, проведя шестьдесят пять дней на леднике Балторо и поднявшись на высоту в 22 тысячи футов² над уровнем моря.

Кроме того, он изучал и практиковал индийскую йогу (Цейлон, 1901); приобрел поместье в Болескине (Шотландия, близ Инвернесса); женился на сестре Джеральда Келли³ (1903); побывал в Каире (1904); еще раз посетил Цейлон для охоты на крупную дичь (1904); принял участие в экспедиции на Канченджангу⁴ (1905), достигнув высоты около 23 тысяч футов⁵ над уровнем моря; спустился по реке Иравади до Рангуна⁶, пешком пересек Китай (1906) и посетил Марокко в компании графа Танкервилля⁷ (1907).

Даже столь краткого перечня достижений достаточно, чтобы составить представление о предприимчивом и деятельном характере этого человека, который и впрямь был «примечательным порождением ничем не примечательной эпохи». Его подборка газетных статей, относящихся к тому периоду, очевидным образом неполна. Ранние его стихи, по-видимому, удаивались от рецензентов обычных покровительственных отзывов, какими критика всегда встречает начинающего поэта, а в поле зрения широкой публики, падкой на сенсации, он еще не попал.

1 Чогори (K₂) — горная вершина в Кашмире (в составе горной системы Каракорум), поднимающаяся на 8611 м над уровнем моря и уступающая по высоте только Эвересту.

2 Около 6705 метров.

3 Джеральд Фестус Келли (1879—1972) — британский художник-портретист, в 1949—1954 гг. президент Академии художеств. На его сестре, Розе Эдит Келли (1874—1932) Кроули женился в 1903 году; в 1909-м они развелись.

4 Канченджанга — горный массив в Гималаях, состоящий из пяти вершин. Самая высокая из них (8586 м) — третья по высоте вершина в мире.

5 Около 7010 м.

6 Иравади — самая крупная река в Бирме (современной Мьянме); Рангун — столица Бирмы до 2005 года.

7 Имеется в виду Джордж Монтегю (1852—1931), 7-й граф Танкервилль, недолгое время бывший учеником Кроули.

Один лишь Г.К. Честертон¹ предпринял попытку хоть сколько-нибудь серьезного анализа его поэзии и полемики с его подходом. В целом газетные рецензии на ранние стихотворения Кроули наводят на мысль, что критики все же признавали его выдающимся поэтом, хотя и предполагали — несколько неуверенно, — что идеи его опасны. Даже после того, как число опубликованных книг перевалило за тридцать, рецензенты (впрочем, едва ли прочитавшие всю коллекцию!) по-прежнему относились к нему если не с большой симпатией, то, по крайней мере, не более враждебно, чем к любому среднестатистическому поэту. Бомбометание началось позже.

Студенческая поэзия (1896–1897)

«Белые пятна» и «Акелдаму» Кроули не стал отсылать в прессу для рецензии. Первая из двух этих книг, «поэтический ответ Крафту-Эбингу», была отпечатана и распространялась под покровом глубокой анонимности. На «Акелдаму» одна рецензия сохранилась — по-видимому, какой-то экземпляр этого сборника чудом проник в святая святых издательства Кембриджского университета:

Трудно сказать, какие книги вдохновили автора на сочинение этой поэмы, но, так или иначе, она не из тех, которые можно рекомендовать молодежи, ибо строфы ее хоть и не лишены определенной музыкальности, но несут на себе печать скептицизма и развращенности, а посему требуют осмотрительного подхода.

Любопытно, что уже в этом, самом первом отзыве на сочинения Кроули, принадлежавшем его сверстнику и однокашнику, содержится «предостережение», предвосхищающее те грубые нападки, которым он стал подвергаться позже. Впрочем, кембриджские студенческие журналы не жаловали его и впредь. Вскоре после того, как он опубликовал книгу «При университете» — сборник своих студенческих

¹ Гилберт Кит Честертон (1874–1936) — английский писатель, журналист и христианский мыслитель. Его рецензию на сборник стихотворений Кроули «Душа Осириса» см. на стр. 79.

стихотворений, — обозреватель из «Гранты»¹ откликнулся язвительной эпиграммой:

*О, Кроули! Вот имя на века!
(Как «Кроулли» читается, быть может?)
Читателя держать за дурака —
И не смешно, и делу не поможет.
В величии своем, Алистер Кроули,
Пред свиньями ты перлы разметал, —
Так не пеняй, что «Гранта» поневоле
Отвергла их, а я не дочитал.*

«Повесть об Архаиде» (1898), еще одна студенческая проба пера, была охарактеризована в «Кембридж ревью» как «романтический вымысел на мифологические темы», хотя некий энтузиаст из «Кембридж мэгэзин» заявил, что «автор удерживает первое место среди новейших поэтов». Как ни забавно, «Оксфорд мэгэзин» отнесся к поэту из университета-соперника весьма благосклонно, отметив, что «песнь его чиста и свободна от скверны чувственности» (!). Лондонские литературные газеты, как и следовало ожидать, отреагировали скупой: «Академия» признала за Кроули «номинальное владение ритмом»; субботнее обозрение «Академии» отметило «приятную изысканность» слога, но сочло, что поэма в целом «совершенно неоригинальна».

«Песни духа» привлекли внимание более широких кругов. «Манчестер Гардиан» отозвался о сборнике вполне доброжелательно:

Небольшое издание необычно высокого качества. <...> Глубокая духовность и техническое мастерство этих стихов пробудили в нас восхищение; читая их, мы в полной мере соперничали той непринужденной игре настроений, которую мистер Кроули умеет передавать столь изящными намеками и, в то же время, столь живо. <...> Стих его свободен от всех искусственных

¹ Сборник «При университете: путеводитель по Кембриджу для профессоров» вышел в свет в 1904 году. «Гранта» — литературный журнал, выпускавшийся студентами Кембриджского университета.

ухищрений и чудачеств; он пылок, но в то же время размерен и легок в выражениях. <...> Яркие образы помогают вычлениить впечатления из сплошного потока и придают им устойчивость и четкость.

«Атенеум», напротив, был возмущен:

Читать это трудно; к тому же, когда автор затрагивает определенные предметы, чувствительность в нем уступает место чувственности. Мы не вправе утверждать, что эти стихи достойны прочтения.

«Черч таймс»¹ благословила его, не подозревая о том, что потомки осудят ее за поощрение поэта, в котором церковь обнаружит столь грозного противника:

Эти многообещающие стихи, представляющие собою, если наша догадка верна, плоды ранней юности, позволяют нам предсказать, что от мистера Кроули можно будет ожидать великолепных работ, когда его жизненная философия созреет и разовьется полностью.

До похвалы молодому поэту снизошла даже «Гранта» — хотя и не без оговорок:

Не разделяя чувств, выраженных на страницах этой книги, мы, тем не менее, должны признать, что с литературной точки зрения эти стихи весьма достойны.

А «Литерари газетт» вынесла свое суждение с позиции людей трезвомыслящих и серьезных:

На страницах его слишком много места отведено соперничеству между земной и небесной любовью <...> Плач скитальца, подобный этому, невозможно признать сколько-нибудь значительной работой <...> Меньше самоанализа — вот наш совет.

¹ Еженедельная английская газета, служащая рупором англиканской церкви.

В конце 1898 года была опубликована и, по-видимому, обычным образом разослана рецензентам трагедия «Иеффай». Критики приняли ее достаточно серьезно и усмотрели в ней обещание дальнейших успехов, но не упустили возможности поучить молодого поэта его ремеслу. Следующие далее отрывки весьма показательны:

«Черч таймс»:

Не просто незрелая, а совершенно сырая работа; весь фанатичный студенческий догматизм соединился в ней с неубедительной страстностью запоздалого ученика Суинберна. <...> Мистер Кроули относится к себе слишком серьезно, что выдает в нем самонадеянного юнца. Не в его власти разрешить все человеческие проблемы при помощи поэзии. <...>

«Вэнити фэйр»:

Мы не можем сказать, что эта книга бесперспективна. Однако на настоящий момент перед нами лишь ураган и буйство слов, приправленных ядовитыми насмешками надо всем и вся, столь милыми сердцу молодости. Но возраст и опыт порой творят чудеса; и, быть может, в один прекрасный день мистер Кроули научится писать хорошо. <...> Напыщенность и банальность! но есть надежда, что этот автор вырастет.

«Манчестер Гардиан»:

Если бы Суинберн никогда не писал стихов, то Алистера Кроули надлежало бы признать крупным поэтом в своем праве. «Иеффай» масштабен по замыслу и изящен по исполнению, и уже одного этого было бы достаточно, чтобы подтвердить притязания мистера Кроули на звание поэта. Но судить об особенностях его личного пути станет гораздо проще, когда он освободится хоть немного от влияния этой гигантской планеты, притянувшей его на свою орбиту.

«Скотсмен»:

Это мощная работа. В хоровых фрагментах лирический накал достигает огромных высот, компенсируя с лихвой ту довольно невнятную теологию, которая затемняет смысл произведения в целом. <...> Попадаются немало изящных сонетов и отрывков, захватывающих воображение стремительностью нетерпеливого чувства и музыкальностью языка. <...> Размышления достойны; они не просты, но и не осложняют восприятие стиха излишней глубиной; сам же стих вьется, как змеиный танец, озаряемый разноцветными вспышками чувства.

«Литерари уорлд»:

Быть может, мистеру Кроули не всегда достаёт вкуса, однако ему не откажешь ни в мощи певческого голоса, ни в совершенном владении формой. Мы с интересом ожидаем следующей его работы.

«Морнинг пост»:

Мелодично и красноречиво, но не выдерживает анализа и читается скорее как пародия, нежели как настоящая поэзия. <...> Сам текст свидетельствует о том, что автор еще молод; но, отдав дань увлечениям молодости на литературном поприще, он, быть может, с годами станет великим поэтом.

«Абердин джорнал»:

Он уловил самую суть суинберновского стиля и кое в чем даже превзошел своего учителя. Временами его речь не вполне ясна, но в бессмысленное словоблудие он впадает нечасто, да и наихудшим из его оплошностей в этом отношении без труда найдутся параллели у того же Суинберна или Браунинга. Мистер Кроули наделен живым воображением и подлинно поэтическим темпераментом. Даже самый взыскательный критик не отыщет почти никаких огрехов в плавном, величавом потоке его ритмов. Он достиг совершенного мастерства в обращении со своим материалом. <...> И мы втайне предвкушаем тот не столь отдаленный миг, когда

Алистер Кроули займет достойное место среди общепризнанных мастеров английской поэзии.

Прочие газеты также, по сути, ограничились сожалениями о его юношеских недостатках и поощрениями к дальнейшей работе. Итог подвела «Бирмингем газетт»:

...Сила и искренность лежащей перед нами книги позволяет нам предположить, что будущее — на его стороне.

Откликнулись даже антиподы из Сиднея, что в Новом Южном Уэльсе:

Стих его временами достигает высокой планки, хотя и не всегда ее выдерживает; но, так или иначе, некоторые песни с отличающей их скорбной мелодичностью надлежит признать подлинными шедеврами. Мы несомненно еще услышим о мистере Кроули более благосклонные отзывы, если он сумеет обуздать своего гариющего Пегаса («Сидней морнинг геральд»).

Только «Пэлл мэлл газетт» недвусмысленно потребовала от поэта «прикрыть лавочку»:

Мистер Кроули относится к себе чересчур серьезно; он думает, что у него есть великая миссия, и убежден, что его поэзия должна найти отклик во всем мире и среди будущих поколений. Хотелось бы и нам думать так же <...> однако мы вынуждены отвергнуть эту приятную перспективу и высказать собственное мнение на сей счет. Мы полагаем, что подавляющее большинство читателей этого поэта оценивают его потенциал несколько иначе, нежели он сам. Мы полагаем, что мистер Кроули — молодой человек. <...> Вся книга говорит о том, что автор еще очень молод. Об этом свидетельствует и традиционное для молодых поэтов подражание Суинберну, и (увы!) обычная неспособность выдерживать его манеру, избегая его манерностей. <...> Не хотелось бы занимать

внимание читателя рассуждениями о типично юношеской аффектации. <...> Мы не стали бы уделять мистру Кроули так много места, если бы критические отзывы в прессе на его предыдущие публикации не свидетельствовали о том, что некоторые наши современники в свое время сочли нужным поощрить его к дальнейшим метрическим упражнениям. <...>

Но самым честным, пожалуй, следует признать отзыв рецензента из «Джуиш уорлд»:

Оценить уровень и значимость работы мистера Кроули оказалось чрезвычайно затруднительно. <...> Его талант неоспорим, но он тратит его впустую на тщетную погоню за непостижимым.

«МАТЕРИНСКАЯ ТРАГЕДИЯ» (1901)

К тому времени, когда эти напутственные отклики появились на страницах газет, Кроули уже был далеко и мысли его были заняты совсем другими вещами — от мексиканских вулканов до гималайских лавин. И, тем не менее, в 1901 году вышло в свет частное издание новой поэмы — «Материнской трагедии», благодаря чему интерес к поэту не пропал и в его отсутствие. В литературных кругах эта книга вызвала бурные дискуссии. И снова Кембридж обрушился на Кроули с нападениями, а Оксфорд встал на его защиту:

«Кембридж Ревью»:

Как ни досадно для обозревателя работать всерьез с изданием, опубликованным автором за свой счет и любезно присланным на рецензию, но эта книга все же потребовала к себе особого внимания, ибо она заслуживает громких протестов со стороны всех любителей литературы и ценителей порядочности. Посвященная, насколько вообще что-то можно понять из пролога, демонстрации самых непристойных предметов¹,

¹ Такой вывод рецензент сделал из вводного примечания к «Материнской трагедии», в котором утверждается: «Из множества ее моральных посылок

она ни на шаг не отступает от этой заявленной цели. И если для человека, чистого душой, эта книга просто отвратительна, то в глазах художника она поистине чудовищна. По счастью, если под обложкой ее и водятся какие-то мысли, они сокрыты от глаз читателя в таких лабиринтах изощренного словоблудия, что уловить намек на ужасы, талящиеся в глубине, удастся лишь от случая к случаю.

«Оксфорд мэгэзин»:

Мистер Кроули имеет все основания притязать на звание поэта. Большинство людей, которым доводилось всерьез задумываться о загадках жизни, приходили к выводу, что религия, которую в наши дни исповедуют все, за малым исключением, их собратья, — не более чем бесплодное посмешище. <...> По-видимому, мистер Кроули убежден, что мир прогнил до мозга костей, — и он в значительной степени прав. <...> Азбучных истин в этой дерзкой поэме немало. Но мы с вами живем в лицемерный век, и автор незаурядных стихов, которые мы здесь рассматриваем, по всей видимости осознает это, ввиду чего и отпечатал свою книгу частным образом. <...> Великолепные стихи — языческие по своей мощи и живости красок.

Возможно, тот же самый кембриджский студент или кто-то из его приятелей поместил разгромную рецензию в «Атенеуме»:

Мистер Кроули — эдакий Суинберн для бедных: вторичный, необразованный, не владеющий слогом и не чувствующий красоты. Правда, ему присуща некоторая ритмическая живость, однако на этом все литературные достоинства его стихов и заканчиваются. Чтобы составить представление о «Материнской трагедии» и других стихотворениях» (опубликованных частным

основна · заключается в том, что грех пожнет свой урожай, невзирая на все покаяния, молитвы и прочие уловки, при помощи которых человек тщится избежать Судьбы».

образом), читателю достаточно вообразить себе пустомелю, непрерывно что-то доказывающего с пеной у рта. Впрочем, даже эта нелюбезная метафора не передает всей тошнотворности предметов, которые считает своим долгом воспевать мистер Кроули. «Материнская трагедия» — это драма о кровосмешении, полная насилия и грубости. Некоторые из «других стихотворений» еще хуже.

В то же время, «Академия» откликнулась на новую книгу вполне благосклонно:

Рецензируя не так давно одну из книг Алистера Кроули, мы, подобно «вздорному Кристоферу», смешили хвалу с хулой¹. И теперь нам придется продолжить в том же духе, ибо «Материнская трагедия» ушла от предыдущей книги не настолько далеко, чтобы в ней не обнаружилось уже подмеченных нами особенностей. Сила и смелость никуда не делись; по-прежнему здесь и мускулистые фразы, которые буквально хватают читателя за грудки и трясут, пока не добьются похвалы; однако никуда не делись и неопрятность, несдержанность, расшатанность формы, бессвязность выражений и обилие неуклюжих, сбивающих читателя с толку словесных конструкций. Во многих стихотворениях не найдется ни единого слова, за которым бы не чувствовалась огромная сила; однако это, если можно так выразиться, сила безумия — настолько неподвластна она воле автора, настолько искажена и судорожна. Неистовые порывы и бурные словоизлияния внезапно сменяются скомканными обрывками фраз и неясным бормотанием. Многие стихи восхищают мощью таланта, однако многие и разочаровывают скованностью и несовершенством выражения. Тем не менее, в этой поэзии есть мысль; она бурлит смыслом, хотя временами этого бурления становится слишком много. Впрочем, это

¹ Аллюзия на эпиграмму Альфреда Теннисона «Кристоферу Норту» (1833), адресованную критику Джону Уилсону, который пользовался этим псевдонимом.

вполне простительный недостаток. Лучше уж мы будем читать мистера Кроули, продираясь сквозь все его невнятицы (а он и впрямь становится невразумителен до крайности, когда пытается вложить в одну строку больше, чем позволяет ему талант), нежели бултыхаться в чуть теплой водичке чьих-нибудь третьесортных вишей. Сама поэма слишком наглядно демонстрирует, скольких усилий она стоила автору. <...> Однако сама заложенная в нее энергия неизменно перевешивает балласт ее недостатков, — несмотря на то, что от начала и до конца она выдержана в торжественном, степенном тоне. В действительности поэт всегда знает, о чем он говорит, несмотря на то, что читателю нередко кажется, будто это не так. <...> Добавим, что частую мистер Кроули со всей беспощадной последовательностью доводит свои рассуждения до конца, тогда как для поэзии было бы лучше (по нашему мнению) кое-что оставлять недосказанным.

«ДУША ОСИРИСА» (1901)

В том же 1901 году в издательстве «Кеган Пол» вышел поэтический сборник «Душа Осириса», на который последовали по обыкновению противоречивые отзывы. Один критик писал:

Несмотря на всю свою безусловную мощь <...> книга остается крайне отталкивающей и необоснованно оскорбительной. <...> То и дело возникают все эти набившие оскомину уродливые подробности, к которым приучила нас натуралистическая школа поэзии.

Книга добралась до Америки и удостоилась восторженного отклика в «Нью-Йорк Нэйшн»:

Глубина, масштаб и страстная напряженность чувства во многих из этих стихов неоспоримы. То же самое можно сказать о богатстве и зримом великолепии образов, равно как и о гибкости и преображающей силе ритмов, —

а плимутские критики совершили для себя открытие:

От этой книги невозможно оторваться даже тогда, когда тематика стихов теряет свою привлекательность. Рискнем предположить, что в лице Алистера Кроули мы обрели гениального поэта, дар которого еще расцветет во всей полноте <...> («Вестерн морнинг нюс», Плимут).

Г.К. Честертон, чья звезда в то время только еще восходила, решил воспользоваться этим случаем, дабы выразить собственные религиозные предпочтения и продемонстрировать читающей публике свою способность к забавным парадоксам. Его большую статью в «Дэйли нюс» мы приводим далее почти полностью и сопровождаем ответом, который Кроули позднее опубликовал в одном из примечаний к своему сборнику «Меч песни».

ДУША ОСИРИСА

*Статья Г.К. Честертонa,
«Дэйли нюс», 18 июня 1901 года*

Та часть ума, которая повсюду ищет лишь пустых разалечений, определенно находит нечто забавное в пылких божествах мистера Кроули, носящих такие имена, как Мут, Нут и Ра, Шу и Хормаху. Они не в силах возбудить в душе англичанина благочестивый восторг. Вот что говорит нам мистер Кроули:

*Гнетет меня несокрушимый крест,
Я принял бремя, что превыше сил,
Не тело — душу власяница ест,
Вотще себя я в жертву приносил.
Владыка Шу, держащий небосвод,
Держи меня, не то твой раб умрет!*

Все мы способны с уважением отнестись к религиозным символам мистера Кроули и не станем мешать

ему взывать к своему Шу в любое время ночи. Но пусть не жалуется, если его благочестивые экзерсисы со стороны будут приняты за попытки разогнать стаю бездомных кошек¹.

Кроме того, поэты школы мистера Кроули, невзирая на все свои достоинства, постоянно подвергают себя нешуточной духовной опасности, проистекающей из этой склонности заимствовать чужие религиозные идеи, с легкостью менять одних богов на других. Мы охотно согласимся с тем, что все вероучения достойны и все боги божественны. Но это-то и есть причина, по которой лучше довольствоваться своими богами, чем воровать чужих. Подлинные уроженцы Востока, должно быть, немало, хотя и беззлобно, посмеиваются над противоестественными попытками многих современных мистиков перенять восточную культуру и образ мышления. Воображать, будто тюрбана и нескольких клятв вполне достаточно, чтобы превратить англичанина в индуса, — все равно что думать, будто черный цилиндр и оксфордская степень сами по себе сделают из индуса англичанина. Некоторые европейские мистики заслуживают со стороны восточного человека не просто насмешек, а кое-чего посерьезнее. Если на свете когда-либо и был человек, которого честный индус мог бы с чистой совестью разорвать в клочья, так это мадам Блаватская.

То, что наши искушенные деятели искусства способны хоть на мгновение поверить в возможность и чрезвычайную важность спасения души, — это несомненное благо. <...> Если мистер Кроули вкупе с новыми мистиками хоть на миг допускает, что египетская пустыня более мистична, чем английский луг, пальма более поэтична, чем сассекский бук, а руины храма Осириса ближе к миру сверхъестественного, нежели баптистская часовня в Брикстоне, то они — сектанты. <...> Но мистер Кроули — поэт могучий и подлинный, так что мы почти не сомневаемся, что он перерастет свое восхищение храмом Осириса и возрастит в своей душе

¹ Имя Шу, древнеегипетского бога воздуха, созвучно английскому слову «shoo!» («кыш!», «брысь!»).

способность более возвышенную и всеобъемлющую, — способность столь же неподдельно восхищаться брикстонской часовней.

Кроули ответил на это в одном из примечаний к «Мечу песни»¹:

Воспользуюсь этой возможностью выразить свой протест против обвинений, выдвинутых мистером Честертоном против англичан, «которые пишут философские эссе о великолепии восточной мысли».

Если бы его критика была направлена лишь на переводчиков такой общеизвестной восточной книги, как «Ветхий Завет», я целиком и полностью был бы на его стороне; любой современный библиист с готовностью пояснит ему, что я имею в виду. Миссионерам (и Томми Аткинсам²) тоже понадобилось немало времени, чтобы усвоить, что Будда — не «великий бог», а нечто совершенно иное. Правда, они и не желали этого усваивать; сочувствие и понимание — не самые главные достоинства что для солдата, что для миссионера. Но что может быть абсурднее, чем сравнивать таких людей, как сэр У. Джонс, сэр Р. Бёртон, фон Хаммер-Пургштал, сэр Э. Арнольд, профессор Макс Мюллер, я, профессор Рис-Дэвидс, Лейн и прочие наши выдающиеся ориенталисты³, с бедными и невежественными инду-

1 «Меч песни» — книга Кроули, опубликованная в 1904 году. См. стр. 87.

2 Томми Аткинс — прозвище солдата британской армии.

3 Уильям Джонс (1746–1794) — английский филолог и исследователь древнеиндийской литературы, автор гипотезы о существовании взаимосвязей между индоевропейскими языками, основатель Азиатского общества. Ричард Фрэнсис Бёртон (1821–1890) — английский путешественник, ориенталист этнограф, лингвист, писатель, поэт и переводчик; прославился своими путешествиями по странам Азии и Африки, обширными познаниями; по некоторым данным, говорил в общей сложности на 29 языках. Йозеф фон Хаммер-Пургштал (1774–1856) — австрийский ученый-ориенталист и дипломат; с 1847 г. президент Австрийской Академии наук; переводчик; автор множества научных трудов по истории и литературе стран Востока. Эдвин Арнольд (1832–1904) — английский поэт и журналист, автор стихотворной биографии Будды Гаутамы, вышедшей в 1879 под названием «Свет Азии», и поэтического переложения «Бхагавад-гиты» на английский язык («Песнь небесная», 1885). Макс Мюллер (1823–1900) — немецкий филолог и ориенталист, один из основателей западной индологии и сравнительного религиоведения, руководитель масштабного проекта по переводу восточной классики на английский язык — 50-томной

сами, которые время от времени приводят читателей «Спортинг таймс»¹ в восторг своими письмами — написанными, заметим, за несколько пайс общественными писцами на туземном базаре. Что же касается «бабу» (полагаю, стоит заметить, что бабу — это эквивалент нашего «мистера», а не название какого-нибудь дикарского племени²), то мистеру Честертону из своей брикстонской брахмалоки³, вероятно, кажется, что «бабу» не понимают западных идей; но один высокопоставленный чиновник из Мадрасского президентства, в свое время занявший в Кембридже второе место на экзамене по математике среди достойных соперников, заверил меня, что лично знаком с туземцем, владеющим математикой лучше среднестатистического кембриджского выпускника, отличившегося на экзамене по этому предмету, а также встречал еще нескольких, почти ему не уступающих. Столь же несправедливыми следует признать нападки, которым мистер Честертон подвергает мадам Блаватскую, так как многие местные жители — не теософы, прошу заметить, — в разговорах со мной отзывались о ней с огромным уважением. Рассчитывать, что «честный индус» будет мыслить и судить с тех позиций, которые приписывает ему мистер Честертон, невозможно, ибо последний, к сожалению, тоже человек западный, а, значит, пребывает в том же болоте невежественных и превратных представлений о Востоке, в котором, по его мнению, барахтаются профессор Мюллер и прочие вышеназванные особы. Труды мадам Блаватской на-

серии «Священные книги Востока» (1879—1910). Томас Уильям Рис-Дэвидс (1843—1922) — британский ориенталист, буддолог, специалист по языку пали, основатель Общества палийских текстов. Эдвард Уильям Лейн (1801—1876) — британский ориенталист, переводчик и лексикограф, специалист по современному Египту и арабскому Востоку в целом. К этому списку знаменитых ориенталистов Кроули ненавязчиво добавляет себя как путешественника по странам Востока, исследователя и практика восточных мистических традиций.

1 «Спортинг таймс» — еженедельная спортивная газета, выходившая в Англии в 1865—1932 гг. и посвященная в основном лошадиным скачкам.

2 В Британской Индии уважительный титул «бабу» служил для обращения к местным жителям, получившим современное европейское образование и занимающим должности гражданских служащих.

3 Брахмалока — в индуистской мифологии райская обитель Брахмы, в которую попадают после смерти люди, прожившие необычайно праведную жизнь и избавившиеся от цепи перерождений.

помнили индусам о величии их собственных шастр¹ и показали им, что некоторые западные люди разделяют их воззрения, расстроив тем самым происки бесчестных миссионеров, рисовавших перед местными жителями извращенный образ европейца. Моя репутация заклятого врага «теософии» позволяет мне выступать с подобными высказываниями без малейшей опаски.

Я надеюсь, что сознание долга перед обществом, вдохновившее меня на эти критические замечания, не покажется мистеру Честеру несовместимым с чувством благодарности, которую я желаю выразить ему за необыкновенно доброжелательную и беспристрастную рецензию на мою «Душу Осириса».

Однако я бы посоветовал ему оставить брикстонскую часовню в покое и «перерасти свое восхищение «Душой Осириса»», дабы взрастить в свое душе способность более возвышенную и всеобъемлющую, — способность столь же неподдельно восхищаться обзорами из «Спортинг таймс».

* * *

Мистер Честертон находит забавным, что я взываю к божеству по имени Шу. Неужели он позабыл, что самое уместное обращение к христианскому Богу — «Ях»? Я готов выразить ему искреннее сочувствие, если Бог по ошибке примет его религиозное воодушевление за презрительную фамильярность уличного мальчишки². Те же соображения применимы и к «Эль», и к прочим иудео-христианским божествам.

«ТАНГЕЙЗЕР» (1902)

Кроули вернулся в Европу в конце 1902 года — естественно, с массой материалов, готовых для публикации. Еще в Мексике

1 Шастра (санскр.) — здесь: комплекс знаний о том или ином предмете.

2 «Ях», одно из имен Бога, встречающихся в Ветхом Завете, созвучно англ. «yah» — сленговому варианту местоимения «you» (здесь: «ты»).

он написал поэму «Тангейзер» и отослал в издательство «Кеган Пол». Она вышла в свет до его возвращения из Гималаев и, по-видимому, оказалась чересчур сложна для профессиональных литературных критиков. Вот типичные примеры попыток хоть как-то откликнуться на ее появление:

«Пэлл мэлл газетт»:

Столь великолепная бумага, широкие поля и превосходное качество печати позволяют нам предположить, что богатством содержания книга превосходит даже изобилие языков, владение которыми автор столь щедро демонстрирует на протяжении всей поэмы. Но несмотря на все эти достоинства, ему так и не удалось затронуть глубокие струны нашей души.

«Дэйли кроникл»:

Утверждать с полной уверенностью, что Алистер Кроули относится к жизни как к священному таинству, мы не можем, потому что мы его не понимаем.

«АХАВ» [1903]

Нимало не обескураженный такими отзывами, Кроули заказал набрать следующую свою книгу — сборник «Ахав и другие стихотворения» — шрифтом, которым пользовался Кэкстон¹. Тем самым критики получили возможность очень легко оправдывать свое недоумение:

«Манчестер гардиан»:

Предыдущая работа мистера Алистера Кроули была весьма эксцентрична; в лучшем случае можно сказать, что он постарался не столько вселить в читателя уверенное понимание, сколько возбудить любопытство. Но, по-видимому, он счел это недостаточным и на сей раз возвел перед ценителями своей поэзии дополнительное препятствие, отпечатав книгу таким шрифтом, ко-

¹ Уильям Кэкстон (между 1415 и 1422 — 1492) — английский первопечатник.

торый неизбежно составит серьезную проблему для многих читателей.

«Глазго геральд»:

Не удовлетвоававшись обычной для второстепенных поэтов опасностью остаться незамеченным, мистер Алистер Кроули выбрал для своих стихов самый причудливый шрифт (кажется, немецкий готический), который искушает даже добросовестнейшего из рецензентов при первом же взгляде на его книгу сделать вид, что она уже прочитана.

«ЗВЕЗДА И ПОДВЯЗКА» [1903]

Недоумение лишь возросло после публикации «Звезды и Подвязки» — поэмы, увидевшей свет в том же году и сочитающей в себе элементы сатиры с глубокими метафизическими размышлениями и простым «озорством». Провинциальная пресса наивно выразила всеобщее замешательство:

«Бат кроникл»:

Своеобразный трактат о любви.

«Арброут геральд»:

Настолько умно, что местами совершенно не поддается пониманию.

«Ливерпуль курьер»:

Даже когда понимание приходит не сразу, все равно читаешь с удовольствием.

«АЛИСА: АДЮЛЬТЕР» [1903]

Следующая книга, по крайней мере, оказалась понятнее. Это был цикл сонетов, в которых поэт повествовал о своем романе с замужней дамой в Гонолулу — методично, день за днем, на протяжении всех пятидесяти дней, которые продлилось это любовное приключение. Сцена последнего расставания описывалась так:

*Последний поцелуй обжег, как яд,
И из очей горячий хлынул град:
«До будущего года!»; как стрела,
Меня пронзило горькое «прости»,
Расстались мы... и тотчас я постиг:
Какое счастье! Блажь моя прошла!*

Книгу опубликовало Общество распространения религиозной истины, зарегистрированное в Болескине, что близ Инвернесса; в связи с чем «Глазго геральд» выразил недоумение:

Признаться, мы так и не поняли, в чем заключается религиозный смысл этой книги. <...> Но многие сонеты, бесспорно, сильны. <...> Безупречная искусность этих стихов, их нежная музыкальность внушает только восхищение <...>

Некоего моралиста, писавшего для «Дэйли ньюс», при виде «Алисы» сразил благочестивый ужас:

Он не лишен своеобразного таланта — хрупкого, невротичного, лирического типа, но талант этот совершенно вторичен. <...> Что до содержания, то автор избрал своей темой неаппетитные воспоминания о некоем случайном знакомстве — воспоминания, которые буквально молят, чтобы им дали кануть в Лету, и передать которые в печать способен только человек, окончательно потерявший стыд и совесть <...> Большая часть книги явно нуждается в том, что некий поэт назвал «очистительным огнем». Можно найти пару недурных строк. Можно найти пару строф, дышащих очарованием, но очарование это бессмысленно и заемно <...>

Однако в «Инглиш ревью», которое в тот период было на пике популярности, сыскался ценитель поэзии, которому удалось провести вдумчивый и благожелательный анализ:

Эти любовные песни полны дивной страсти и почти сапфического неистовства. Каждый образ сверкает

и вспыхивает, как крошечный язычок пламени. <...> Стихотворение, открывающее книгу, отмечено жестким блеском и великолепием, вообще характерными для этого автора. Начальная сцена озаряет все чувства, как внезапно пробившийся сквозь тучи солнечный луч. <...> В числе многих вещей, которые приходят на ум при чтении стихов мистера Кроули, — их неповторимая отстраненность от всего обыденного и совершенная чуждость тому, что именуют «современным тоном» в поэзии. Надо полагать, он сознательно отказался читать сочинения поэтов, принадлежащих к романтической, импрессионистской школе, — а как иначе столь впечатлительный художник смог бы избежать их влияния? Еще одна особенность, бросающаяся в глаза, — прихотливость и непостоянство его вдохновения. Прогулка по саду стихов этого поэта — настоящее приключение, столь же волнующее, сколь и непростое, как если бы приходилось прокладывать себе путь в темноте, озаряемой только вспышками молний. Доля тьмы здесь и впрямь велика, а краткие вспышки — ослепительно яркие; но, вероятно, так бывает всегда, когда имеешь дело с поэзией редкостной утонченности.

В остальном отметим могучую метрическую силу и ритмы, столь яростные, что временами они как будто не выдерживают собственного неистовства, а также, в некоторых стихотворениях заключительной части книги, интересное применение философии парадокса <...>

«МЕЧ ПЕСНИ» [1904]

Эта книга занимает среди ранних работ Кроули особое место. Поражает уже сам ее внешний вид. Она была отпечатана всего в пятистах экземплярах, ин-кварто, в две краски (красную и черную). Темно-синий переплет был украшен с передней стороны золотым квадратом, составленным из трех чисел «666». На задней стороне помещалось имя «Алистер Кроули», записанное еврейскими буквами, которые также были расположены в форме квадрата и в сумме своих числовых соответствий

давали число 666¹. Основной текст книги (не считая введения) занимал сто девяносто четыре страницы, и шестьдесят две из них были отведены под поэмы «День Вознесения» и «Пятидесятница» — с колонтитулами, примечаниями на полях и некоторыми строками, выделенными красным цветом. Остальную часть книги, сто тридцать две страницы, занимали примечания к поэмам и приложения, посвященные в основном критическому анализу философии буддизма. Не исключено, что потомки причислят это издание к величайшим из шедевров, созданных Кроули. Однако его современникам почти не представилось возможности оценить его. Тираж был слишком мал и, несмотря на невообразимо низкую цену — всего 10 шиллингов за экземпляр, — книга расходилась медленно. Впрочем, несколько экземпляров все же дошли до прессы. Г.К. Честертон снова вступил в полемику с Кроули, опубликовав в «Дэйли ньюс» рецензию на эту книгу, занявшую три колонки и озаглавленную «Мистер Кроули и символы веры». Кроули ответил на нее памфлетом под названием «Сын Ефремов»². Вот что писал Честертон:

«Меч песни»

«Дэйли ньюс», сентябрь 1904 года

Мистер Алистер Кроули, по моему мнению, всегда был хорошим поэтом; правда, его «Душа Осириса», написанная в египетском духе, с художественной точки зрения превосходит эту высокопарную, как поэмы Браунинга, рапсодию в духе буддизма; но и последняя, несмотря на свою чрезвычайную претенциозность, весьма интересна. Однако главным в ней остается тот факт, что перед нами — сочинение человека, совершенно искренне убежденного в том, что буддизм лучше христианства.

Как мне представляется, свою поэму мистер Кроули начинает с пылким стремлением разъяснить читателям красоту буддийской философии; он немало знает

1 Была использована 16-буквенная транслитерация *ἄνθρωπος ἄνθρωπος*, выписанная в 4 строки по 4 буквы в каждой и действительно дающая в сумме 666.

2 Аллюзия на Пс. 77:9: «Сыны Ефремовы, вооруженные, стреляющие из луков, обратились назад в день брани».

о ней; он в нее верит. Но по мере того, как развивается его поэтическое повествование, в душе автора крепнет и набирает силу другое чувство — жгучая ненависть к христианству. <...> В сердце мистера Кроули обитает не только прекрасная страсть человека, исповедующего буддизм, но и нечто более сильное — страсть человека, отвергающего христианство. Однако своей книгой он лишь добавляет еще одно показание к бесчисленному множеству голосов, свидетельствующих о непреходящем очаровании и живучести этой веры. <...> Простой плотник ходил по городам и весям, никому не делая зла; затем богачи и скептики, саддукеи и почтенные старейшины внезапно накинулись на него толпой и пригвоздили к кресту как отребье общества; а затем люди увидели, что он — бог. Доказательством того, что он — не простой человек, стало то, что он принял смерть. А доказательством того, что его религия — не просто гипотеза, служит то, что ее ненавидят.

Интерпретацию буддизма, которую предлагает мистер Кроули, я намереваюсь рассмотреть подробнее на следующей неделе, так как в сегодняшней колонке мне на это уже не хватит места.

Г.К. Честертон.

Кроули ответил следующее:

Основной аргумент нашего Автора в защиту христианской религии — то, что ее ненавидят. Дабы выставить меня свидетелем в пользу этой колоссальной энтимемы¹, он с нечеловеческой храбростью заявляет, что мой «Меч песни» начинается с попытки изложить суть буддизма, но затем, мало-помалу поддаваясь ненависти к христианству, я забываю о своей первоначальной задаче и под конец попросту впадаю в буйный бред. Возможно, моя книга и впрямь во многих отношениях сложна, но только мистеру Честертону могло прийти в голову, что ее легче будет понять, если прочесть задом наперед.

1 Энтимема — сокращенный силлогизм, в котором посылка или заключение остаются не выраженными, но подразумеваются.

Любой читатель может без труда удостовериться, что выступление против христианства — настолько резкое и яростное, насколько то оказалось мне под силу, — приходится на первые двадцать девять страниц этой книги; оставшиеся же страницы, числом сто шестьдесят одна, занимают а) критика материализма; б) эссе по метафизике, направленное против адвайтизма; и в) попытка продемонстрировать тесные параллели между каноническим буддизмом и учением современных агностиков. Ни в одной из этих работ я не касаюсь христианства — разве что случайно и вскользь, если придется к слову. Теперь я с нетерпением жду от мистера Честертона нового учебника по истории Англии, в котором бы объяснялось, как боевой дух, проснувшийся в англичанах благодаря тибетской кампании, повлек за собой злосчастную войну с бурами — злосчастную, ибо отложение Трансвааля слишком ослабило нас и сделало легкой добычей для Вильгельма Завоевателя¹ <... >

Но вернемся к самой энтимеме. Достаточно одного соображения, чтобы выявить всю ее несостоятельность. Люди ненавидели самые разные вещи и до рождения Христа (если допустить, что он вообще существовал), и впоследствии. Рабство тоже вызывало ненависть. Станет ли наш Логик на этом основании заявлять о непреходящем очаровании и живучести рабства? И если кобра живет, следует из этого, что она безобидна? <... >

Что же до предполагаемого убийства Иисуса из Назарета, то меня оно не волнует. Более того, я сомневаюсь, что в своем подходе к вопросу смерти наш *Fid. Def.*² соберет много единомышленников. Все мы умрем. Или двое разбойников, которых те же самые люди «пригвоздили к кресту как отребье общества» по обе стороны от Христа, — тоже Боги? Основывать религию

1 В действительности британская военная кампания в Тибете пришлась на 1903–1904 гг. и, несмотря на свою успешность, не встретила поддержки среди самих британцев, деморализованных длительной войной с бурами; вторая и последняя англо-бурская война завершилась в 1902-м победой англичан и повлекла за собой не отложение, а аннексию Трансвааля Англией; нормандский герцог Вильгельм Завоеватель захватил Англию в 1066 году.

2 Аббревиатура от лат. «Fidei Defensor» — «Защитник веры».

на факте смерти, пусть даже и насильственной, — чем это лучше африканского фетишизма? Разве смерть — более убедительное доказательство, нежели жизнь? С таким же успехом мистер Честертон мог бы заявить, что не найдет в жизни счастья, пока его не повесят. <...>

Впрочем, ему, как и мне, прекрасно известно, что в этой стране найдутся тысячи таких, кто с радостью взирал бы, как он корчится в вечных муках — в этом состоянии, невозможном даже физиологически, — за то что он позволил себе назвать кое-кого «простым плотником», пусть даже и со всем почтением. По моему мнению, вешать следует именно таких христиан, а не мистера Честертона. <...>

* * *

ПОСТСКРИПТУМ. После выхода его статьи «Мистер Кроули и символы веры» я дал ему знать о своем намерении ответить. После этого атака захлебнулась, и о дальнейшей судьбе, постигшей мистера Честертона, мне неизвестно.

*С полусловом в устах и на полукивке,
Не склонив до конца головы,
Он внезапно и плавно исчез вдалеке...
...Ибо я был Буджумом, увы!¹*

Стоит напомнить, что книга вышла тиражом всего 500 экземпляров. Очевидно, что публике было непросто составить о ней мнение из первых рук. Тех, кому она все же попадалась на глаза, поражала, скорее, оригинальность оформления, нежели серьезное, вне всяких сомнений, религиозное содержание. Стихотворная часть книги весьма эффектна, если не сказать большего. Большие фрагменты этих поэм Кроули написал в альпинистском лагере на леднике Балторо, на высоте более 22 тысяч футов² над уровнем моря, в период выздоровления

1 Цитата и парафраз из заключительной строфы «Охоты на Снарка» Льюиса Кэрролла (использован рус. пер. М. Пухова).

2 Около 6,7 км.

от малярии (?)¹. Местами язык в них совершенно разговорный, например:

*Так не сверкали Чандрой даже йоги!²
Вернется ли Христос нам на подмогу?
Ау!.. Эгей!..*

Многие строки звучат откровенно скептически:

*Сих строк метафизическая суть
Абсурдна, ибо кару я несу:
Едва лишь втисну мысль свою в оковы
Железного отточенного слова,
Как вижу тотчас: «Это же абсурд!»*

В то же время виртуозность рифм буквально захватывает дух. В заточении своей заваленной снегом палатки, с томом избранных сочинений Браунинга под рукой, поэт развлекался — в перерывах между шахматными партиями — поисками рифм к таким словам, как «refuge», «reverence», «country», «virgin», «courtesan», «Euripides», «Aristophanes», «Aeschylus», «Aischulos», «Sophocles», «Aristobulos», «Alcibiades», «fortress», «unfashionable», «sandwich», «perorate», «silver», «Bishop» (на это слово он подобрал целых восемь рифм), «Sidney» (три рифмы), «maniac», «Leviticus», «Cornelius», «Abramelin», «Brahmacharya», «Kismet», «Winchester», «Christ Church», «Worship», «Chesterton», «Srotapatti», «Balliol» и т. д.³ Примечания на полях почти неизменно провокационны:

1 Малярией Кроули заболел еще в 1900 году в Мексике, и с тех пор время от времени болезнь давала рецидивы, один из которых пришелся как раз на период экспедиции на К2.

2 Кроули дает примечание: «Англицизм; от выражения “сверкать луной”». Это английское выражение означает «показать голую задницу» и используется в значении «убегать, скрываться».

3 Эти слова, к которым в английском языке действительно непросто подобрать рифмы, в переводе (в контексте поэм; AD — «День Вознесения», P — «Пятидесятница») означают: «убежище» (AD 9), «(ваше) преподобие» (AD 13), «страна» (AD 18), «Дева» (AD 19), «куртизанка» (AD 26), «Еврипид» (AD 30), «Аристофан» (AD 32), «Эсхил» (AD 34), «Айшулос» (AD 36; буквальная передача имени «Эсхил», над которой Кроули насмехается, ссылаясь на Роберта Браунинга, критикующего подобный подход к транслитерации греческих имен), «Софокл» (AD 38), «Аристул» (AD 40), «Алкивиад» (AD 43), «крепость» (AD 72), «старомодный» (AD 139), «сэндвич» (AD 145), «резюмировать»

*«Что есть истина?» Пилат спросил это в шутку;
а Кроули до сих пор ждет ответа.*

Будда упрекает Поэта.

Поэт поклоняется своему дяде¹.

Поэт дает шанс читателю.

Кто простит Иуду?

*Творца небесного терзают адские муки: бард его
пристыдил.*

От Иисуса избавляются под всеобщий смех.

Как же я умен!

От Кроули избавляются под всеобщий смех.

Бард ставит шах и мат самому себе.

Бард доволен собой.

И немного поэзии.

Понтий Пилат как сюрреистский магистрат.

Не менее провокационны и сноски, например:

Итон — школа, снискавшая славу как рассадник хамов и неучей. На ее спортивной площадке была выиграна битва при Ватерлоо (1815).

«Возносится Христос...» — и признаюсь вам честно: если он не вернется к тому времени, как я дочитаю эти гранки, я в нем разочаруюсь.

Полное название книги таково:

**Меч песни,
именуемый среди христиан
Книгой Зверя**

(AD, 148), «серебро» (AD 149), «Бишоп» (AD 167, фамилия дяди Кроули по материнской линии), «Сидней» (AD 177), «маньяк» (AD 252), «Левит» (AD 254), «Корнелий» (P 27), «Абрамелин» (P 29), «Брахмачарья» (P 67), «кисмет» (P 99), «Винчестер» (P 124), «Церковь Христова» (P 126), «поклонение» (P 148), «Честертон» (P 767); здесь Кроули вновь насмеяется над Г.К. Честертоном и его «брикстонской часовней»), «шротатапти» (P 195), «Баллиол» (P 796).

1 Имеется в виду дядя Кроули по материнской линии, Том Бонд Бишоп, чиновник таможенной службы и филантроп, основатель «Детского библейского общества». Кроули питал к нему глубокую неприязнь за ханжество и догматизм и неоднократно высмеивал его в своих книгах.

В тексте Кроули упоминает о своей матери, которая

*...в имени моем смогла прочесть
Каким-то чудом цифры «шесть, шесть, шесть», —*

и, словно принимая неизбежное, гордо восклицает:

*Число же мне, бесспорно, подойдет
(Видали, как украшен переплет?);
Его я заслужу когда-нибудь:
В нем — Человека звание и путь.*

Остается только добавить, что сразу же после выхода книги в свет Кроули разослал по экземпляру всем упомянутым в ней лицам (кроме покойных), приложив к каждой посылке следующее циркулярное письмо:

*АДРЕС ДЛЯ ПИСЕМ И ТЕЛЕГРАММ: Болескин, Фойерс
(в дальнейших подробностях нет нужды).*

*АДРЕС ДЛЯ СЧЕТОВ, УВЕДОМЛЕНИЙ, СУДЕБНЫХ ПОВЕСТОК
И Т. Д.: лагерь № XI, ледник Балторо, Балтистан.*

О, миллионер!

Господин издатель!

Дорогая миссис Эдди!¹

Ваше Святейшество, Папа Римский!

Ваше Императорское Величество!

Ваше Величество!

Ваше Королевское Высочество!

Дорогая мисс Корелли!²

Ваша Светлость!

Милорд кардинал!

Милорд архиепископ!

Милорд герцог!

Милорд маркиз!

¹ Мэри Бейкер Эдди (1821–1910) — американская религиозная деятельница, основательница движения «Христианская наука», основанного на Библии и практиках «духовного врачевания».

² Мари Корелли (наст. имя Мэри Маккей, 1855–1924) — популярная в конце XIX — начале XX веков английская писательница, автор сентиментальных романов на мистические и религиозные темы.

Милорд виконт!
Милорд граф!
Милорд!
Милорд епископ!
Ваше Преподобие!
Сэр!
Друз!
Пес!
Мистер конгрессмен!
Мистер сенатор!
Мистер президент!
(или любое из вышеперечисленного в женском роде);
нужное подчеркнuto,

ввиду того обстоятельства, что на странице ... моего шедевра «Меч песни» я

а) воздаю должное Вашему гению;

б) подвергаю критике Ваш

(1) политический

(2) нравственный

(3) общественный

(4) интеллектуальный

(5) физический облик;

в) склоняюсь перед Вашим величием;

г) ссылаюсь на Ваши действия;

д) взываю к Вашим лучшим чувствам, —

правила хорошего тона обязывают меня отослать вам экземпляр упомянутой книги, что я и исполняю настоящей посылкой, дабы предоставить вам возможность защититься от моих чудовищных обвинений, поблагодарить меня за рекламу или, одним словом, ответить так, как это представится вам наиболее подходящим случаем.

Ваш смиренный, покорный слуга
АЛИСТЕР КРОУЛИ.

Пожалуй, никакая другая книга Кроули не раскрывает так наглядно всю сложность и прихотливость его натуры. Экземпляр «Меча песни», очевидно, дошел до обозревателя «Йоркшир пост», откомментировавшего книгу так:

Поэзия мистера Кроули, если мы вправе назвать ее таковой, в любом случае несерьезна по форме. Она просторечнее, чем «Легенды Ингольдсби»¹, а ее содержание или, точнее, способ его выражения, совершенно явно, хотя и непонятно зачем, рассчитан специально на то, чтобы вывести из себя не только христиан, против которых эти стихи обращены непосредственно, но и любого сколько-нибудь серьезного последователя любой религии. <...> Впрочем, книга мистера Кроули свидетельствует о большой начитанности. Но если сама форма и тон его работы преграждают ей доступ к читателю, то мистери Кроули некого в этом винить, кроме себя.

Рецензент из «Сент-Джеймс газетт» подвел итоги в следующих словах:

Нагромождение дешевых богохульств и ловкие манипуляции метром и ритмом. Христианство-то переживет, а вот репутации автора может не поздоровиться.

Наконец, «Литерари гайд», этот рупор рационалистов, вполне адекватно выразил недоумение всех читателей, которым удалось обзавестись этой книгой:

«Меч песни» — шедевр эрудиции и сатиры. В стихах, то легких, то замысловатых, то несомненно изящных, последовательно излагаются и отвергаются всевозможные философские системы. Вторая часть книги, прозаическая, посвящена разбору различных путей исследования, позволяющих перейти от неудовлетворительной позиции

¹ «Легенды Ингольдсби» — собрание псевдонародных легенд, стихов и рассказов о привидениях, впервые вышедшее в 1837 году под именем некоего Томаса Ингольдсби из поместья Таппингтон. Подлинным автором легенд был Ричард Харрис Барем (1788–1845), писатель-романист, поэт и кардинал англиканской церкви.

скептика к подлинному, опирающемуся на научную основу и метод, постижению духовных явлений Вселенной.

Рецензировать книги мистера Кроули нелегко. Это один из самых блестящих современных авторов <...> О том, что мистер Кроули нашел и разрабатывает золотую жилу подлинной и прекрасной поэзии, лучше всего свидетельствуют его короткие стихотворения, проблескивающие порой, словно крупницы драгоценного металла, сквозь шероховатый кварц. Присущие мистеру Кроули истинное поэтическое чутье и обширные познания вкупе с незаурядным умом позволяют надеяться, что когда-нибудь он создаст шедевр непреходящей ценности. <...> На страницах «Меча песни» — немало достойных находок, но еще больше — таких строк, которые не пробудят в душе среднестатистического читателя (до которого мистеру Кроули, со всей очевидностью, и дела нет) ничего, кроме чистого недоумения. Временами попадаются островки поистине завораживающей красоты; добродушный эгоцентризм забавляет; виртуозные примечания, полные иносказаний и намеков, повергают в изумление. <...> Что касается прозаических частей книги, то в эссе «Наука и буддизм» можно найти весьма проникательные наблюдения, но мы должны признаться, что суть статьи об «онтологии» ускользнула от нашего понимания. Поэтический эпилог красив и превосходно завершает всю композицию.

«Почему Иисус плакал» [1904]

Эта драматическая поэма была отпечана всего в пятистах экземплярах. Написана она была на Цейлоне и представляет собой сатиру на английское общество, посвященную, помимо прочих, мистеру Г.К. Честертону, Христу и нерожденному ребенку самого поэта. Честертон также выведен среди персонажей драмы — в роли божества, председательствующего на собрании «плимутских братьев»:

Наверху, с оливковой ветвью в одной руке и газетой «Дэйли ньюс» — в другой, парит в падмасане [«позе

лотоса», в которой часто изображается Будда. — Примеч. А. Кроули] мистер Г.К. Честертон, распеваящий на один голос «Под Иисусовым крестом»¹, а на другой — «Боже, храни королеву!», да в такой манере, что любой моряк, не чуждый благородному стремлению преуспеть на этом традиционном для своего рода занятий поприще, позеленел бы от зависти.

Вложив в уста одного из «братьев» упоминание о «баптистском священнике из Брикстона» и добавив ремарку: «Мистер Честертон отплясывает кэк-уок», — Кроули тем самым принял вызов, брошенный ему Честертоном в рецензии на «Душу Осириса».

На эту новую книгу последовал, по-видимому, лишь один отзыв. Ни в коей мере не будучи кощунственной в мало-мальски разумном смысле этого слова, поэма выражает — и притом исключительно ярко — ненависть чувствительного поэта ко всей жестокости и фальши псевдохристианского общества, одержимого похотью; итог подводится в эпилоге:

*Я рассказал, каким сражен
Недугом честный Альбион.
<...>
De gustibus non est... (Смолчу!
Продолжить строчку — по плечу
Любому школяру!) Зане
Уединенье слаще мне.
И вот, один, покинув свет,
В пижаму старую одет,
Листы марая исступленно,
Сижу среди красот Цейлона.
Я прах Британии отряс
Со стоп своих; на этот раз
Я задержусь, доколь смогу
На этом дальнем берегу,
Близ Канди, средь озер и куш;
Когда же (я не всемогущ!)
Нужда обратно призовет,*

1 Христианский гимн, популярный в последней четверти XIX века.

Дышать я стану через рот.
Прощай, народ мой непристойный!
Куда милее храм, чем стойло.
Прощай, приятель благочинный!
Милее факел, чем лучина.
Вдали от вашей стороны
Любовь чиста, уста верны,
И поцелуй ведет поэта
В миры прекраснее, чем этот.
И не вернется он, доколе
Милей клоаки цвет магнолий.

Такого не выдержал даже «Литерари гайд», славившийся своим «свободомыслием»:

Эту работу следует держать подальше — и непременно под замком — от всех богобоязненных и невинных. <...> Только мистер Кроули мог сотворить такую странную смесь сквернословия, непристойностей, поэзии и остроумия; и, само собой, никакой другой автор не решился бы напечатать под собственным именем такое беспощадное опровержение всех условностей. Но демонстрация своего свирепого мужества, к которой так склонен мистер Кроули, не всегда принимает желательный оборот, и многие читатели останутся недовольны тем, что он спустил свой гений с цепи так надолго.

ДРУГИЕ РАННИЕ РАБОТЫ

К ним относятся «Аргонавты» (1904), «Оракулы», «Орфей» и «Rosa Mundi»¹ (1905) и «Горгульи» (1906). Общее мнение прессы о сочинениях этого периода выражают следующие два отзыва на «Аргонавтов»:

«Литерари уорлд»:

Мы прочитали это произведение от начала и до конца — то с изумлением, то с улыбкой, то с восхищением. И мы не понимаем, как у писателя, способного на лучшее из того, что

1 «Роза Мира» (лат.).

есть в «Аргонавтах», поднялась рука передать в печать худшее из того, что в них есть. <...> Очень жаль, что муза Алистера Кроули столь капризна.

«Манчестер гардиан»:

Мы начали не без предубеждения, однако вскоре эта работа пробудила в нас искренний интерес. <...> Восхищает техническое мастерство автора. В белых стихах он являет легкость и уверенное изящество слога; лирические же части отмечены изысканной метрической красотой. Несмотря на все свои странности, мистер Кроули — обладатель подлинного и редкостного поэтического таланта.

«ЗВЕЗДА НА ЗАПАДЕ»

В 1905 году Кроули снова отправился в Гималаи — в составе альпинистской экспедиции на Канченджангу. В 1906-м он совершил пешее путешествие через Китай вместе со своей женой и ребенком; в 1907-м — в обществе графа Танкервилля посетил Марокко и побывал среди тамошних пустынных племен. За эти три года вышло в свет его «Собрание сочинений», изданное в трех томах на тонкой бумаге; в год выходило по одному тому. В то же время болескинское Общество распространения религиозной истины выпустило проспект с объявлением о «Конкурсе на лучшее эссе», озаглавленный следующим образом:

Шанс года!

Шанс столетия!

Шанс геологического периода!

Победителю этого конкурса на лучшее эссе о сочинениях Алистера Кроули был обещан приз размером в 100 фунтов стерлингов. Тем, кто добросовестно намеревался принять участие в состязании, «Собрание сочинений» предлагалось по сходной цене — всего за 5 фунтов. Разумеется, пресса не упустила такой удобный случай поупражняться в остроумии за счет «Общества распространения религиозной истины». «Манчестер курьер» заметил:

Такой способ рекламы второстепенных поэтов ничем не лучше публикации их стихов, которой занимается это Общество.

Тем не менее, один участник для этого необычного конкурса все же нашелся — и в конце концов победил. Это был капитан Дж.Ф.Ч. Фуллер, служивший в Оксфордширском батальоне легкой пехоты, а ныне (в 1930 году) состоящий в Военном министерстве. В 1907 году его эссе было опубликовано отдельным изданием под заголовком «Звезда на Западе». Без преувеличения можно утверждать, что это самая необычная критическая работа за всю историю поэзии. Бравый капитан не видел нужды в иносказаниях. Его проза грохочет, как кавалерийский полк на полном скаку:

*Природе понадобилось 100 000 000 лет, чтобы про-
извести на свет Алистера Кроули. Мир потрудился
не зря — в конце концов он породил человека. <...> Кроули
раскрутил тонкую нить, на которой он подвесил вселен-
ную, и та завертелась, извергнув за грань Пространства
и Времени жалкое мировоззрение всех этих умствую-
щих пауков. Он воздвигся на вершине нагой скалы Пирро-
Зороастризма¹, который, в отличие от индийской кар-
тины мира, покоится не на Слоне и не на Черепахе,
но на Абсолютном Нуле каббалистов-метафизиков.*

*Итак, вопрос: что же такое кроулианство и пирро-
зороастризм? И вот ответ: «Осанна Сыну Давидову!
Благословен Грядущий во имя Господне! Осанна
в вышних!»² Ибо пришедший в сей день в Альбион — пре-
выше Давида Юма³ и преславнее Давида Юма, будь тот
хоть трижды гений.*

1 Пирро-зороастризм — другое название «научного иллюминизма», системы познания вселенной, предложенного Кроули и выраженного в девизе «Метод — научный, цель — религиозная». Термин «пирро-зороастризм» происходит от имен легендарного персидского мага Зороастра (которого Кроули выбрал как представителя принципа «чистой веры») и древнегреческого мыслителя Пиррона (IV век до н.э.), представляющего принцип крайнего агностицизма.

2 Такими возгласами, согласно Мф. 21:9, народ приветствовал Иисуса Христа при входе в Иерусалим.

3 Давид (Дэвид) Юм (1711–1776) — шотландский философ, один из крупнейших представителей агностицизма и эмпиризма.

И нарекут имя ему: Еммануил, что означает «с нами Бог»¹, и это — Алистер Кроули, духовный сын того Иммануила, коий носил фамилию «Кант»!

И далее:

Из серебряного кубка смеха, из свинцовой чаши плача испили народы осадок множества жизней; ибо жена, облаченная в порфиру и багряницу, украшенная драгоценными камнями и жемчугом, дала им пить из золотой чаши мерзостей вино любодеейний своих, блудные зелья нечистот своих²; и ожесточились они, и впали в неистовство и безумье; и серебряную наготу дня облекли они шерстяным покровом тьмы, и стали искать в безднах ночи тайны вечного света.

О человек в земле Уц³, и ты опьянишься также; но будет чаша твоя вырезана из сапфира небес, а вино твое выжато из гроздьев бесчисленных звезд; и ты обнажишься, и белые члены твои окропит порфирная пена бессмертья. Ты оборвешь драгоценные кисти с мощны своей расточительной Фантазии; тыпустишь по ветру золотые и серебряные монеты своего рачительного Воображенья; и вино Безумья твоего омоет косы смешливых комет; и сверкающий кубок Иллюзий своих ты метнешь за пределы Пространства, за край Времен.

О ты, искатель Мудрости, и Добродетели, и многознающей Истины; о ты, скиталец в рощах Элевсинских; изопьешь ты вино Иакха⁴, и будет чаша твоя как

1 Ср. библейское пророчество о рождении Сына от Девы: «Итак Сам Господь даст вам знамение: се, Дева во чреве приимет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил». В переводе с др.-евр. это имя означает «с нами Бог».

2 Парафраз Откр. 17:4.

3 Аллюзия на библейского праведника Иова, жившего «в земле Уц», согласно Иов. 1:1; предположительно, это название этимологически связано со словом «оз» — «восток»; далее (1:3) об Иове говорится, что он был «знаменитее всех сынов Востока».

4 Иакх — древнегреческое божество, связанное с Элевсинскими мистериями и впоследствии слившееся с Вакхом-Дионисом, богом вина. По одним версиям — сын, питомец или супруг Деметры, несущий в себе черты земледельческого божества, по другим — сын Персефоны и Зевса, тождественный Дионису-Загрею. Имя его происходит от экзотического возгласа «иахх!», звучавшего в Элевсинских мистериях.

тройное пламя, оправленное в сапфир, берилл и аметист; ибо это — чаша Адептов, Героев и Богов. И тогда полынная горечь сердца твоего растворится в песнопениях душ, затерянных в океане понимания на веки и веки веков.

Затем следуют еще два абзаца в таком же духе, и, наконец, глава, из которой взят этот отрывок, завершается такими словами:

О, вино Иакха, о вино, вино, вино!

Я вовсе не хочу сказать, что вся книга капитана Фуллера сводится к подобной риторике. Большая часть ее представляет собой, по сути, прямолинейный рассказ о поэтических и философских достижениях Алистера Кроули. Читать «Звезду на Западе» всегда будет приятно — хотя бы ввиду обширных цитат из произведений самого Кроули, щедро украшающих ее страницы. Что касается изложения философии «кроулианства», то оно зачастую оказывается слишком педантичным и упрощенным и, как большинство кратких изложений философских систем, не может заменить оригинала.

Рассматривая работу капитана Фуллера в ретроспективе, нельзя не почувствовать, что его реакция на поэзию Кроули представляла собой крайне непосредственный и страстный порыв души, на какой может отважиться только очень храбрый человек. Чтобы принять и публично превознести такого поэта, как Кроули, да еще и в таких словах, которыми воспользовался капитан Дж.Ф.Ч. Фуллер, требуется немало храбрости — куда больше той, что побуждает «славу бренную искать хоть в пушечном жерле»; и, могу предположить, подобное качество — большая редкость даже для военных офицеров. При всем своем избыточном энтузиазме, «Звезда на Западе» — очень смелая книга. Бездна воззвала к бездне. Два мужественных человека, путешественник и воин, объединили усилия в своем устремлении к Экстазу — дионисийскому Экстазу как поэтической и жизненной цели для англичан! Пустыню тупости, вялости

1 Цитата из комедии У. Шекспира «Как вам это понравится» (акт II, сцена 7, рус. пер. Т. Щепкиной-Куперник).

и пуританской трусости внезапно прорезал грохочущий горный поток. Однако пустыня впитала его и осталась пустыней.

Повторюсь. В 1907 году Алистер Кроули с капитаном Фуллером в качестве *aide de camp*¹ предложили Англии выход из нравственного, поэтического и духовного тупика, в который она успела загнать себя со времен елизаветинского возрождения. Не кто иной, как Кроули, написал это воззвание:

Мы же с вами — поэты! мы — дети леса и ручья, тумана и холма, солнца и ветра! Мы поклоняемся луне и звездам и бродим по улицам Лондона за полночь в поисках Твоих поцелуев, завещанных нам по праву рождения. Мы с вами — греки (и дай вам Бог, о братья мои, обрести такое же счастье в любви, какое знали они), и это перед нами Элевсинские мистерии должны распахивать врата Небес, дабы мы вошли и узрели Бога лицом к лицу!

* * *

И я выйду под звезды, о братья мои, и вкушу сей очистительной росы; и я вернусь, о братья мои, увидев Бога лицом к лицу и прочитав в его бессмертных очах ту тайну, что сделает вас свободными.

А затем я изберу вас, и испытаю вас, и наставлю вас в Таинствах Элевсина, о вы, отважные сердца, и хладные очи, и трепетные уста! Я возложу горящий уголь на уста ваши, и цветы — на очи ваши, и меч вложу в ваши сердца, и вы узрите Бога лицом к лицу, как и я.

Так мы возвратим миру юность его, ибо языками тройного пламени будем мы реять над Великою Глубью. Слава Владыкам Элевсинских Роц!²

Но его соотечественники не прошли «испытание» — или, по крайней мере, так может показаться сейчас. История эта еще не дописана. Теперь, когда «старейшие жители страны»

¹ «Адъютант; ближайший помощник» (фр.).

² Отрывки из статьи Кроули «Элевсин», впервые опубликованной в третьем томе «Собрания сочинений» (1907). Эти цитаты он впоследствии использовал в рекламном буклете, распространявшемся перед постановкой «Элевсинских мистерий».

начинают забывать викторианскую и даже эдвардианскую эпоху; теперь, когда мы начинаем понимать, какой ущерб в действительности нанес поэзии торгашеский дух девятнадцатого столетия, мы уже не станем удивляться той ситуации, которую описывала Флоренс Фарр, — тому, что Общественное Мнение, это гидроглавое чудовище, устремило все свои головы к единой цели: обличению Алистера Кроули и всех его работ. Он оказался слишком примечателен для своей непримечательной эпохи. Однако он — не порождение этой эпохи, а, скорей, ее карающий бич. Подобно пророку Даниилу, капитан Фуллер узрел таинственные Письмена на Стене, но не смог открыть глаза на это видение английским Валтасарам.

Справедливое мнение о том, какие отношения связывали в то время Алистера Кроули как Поэта с его читателями, обнаруживается в наивной рецензии на «Звезду на Западе», появившейся на страницах «Дэйли кроникл» в 1907 году:

Перед нами — подлинный голос мастера поэзии, ничуть не теряющий в силе и мастерстве от того, что он малоизвестен. Немногим удавалось за свою карьеру опубликовать тридцать две книги стоимостью от двух гиней до полукроны за экземпляр, увидеть еще при жизни целую книгу объемом в 327 страниц, полностью посвященную своему творчеству, и при этом остаться практическим неизвестным своей стране. Один этот факт уже сам по себе — признак того величия, которое проистекает из редчайшего дара. Таков мистер Алистер Кроули.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПЕРИОД «ЭКВИНОКСА»

1908 — 1914

Вспомнив, что Алистер Кроули, как в своих работах, так и в жизни, — поэт и что во дни знаменитого «Эквинокса» он погрузился в «магию», дабы исполнить вышеприведенное обещание — «возвратить миру юность его», мы сможем лучше понять, что с ним происходило в этот «период “Эквинокса”». До 1907 года его поэзия была по большей части именно поэтической, то есть не имела отношения к технической стороне магии как таковой. Разумеется, из этого правила есть исключения. «Гоэтия царя Соломона» — именно специализированный технический трактат по магии, а издана она была еще в 1904-м¹. Еще двумя годами ранее Кроули опубликовал толкование к системе Таро, озаглавленное «*Ambrosii Magi Hortus Rosarum*»². Некоторые рассуждения о практических аспектах магии встречаются и в «Мече песни». Но, тем не менее, корпус его публикаций, вышедших до 1907 года, в целом относится не столько к магии, сколько к поэзии (если две эти области вообще можно разделить). В «период “Эквинокса”» же Кроули со всей определенностью стал отдавать предпочтение магии — возможно, рассматривая ее как своего рода прикладную поэзию. Большая часть его произведений, созданных в тот период, несет на себе печать серьезного, гораздо более глубокого, чем раньше, интереса к тому, что условно принято именовать «оккультизмом».

1 В рус. пер. см.: Гоэтия. С предисловием и комментариями Алистера Кроули. М.: Ганга, Телема, 2008.

2 «Розовый сад мага Амброзия» (лат.); в действительности эта работа была впервые опубликована не в 1902-м, как предполагает Стивенсен, а в 1904 году, в приложении к «Мечу песни».

Журнал «Эквинокс» издавался по два номера в год; выпуски были приурочены к весеннему и осеннему равноденствиям¹, и в общей сложности за период с 1909 по 1913 годы вышло десять номеров². Английская журналистика до тех пор не сталкивалась ни с чем, хотя бы отдаленно подобным этому изданию. «Можно смело утверждать, — писал Гарольд Монрол в «Поэтри ревью», — что весь “Эквинокс” от начала и до конца — детище удивительного мистера Кроули. Он сумасброден, как сам дьявол; он пляшет на страницах этого журнала, как обезумевший маг. Все это напоминает какой-то волшебный театр варьете. Я не могу понять, когда он говорит серьезно, а когда — нет».

Именно на такой прием, теоретически, и мог бы рассчитывать «Эквинокс» в «культурных» литературных кругах. Однако нашлись другие, гораздо более пристрастные стороны, для которых новый журнал оказался сущим кошмаром. Профессиональные оккультисты сначала встревожились, а затем и вовсе пришли в ужас при виде того, с каким блеском, неистовством и беспощадностью Кроули выводил на свет их некомпетентность. В надежде остановить поток разоблачений против него возбудили судебный процесс; когда же Кроули выиграл дело, в прессе развязалась беспрецедентная по своей грубости кампания, направленная против его «Элевсинских мистерий» — цикла церемониальных представлений, открытых для публики. А «удивительный мистер Кроули» между тем, презрительно игнорируя все отвлечения, продолжал выпускать «Эквинокс», один полновесный номер за другим, — на прекрасной бумаге, в белых с золотом переплетах, — и эти журналы не поддавались никакой критике, ибо выходили за рамки всех обычных категорий, принятых как в оккультной, так и в литературной среде.

1 Само название журнала в переводе с английского означает «Равноденствие».

2 Эти десять выпусков составили первый том «Эквинокса». Второго тома не существует, однако он по умолчанию включается в общую нумерацию изданий. Первый выпуск третьего тома вышел в 1919 году в Детройте, а второй был только подготовлен к печати, но так и не выпущен в положенный срок. Публикация «Эквинокса» возобновилась лишь после 1936 года.

Летом 1908 года, в компании молодого поэта Виктора Б. Нойбурга², Кроули совершил пешее путешествие по малонаселенным частям Испании. Его физическая энергия и избыток мужественности, по-видимому, постоянно требовали подобных суровых упражнений. Однако на количестве и качестве публикаций это не сказывалось. В том же году вышел в свет сборник «Копх Ом Рах» с подзаголовком «Очерки Света», включавший в себя рассказ, драматическую сценку, философское эссе и подборку стихотворений. Можно процитировать здесь строфу из «Посвящения»:

*Апостол Павел с Марсова холма
Учил безмозглых жителей Афин;
Но я еще не выжил из ума —
Вещать безмозглым жителям Афин!
Чего уж проще — крикнуть «Deus Vult!»³
И основать прекрасный новый культ,
Но толку будет мало, ибо тьма
Объяла разум жителей Афин!*

Далее, уже в не столь конкретных выражениях, автор восхищается возможную критику:

*Эти строки я пишу не в свете разума, но и не во тьме
неразумия; я пишу их в том L.V.X.⁴, что, сперва подчинив*

1 «Копх Ом Рах» — древнегреческое выражение, использовавшееся в Элевсинских мистериях, а позднее вошедшее в ритуалы Герметического ордена Золотой Зари. Оно восходит к древнеегипетской фразе «Khaba Am Reht» — «Свет в устремлении»; подразумевается божественный Свет, единым лучом устремляющийся вовне, из непроявленности в проявленность.

2 Виктор Бенджамин Нойбург (1883–1940) сопровождал Кроули в путешествии по Алжиру в 1909 году. В Марокко, Гибралтаре и Испании Кроули побывал в 1907-м (а не 1908) в обществе Джорджа Монтегю, седьмого графа Танкервилля.

3 «Этого хочет Бог!» (лат.) — обращенный ко всему христианскому миру призыв папы Урбана II отвоевать Святую Землю. Следствием этого воззвания стал первый крестовый поход.

4 Лат. lux («свет»); в записи «L.V.X.» это слово, как и «Копх» в заглавии книги, означает божественный Свет, нисходящий в проявленный мир. В ритуалах Второго ордена ЗЗ (Ордена Красной Розы и Золотого Креста) оно трактуется как «Свет Креста», поскольку буквы L, V и X представляют собой части

себе, а после и превзойдя разум, озаряет всякую тьму, порожденную соединением двух противоположных волн мысли, <...> превозносясь над их ограничениями. Правило «либо А, либо не-А» применимо не к каждому предмету и не в каждом случае. Нелепо было бы спрашивать, зелена или нет добродетель, ибо добродетель не имеет никакого отношения к цвету. Это одно из самых глубоких определений KONX (он же LVX Братьев Розы и Креста) — указание на то, что он превосходит все мыслимые пары противоположностей. И всякому, кто знаком с этим LVX, такое определение отнюдь не кажется бессмысленным. Но для остальных оно, боюсь, неизбежно останется столь же непонятным и смешным, как сферическая тригонометрия — для жителей Флатландии¹.

Несмотря на все предупреждения о том, что эта книга не подчиняется формальной логике, она остается одной из самых «удобочитаемых» работ Кроули. Она была отпечатана всего в пятистах экземплярах и в наши дни разыскать ее практически невозможно. Сколь бы серьезным ни было ее предназначение, нельзя не признать, что она представляет собой великолепный образчик юмористической литературы. Это оценил даже «Джон Буль», в то время, по-видимому, еще не утративший чувства юмора:

Автору присуще редкое сочетание талантов — это юморист и философ в одном лице <...> Я смеялся почти до судорог.

Издателям «Литерари гайд» Алистер Кроули, вне сомнения, уже внушал большой страх, чем «официальные» оппоненты

различных форм креста. В системе Золотой Зари они соответствуют трем египетским божествам (L — Исиде Скорбящей, V — Апофису-Тифону, X — Осирису Восставшему) и связанным с ними знакам степени Младшего Адепта, которые, вкупе со знаком Осириса Убиенного, символизируют циклы жизни, смерти и возрождения, отображенные в круговороте времен года, равноденствий и солнцестояний.

¹ Подразумеваются персонажи романа Эдвина Эббота «Флатландия» (1884) — двумерные существа, обитающие на плоскости и по природе своей не имеющие представления о третьем измерении.

рационалистов, каковыми эти издатели себя мнили. О новой книге Кроули они отозвались достаточно отстраненно:

Фейерверки слов. Буйная и безудержная игра причудливых словосочетаний. <...> И все же трудно не восхищаться тем, как автор искусно жонглирует словами и вращает калейдоскоп блистательных шуток, хотя временами это бессмысленное мотовство не может не раздражать читателя.

«Скотсмен» выразил свое недоумение:

Бессистемные прозаические рассуждения о неких высоких материях изредка оживляются стихотворными вставками, но и те, при всей своей формальной мелодичности, бессодержательны и неуместны <...> Эта хаотичная мешанина образов в сочетании с непрерывным зубоскальством и бесконечными абсурдными претензиями до некоторой степени отражает известные современные веяния <...> Стихотворные части все же более приемлемы, чем прозаические, ибо поэт не обязан быть разумным. Читателям, уже знакомым с творчеством Алистера Кроули, нет нужды напоминать, что он всегда облекает свои фантазии в такую форму, которая призвана потрясти и озадачить представителей среднего класса.

Один из репортеров низшего звена в «Пертшир курьер» тоже попытался справиться с проблемой Кроули, но в результате лишь полностью оправдал вступительное стихотворение о «жителях Афин»:

Что можно сказать о произведении такого рода? Первый вопрос, который невольно приходит на ум, — «о чем вообще эта книга?» В лучшем случае всю ее можно назвать одной большой насмешкой над христианской верой. Во многом она со всей очевидностью умна и остроумна, временами по-настоящему талантлива, но все это облечено в форму такого беспорядочного

мистического пустозвонства, что читателю хочется попросту заткнуть себе уши. <...> Некоторые стихи великолепны, но и поэзия по большей части вызывает скорее досаду, нежели восхищение. Некоторые строфы попросту ставят в тупик: неужели такой культурный человек, как мистер Кроули, действительно сел, написал их и собственноручно отправил в печать? В сущности, это классическая «книга для верхней полки», книга далеко не для всех.

«LIBER 777»

Трудно даже представить, как Кроули выкроил время на составление этого грандиозного «словаря сравнительного религиоведения». В рецензии, опубликованной в «Оккалт ревью» было заявлено, что прилежному посетителю библиотеки Британского музея понадобились бы многие годы на сбор такого объема информации, какой нашел отражение в «777». В наши дни эта книга также практически недоступна, и многие люди, изучающие «каббалистическую» систему, тщетно пытаются ее разыскать. В «Оккультном обозрении» о ней говорилось следующее:

...Для того, чтобы тираж этой книги разошелся во мгновение ока, вполне достаточно, чтобы на нее обратили внимание нужные люди. По словам автора, она представляет собой «попытку систематизации данных, относящихся к сфере мистицизма, и результатов исследований в области сравнительного религиоведения», и (в той степени, в какой подобная попытка вообще может оказаться удачной) эта заявленная цель несомненно была достигнута. Иными словами, автору удалось представить всего на шестидесяти страницах такой огромный объем информации, на сбор какого прилежный посетитель библиотеки Британского музея потратил бы долгие годы. По сути, книга состоит из одной большой таблицы «соответствий» и представляет собой вполне успешную попытку привести к некоему общему знаменателю символику всего многообразия религиозных и магических систем, известных автору. <...>

Каббалистические данные приводятся во всех подробностях; помимо них, в таблице имеются столбцы с классификацией египетских и индуистских божеств, а также цветов, благовоний, растений, камней и животных. Сведений по Таро и геомантии здесь найдется больше, чем в иных трактатах, целиком посвященных этим предметам. По всей очевидности, автор знаком с каноническими текстами китайской, арабской и других традиций. Последовать за ним в эти области рецензент не в силах, однако во всем, что касается иврита, и сам автор, и его типограф безупречны. <...> Здесь найдется многое из того, что в прошлом ревниво — и совершенно бессмысленно — хранилось в глубокой тайне.

В «Буддист ревью», однако, эту работу приняли далеко не столь доброжелательно:

Ни один буддист не почтет за благо отказаться от кристальной ясности своей религии ради подобной замысловатой галиматьи. К тому же, в этой книге попадают некоторые в высшей степени недостойные выражения.

ПЕРВЫЕ ВЫПУСКИ «ЭКВИНОКСА»

В том же году Кроули выпустил первые два номера своего монументального журнала, о котором Фрэнк Харрис из «Вэнити фэйр» писал:

«Эквинокс» кажется вечным. Об этом говорят и его величавый размер, и шрифт, и его периодический характер, и, прежде всего, само его содержание.

Ненавистников оккультизма из «Литерари гайд» новый журнал возмутил до глубины их трезвомыслящих душонок:

Бред сумасшедшего, астрология и тому подобное; и на то, чтобы опубликовать всю эту смесь восточной и западной тарабарщины, ухлопали уйму денег.

Редактор журнала «Лайт» — официального печатного органа спиритуалистов — обеспокоился не на шутку и выразил самые худшие свои опасения в специально посвященной этому передовице:

Происки дьякки¹

На фоне солидных современных изданий этот журнал без труда займет первое место по богохульной кощунственности. Более того, его богохульная кощунственность облечена в роскошную, необыкновенно элегантную и яркую форму. Авторы его, несомненно, знают, в какой руке следует держать перо, хотя временами и наводят на мысль о творчестве некоторых обитателей лечебниц для душевнобольных, каковые широко известны буйством своей фантазии и пристрастием к цветистому слогу. Правда, за всем этим скрываются невероятная широта познаний, кое-какие признаки глубины чувств и мощный поток оккультной мысли. Однако при всем своем «иллюминизме» основоположник журнала глумлив, как Мефистофель. <...> «Эквинокс» вошел на литературную сцену не без помпы, и авторов его никоим образом не упрекнешь в непрофессионализме. Все, что мы хотим сказать, — это то, что с нашей точки зрения они слишком уж походят на дьякк и прочих озорных духов, а временами и на обитателей Колни-Хетч². <...> Упоминания о черной мессе и сама хаотичность подбора материалов, вероятно, могут послужить к объяснению слухов о поклонении дьяволу, упорно муссировавшихся некоторое время тому назад. Возможно, здесь и кроется ключ к этой темной двери <...>.

Точку зрения «человека с улицы» (она же — позиция репортера ежедневных газет) выразил, среди прочих, рецензент из «Морнинг лидер»:

¹ Дьякка — спиритуалистический термин, введенный Эндрю Дэвисом Джексонем в книге «Дьякки и их земные жертвы» (1873) и означающий зло-вредных духов, которые развлекаются тем, что срывают спиритические сеансы своими проделками.

² См. примеч. к стр. 156.

Наш многострадальный мир осчастливили выходом нового таинственного издания под названием «Эквинокс» и с подзаголовком «официальный печатный орган А.:А.:». <...> Понять, что же это такое, не под силу никому. Продираясь сквозь напущенный авторами туман, смутно догадываешься, что речь идет о магии, волшебстве, мистицизме и так далее; но главная линия издания остается совершеннейшей загадкой. <...> Частые упоминания о неких лицах, именуемых «Братьями А.:А.:», наводят на мысль, что они имеют прямое отношение ко всей этой причудливой затее; но отсутствие каких бы то ни было эпитетов при слове «Орден» <...> не оставляет надежд на установление личностей вышеупомянутых «Братьев». Правда, главный из них называется по имени, и это имя — «V.V.V.V.V.»¹; но пяти и даже шести одинаковых букв слишком мало, чтобы скрытое за ними лицо сумел разыскать почтальон. <...> «Эквинокс» — чтение, во всех отношениях развлекательное. <...> Поэзия впечатляет, но читается довольно трудно.

Со второго номера «Эквинокса» началось сенсационное «обнародование» ритуалов полутайного общества, известного под названием «Герметический орден Золотой Зари». Был опубликован длинный «Ритуал Неофита» вкупе с пятьюдесятью четырьмя рисунками, которые иллюстрировали заключенные в нем таинства. Кроме того, были обещаны дальнейшие «откровения». Члены Золотой Зари замерли в ужасе.

Следует отметить между прочим, что за этот год Кроули успел побывать в пустыне Сахара в сопровождении Виктора Нойбурга, который, вместе с капитаном Фуллером, принимал самое непосредственное участие в подготовке «Эквинокса».

МАЗЕРС ПРОТИВ КРОУЛИ

Третий номер «Эквинокса» предстояло выпустить 21 марта 1910 года. За десять дней до этой даты Кроули получил повестку,

¹ V.V.V.V.V. — аббревиатура магического девиза Кроули на степени Мастера Храма, Vi Veri Vniversonum Vivus Vici (лат. «Силой Истины я победил Вселенную еще при жизни»).

предписывавшую ему явиться в суд для разбирательства по иску, поданному С.Л. Мазерсом. Последний требовал

...воспретить ответчику, лицам, находящимся у него в услужении, и его агентам передавать в печать и публиковать, равно как и добиваться любым способом передачи в печать или публикации третьего выпуска книги или журнала, известного под названием «Эквинокс», а также любым иным образом открыто обсуждать какие бы то ни было предметы, имеющие отношение к тайнам, церемониям, ритуалам и деятельности некоего ордена, известного как Орден Розенкрейцеров, Вождем, или Главой какового является истец («Таймс ло репортс»).

Показав под присягой, что он действительно является главой Ордена Розенкрейцеров и в качестве его основателя и создателя всех его ритуалов, церемоний и документов обладает исключительными правами на последние, 14 марта Мазерс в одностороннем порядке добился промежуточного постановления суда, согласно которому Кроули как владельцу и редактору «Эквинокса» запрещалось обнародовать тайные ритуалы и церемонии упомянутого ордена. 18 марта это постановление было утверждено.

21 марта, в день весеннего равноденствия, Кроули обратился с апелляцией к лорду-судье Уильямсу, лорду-судье Маултону и лорду-судье Фарвеллу. Суд удовлетворил его ходатайство, и очередной выпуск «Эквинокса» увидел свет точно в срок — на равноденствие.

Этот судебный процесс получил широкое освещение в прессе, заняв одно из первых мест среди новостей. В ходе суда возникало немало забавных моментов, в особенности когда Мазерс приносил присягу, а также несколько позднее, когда поверенные передали Их Светлостям на рассмотрение экземпляр «Эквинокса», особо указав на следующий абзац (написанный капитаном Фуллером):

Одержимый несбыточной мечтой, замкнутый в лабиринте фантазий, Человек блуждает среди теней в стране сновидений, порожденной его же собственным

разумом. <...> Раб собственной своей тирании, корчащийся под собственным своим кнутом, чем выше он возводит угрюмые стены своей тюрьмы, тем громче вопиет о свободе <...> Пахарь алчет все новых и новых полей, которые он мог бы возделать; лекарь — все новых умирающих, которых он бы мог исцелить; священник — все новых душ, которые он бы мог привести ко спасению; солдат — все новых стран, которые он мог бы завоевать; судья — все новых негодяев, которых он мог бы отправить на виселицу...

Поверенный Мазерса в какой-то момент заявил, что истец понесет невосполнимый ущерб, «если kota все же выпустят из мешка». Лорд-судья Уильямс на это ответил, что «почти всего kota уже и так вытащили в сентябре (смех в зале)», а лорд-судья Фарвелл добавил: «И, похоже, он оказалсядохлый (смех в зале)».

Вместе с полными отчетами о судебных заседаниях пресса растиражировала секреты розенкрейцеров еще шире, обильно цитируя вновь разрешенный к печати «Эквинокс». Из этого эпизода Кроули вышел победителем, а разочарованным Братьям Золотой Зари оставалось лишь бессильно скрежетать зубами и ожидать лучших времен.

НОВЫЕ СБОРНИКИ СТИХОТВОРЕНИЙ

1910 год оказался богат на события. Помимо публикации третьего и четвертого номеров «Эквинокса», в октябре–ноябре Кроули провел в лондонском Кэкстон-холле цикл церемониальных представлений под названием «Элевсинские мистерии». Недобросовестные газетчики атаковали эту серию спектаклей в таких выражениях, что в начале 1911 года против них был возбужден иск за клевету, к которому мы вернемся позже. А между тем из печати вышло три новых поэтических сборника Кроули: «Крылатый жук», «Серая амбра» и «Баг-и-муатгар».

О «Крылатом жуке» восхищенный обозреватель из «Оккалт ревью» отозвался так:

Перед лицом всей орды рецензентов и критиков и перед лицом всей британской читающей публики

я заявляю, что Алистер Кроули — один из лучших ныне живущих английских поэтов. Пройдет не так уж много лет, прежде чем этот факт станет общепризнанным и будет оценен подобающим образом. <...> Не последнее из его достоинств — удивительное разнообразие. <...> Спектр предметов, которые он живописует, почти бесконечен <...> его стихи сияют белым жаром экстаза, страстным стремлением Сверхчеловека к его наивысшей истинной цели — к воссоединению с Богом.

«Серую амбру» критика приняла в целом благожелательно. «Нэйшн» удостоила ее искренней и прочувствованной похвалы:

Нам с вами нет нужды задумываться о том, какого именно рода мистицизм он проповедует. Для него этот мистицизм важнее всего на свете; он — стержень всех его размышлений. Для нас же важно лишь то, что этот самый мистицизм так часто вдохновляет его на превосходные стихи <...> Понимающий читатель даже с первого, самого поверхностного взгляда увидит, что мистер Кроули одержим своей темой не менее страстно, чем любой настоящий поэт. И в этом — залог неизменных успехов на поэтическом поприще.

Замечательный отзыв на эту книгу дал в австралийских газетах поэт и критик А.Дж. Стивенс¹:

Принимаете ли вы Алистера Кроули или нет, но, так или иначе, он создает свою, совершенно особую атмосферу, увлекает вас, очаровывает и, в конце концов, пленяет окончательно и бесповоротно — настолько сильно в нем дыхание самой жизни. Он не какой-нибудь второстепенный виршеплет: в нем бьется пульс подлинной поэзии и поступь его ровна и мощна; он не порхает, он парит. Правда, последнее удастся ему лучше, когда он не пытается взлететь слишком высоко: его абстракции пусты;

¹ Альфред Джордж Стивенс (1865–1933) — австралийский литературный критик, редактор и издатель.

для вдохновения ему нужны живые модели <...> Все любители поэзии знают, что одни стихи предназначены для ушей, а другие — для глаз. Но Кроули — один из тех необычных поэтов, что услаждают и зрение, и слух. Его образы — как живые статуи из слоновой кости, поющие золотые напевы <...> Кроули пишет формами, и формы эти, как хризоэлефантинные изваяния, прекрасны и блистают дивными красками. То, как он обращается со строкой и ритмом, со словами и фразами, — это не ремесло, а настоящее высокое искусство.

Интересное замечание высказал один автор из «Инглиш ревью»:

Во многих его работах чувствуется какое-то упрямое своеволие <...> Одни безоговорочно осуждали его, другие упрекали за дерзость, у третьих он вызывал неумеренные восторги, но никто еще, как нам кажется, не попытался отделаться от него тем убийственным похлопыванием по плечу, которым ленивый критик благодарит авторов, не дающих повода для критики. Никто еще не посмел назвать его классическим поэтом <...>.

Отзывы на «Эквинокс» того периода были предсказуемы:

«Ревью оф ревьюз»:

Новый выпуск «Эквинокса» продолжает традицию предшествующих номеров во всем — и в отношении объема, и в том, что касается мистического характера его содержания, и в плане полной невразумительности многих статей. <...>

«Теософи ин Скотленд»:

Перед нами — самая причудливая неразбериха, какую только можно встретить в наши беспорядочные времена. <...> Даже если бы нам выделили в двадцать раз больше места, мы все равно не смогли бы должным образом проанализировать содержание этого журнала, резко индивидуалистическое, опускающееся время от времени

почти до уровня омерзительной грязи, но порой воспаляющее на высоты гениальности. <...> Тем, кто не сомневается в своем душевном здоровье и широте ума, непременно следует почитать этот журнал при первой же возможности. Встречающиеся в нем изредка упоминания о теософии сами теософы сочтут совершенно неместными. <...>

«ЭЛЕВСИНСКИЕ МИСТЕРИИ»

В качестве эпилога к «Собранию сочинений» 1907 года Кроули использовал эссе под названием «Элевсин», в котором содержится, в частности, следующий отрывок:

...ничего удивительного, что в Лондоне религия мертва: здесь она не требует ровным счетом никаких жертв, кроме часа времени в неделю, да и то вознаграждает затраченные усилия, предоставляя старикам заботу общества, а молодым — возможности для флирта.

Вспомним, что еще в «Орфее» (1905) звучал экстатический дионисийский гимн, начинавшийся со строк:

*Несу вам из горних чанов
Солнечное вино:
Испейте и будьте пьяны!
Жизнь и любовь — одно!
Пляшите в холмах и чащах,
Пойте в лесах, в горах:
Блаженством наполнит чаши
Ваш предводитель Вахс!
Деревья, цветы и травы,
Скалы и ропот рек
Завещаны вам по праву
Воли, святой вовек.*

Эссе «Элевсин» — это страстное воззвание о необходимости вдохнуть в религию новую жизнь:

Лучше уж заплатить сорок шиллингов штрафа или отсидеть месяц в каталажке, чем жить и умереть так, как жил и умер Джон Брайт¹!

Лучше уж быть каким-нибудь шейкером², или гомункулом, выращенным в христианском лагере под открытым небом, или юным олухом из «Шотоквы»³, или психом, не пропускающим ни одной кесвикской недели⁴, или ревивалистом в духе Ивэна Робертса⁵, или даже обычным маньяком, чем самодовольным евангелистским банковским клерком со слащавой женушкой и тремя сынишками — такими талантливыми! они удались в папу и тоже будут служить в банке!

Лучше быть флагеллантом⁶ или танцевать как Давид перед Господом⁷, чем превратиться в достопочтеннейшего епископа, уважаемого всеми поголовно — даже мальчишками, которых он лупцевал в бытность свою директором одной из наших превосходных частных школ!

Так обстоит дело, если ваша цель — именно религия, а не что-либо еще; если вы склонны к духовному образу мысли; если всякое явление, воспринятое вашими

1 Джон Брайт (1811–1889) — английский политик и оратор, член парламента; первый в истории квакер, вошедший в кабинет министров Великобритании.

2 Шейкеры (Общество второго пришествия) — протестантская секта, сложившаяся в Англии и США в конце XVII в. Название «шейкеры» (англ. shakers — «трясуны») первоначально было уничижительным прозвищем: шейкерские богослужения часто сопровождалось спонтанными экзотическими проявлениями (участники обрядов тряслись, прыгали, танцевали, кричали, пели и «говорили на иных языках», подобно апостолам в день Пятидесятницы). Сами шейкеры верили, что все подобные явления свидетельствуют об очищении человека от грехов под воздействием Святого Духа.

3 Подразумевается программа дистанционного и летнего образования, основанная в США в 1874 г. Первый съезд участников программы состоялся в окрестностях озера Шотоква, на западе штата Нью-Йорк. «Шотоква» начала свою деятельность с подготовки учителей воскресных школ, а в целом была рассчитана на повышение уровня образования жителей небольших городов и поселков.

4 Подразумеваются так называемые «кесвикские сборы» — религиозные собрания, с 1875 года ежегодно проходящие в течение недели в английском городке Кесвик.

5 Ивэн Робертс (1878–1951) — валлийский священник, лидер движения за возрождение христианства в Уэльсе в 1904–1905 гг.

6 Флагелланты (от лат. flagellans — «бичующий») — возникшая в Средние века фанатичная религиозная секта, члены которой практикуют самобичевание как средство к спасению души.

7 См. 2 Цар. 6:12–16.

чувствами, вы толкуете как личное обращение Бога к вашей душе.

Но если, возвращаясь с торжества Причастия, вы бросаете вскользь: «Что-то господин Хогвош был сегодня скуchnоват», — вам не попасть ни в рай, куда пускают только хороших поэтов, ни в ад, населенный поэтами исключительно скверными.

Окончание этого эссе мы уже цитировали выше:

А затем я изберу вас, и испытаю вас, и наставлю вас в Таинствах Элевсина <...>.

Так мы возвратим миру юность его <...>.

Именно с этой целью, религиозной по сути своей и несомненно достойной, Кроули написал в начале 1910 года «Призывание Луны» в форме поэтического ритуала, а затем, при помощи скрипачки Лейлы Уоддел¹ и Виктора Нойбурга, провел этот ритуал. Церемония прошла весьма успешно, судя по нижеследующему отзыву, опубликованному в «Скетче» 24 августа того же года. Автором отзыва был присутствовавший при ритуале Рэймонд Рэдклифф, финансовый журналист, вообще-то относившийся к «магии» как таковой довольно скептически. Ввиду позднейших атак на Кроули со стороны других журналистов статью Рэдклиффа следует привести здесь полностью:

Новая религия

«Скетч», 24 августа 1910 года

В литературных кругах Алистер Кроули довольно известен как поэт. Некоторые считают его магом. Но существует также совсем небольшой круг избранных последователей, почитающих его как иерофанта новой религии. Капитан Фуллер в своей 327-страничной книге, посвященной данному предмету, называет эту религию «кроулианством». Не стану делать вид, будто я понимаю, что он имеет в виду. Но Фуллер глубоко

¹ Лейла Уоддел (1880–1932) — ученица и возлюбленная Кроули в 1910–1915 гг. См. примеч. 1 на стр. 300.

разбирается в философии и воспринимает Кроули очень серьезно. К чему стремится сам Кроули, мне тоже не вполне понятно; однако мне представляется, что главный замысел этого выдающегося поэта — укоренить на английской почве под видом церемониальной магии восточный трансцендентальный буддизм, конечной целью которого является достижение самадхи.

Обычный человек, по-видимому, нуждается в церемониях. Даже методисты, при всей своей простоте, используют церемонии некоего рода; и Кроули, будучи весьма усерден в своем стремлении к тем необычным состояниям сознания, что именуются экстазом, полагает, что достичь врат Экстаза можно средствами церемониальной магии. Он досыта вкусил от магии Востока — чрезвычайно действенной и великолепно гармонирующей с восточным образом мысли. Сведущ он и в современной метафизике, все проповедники которой тщатся объяснить необъяснимое.

Кроули отвергает их. Они обращаются только к разуму, и стоит лишь овладеть их профессиональным жаргоном, как становится ясно, что они ведут в никуда... или, по крайней мере, уж никак не к Экстазу! Кроули возвращается к церемониям, так как полагает, что с их помощью разум может преодолеть собственные пределы. По его словам, если вы будете повторять инвокацию торжественно и громко, «ожидая некоего великого и таинственного результата», то испытаете глубокое чувство духовной причастности к высшему.

В настоящее время он проводит серию сеансов.

Я пришел в редакцию «Эквинокса». Я взобрался по бесконечной лестнице. Навстречу мне вышел джентльмен в белой мантии и с мечом наголо.

В зале было темно; только на алтаре горел тусклый красный свет. По всему залу стояли на отведенных им местах молодые люди в живописных облачениях — кто в белом, кто в красном, кто в черном. У некоторых также были мечи. Сквозь дымку от курящихся благовоний я разглядел небольшую белую статую в свете крошечной лампы, подвешенной высоко на карнизе.

Один из братьев исполнил «Изгоняющий ритуал пентаграммы»¹ — торжественно и с надлежащим усердием. Другому брату было велено «очистить Храм водой». Он исполнил это. Затем мы стали свидетелями «освящения Храма огнем», после чего Кроули, облаченный в черное и в сопровождении остальных братьев, возглавил «мистический обход» — нечто вроде религиозной процессии. Они обошли вокруг алтаря два или три раза. Постепенно, по одному, в круг приглашали и тех, кто собрался просто посмотреть. Затем Мастер Церемонии велел одному из братьев «внести Чашу для Возлияний». Брат обошел зал, предлагая каждому какой-то ароматный напиток в большой золотой чаше. Мы пили по очереди. Затем в центр зала вышел еще один брат, рослый и крепкий, и прочел «Двенадцать уверенностей в Боге»². После этого при помощи Большого ритуала Гексаграммы³ была призвана Артемида. Еще одно Возлияние. Алистер Кроули прочел нам Песнь Орфея из «Аргонавтов»⁴.

После этой песни мы совершили третье Возлияние, а затем братья ввели в зал задрапированную фигуру в маске необычного синего оттенка, напомнившего нам о Гекате. Даму — а это была дама — возвели на высокий трон и усадили выше самого Кроули. К этому моменту церемония приобрела таинственный и волнующий характер; ощущение это усилилось, когда поэт торжественно и благоговейно продекламировал знаменитый первый хор из «Атланты» Суинберна, начинающийся со слов «Когда гончие псы весны». Еще одно Возлияние; еще одно воззвание к Артемиде. Вслед за этими церемониями Брату Отпиа Винсат⁵ было велено исполнить «танец Сиринги и Пана в честь госпожи нашей Артемиды». Этот молодой поэт, чьи стихи

1 См.: Алистер Кроули. Магия в теории и на практике. М.: Ганга, Телема, 2009, стр. 576–582.

2 Глава из работа Дж.Ф.Ч. Фуллера «Сокровищница образов», соответствующая зодиакальному знаку Рака — обители Луны.

3 См.: Алистер Кроули. Магия в теории и на практике. М.: Ганга, Телема, 2009, стр. 587–588.

4 «Аргонавты» — поэма Кроули, впервые опубликованная в 1904 году.

5 «Я преодолею всё» (лат.), магический девиз Виктора Нойбурга.

часто звучат на чтениях, поразила меня изяществом и красотой своего танца; он танцевал, пока не упал, обессилив, посреди зала, где, между прочим, и пролежал до конца действия. Настала мертвая тишина. После долгой паузы дама, восседавшая на троне, взяла скрипку и заиграла — заиграла со страстью и чувством, как подлинный мастер. Мы были взволнованы до глубины души. Затем она вновь подняла скрипку и заиграла «Abendlied»¹ — так прекрасно, так изысканно и с таким сильным чувством, что большинство из нас воистину испытало тот самый Экстаз, к которому столь неотомимо стремится Кроули. Когда скрипка умолкла, воцарилась долгая и глубокая тишина. И, наконец, Мастер Церемонии возвестил об окончании обряда: «Властью, вверенной мне, я объявляю Храм закрытым».

Так завершилась эта поистине прекрасная церемония — прекрасная как по замыслу, так и по исполнению. Если и есть на свете более высокая форма художественного выражения, чем великая поэзия и великая музыка, мне о таковой ничего не известно. Я не стану делать вид, будто на самом деле понимаю, что такое ритуальная работа, единой магической нитью проходящая через все эти собрания А.:А.:. Я не понимаю даже, что такое это А.:А.:. Но я понимаю, что сама по себе церемония не только была эффектной и артистичной, но и вызвала во всех присутствующих то чувство, которое Кроули, должно быть, подразумевал в этих своих строках:

*Пространство покорив, возьмешь заслон
Стены Времени
И по стопам святых, златой дорогой,
Достигнешь Бога!*

(P.P.)

Воодушевленный этим первым успехом, Кроули принялся за создание цикла из семи ритуалов, предназначенных для призывания следующих «планетарных сил»:

1 «Вечерняя песня» Р. Шумана.

- I. Сатурна;*
- II. Юпитера;*
- III. Марса;*
- IV. Солнца;*
- V. Венеры;*
- VI. Меркурия;*
- VII. Луны.*

Впоследствии эти ритуалы были опубликованы в шестом выпуске «Эквинокса». Даже при обычном прочтении они производят исключительно яркое поэтическое впечатление. Вместе они составляют некое единство — космическую драму в семи актах, которая начинается с того, что Человек, будучи не в силах разрешить Загадку Бытия, обращается к Сатурну, возрасту глубокой старости, и после многих злключений получает внушающий отчаянье ответ: «Бога нет». Затем он взывает поочередно к Юпитеру, Марсу, Солнцу, Венере и Меркурию, но ни одна из этих планет также не дает ему удовлетворительного ответа, ибо каждая из них по природе своей в чем-то ущербна. И, наконец, он предстает перед Девой-Луной, подобной Мадонне, увенчанной короной и восседающей на троне под покрывалом и в полном молчании. Она — Исида и Мария, Иштар и Бхавани, Артемида и Диана; но и она остается бесплодной до тех пор, пока великий бог Пан, принцип плодородия, не разорвет ее завесу и не явит надежду для человечества — Венценосное Дитя грядущих дней.

Уже из одного этого краткого описания понятно, что по замыслу «Элевсинские мистерии» Кроули грандиозны, хотя по ближайшем рассмотрении в них заметны признаки некоторой поспешности при составлении, особенно в последних.

Так или иначе, Кроули, по-видимому, забыл о своем недавнем презрении к «безмозглым жителям Афин» и решил представить эти ритуалы публично и организовал серию спектаклей в Кэкстон-холле. Было выпущено всего 100 билетов, каждый из которых стоил 5 фунтов и 5 шиллингов и давал доступ на все семь спектаклей цикла.

Не нужно обладать богатым воображением, чтобы представить себе, каким образом эта затея обернулась самой большой сенсацией осеннего лондонского «сезона». Разумеется,

специальные приглашения были разосланы представителям прессы (и полиции). В результате большинство газет откликнулось на «Элевсинские мистерии» длинными новостными статьями с фотографиями, но ни один из отзывов, по сути, не вышел за рамки пустого жонглирования словами, ибо их писали репортеры, приученные не удивляться никаким происшествиям, если те представляют «повод для новостей».

«ЗЕРКАЛО»

В ряды репортеров, посещавших эти представления, затесался один недостойный человек, который, судя по манере выражений, писал либо неискренне и, следовательно, был шантажистом или беспринципным «делателем сенсаций», либо все-таки искренне, и в этом случае был похотливым охотником за пороками и круглым дураком. Злоупотребив журналистскими привилегиями, он опубликовал в своей недолговечной еженедельной колонке в газете «Лукинг гласс» («Зеркало») следующий оскорбительный отчет:

Удивительная секта

«Зеркало», 29 октября 1910 года

Собрание, или представление, о котором мы намереваемся рассказать и доступа на которое мы добились только путем долгих хлопот, войдя в большие расходы и прикрывшись чужим именем, проходило в Кэжстонхолле, в нанятом специально для этой цели помещении <...> После всевозможных маневров мы обрели наконец пригласительную карточку, подписанную самим великим Кроули. <...> Когда всех избранных пустили и заперли дверь, свет, и без того крайне тусклый, погас полностью, не считая мерцающего огонька на "алтаре". Затем, некоторое время спустя, на сцене появилось еще несколько похожих на привидения фигур, и некто в красном плаще с капюшоном, поддерживаемый с обеих сторон двумя бритыми до синевы джентльменами в чем-то вроде турецких банных халатов, принялся декламировать какую-то тарабарщину, на которую

его помощники время от времени отвечали столь же невнятные репликами. <...>

Затем появилось еще несколько человек из турецкой бани, и все вместе сплясали мавританский танец, обходя сцену по кругу. Затем джентльмен в красном плаще <...> воззвал к Небесной Матери; спустя немного времени на сцене объявилась дама незаурядной наружности, сообщившая остальным, что она и есть Небесная Мать, и спросившая, чем она может помочь им. Те стали умолять ее призвать Мастера <...> И вот Небесная Мать берет скрипку и начинает играть не без приятности; так продолжается добрых десять минут, в продолжение которых сцена снова погружена в полную тьму. Музыка сменяется грохотом: все присутствующие на сцене поднимают такой шум, от которого пробудились бы и Семеро спящих отроков. Света чуть прибавляется, и наконец из укрытия выходит еще один персонаж. Он спрашивает, чего от него хотят, и остальные умоляют его ответить, существует ли Бог, — ибо, если Бога нет, то можно предаваться любым увеселениям, не опасаясь последствий. «Мастер» обещает уделить этому вопросу самое пристальное внимание и, озаренный вспышкой пламени из-под пола (для появления какой-то всего-то и понадобилось, что откинуть ногой крышку люка), удаляется вместе с Небесной Матерью для «размышления», на время которого вновь воцаряется тьма. После долгой паузы он возвращается, отдергивает занавес на сцене и объявляет, что за ним пусто и что Бога нет. Ввиду этого он призывает своих приспешников делать, что им заблагорассудится, и брать от жизни все. «Бога нет, загробной жизни нет, нет ни наказания, ни награды. Прах мы, и в прах возвратимся», — вот к чему сводится его учение, если выразить его в простых словах. Далее свет снова гаснет, и Мастер читает (весьма эффектно, надо признать) суинберновский «Сад Прозерпины». Затем следует еще одно «размышление», после которого один из участников представления исполняет некое подобие танца дервишей. Кроме того, время от времени все присутствующие

на сцене предаются своего рода вакхическому веселью, в котором участвует, между прочим, и одна исключительно юная девушка.

Пусть же читатель <...> сам ответит для себя на вопрос, не богохульственная ли это секта, участие в которой очевидным образом влечет за собой аморальные действия самого отвратительного характера. Вспомните учение, которое мы постарались обрисовать для вас в нескольких словах; вспомните, что зал надолго погружался в полную тьму; вспомните удушливый запах благовоний и танцы, необходимые якобы для достижения того, что Кроули именует «экстазом», — а затем ответьте, прилично ли и допустимо ли молодым девушкам и замужним женщинам посещать подобные представления, скрывающие свое истинное лицо под маской нового религиозного культа.

Новая религия, нечего сказать! Да она стара как мир! Доктрину необузданной похоти и вседозволенности, основанную на гипотезе о том, что нет ни Бога, ни загробной жизни, проповедовали с незапамятных времен — и не только простые и бесхитростные гедонисты и фанатики, но и шарлатаны, озабоченные только тем, как бы потуже набить суму, убеждая других потакать своим низменным инстинктам.

В ближайшем будущем у нас найдется, что еще рассказать об этом Кроули (коснувшись и его собственной истории, и его предшественников), а также о некоторых других членах его секты.

Здесь стоит в скобках добавить одно свидетельство о характере мистера де Уэнда Фентона, издателя «Зеркала», которое дает исчерпывающий ответ на вопрос, насколько искренним являлось его праведное негодование. Это краткая новостная заметка из «Дэйли мэйл» за 1913 год:

Мистер де Уэнд Фентон, издатель газеты «Спортинг таймс», шесть раз предстал перед судом по обвинению в рассылке непристойных статей по почте, был найден виновным и приговорен сэром Джоном

Ниллом, ольдерменом, к штрафу в размере 10 фунтов и 5 фунтов 5 шиллингов по каждому из упомянутых разбирательств (в общей сложности на сумму 91 фунт и 10 шиллингов).

Таков был первый из тех пуританских псов, что пустились по следу Алистера Кроули в рощах Элевсина!

На следующей неделе, 5-го ноября, на гавканье Фентона откликнулся Горацио Боттомли, и охота началась. Заулюлюкала супруга «Джона Буля» — «Джон и Мэри», боттомлиевская «газета для женщин», ныне прекратившая свое существование:

...хочу предостеречь всех моих читательниц от опасной «новой религии», подобной «Обители любви»¹ (но только еще более омерзительной, если такое возможно), которую проповедует один так называемый поэт, Алистер Кроули. Подробнее об этом вы можете прочесть в четверговом номере «Джона Буля», сотруднице которого, как я понял, удалось проникнуть на один из сеансов этого Кроули — и отделаться, по счастью, одним лишь поцелуем в темноте!

Что касается «Джона Буля», то в указанный день, 5-го ноября, он изрыгнул дословно следующее:

Новый Смит-Пиготт среди нас?

Богохульная и непристойная пропаганда Алистера Кроули

К «новым религиям» в нашей стране обычно относятся с подозрением, и мистер Кроули заслуживает подобного отношения как никто другой. Он родился в хорошей семье и получил приличное образование. Манеры его исполнены почти что архиерейского достоинства. В своих путешествиях он исследовал самые

¹ «Обитель любви», или «Агапемона», — мессианская секта в Сомерсете, основанная англиканским священником Генри Джеймсом Принсом в 40-х годах XIX века. В 1899 году, после смерти Принса, общину возглавил Джон Хью Смит-Пиготт (ум. 1927), вскоре объявивший себя мессией. Формально агапемониты были обязаны хранить celibat, однако и у Принса, и у Смита-Пиготта было множество любовниц из числа членов общины.

необычные уголки Земли и ревностно, хоть и не всегда осмотрительно, изучал самые невообразимые предметы. Он проник в тайные святилища большинства восточных религий; он проштудировал бесконечное множество книг по магии и мистицизму. Как писатель он был весьма плодовит, хотя и не добился широкой известности; опубликованными им сочинениями можно занять не одну полку. Не так давно в нашем издании рассматривались его «Копх От Рах» и «777». Непосвященному они покажутся словоизлияниями какого-то необыкновенно хитрого безумца, то открывающего со всею должной торжественностью некие тайны древних, то несущего восхитительный бред, то берущего на себя роль проповедника, а то и откровенного водящего читателя за нос. Главным предметом его усилий до сих пор оставалась поэзия, и стихи его действительно превосходны. Ритм, метр, мелодика — зачастую само совершенство, во владении языком он почти не уступает Суинберну. Нередко он балансирует буквально на грани безумия.

Однако его сочинения портит обилие непристойных, эротических и отвратительных образов и ужасающих богохульств, обрекающее их (несмотря на все упомянутые художественные достоинства) на хождение исключительно в узких кругах читателей, склонных к разврату и непотребству.

О нынешней своей «миссии» он впервые заявил в марте прошлого года в объемном издании под названием «Эквинокс». По всей видимости, он стремится привлечь внимание публики к учению средневековых алхимиков или магов. Для пропаганды этого учения он собирает некоторое количество дам и джентльменов в темном помещении, где затем читаются торжественные стихи и звучит скрипка — весьма выразительно, и все это — в облаках удушающих благовоний и вперемешку с дикарскими танцами, мелодраматическими интерлюдиями, богохульствами и эротическими намеками.

Отчет нашей представительницы

В порядке особой любезности или же по счастливому стечению обстоятельств мне удалось проникнуть в это святилище тайн бесплатно, тогда как прочим доступ туда открывался не иначе, как за предварительную плату в размере пяти фунтов стерлингов <...> В зале царил полумрак. <...> Мне дали большую подушку в качестве сиденья. <...> И вот, наконец, «Мастер Храма» пробудился.

Наша представительница терпит домогательства

Он выступил вперед, склонился над котлом и начал декламировать некое леденящее душу сочинение — о каменных очах мертвецов, и так далее, и тому подобное¹. В общем-то, ничего удивительного: его ведь побеспокоили, вот он и рассердился. Но вот внезапно он схватил что-то вроде жестянки из-под молока «Нестле» и вылил ее содержимое в огонь, загасив его, а затем объявил, что «Бога нет», а, значит, каждый может вытворять, что ему вздумается²; после чего оставил публику в полной тьме! Ни единого луча света не проникало в зал; воздух, казалось, сгустился и стал еще тяжелее и душливее. Слышались какие-то звуки, словно вокруг тихо бродили какие-то люди, от чего становилось только еще страшнее. Сколько так продолжалось, я сказать не могу, но вдруг я почувствовала, как на шею мне легла чья-то рука, а к щеке прижались усы... кто-то поцеловал меня!

* * *

Таинственные фигуры двигались передо мною, и я смотрела на них, завороженная <...> Какое

1 Имеется в виду стихотворение Кроули «Глаза фараона», впервые опубликованное в сборнике «Горгульи» (1905), а затем включенное в ритуал Сатурна.

2 Вольный пересказ отрывка из поэмы Джеймса Томсона (1834–1882) «Город ужасной ночи», завершающего ритуал Сатурна.

фантастическое то было зрелище! <...> Затем вновь заиграла скрипка, и начался какой-то дикий варварский танец в туманном, дымном голубоватом свете. <...> Я испытала огромное облегчение, когда все это закончилось: с меня довольно!

ДЖОНС ПРОТИВ «ЗЕРКАЛА»

Разумеется, Кроули не придавал значения подобным нападкам. Как мы уже отмечали, respectable издания обходились с ним справедливо. «Байстендер» даже заказал ему серию статей, в которых тот мог бы изложить свои идеи. Кроули согласился, и статьи увидели свет. Но «Зеркало» между тем не унималось, выкапывая все новые и новые факты из его личной жизни, которые при желании можно было бы истолковать превратно, и снабжая их соответствующими превратными толкованиями. Кроули, как и многие другие люди, успел за свою жизнь жениться и развестись. Де Уэнд Фентон выжал из этой темы все до последней капли, подняв протоколы бракоразводного процесса и использовав их для своих публикаций. Но самое худшее, что ему удалось найти, — свидетельство о том, что Кроули изменял жене, а в Англии это далеко не самый необычный проступок, в особенности среди ответчиков по делам о разводе!

Вспомним, однако, о Братьях Золотой Зари, которых мы оставили бессильно скрежетать зубами в связи с публикацией их ритуалов в «Эквиноксе» и успешной апелляцией Кроули против Макгрегора Мазерса.

Напав на эту золотую жилу, де Уэнд Фентон обрушился на Кроули с новым пылом и новой злобой:

Нижеследующие сведения поступили к нам из одного безупречного источника и касаются прошлых событий из жизни это человека, который смеет выдавать себя за первосвященника. <...>

Из дальнейшего явствует, что этот «безупречный источник» надлежало искать среди так называемых «розенкрейцеров», об учении которых «Зеркало» отозвалось с огромной почтительностью:

В 1898 году Кроули вступил в Орден Розенкрейцеров — организацию чрезвычайно древнюю, которая ставит своей основной целью изучение мистической философии древних религий и обладает обширными традиционными знаниями по данному предмету и смежным с ним дисциплинам, требуя при этом от своих членов добронравия и должного уважения и почтения к религиозным идеям.

Далее последовали пассажи, на которых Джордж Сесил Джонс¹ впоследствии построил свою линию обвинения, подав на де Уэнда Фентона в суд за клевету.

Двое друзей Кроули, введших его в этот Орден, остаются на его стороне по сей день. Это буддийский лжемонах-мошенник Алан Беннет и некто Джордж Сесил Джонс, одно время работавший металлургом в Бэйсингстоке, а теперь открывший небольшое торговое предприятие в Сити. Кроули и Беннет жили под одной крышей, в связи с чем ходили слухи о чудовищных преступлениях против морали, которые мы не можем передать здесь открыто.

В остальном статья состояла из оскорбительных и беспочвенных обвинений; ограничимся несколькими характерными примерами:

Вскоре после этого Кроули начал прятаться за всевозможными вымышленными именами. <...> Разнообразие его кличек могли бы позавидовать закоренелые уголовники. <...> В 1900 году он впервые показал свое истинное лицо. Вернувшись из Парижа в Лондон с некими поручениями по делам Ордена, он злостно превысил свои полномочия и, похитив вещи, принадлежавшие Ордену, увез их в Болескин. Следующим его подвигом стали кража драгоценностей у супруги одного английского офицера и последующее вымогательство денег у этой же дамы. Последняя

¹ Джордж Сесил Джонс (1870—?) — английский химик и оккультист, состоявший в ордене Золотой Зари. Джонс был одним из первых оккультных наставников Кроули, а впоследствии, в 1906 году, основал совместно с ним орден А.: А.:.

добилась ордера на его арест, однако Кроули бежал из страны, получив между тем крупную сумму от одной известной певицы <...> Остается только добавить, что из Ордена Розенкрейцеров он был официально исключен за свой дурной нрав и дурные поступки. <...>

И в качестве заключительного аккорда ему были вменены в вину все самые непристойные грехи — на том эзоповом языке намеков, которым в совершенстве владеют только отъявленные трусы:

Многие его стихотворения по характеру своему совершенно непотребны и отвратительны. Прочие сведения о нем слишком ужасны, чтобы обнародовать их в нашем общедоступном издании; однако мы и без того сказали вполне достаточно, чтобы читатель убедился, сколь оправданны все наши предшествующие выступления против Кроули и оргий, которые он проводит. <...>

Кроули не удостоил вниманием ни Фентона, ни Горацио Боттомли. Психологически он был неуязвим для подобных нападков, а с практической точки зрения полагал, что атака подавится собственной абсурдностью безо всякого активного участия с его стороны. Он продолжал заниматься своими делами и приступил к подготовке весеннего выпуска «Эквинокса». Однако Джордж Сесил Джонс подал иск против «Зеркала», и «розенкрейцеры» снова получили возможность позабавить суд и читателей газет.

Суд из «Алисы в Стране Чудес»

Дело Джонса против газеты «Зеркало» почти наверняка заняло бы первое место в состязании на самый комический судебный процесс в английской истории. В какой-то момент судья заявил:

Этот процесс все больше и больше напоминает суд из «Алисы в Стране Чудес».

Свидетельские показания с обеих сторон то и дело прерывались взрывами смеха. Кроули присутствовал на всех заседаниях и наслаждался происходящим сполна, однако ни одна из сторон так и не вызвала его в качестве свидетеля — факт тем более удивительный, что обсуждение вращалось в основном вокруг его личных привычек и особенностей характера.

Этот процесс был возбужден мистером Джорджем Сесилом Джонсом, химиком-консультантом, против издателей, редактора и типографов газеты «Зеркало» в связи с некоторыми заявлениями последней по поводу отношений упомянутого Джонса с неким Кроули, который был охарактеризован в вышеназванной газете как натура низменная и преступная и назван основателем некоей секты под названием «Эквинокс» («Таймсло репорт»).

Ниже приводятся отрывки из стенограммы процесса. С самого начала в зале суда воцарилась атмосфера, достойная Гилберта и Салливана¹:

(Из показаний Джорджа Сесила Джонса.)

Поверенный: Состояли ли вы когда-либо в Ордене Розенкрейцеров?

Свидетель: Нет.

Поверенный: Подавали ли вы когда-либо прошение о приеме в Орден Розенкрейцеров?

Свидетель: Нет; и, по правде говоря, я не знаю, существует ли такой орден вообще. Я читал о нем только в трактатах семнадцатого века

Поверенный: Слышали ли вы когда-либо такое выражение — «Volo Noscere»²?

Свидетель: Да, и неоднократно.

¹ Английский драматург Уильям Швенк Гилберт (1836–1911) и английский композитор Артур Сеймур Салливан (1842–1900) — создатели множества популярных комических оперетт.

² «Volo Noscere» (лат. «Я желаю знать») — магический девиз Джонса в ордене Золотой Зари.

Судья Скраттон: Должно быть, вы оба понимаете, о чем говорите, но я-то — нет!

(Из показаний Джонса о предыдущем судебном процессе — деле Мазерса против Кроули.)

Поверенный: Был ли возбужденный против мистера Кроули процесс направлен на то, чтобы удержать его от публикации ритуалов Ордена и тем самым помешать ему нарушить принесенные клятвы?

Свидетель: Я ни разу не сталкивался с подобной формулировкой намерений. На самом деле я не знаю, с какой целью был возбужден этот процесс.

Поверенный: Подавались ли на Алистера Кроули другие иски в связи с публикацией ритуалов Ордена?

Свидетель: Нет.

Судья Скраттон: Что это вообще за ритуалы такие? Инструкции, как вызвать дьявола, или что?

Свидетель: Почти что.

Поверенный: Я не состою в этом ордене.

(Из показаний Джонса о характере Кроули.)

Поверенный: Кроули не стал подавать в суд?

Свидетель: Насколько мне известно, нет.

Поверенный: Кроули присутствует сейчас в зале суда?

Свидетель: Да, я его вижу.

Поверенный: Вы утверждаете, что Кроули — джентльмен безупречного нрава?

Свидетель: У меня нет оснований полагать, что по характеру он хоть в чем-либо хуже вас.

Поверенный: Вы смогли бы без колебаний познакомиться его со своей женой?

Свидетель: Моя жена прекрасно его знает.

Поверенный: Вы поддерживаете отношения с Кроули по сей день?

Свидетель: Он по-прежнему мой друг.

Поверенный: Ваш близкий друг?

Свидетель: Да; но не надо придавать этому эпитету какое-то особое значение. Мы с ним видимся примерно раз в пару месяцев; раз в неделю говорим по телефону; при встрече общаемся очень по-дружески; когда у него возникают какие-то затруднения, он всегда приходит ко мне.

(Из перекрестного допроса Джонса де Уэндом Фентоном.)

Вопрос: Вы утверждаете, что в нашей статье очень мало правды?

Ответ: Ту страницу, на которой упомянуто мое имя, я бы назвал самой потрясающей коллекцией вранья, какую только можно уместить на одной странице.

Вопрос: Не кажется ли вам странным, что Кроули так и не подал на нас в суд?

Ответ: Да, мне это кажется очень странным.

Вопрос: Вы утверждаете, что, если бы Кроули вызвали как свидетеля, он заявил бы, что не находится в здравом уме?

Ответ: Предполагаю, что именно так бы он и поступил; но не надейтесь, что вам удастся объявить его неправоспособным.

(Из показаний Сэмюэла Сидни Лиддела Макгрегора.)

Отчет газеты «Дэйли телеграф»

Был вызван свидетель по фамилии «Макгрегор». Когда он принес присягу, его спросили, желает ли он, чтобы перед судом огласили его полное имя. Получив утвердительный ответ, поверенный зачитал длинный перечень христианских имен, неожиданно завершившийся фамилией «Мазерс». «Мазерсы», — пояснил он под всеобщий смех, — появились только после 1603 года, когда носить фамилию «Макгрегор» было запрещено.

— Вы обычно пользуетесь фамилией «Макгрегор»?

— Да, это фамилия моего прапрадеда, от которого я унаследовал франко-шотландский титул.

— Вас знают под именем графа Макгрегора де Гленстрэ?

— Да.

— Правда ли, что Орден Розенкрейцеров восходит к глубокой древности?

— Да.

— Правда ли, что он долгое время бездействовал до тех пор, пока вы его не возродили?

— Да, с помощью еще двоих человек.

Свидетель добавил также, что истец ввел Кроули в упомянутый Орден Розенкрейцеров. Впоследствии Кроули был из него исключен. Свидетель указал, что Кроули пользовался различными именами, и добавил: «Одно время он тоже назывался Макгрегором, не имея даже понятия об истории этого имени (смех в зале). Он даже не смог объяснить мне, из какой ветви Макгрегоров он происходит (громкий смех)».

(Из перекрестного допроса Мазерса.)

Поверенный: Правда ли, что ваше имя — Сэмюел Лиддел Мазерс?

— Да, или Макгрегор Мазерс.

— Сэмюел Лиддел Мазерс — это имя, данное вам при рождении?

— Да, со всей определенностью.

— Верно ли, что впоследствии вы приняли фамилию «Макгрегор»?

— Фамилия «Макгрегор» восходит к 1603 году.

— Вы носили фамилию «Макгрегор» в 1603 году?
(Громкий смех в зале.)

— Да, если вам угодно выразить это в таких словах.

— Вы называли себя графом Макгрегором из Гленстрэ?

— Да.

— Вы также называли себя шевалье Макгрегором?

— Нет, вы путаете меня с одним из псевдонимов Кроули.

— Намекали ли вы когда-либо тем или иным лицам, что вы каким-то образом связаны с королем Яковом IV Шотландским?

— Каждый шотландец, происходящий из древнего рода, так или иначе связан с королем Яковом IV.

— Утверждали ли вы когда-либо, что король Яков IV Шотландский на самом деле не умер?

— Да, и так гласит предание, известное во всех оккультных обществах.

— Утверждаете ли вы, что король Яков IV Шотландский жив по сей день?

— Я отказываюсь отвечать на этот вопрос.

— И что в настоящее время он воплощен в вашем теле?

— Разумеется, нет! Вы опять меня путаете с каким-нибудь псевдонимом Кроули! (Смех в зале.)

— Верите ли вы в эти предания?

— Это мое личное дело.

Его Светлость (поверенным): Если хотите продолжать эту тему, можно еще поговорить о «Летучем голландце» (смех в зале).

Свидетель: Был еще Вечный Жид (смех в зале).

Поверенный: Имеется ли у вас какой-либо определенный род занятий?

Свидетель. Это как посмотреть. Для человека без определенного рода занятий я, наверное, самый трудолюбивый бездельник на этом свете.

(Из показаний доктора Берриджа¹.)

Доктор Берридж клянется говорить правду.

Судья Скраттон: Пожалуйста, не выдумывайте собственных клятв. Перед вами форма присяги, утвержденная парламентом.

Свидетель: Однажды, когда Кроули прибыл сюда как посланник по официальным делам Ордена, мне случилось беседовать с ним наедине, и я сказал ему: «А вы знаете, в чем они — то есть члены Ордена, — вас обвиняют?»

1 Эдвард Берридж — английский врач-гомеопат, доктор медицины. Член ордена Золотой Зари с мая 1889 года под девизом «Resurgam» (лат. «Я вновь восстану»); виновник крупного внутриорденского конфликта, в конечном счете послужившего одной из причин раскола ордена. После раскола остался на стороне Мазерса (который, в свою очередь, поддерживал его в упомянутом конфликте), возглавил одну из дочерних организаций ордена в Лондоне, формально подчиненную Мазерсу («Храм Исиды-Урании №3»), и продолжал борьбу с его противниками, не гнушаясь шантажом и клеветой.

Но, я вижу, в зале присутствуют дамы, так что приличия не позволяют мне высказаться яснее.

Судья Скраттон: Полагаю, те дамы, что присутствуют в этом зале, не настолько щепетильны, чтобы счесть ваши слова за оскорбление.

Свидетель: Ну, хорошо. Я сказал: «Вас обвиняют в протiwоестественном грехе», — и он на это ответил очень странно: не сказал, по сути, ни «да», ни «нет».

(Его Светлость подводит итоги.)

Его Светлость объявил, что свидетельства в поддержку некоторых обвинений, выдвинутых против Кроули, отсутствуют, однако было доказано, что последний писал, публиковал и рекламировал книги самого отвратительного свойства. Присяжным следует тщательно взвесить, до какой степени все вышесказанное о характере и поведении Кроули затрагивает доброе имя истца. Его Светлость поставил перед присяжными три вопроса:

1. Порочат ли доброе имя истца слова и заявления, в связи с которыми было возбуждено дело?

2. Если да, то являются ли эти слова и заявления по существу верными?

3. Если да, то соответствуют ли действительности высказывания, сделанные на основе этих фактов?

Присяжные ответили на все три вопроса утвердительно, ввиду чего было вынесено решение в пользу ответчиков.

По поводу всего этого фантасмагорического процесса следует отметить, что присяжные сочли заявления «Зеркала» порочащими доброе имя Джорджа Сесила Джонса и в то же время верными по существу, — но при этом пришли к выводу, что данная публикация не нанесла истцу никакого ущерба! Вот уж и впрямь решение, достойное суда из «Алисы в Стране Чудес»! Довольно интересно, что ни одна из сторон не вызвала Алистера Кроули в качестве свидетеля, хотя главным злодеем в этой мелодраме, несомненно, был именно он. Это говорит

о тревоге и неуверенности, которую он был способен внушить не только врагам, но и друзьям. Несмотря на протесты поверенных, заявлявших о неправомерности подобного действия, судье и присяжным в какой-то момент передали книгу Кроули с некоторыми фразами, подчеркнутыми карандашом¹. Сам судья неоднократно выражал сомнения в правомочности тех или иных свидетельств против Кроули ввиду того, что последний не принимал участия в процессе. По этому вопросу последовала долгая юридическая дискуссия, в результате которой судья все же признал одно из свидетельств против Кроули приемлемым, заметив: «Это очень странный процесс, но, думаю, это все же допустимо. <...> Не могу же я объявить недопустимым абсолютно все, что когда-либо говорил Кроули!» Пожалуй, *bon mot*² Его Светлости по поводу «Алисы в Стране Чудес» действительно описывает этот эпизод как нельзя более точно.

Кроули вновь оказался главным героем новостей в популярных газетах по всей стране. Именно эта история дала ход «легенде об Алистере Кроули». Она заложила надежное и глубокое основание для стен клеветы, возведенных впоследствии вокруг его имени.

НОВЫЕ ВЫПУСКИ «ЭКВИНОКСА»

Несмотря на вышеописанные события, пятый и шестой номера «Эквинокса» вышли в назначенный срок. По всей видимости, Кроули остался непоколебим перед лицом судебного процесса, который наверняка выбил бы из колен человека чуть менее стойкого. Приведем два типичных отзыва рецензентов на новые выпуски журнала:

1 Это был «Розовый сад мага Амброзия» (в третьем томе «Собрания сочинений» Кроули) с подчеркнутыми латинскими комментариями на полях: «*Quid Umbratur in Mari*» («Кое скрывается в море»), «*Adest Rosa Secreta Egos*» («Есть тайная роза Эгота»), «*Terrae Ultor Anima Terrae*» («Землю карающий дух земной»), «*Femina Rapta Inspirat Gaudium*» («Жена покоренная приносит радость»), «*Puella Urget Sophiam Sodalibus*» («Дева созидает Премудрость Собратьев»), «*Culpa Urbium Nota Terrae*» («Известный грех града земного»), «*Pater Iubet Scientiam Scribe*» («Отец повелевает записывать знания»). Начальные буквы этих латинских выражений составляют обscene английские слова «*quim*» («вагина»), «*arse*» («зад»), «*twat*» («вагина» или «зад»), «*frig*» («мастурбация»), «*puss*» («вагина»), «*cunt*» («вагина») и «*piss*» («моча») соответственно.

2 «Острота» (фр.).

Несомненно, лучший из всех до сих пор выходивших номеров. <...> В балете Алистера Кроули¹ найдется немало пассажей, исполненных исключительной красоты и львиной мощи. <...> Весьма примечательна статья Ананды Маттеи² <...> Стихотворение «Шабаш» также примечательно. <...> Великолепно эссе о числе. И в целом весь журнал — настоящее произведение искусства <...> Тот, кто приобретет этот журнал и прилежно изучит его, сможет почерпнуть из него величайшие познания. <...> Эта книга — как Вино Жизни для мистика и для того, кто с уверенностью ожидает переоценки ценностей в мировой истории («Оккалт ревью»).

«Эквинокс» №6

Среди всей своей многообразной деятельности Алистер Кроули находит время и для того, чтобы внести основной вклад в содержание «Эквинокса» (а также, по-видимому, редактировать весь журнал). Он с равной легкостью пишет и стихами, и прозой. <...> Его «Три стихотворения Джейн Шерон» поражают необыкновенной, хотя и несколько декадентской красотой. <...> В свои «Элевсинские мистерии» Кроули включил множество великолепных стихотворений. Уже ради одного этого журнал, несомненно, стоит приобрести. Обращает на себя внимание рассказ мистера М. Нэя. <...> Этот выпуск превосходен <...> Читается просто замечательно («Дэйли мэйл»).

«Славься, Мария!»

Некоторые сочтут, что, опубликовав примерно в то же время анонимный сборник благочестивых христианских стихов в католическом издательстве «Бернс энд Оутс», Кроули зашел

1 Имеется в виду драматическая поэма Кроули «Слепой пророк», опубликованная в пятом номере «Эквинокса» с подзаголовком «Балет».

2 Правильно — Ананда Меттея (букв. «Блаженство доброты»), имя Алана Беннета, которое тот принял, став буддийским монахом. В пятом номере «Эквинокса» была опубликована его статья «Тренировка ума».

чересчур далеко. То были гимны во славу Девы Марии, хотя на ее место с легкостью можно было бы подставить имя Исида. Уилфред Мейнелл¹ принял все за чистую монету и опубликовал сборник под названием «Амфора»². Свое авторство Кроули раскрыл лишь после того, как книгу стали приписывать одной знаменитой в то время актрисе (!); в 1912 году он переиздал этот сборник под собственным именем и под новым названием — «Славься, Мария!»

Католическая пресса в целом приняла эту книгу гораздо более снисходительно, чем можно было рассчитывать:

Это настоящее пиршество для ценителей мелодичного стиха, — пиршество изобильное и разнообразное. Насколько мы можем судить по другим его работам, автор — не католик и, по-видимому, даже не христианин вообще; но эта книга, страница за страницей, восхваляет Ее в самых изысканных выражениях <...> и читателя охватывает подлинное изумление при виде такого богатства идей и образов, находящихся такое изящное и точное выражение («Католик таймс»).

Книга полна лирической нежности. Все стихотворения суть гимны во славу Матери Божьей, и кажется странным, что их сочинил человек, молящийся, как нам известно, в чуждых, экзотических и запретных святых местах. Однако многое можно объяснить артистическим темпераментом <...> («Католик геральд»).

Ласселя Аберкромби из «Дэйли ньюс», по-видимому, глубоко огорчила сама личность автора:

Мистер Алистер Кроули — очень интересный поэт, и интересен он не столько оригинальностью техники,

1 Уилфред Мейнелл (1852—1942) — редактор «Бернс энд Оутс», издатель католической литературы.

2 Первое издание «Амфоры» Кроули выпустил частным образом в 1908 году. В эпилоге к нему содержался акrostих — стихотворение, начальные буквы которого складывались в непристойное двустишие: «The Virgin Mary I desire, // But arseholes set my prick on fire» (букв. «Я желаю Деву Марию // Но от задниц мой член горит, как в огне»). В переиздании, выпущенное «Бернс энд Оутс», этот эпилог не вошел. Впоследствии, узнав, что автором сборника является Кроули, Мейнелл исключил книгу из каталога своего издательства.

сколько страстной приверженностью тому, что он принимает за мистическое вероучение, излагаемое в изощренных и эклектичных символах. <...> Восславить Деву Марию столь же вдохновенно, как некогда он перевозил Гекату, ему не удалось. Следует ли из этого, что Геката в действительности значит для него больше, чем Мария?

А в «Инглиш ревью» появился отзыв, читать который после грязи, вылитой на Кроули писателями из «Зеркала», — сплошное удовольствие; он не утратил своего значения даже в наши дни, ибо в нем исключительно четко выражена самая суть «проблемы Алистера Кроули» — проблемы, которая была очевидна уже в 1912-м и осталась не разрешенной и по сей день, к 1930 году:

Мы, англичане, обожаем поэзию, но не любим поэтов, если только они не благопристойны до невозможности, — тогда мы венчаем их лаврами; ибо, разыскивая по всей стране то, что мы называем настоящей личностью, мы тщательно избегаем сумасбродств, которыми чреват гений. Сегодня каждая школьница читает Шелли, но как же плохо мы с ним обращались! Байрону не позволили покоиться с миром в «углке поэтов»¹. А к Суинберну мы относились так, словно он был Криппеном².

И наше отношение к мистеру Алистеру Кроули немногим от того отличалось. А между тем мистер Кроули — один из немногих наших настоящих поэтов. В его «Серой амбре» есть строки, которые никогда не умрут. Несколько лет назад он выпустил тонкую книжицу стихов под названием «Амфора» — она вышла анонимно и приписывалась некоей актрисе. Все критики сразу же признали подлинной поэзией эти стихи, пронизанные мощным и экстатическим религиозным чувством. Теперь этот сборник переиздали — под названием «Славься, Мария!» и за подписью Алистера Кроули.

1 Часть Вестминстерского аббатства, где похоронены великие поэты Англии.

2 Подразумевается Хоули Харви Криппен (1862–1910) — американский врач, повешенный в Лондоне за убийство своей жены.

Надеюсь, что его прочтут многие и что для многих он послужит своего рода введением к другим поэтическим работам мистера Кроули. Но более всего мы надеемся, что на него обратят внимание деятели Церкви. Они будут поражены до глубины души отраженной в нем силой религиозного чувства. Главная наша проблема с мистером Кроули как раз в том и заключается: он — настоящий поэт, и он не может идти на компромисс. Преследования злодеев и глупцов нанесли ему жестокую рану. И сейчас писательская братия обязана выйти и встать с ним плечом к плечу.

«Писательская братия обязана выйти и встать с ним плечом к плечу»! Найдется ли в наши дни хоть один видный литератор, готовый присоединить свой голос к призывам безвестного составителя лежащей перед вами книги: когда же наконец об Алистере Кроули начнут судить как о поэте — по его поэзии? Или Братство Писателей — это просто прекрасный вымысел, утопическая мечта? Историкам будущего этот вопрос, возможно, покажется небезынтересным. Я полагаю, что в этой подборке газетных отзывов об Алистере Кроули найдется немало доказательств тому, что его надлежит считать выдающимся поэтом. Быть может, он заодно и выдающийся шутник, или зубоскал, или сумасброд, и так далее; но при всем этом он остается выдающимся поэтом, а поэт имеет право на то, чтобы его стихи были услышаны. *Какие будут предложения?*

ЕЩЕ ДВЕ ПОЭМЫ

Помимо сборника «Славься, Мария!» (и следующих двух номеров «Эквинокса», шестого и седьмого), в 1912 году Алистер Кроули выпустил еще две поэтических работы: «Мортаделло» и «Сэр Паламед, сарацинский рыцарь». Любопытно сравнить мнения двух известных литераторов того времени — Гарольда Монро и Гилберта Кэннана¹, решивших уделить Кроули серьезное внимание ввиду его растущей популярности.

¹ Гарольд Эдвард Монро (1879–1932) — шотландский поэт; Гилберт Кэннан (1884–1955) — английский романист и драматург.

Попытавшись проанализировать «Мортаделло» в «Поэтри ревью», Гилберт Кэннан зашел в тупик:

Мистер Кроули — удивительное создание. Он сопротивляется любым попыткам воспринять его всерьез. Эту свою пьесу, кровожадную и похотливую, он называл «комедией». На деле же это — необузданный фарс. Место фантазии в ней занимает опьянение — кровью или словами, истерией или сладострастием, неважно. Пьеса не оставляет читателя равнодушным, и особенно занятен ее обличительный пафос <...> Мистер Кроули не лишен таланта — и даже целого сонма талантов, — но, по-видимому, ему недостает умения их использовать или дисциплины, чтобы развить их. Принять его всерьез было бы замечательно, но, увы, это невозможно. У него великолепное чувство юмора (незаменимый ингредиент в поэтическом творчестве!), но и оно остается неукротимым и слишком буйным.

В том же «Поэтри ревью» Гарольд Монро поместил отзыв на «Сэра Паламеда», сознавшись, что не может определить подобающее автору место в литературе (честное, хотя и довольно уклончивое решение проблемы «серьезной критики»!):

Если рассматривать эту работу всерьез, то это — религиозная поэма и великое произведение искусства. Если подходить к ней поверхностно, то это — великолепный образчик поэтического фиглярства; но если вновь посмотреть на нее серьезным взглядом, то мы увидим эпическую поэму о вечном Поиске <...> Мистер Кроули необыкновенно забавен, но, разумеется, этим его достоинства не ограничиваются. Возможно, «Сэр Паламед» и не лучшая из его работ, но пропустить ее было бы ошибкой. Поверхностный критик мог бы насмешиливо сравнить ее с сочинениями Байрона и на этом завершить свой разбор. Но на самом деле я сомневаюсь, что современная критика вообще способна определить ее подлинное место в литературе. Лично я, по крайней мере, не готов принять на себя ответственность за какое-либо решение на этот счет.

В 1913 году Кроули побывал в Москве — отнюдь не для того, чтобы совместно с Лениным и Троцким или прочими апокалиптическими гогоми и магогами учинить какой-нибудь армагеддон, как мог бы предположить человек легковерный, а всего лишь для развлечения: он хотел пожить в каком-нибудь месте, не похожем на Лондон. Тем не менее, он успел подготовить и выпустить последние два номера «Эквинокса». На этом завершилась публикация первого тома, охватившего собою в общей сложности десять номеров. Кроули объявил, что следующий, второй том будет состоять из «десяти безмолвных номеров», призванных уравновесить такое изобилие речей в первых десяти выпусках. Воплотить это похвальное решение в жизнь оказалось нетрудно ввиду разразившегося вскоре подлинного Армагеддона — Мировой войны.

Кроме того, в том же году он опубликовал две книги по магии — «Книгу Лжей» и «Книгу Четыре»¹. Не стану делать вид, будто я понимаю, откуда он брал на все это время и силы.

«КНИГА ЛЖЕЙ»

Каждая страница этой книги обведена толстой черной рамкой. На первой странице вместо текста помещен лишь большой вопросительный знак («Горбун»). На второй — восклицательный знак («Солдат»)¹. Полное название книги таково:

Книга Лжей,
ошибочно именуемая также
«ОБРЫВЫ»:
зablуждения или искажения
единой мысли
Брата *Perdurabo*
(Алистера Кроули),
каковая и сама по себе
неверна

1 «Книга Четыре» в действительности состоит из четырех частей, две последние из которых вышли значительно позже. Первая часть «Книги Четыре» («Мистицизм») была опубликована в 1911 году, а в 1913-м увидела свет вторая часть («Магия»).

2 О значении этих образов см. эссе Кроули «Солдат и горбун», опубликованное в 1909 году в первом номере «Эквинокса».

Человеку непосвященному эта работа во многом кажется загадочной, но, полагаю, она изначально предназначалась не для него. Г.С. Редгроув выразил на страницах «Оккалт ревю» следующее мнение:

Я не вполне понимаю, в чем заключается смысл (если таковой вообще имеется) этой фантастической книги мистера Алистера Кроули. Некоторые ее главы кажутся совершенно абсурдными, но в других я различаю некую философию, сводящуюся к отрицанию всей философии как таковой, философию, провозглашающую мысль отрывжкой сознания, а разум — безумием <...> Разумеется, философия такого рода есть ложь, — при условии, что именно это хотел сказать нам автор названием книги.

Однако лично мне представляется, что эту книгу следует воспринимать как фантастическую и искуснейшую шутку; воображаю себе, как смеется автор при мысли о читателях, пытающихся извлечь некий глубокий смысл из речений, лишенных всякого смысла. Временами мистер Кроули и впрямь очень забавен <...> Трудно удержаться от смеха <...> Но, с моей точки зрения, юмор мистера Кроули подчас изменяет хорошему вкусу, да и соль его шуток не всегда ясна, а время от времени он совершенно осознанно и безо всякой на то необходимости опускается до богохульных и предосудительных заявлений. Сексуальная символика, на мой взгляд, — вполне достойный способ выражения идей; но я предпочитаю ее в неизвращенном виде.

«КНИГА ЧЕТЫРЕ»

Первая часть этой книги — блестящее изложение йоги, основанное на личном опыте Кроули, приобретенном в путешествиях по странам Востока. Некий остроумный рецензент из «Эфрикан таймс» охарактеризовал ее как «экзотический экскудат эзотерической экзегезы»; и — сколь бы мы ни восхищались великолепием поэзии Кроули, его блестящим юмором и поразительной многогранностью его творчества, рассматриваемого с чисто литературной точки зрения, — эту фразу (со всеми вытекающими из нее последствиями), по большому

счета, можно принять как описание большей части работ, созданных Кроули за период «Эквинокса».

КЕМБРИДЖСКИЙ ПОЭТ

В конце 1913 года вышла в свет антология под названием «Кембриджские поэты, 1900—1913». Работам Кроули в ней было уделено довольно значительное место. На первый взгляд это может показаться свидетельством общественного признания. Но, как ни досадно, редакторы — вероятно, не по злему умыслу, а под влиянием общего порока всех составителей антологий, — отобрали для этого издания едва ли не самые худшие стихи Кроули, наименее ярко характеризующие его творческую индивидуальность. «Манчестер гардиан» возмущенно заявил:

Самая большая ошибка составителей — в том, что они посвятили целых двадцать страниц мистеру Алистеру Кроули, чья претенциозная риторика и так известна настолько хорошо, что без нее можно бы обойтись вовсе.

Наивный отзыв «Бирмингем пост» несколько более утешителен:

Изю всех необычных и мистических книг мистера Алистера Кроули редактор отобрал около двадцати страниц поэзии, не столько восхитивших нас, сколько ввергших в большое изумление, — хотя в них и обнаружилось то Прометеево величие, которое мы тщетно искали в других работах.

ТЫСЯЧА ДЕВЯТЬСОТ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

Это-то «Прометеево величие» и было главным преступлением Кроули перед его временем. Искать его «в других работах» и впрямь было бы тщетно, и это касается не только кембриджской антологии, но и всего скопища поэтов той упадочной эдвардианской эпохи в целом. Другие поэты — все без исключения — забыли о своем долге Творцов. Один

среди толпы, одержимой сиюминутным и суетным, Алистер Кроули пытался сформировать поэтическое сознание Человека Вселенной — и даже неважно, удалось ему это или нет. Поэзия вырождалась в банальность; в сущности, вся Нация претерпела период духовного распада; и одному лишь Кроули хватило мужества взяться за непосильный труд восстановления утраченной целостности, приличествующий поэту. И рано или поздно потомки воздадут ему должное за эту отвагу, даже если достижения его так и не будут признаны. Он не принадлежал ни к каким литературным кружкам и школам; он был романтичен, неистов и громогласен во времена, когда все прочие «утончились» едва ли не до полной прозрачности. Можно ли полагать всерьез, что поэты, подобные Доусону, Миддлтону¹ и Йейтсу когда-нибудь займут место в великой череде английских поэтов, работавших с космическим размахом, — подлинно крупных поэтов, широкими мазками писавших свои картины на холсте всего человечества? Таковы были — несмотря на все их недостатки — Шекспир и Блейк, Мильтон и Шелли, Суинберн и даже Браунинг. Остался ли после Суинберна и Браунинга в наши дни хоть один поэт, продолжающий трудиться над этим Великим Замыслом поэзии, которому не чуждо ничто человеческое?

По масштабу работ, по космичности самоопределения, по беззастенчивому величию художественной манеры под это определение не подходит никто — кроме Алистера Кроули!

При всей своей извращенности, резкости и неистовстве, при всем своем откровенном сумасбродстве он остается единственным живым человеком из плоти и крови на фоне своих современников — чучел, набитых соломой.

Прервем, однако, нашу дискуссию на этом догматическом заявлении. Догматическим я называю его потому, что не могу доказать его и не могу рассчитывать, что читатель примет его на веру, — по крайней мере до тех пор, пока (быть может, уже не при нашей жизни) не появятся исследователи, способные окинуть полное собрание сочинений Алистера Кроули — и нашу эпоху в целом — беспристрастным взглядом потомков. В настоящее время полного собрания сочинений Алистера

¹ Эрнест Доусон (1867–1900) — английский поэт-декадент; Скаддер Миддлтон (1888–1959) — американский поэт.

Кроули нет ни у кого — даже у самого Алистера Кроули! Будущим редакторам, которые возьмутся за подготовку академического издания, придется когда-нибудь собирать поштучно все эти десятки брошюр, вышедших крошечными тиражами!

Как свидетельствуют приведенные здесь цитаты, каждая из этих книг по отдельности удостаивалась в свое время удивительных рецензий, среди которых были и глубокие, изощренные исследования, и самые наивные отзывы. Однако, я полагаю, ни один из рецензентов до сих пор не имел возможности ознакомиться со всем корпусом трудов Алистера Кроули. Я и сам не претендую на сколько-нибудь глубокое знакомство с его творчеством, — я изучил лишь то, что было необходимо для составления настоящей книги. Однако даже этого хватило, чтобы прийти к определенным выводам, а именно: его поэтические работы исполнены подлинного величия, и задачу поэтического синтеза он исполнял с отвагой подлинного героя, но всем его современникам эти труды внушали подозрения и страх. На этом я завершаю лирическое отступление и возвращаюсь к своей основной задаче — изложению документальных фактов.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ВОЙНА

1914 — 1918

Задолго до войны Кроули в своей поэзии многократно выражал неуважение и даже презрение к довоенной Англии — то есть к Англии победившего среднего класса и его апофеоза при королеве Виктории и мистере Гладстоне, а также в целом к свирепствующему мелкому коммерциализму. Еще в 1900 году он взывал в своей «Carmen Seculare»¹:

О, Англия! Англия, могучая Англия пала!

Никто не оплачет ее плача достойный финал!

Глас Правосудия гремит у стен ее.

Она его не слышит. Она не поймет!

Несутся народы в насмешливой пляске;

У нее же нет ни единого друга! —

голосом, который поневоле уподобляешь гласу какого-нибудь библейского пророка, обезумевшего в пустыне и рокочущего свое «Горе вам!» перед трепещущим двором властителя.

Не вижу ничего «непатриотичного» в том, что поэт обличает свой собственный народ, — скорее уж, это знак его, поэта, глубокой любви. Врач не ненавидит пациента с раковой опухолью. Исайя² не питал ненависти к своим соотечественникам. Исайя как раз был патриотом. Патриотом был и Кроули; обвиняя, он любит. Если не принять это как возможное, нет и не может быть прощения Кроули, пока жива память об ужасах войны.

1 «Песнь столетия» (лат.), названа по аналогии с «Carmen Seculare» Горация, написанной по заказу императора Августа для всенародного праздника, справлявшегося в Риме каждые 110 лет.

2 Один из главных иудейских пророков, живший в VIII веке до нашей эры.

Как сатирик он был, конечно, твердым орешком. Вот строки из его «Мировой трагедии» (1910):

*И если я пишу для Англии, кто прочитает эти строки?
Как если б луны рамадана¹ или на убыль
И слабоумный ангел-виночерпий
Спустил вино прекрасное в клозет!
«Что знают те, кто знает Англию одну?»
Лишь то, что Англия малюет на лице своем.*

*Любовь забальзамирована и названа «целомудренной
страстью»,
А похоть оправдана как «естественный отбор»,
Калигула бранит жестокого извозчика,
Нерон порет мальчишек-певчих в аббатстве;
Семирамиде наждаком улыбку стерли до манерной
ухмылки,
А Клитемнестру обстругали до жеманницы!
Суровости Лойолы? Да где они!
Но дайте нам устроить «неделю самоотречения»!
Экстазы Терезы² — истерики;
Но давайте похихикаем над каким-нибудь клириком-
подхалимом!
«На дворе век прогресса! Да ты отстал!»
Plus ça change, plus c'est la tete chose³.*

*Называть вынужденный труд рабством — грубо,
«Терминологическая неточность».
И это заявляют владыки ветров и волн,
Чьи хлопчатобумажные фабрики набиты британскими
рабами!*

1 Рамадан (рамазан) — девятый месяц мусульманского года, в который верующие практикуют пост.

2 Имеются в виду: римский император Гай Цезарь Калигула (12–41); римский император Нерон Клавдий Цезарь Друз Германик Люций Домит Агенобарб (37–68); ассирийская царица Семирамида, согласно греческой легенде, основательница Вавилона; Клитемнестра, дочь Леды и царя Спарты Тиндарея, супруга Агамемнона; святой Игнатий Лойола (1491–1556), испанский солдат, священник и основатель ордена иезуитов; святая Тереза Авильская (1515–1582), испанская монахиня-кармелитка, визионер и мистик.

3 «Чем более вещи меняются, тем более они остаются прежними» (фр.).

*Мужчины проводят ночи с германо-еврейскими шлюхами,
А днем говорят: пришельцам у нас не место.
Они возводят очи горé на сказках Готье
И держат домик в Мэйда Вейл¹.*

*Ваши титулы — о! как вы ими гордитесь!
Как насчет «homo quatuor literarum»²?
Сильные мира сего отдают все свое время пороку;
Бессильные (удовольствовавшиеся) платят, чтобы
позлорадствовать.
Колеса автомобиля продажной девки размазали
голодающую деву:
На Пикадилли опаснее, чем в Адене.
«Англия ожидает, что мужчина исполнит свой долг».
Он называет истину ложью и глумится над юностью
и красотой.
Он платит наличными за любовь и воображает,
что завоевал ее.
Долг означает церковь, где он благодарит Бога, что ему
это удалось!*

Позднее (а именно 28 августа 1914 года) он написал статью, озаглавленную «Оправдание Ницше»³, о тоне которой можно судить по следующей выдержке:

*Прочно окопавшись в болоте библиофильства, при-
таившись в бастионах Форта-Гранди, старый Защит-
ник Викторианства умирает, но не сдается. <...> Мы
создали кредитную систему, подразумевающую (если ее
как следует проанализировать), что все мы притво-
ряемся богачами, и социальную систему, в которой все
притворяются по меньшей мере сквайрами. У нас есть*

1 Теофиль Готье (1811–1872) — французский поэт, романист и критик; Мэйда Вейл — богатый район в западной части Лондона.

2 «Человек из четырех букв» (лат.); среди прочего — аллюзия на латинское выражение «homo trium literarum» («человек из трех букв»), эвфемизм, означающий вора.

3 Она должна была увидеть свет в качестве предисловия к сборнику стихов Кроули «Большой палец великана». Книга была полностью подготовлена к печати, но так и не вышла. Факсимиле гранок вместе с аннотацией Кроули было опубликовано лишь в 1992 году издательством «Ферст импрешнс».

герцоги, никогда не возглавлявшие войска, маркизы, не защищавшие никаких рубежей, рыцари, что не усидят и на осле; мы называем грязную прислугу «помощницей леди»; проститутку — «запятнанной голубкой», а ворчащих и бурчащих политиканов — «государственными деятелями».

У нас и впрямь Прогресс. Леди Пижамы-под-Орех доставляла нам головной боли всего на абзац, строчек на десять. Господа Сахарный Песок, Сахарный Песок и Пинта — уже на целую колонку. Мелкий докторшика-шарлатан отравил свою стерву-жену и сбежал с идиотской-машинисткой — и весь мир подождет, пока синематографисты его не повесят.

Выдающийся писатель привлекает к себе внимание, привлекая всеобщее внимание к предсмертным судорогам крупного рогатого скота; другой объявляет о братской любви к чикагской породе свиней. Бессчетные тысячи обращаются в вегетарианство и тут же начинают грызнуть на тему, подобает ли вегетарианцу есть яйца. Война между фрутарианцами и орехоядами едва не привела к новому переделу мира! Я лично знал «человека», который отказался есть хлеб, заявляя, что это — ферментированный напиток! А один мой друг знал анархиста, решительно отвергшего какао, так как оно возбуждало его животные страсти!¹

Именно в таком настроении Кроули взглянул в лицо войны и, несомненно, ее приветствовал. Почти все время войны он провел в Америке, и для обзора его поступков за тот период и их побудительных мотивов я должен отослать заинтересованного читателя к той части его автобиографии, ныне готовящейся к печати, которая касается этого времени и озаглавлена «Последняя соломинка»². Здесь я привожу *précis*³ этой статьи,

1 Ср. комментарий Кроули к 81-й главе «Книги Лжей» (Алистер Кроули. Сердце Мастера. Книга Лжей. М.: Ганга, Телема, 2009, стр.).

2 «Последняя соломинка» была написана в 1920 году, но так и не отдана в печать. Впоследствии ее планировали опубликовать в пятом томе «Исповеди» Кроули, но и этот том также не увидел свет. В конце концов она вошла в сокращенное издание «Исповеди» (1969).

3 Синописис, краткое изложение (фр.).

подготовленной к печати секретарем Кроули¹ в период, когда у того были «неприятности» с французской полицией (то есть в 1929 году).

ПОСЛЕДНЯЯ СОЛОМИНКА

(*précis*)

Суть моих приключений во время последней войны уместилась бы и в ореховой скорлупке. Когда начались боевые действия, я был в Швейцарии и занимался одиночными восхождениями на альпийские вершины. По возвращении в Англию я собрался было сражаться за свою страну, но еще в Альпах заработал приступ флебита, который и уложил меня в постель на добрых шесть недель с середины сентября до конца октября 1914 года. Меня предупредили, что малейшее движение может привести меня к внезапной смерти, и предупредили, что даже по выздоровлении я с весьма большой вероятностью никогда больше не смогу взобраться на гору. Мне в голову пришла странная идея (тем более странная в Англии 1914 года!), что война — дело серьезное, и что «это моя страна, будь она хоть права, хоть нет»². Я решил, что у меня достаточно идей и мужества и что моя страна нуждается во мне. Последнее недвусмысленно свидетельствовало о моей глупости. В то время любой мужчина в Англии, считавший воинскую повинность правильной и желательной, был наихудшим предателем. Именно против воинской повинности мы и боролись. С одра болезни я надиктовал статью под названием «Насквозь», в которой говорил: «Поставьте под ружье всех мужчин и соберите все снаряжение. Это вам не какая-нибудь континентальная свара — это жизнь и смерть нашей Англии. Нам не нужны дебаты в парламенте или в Колни-Хетче³. Нам нужен диктатор». Ни один издатель не отважился ее опубликовать.

1 Т. е. Израэлем Регарди.

2 Эта знаменитая фраза восходит к изречению морского офицера Стивена Декатура (1779–1920), героя американской революции.

3 Подразумевается психиатрическая лечебница в Колни-Хетч, действовавшая с 1851 по 1993 годы.

Покинув Швейцарию в начале войны, я отправился в Париж, где был поражен *sang-froid*¹ местного населения. Прибыв в Англию, чтобы предложить властям свои услуги, я пришел в отвращение при виде столь резкого контраста между спокойной отвагой французов и истерическим страхом моего собственного народа, разросшимся в настоящую кампанию ненависти. Немец стал чудовищем, букой из ночного кошмара, бороться с которым бесполезно. И в то же время он поразительным образом оказался трусом, лишенным всякой дисциплины, храбрости, морали и способным лишь на грабежи, насилие и пытки, — и вообще животным, которое не отваживается идти в бой, иначе как спрятавшись за заслоном из бельгийских монашек. Тогда я еще был убежден, что моя страна, Англия, нуждается во мне. В своих возбужденных чувствах я тешил себя иллюзиями, что я действительно нужен Англии. Я метался в надежде отыскать место, где смогу оказаться полезным. «А как же я? У меня есть кое-какая репутация — я литератор, я критик. Да, флебит поразил мою левую ногу, но это не мешает мне быть специалистом по шифрам, я читаю и пишу по-французски не хуже, чем по-английски, и мир уже имел возможность оценить меня по достоинству. Я неплохо знаком с доброй дюжиной языков, в том числе с хиндустани. Нога воспрещает мне принять участие в войне (не менее безапелляционно, чем Вильсон² — Америке), но неужели нет для меня другого способа послужить своей стране?» С августа по конец октября 1914 года я испробовал все средства, чтобы заставить правительство пустить меня в дело, — но безуспешно.

* * *

Я принял приглашение поехать в Америку, и там мне представился случай применить себя в таком качестве, к которому я был особенно расположен; я получил

1 «Хладнокровие», «спокойствие в трудных обстоятельствах» (фр.).

2 Имеется в виду Томас Вудро Вильсон (1856 – 1924), занимавший пост президента США с 1913 по 1921 год.

возможность сыграть в войне не менее важную роль, чем другие. Но чтобы преуспеть, мне нужно было собрать в кулак всю свою храбрость. Мне предстояло самому лишиться себя на какое-то время и друзей, и денег, и чести.

Ожидая в Америке прибытия кое-каких моих рукописей и книг, я стал присматриваться к тому, как нью-йоркцы относятся к войне. С одного взгляда стало ясно, что американцы твердо намерены делать на войне деньги, экспортируя союзникам провиант и снаряжение. (А как им, спрашивается, было делать деньги на Германии, если британский флот держал эффективную блокаду против Центральных Держав¹?)

Очень скоро меня осенило, что из-за этого мы вскоре окажемся в прямой зависимости от Америки; индустриализм настолько истощил все наши ресурсы, что цивилизации вскоре придется искать спасения у варваров. Это очень старая история, повторяющаяся, увы, снова и снова. Точно такая же роковая ошибка, чреватая катастрофой, некогда навлекла гибель на Грецию и ввергла в паралич и медленное разложение Древний Рим. Та же иллюзия станет гангреной для Англии еще на веку большинства мужчин призывного возраста, если только Англия не поймет наконец, что все ее золото — шлак; что ее поэты, ее художники, ее ученые — вот ее настоящая, подлинная душа.

Если спросить нью-йоркца: «Что ты будешь делать со всем этим? Как насчет поруганной Бельгии? Что скажешь о нарушенных договорах?» — в ответ мы, скорее всего, услышим: «Не будь идиотом! Безопасность — прежде всего. Таково наше правило. Если хочешь драться, отправляйся в Европу. Если хочешь говорить о войне, отправляйся к черту; эта страна нейтральна». Это бизнес, это хладнокровный расчет. Разве доллар — не Бог, и разве Бог не на стороне генерала, обладающего перевесом в артиллерии?

Но посреди смятения и противоречий, правящих бал, нашлось и несколько образованных, благородных людей. Да, они редки; но они все на нашей стороне.

1 То есть Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и Османской империи.

Мне не было дела до того, права моя страна или виновата. Я видел обе стороны сразу. И поэтому, обнаружив, что застрял на какое-то время в Нью-Йорке, я задумался, не могу ли каким-нибудь образом все же послужить Англии.

Благодаря серии случайностей, живописать которые здесь нет никакого смысла, я познакомился с Георгом Сильвестром Фиреком, человеком весьма талантливым — в своем роде. Он хорошо знал мир и не обманывался ни притворством публичных фигур, ни протитутскими ужимками прессы; его точку зрения отличало особое благоразумие, пристраивавшееся из типичного для посредственности осознания необходимости компромисса. То был человек с обходительными, вкрадчивыми манерами и речью, обладавший значительным политическим опытом и колоссальными интеллектуальными способностями. Однако его интеллект был недостаточно тонок, чтобы распознать во мне внутренний парадокс. Я — англичанин, и я люблю Англию. И, тем не менее, я восхвалял Германию, я сочувствовал Германии, я оправдывал Германию, и он ошибочно решил, что я настроен прогермански. Во время одной из наших бесед мне стало ясно, что тут-то, в редакции «Фазерленда», и находится штаб-квартира немецкой пропаганды.

Я отправился на поиски того, что американцы называют «важной шишкой». Кандидата на тайное руководство немецкой пропагандой я в конце концов нашел в лице профессора Хьюго Мюнстерберга¹, моего старого врага: прежде нам уже случалось спорить о философии и физике. Это был крайне позитивистски настроенный человек, жестко придерживающийся «фактов», но способный при этом к восприятию материй тонких и изысканных и, к тому же, куда более открытый к новым фактам и теориям, чем большинство его оппонентов. Он знал психологию; он знал людей; он понимал

¹ Хьюго Мюнстерберг (1863–1916) — психофизиолог германо-американского происхождения, в 1892 году ставший профессором психологии Гарвардского университета.

бизнес. Высокомерие его было колоссально, а будучи наставником в Гарвардском университете, он приобрел лидерские замашки. Ввиду всего этого воображение уже рисовало мне дуэль — волнующую и романтическую.

Однако те самые излюбленные им факты оказались куда менее увлекательными, чем я надеялся. Профессор обладал великим немецким талантом Быть Всегда Правым. Это значительно упростило мне задачу, ибо мне оставалось лишь постоянно рассказывать ему, как же он прав, и вследствие подобной терапии он вскоре утратил способность правильно оценивать общественные настроения и в конце концов сделался жесток и глуп.

Однако более насущная моя задача заключалась в том, чтобы укрепить Фирека в убеждении, что я действительно настроен прогермански. Я обнаружил, что он весьма сочувствует делу ирландской независимости, а поскольку в Америке было множество моих однофамильцев, Кроули, эмигрировавших непосредственно из Ирландии, мне не составило труда объявить себя подлинным и законченным шинфейнером¹. Трудность, правда, заключалась в том, что в ирландском вопросе я почти не разбирался (впрочем, в Америке это еще никому не мешало). Но стоило мне написать какой-то мстительный бред об ирландской независимости², все пошло куда легче — Фирек очень хотел мне поверить. Зарекомендовав себя таким образом в качестве ирландского сопротивленца, я удалился от дел и стал обдумывать образ дальнейших действий. Вскоре я пришел

1 «Шин Фейн» — политическая организация, основанная в 1905 году и пропагандирующая полное политическое отделение Ирландии от Великобритании.

2 3 июля 1915 года Кроули со товарищи проплыли через нью-йоркскую гавань к статуе Свободы и провозгласили там независимость Ирландской Республики. Кроули разослал в газеты анонимный отчет об этих событиях, и историю с готовностью подхватила «Нью-Йорк Таймс»: «Ирландская Республика родилась в нью-йоркской гавани; на заре десятка патриотов публично отказалась от верности Англии возле статуи Свободы; была провозглашена независимость; сейчас, заявили они, прогерманские симпатии — вопрос государственной целесообразности; после этого они отправились завтракать в “У Джека”» («Нью-Йорк Таймс» от 13 июля 1915 года). Кроули написал в продолжение материал под названием «Ирландский флаг», подписанный «Алексом К. Кроули» и опубликованный там же, в «Нью-Йорк Таймс»; помимо всего прочего в нем утверждалось, что ирландцы, как и древние египтяне, произошли от жителей Атлантиды.

к заключению, что ведомая «Фазерлендом» пропаганда, в которой германский вопрос представлялся со всей возможной ясностью, логикой, умеренностью и ученостью, была крайне опасна для Союзников. Я поговорил об этом с друзьями. Их в то время все это не особенно занимало, так что я был оставлен наедине со своими планами — абсолютно одинокий и непонятый.

Я принял решение относительно курса собственных действий. Я стану писать для «Фазерленда». Я постепенно обработаю Фирека, сперва при помощи относительно обоснованных нападок на Англию, а затем перейдя к неистовым сумасбродствам, и так постепенно достигну своей цели — пробуждения живейшего отвращения в любом хотя бы относительно разумном человеческом существе на свете.

Я доказал, что «Лузитания» была военным транспортом¹. Я обратил акт бессмысленной жестокости не просто в военную необходимость, но в моральную победу, и украсил статую Гинденберга² золотым нимбом. А в день убийства Эдит Кейвелл³ я напился допьяна — гневом и возмущением, — а затем сел и написал статью. Я изобразил фон Биссинга⁴ новым Иисусом Христом — просто-сердечным верующим немцем, человеком большой души, обращенным сердцем к миру и всему человечеству, со слезами на глазах протягивающим руку своей жертве со словами: «Сестра Кейвелл, я вам верю!» — а она смотрит на него, как Иуда. Заключал я статью беззащитной риторикой (вполне достойной того легковерия, с которым ее приняли и проглотили), где сестру Кейвелл привечали в аду Лукреция Борджа⁵ и прочие крайне непопулярные дамы.

1 Пассажирское судно «Лузитания» было потоплено немецкими подводными лодками в 1915 году. В результате чего погибло 1198 пассажиров, а Америка оказалась ввергнута в войну.

2 Речь идет о фельдмаршале Пауле фон Гинденберге (1847–1934), впоследствии ставшем вторым президентом Веймарской республики.

3 Британская медсестра Эдит Кейвелл (1865–1915), служившая в Бельгии, была казнена за то, что помогла бежать заключенным из числа Союзников.

4 Имеется в виду Фердинанд фон Биссинг (1844–1917), начальник военной администрации в Бельгии во время Первой Мировой войны.

5 Лукреция Борджа (1480–1519), дочь Родриго Борджа, ставшего впоследствии папой Александром VI, и сестра деспота Чезаре Борджа; популярный

Фирек и глазом не моргнув опубликовал эту ужасную и более чем прозрачную иронию; мне оставалось только оплакать Германию. (Америка в упор не понимает иронии и сатиры; сарказм ее населению совершенно недоступен.) Но хватит ли соли моим слезам, дабы оплакать Англию? Ибо и в моей родной стране мало кому дано прочесть между строк, исполненных самых комических театральных кощунств, обуревавшие меня в действительности гнев, скорбь и горечь. Все решили, что отвратительный и совершенно очевидный бред, который я писал для «Фазерленда», есть наглядное выражение государственной измены, которым его по глупости своей и считали немцы. Немцы мои были громогласны в хвалах и поздравлениях. Я защищал неограниченную подводную войну в стиле настоящего немецкого профессора, втайне рассчитывая (и совершенно, как показало время, справедливо), что настолько беспардонное попрание всех законов и норм приличия станет ПОСЛЕДНЕЙ СОЛОМИНКОЙ и принудит Америку встать на нашу сторону.

Но вместе с «успехом» пришла катастрофа. Некий друг из британского консульства после прочтения статьи (и прежде, чем мне представилась возможность объяснить взятую добровольно на себя ради блага Англии задачу) с отвращением прорычал мне: «А я и не знал, что ты немец»¹. О да, я пал духом! Как можно было надеяться победить в войне, когда англичане относились к ней настолько истерично?

* * *

Ситуация изменилась. Когда в войну вступила Америка, Министерство юстиции набралось смелости применить по назначению оба полушария мозга и быстро поняло, как несколько ранее понял и я, что интеллект

образ *femme fatale* в паноптикуме политической и сексуальной коррупции, ассоциируемой обычно с семейством Борджа.

1 Возможно, это был Фрэнсис Эверард Филдинг (ум. 1936), младший брат эрла Денбигского. Кроули упоминает его в «Последней соломинке» как Э.Б., то есть Энтони Боулинга, персонажа романа «Лунное дитя», прототипом для которого и послужил Филдинг.

такого типа, как у Фирека и Мюнстерберга, куда более опасен, чем неуклюжий разум, подрывающий мосты в стратегически малозначимых местах. Министерство пустило меня в дело по полной программе, и мне наконец удалось внести свой скромный вклад¹.

В результате у меня появилось достаточно денег, чтобы устроить свои дела в Нью-Йорке, где я страдал от голода целых пять лет. Чего стоит одна легенда о том, как я жирею на немецком золоте! Я незамедлительно отправился в Англию. Совесть моя была чиста. Я остался верен Англии. Я пострадал ради ее блага больше, чем кто бы то ни было. И то была славная битва, невзирая на мой позор! Голод и одиночество тела и разума стали моим уделом. Но я был доволен собой. Мне нет дела ни до общественного мнения, ни до успеха и славы.

Отношение мое к делу с годами не изменилось. Я до сих пор думаю, что английский чугунок ничуть не чище немецкого чайника, и до сих пор готов положить за этот чугунок жизнь!

Такова была его собственная поэтическая интерпретация действий, которые, мягко говоря, напрашивались на совершенно иное истолкование. Только Алистер Кроули из всех живущих мог быть настолько идеалистичен в попытках защитить «чугунок». Я могу лишь помочь читателям составить собственное мнение, поместив на этих страницах еще две статьи Кроули: «Человечество — прежде всего!», в которой вижу искреннее выражение его чувств относительно данных событий, и «Новый Парцифаль», которую расцениваю как превосходный образец иронии.

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО — ПРЕЖДЕ ВСЕГО!

(воспроизводится по «Интернейшнл», ноябрь 1917 года)

Возможно, в один прекрасный день какой-нибудь вандал — вроде макалеевского Новозеландца², или еще

¹ В архивах ФБР содержатся данные о том, что Кроули снабжал Бюро информацией, хотя подробности из доступных публике документов были изъяты.

² Томас Бабингтон Маколей (1800—1859) — английский эссеист, историк и государственный деятель, в чьей рецензии на «Церковную и политическую

кого — сорвет-таки с моего саркофага золотую табличку с алмазными буквами. Возможно, что еще века спустя ученые археологи ныне неизвестного народа, раскапывая руины Вестминстреского аббатства, найдут мои кости и отправят их анатомам на опознание.

Отчет анатомов, возможно, будет выглядеть так: «Это кости млекопитающего, примата, относящегося к виду *homo sapiens*. Череп не прогнатический; вероятно, его обладатель принадлежал к белой европеоидной расе».

С таким суждением я охотно соглашусь. Характеристика «немец» или «японец» стала бы неприятным ограничением. Человек есть человек, в нем горит мистический пламень божественности. Проводить дальнейшие различия, отличать русского от турка в материях, более серьезных, чем национальные верования, обычаи и костюм, — настоящее богохульство.

Все прогрессивные мыслители, все, кому ведам божественный план, стремятся к солидарности человечества; патриот же в узком и яростном смысле этого слова есть предатель истинных интересов человека. Да, время от времени возникает необходимость защитить свою собственную частную секцию человечества от агрессии; но даже и это нужно делать с мысленным допущением: «Пусть эта война станет нянькой и кормилицей еще более прочного мира; пусть этот спор приведет к лучшему пониманию; пусть эта рознь приведет к союзу на более высоком уровне!»

«И враги человеку — домашние его¹», а худшие недруги народа — его же собственные мелкотравчатые

историю папства в XVI и XVII веках» Леопольда фон Ранке упоминается некий новозеландский «путешественник», превратившийся со временем в популярного литературного персонажа XIX века: «Быть может, ее [т. е. римско-католической церкви] величие не иссякнет и до тех пор, пока какой-нибудь путешественник из Новой Зеландии посреди обширной пустоши не взберется на разрушенную арку Лондонского моста, чтобы сделать набросок с руин Святого Павла». Это литературное клише использовалось настолько часто, что в 1865 году журнал «Панч» включил его в свой список «изношенных, измочаленных, избитых, несвежих и затасканных» выражений под номером 1 и шутиво запретил его к использованию литераторами. Обычно считается, что под своим «новозеландцем» Маколей подразумевал представителя туземного населения, маори.

1 Мф. 10:36.

патриоты. «Патриотизм — последнее прибежище негодяя»¹. Преднамеренное разжигание розни между народами — гнуснейшее из преступлений. В том переполохе, который ныне царит по всей Европе, виноваты газетчики враждующих стран: это они возбуждают страсти в своих невежественных читателях. Если бы все люди были достаточно образованными и могли бы путешествовать по разным странам, они не стали бы слушать этих воплящих гарний. Но теперь уже слишком поздно, и все, что нам остается, — попытаться как-то исправить содеянное. И нашим девизом должны стать слова: «Человечество — прежде всего!»

Необходимо заткнуть рот всем, кто позволяет себе обобщенные высказывания о целых нациях: «Все немцы — убийцы», «Все французы — прелюбодеи», «Все англичане — снобы», «Все русские — пьяницы» и так далее. Необходимо заткнуть рот всем, кто привержен лишь мелким, частным интересам. Мы должны отказаться слушать любого, кто не понимает, что на кону стоит само существование цивилизации, что ослабленная Европа может вот-вот пасть жертвой империалистических сил, что за войной по пятам могут последовать банкротство, революция и голод, что Башня Вехов может рухнуть и обратиться в груды руин уже на нашем веку.

Мы должны закрыть свой слух от каждого, кто не отринул осознанно все ограниченные интересы, все узкие национальные устремления, кто не в состоянии бесстрастно и сострадательно окинуть израненное человечество широким, ясным взглядом — взглядом хирурга или просто человека, не зашоренного стремлением спасти жизнь организма ценою уничтожения любого отдельного его члена.

Мы должны слушать немца, понимающего, что Англия — великая, прогрессивная и просвещенная нация, чье благосостояние необходимо для здоровья всей Европы.

¹ Знаменитое изречение Сэмюэла Джонсона (1790—1784) — английского лексикографа, критика и поэта, составителя знаменитого толкового словаря английского языка.

Мы должны слушать француза, видящего в Германии своего лучшего друга, образец науки, организованности и дальновидности, единственно способной заново отстроить рухнувший храм. Мы должны слушать англичанина, готового поступиться свободой морей; и русского, признающего, что настало время положить конец тирании и коррупции его властителей.

Крикливая пресса любой страны, всегда готовая сколотить еще одно пенни на страстях ни о чем не думающей и ничего не знающей толпы, каждого подобного человека заклеивает изменником.

Да будет так. Пусть же низшие интересы будут отринуты ради высших, а частные выгоды любой отдельно взятой страны — принесены в жертву ради содружества всего мира. Пусть наступит время не людей, но человека. Вспомним того, кто сошел с небес и облекся плотью среди евреев не для того, чтобы привести свой народ к победе, не для того, чтобы принять мирское владычество над землей, но для того, чтобы нести свет и истину всему человечеству.

Если бы Спаситель Человечества соизволил принять патриотическую миссию избавления от римлян, он бы объединил свой народ, но человек тогда не был бы искуплен. Потому его народ назвал его изменником и предал его своим же поработителям.

Пусть же те, кто готов — подобно Ему — принять позор и посрамление, а если нужно, и крест, выйдут вперед; пусть воздвигнут они знаменем своим орифламмю Солнца, ибо Солнце светит равно всем народам земли; и пусть на передовом краю их битвы воссияет один искупительный помысел: «Человечество — прежде всего!»

Именно в духе этого помысла и было написано настоящее эссе.

Алистер Кроули.

НОВЫЙ ПАРЦИФАЛЬ

Портрет Вильгельма II

Написано Алистером Кроули

(воспроизводится по изданию: «Оупен Корт», 1915, 29 [7], 499–502).

Мировым кризисам всегда предшествуют мировые пророки. Художник есть тайное воплощение Zeitgeist¹; современники его никогда не могут распознать в нем даже художника, если только он не проживет достаточно долго, чтобы навязать им свою волю и увидеть, как мир медленно начинает тяготеть к его солнцу.

Мне в этом необычайно повезло, так как я еще не состарился, а уже вижу утверждение моральных принципов, за которые сражался с молодых ногтей. Я вижу предсмертную агонию ложных религий, крушение логовища мелких тираний и узколобых идеалов, которое «праведные» называют «домом»; я вижу массовое признание того, что некогда звали вырождением, но что в действительности было отвагой духа, отстаивающей свою божественную судьбу, и частью нормальной жизни лучших представителей рода людского. Ханжество и лицемерие все еще извиваются в корчах, но таково уж обыкновение умерщвленных рептилий. И вот, еще не достигнув и сорока, я нахожу мир почти идеальным местом для обитания. Будучи оптимистом, я рассчитывал на многое; но на подобное великолепие я не смел и надеяться — на уничтожение Сифилизации во вселенской войне. Только в пророчествах я мог говорить об этом вслух.

Я чувствую, что в утверждении этом есть определенная историческая значимость, ибо кельтская раса, священный клан, чья кровь восходит к Осирису и Исиде², должен непрестанно заслуживать золотую

1 «Дух времени» (нем.).

2 Осирис — египетское божество, бог смерти, воскресения и плодородия; согласно теологии гелиопольского солнечного культа, он женился на своей сестре Исиде. Исиды почиталась как богиня-мать, богиня неба, земли, иного мира и магии.

арфу на зеленом знамени, — символ поэтического вдохновения, и еще более древнее знамя, сияющее солнце, которое ношу я на собственном щите как залог отцовства Аполлона¹.

Ибо были пророки в святилище и до меня, и это о них я говорю. Оружием одного была музыка, другого — философия. Эти двое понимали, что кипит в котле Европы. Они страдали от родовых мук, в коих появлялось на свет исполинское дитя времени, Хор, бог войны². И столь таен и ужасен был труд сей, что ни один поэт не мог присоединиться к божественному обществу, дабы не поторопить роды и ребенок не родился бы мертвым. И даже теперь, уже явившись, он сокрыт под покрывалом столь темным, что люди, вспоминая пророка из Хорасана³, содрогаются и проходят мимо.

Но за властью пророка приходит власть короля. В гуще мировых потрясений, которые они предвидели, восстает герой. И точно так же, как они вынуждены пророчествовать вопреки своей воле, герой этот зачастую — человек вполне мирный. Всякий, кто изучал историю Наполеона под широким и ясным углом зрения, увидит в его кампаниях не амбиции, но необходимость. Ум поверхностный, конечно же, забудет, что в то время Франция, уже изувечившая сама себя и истекающая кровью после революции, была осаждена армиями всего мира. Наполеон спас Францию от праздности, глупости и эгоизма Бурбонов в час великого краха, причиной которого они же и явились. Последующие его войны стали плодами прошлых побед. Если хоть сколько-нибудь поколебать равновесие, содрогнется вся вселенная. Дабы перенастроить механизм, в котором сломался один-единственный зубец, нередко приходится снести весь завод целиком и воссоздать его заново из новых материалов. Войну

1 Греко-римский бог пророчества, поэзии, музыки, целительства и юной мужской красоты.

2 Хор — египетский солярный бог, сын Осириса и Исиды, отомстивший за убийство своего отца.

3 Имеется в виду «хорасанский пророк под покрывалом» — таинственный персонаж эпической поэмы ирландского поэта Томаса Мура (1779–1852) «Лалла Рух» (1817).

невозможно удержать в рамках. На какое-то мгновение можно не дать ей распространиться, но силы ее все равно продолжают свое незримое действие.

Итак, по иронии богов, король-воитель сам нередко бывает человеком сугубо мирным. Обычный разум просто не в силах воспринять все эти тонкости. Он склонен рассматривать Юлиа Цезаря как воина, а не законодателя, а Мухаммеда по сей день считает завоевателем, а не величайшим за всю христианскую эру писателем и законотворцем, человеком, построившим цивилизацию, которая вывела Европу из мрака Средних Веков и сохранила знание от полного и окончательного уничтожения.

И поскольку обычному уму крайне необходимо истолковывать пророчества неким конкретным образом, обычное воображение цепляется за какую-нибудь подходящую фигуру и делает из нее героя. Так он с тех пор и стоит, иногда в мраморе, но чаще в бронзе, и неизменно с надписью на пьедестале, гласящей: «Славься, спаситель мира!»

И в наше время щедрые боги ниспослали своим пророкам героя. Вильгельм II всегда до некоторой степени сознавал себя воплощением Лоэнгрин, Зигфрида и Парцифалья¹. (Примечательно, что Франц Иосиф² отлично подходит на роль старого короля. Он здесь — Титурель³.)

Меньше всего Вагнер хотел изобразить сверхчеловека. Вагнер мыслил социалистически. Но пророк в нем, как во всяком подлинном художнике, был аристократом; и, творя, он всякий раз изображал спасителя. Его герой был не просто королем, а святым королем. Он был храните-

1 Герой немецких легенд Лоэнгрин был сыном Парцифалья и рыцарем Святого Грааля; Зигфрид — победитель дракона из «Песни о Нибелунгах»; Парцифаль — герой и рыцарь Святого Грааля. Все эти легенды были переложены на оперы композитором Рихардом Вагнером (1813—1883).

2 Франц Иосиф (1830—1916) — император Австрии и король Богемии и Венгрии, с 1867 года — глава объединенного государства Австро-Венгрии. В общей сложности правил 68 лет (1848—1916).

3 В легенде о Святом Граале старый король Титурель передает служение Граалю своему сыну Фримутелю. Фримутель в свою очередь умирает, и попечение о реликвии переходит ко второму сыну Титуреля, Амфортасу. Амфортас передает Грааль, и миссия Парцифалья таким образом становится неизбежной.

лем священного сокровища; он владел магическим оружием и был облачен в доспех освященный и неуязвимый.

Как повезло Германии, что у нее был император, способный постичь разумом значение всех этих образов и осознать себя мессией, о котором говорил пророк Вагнер! И поэтому он с готовностью и совершенно естественно занял предназначенное ему место в хорошо отрепетированной мизансцене. Уже сейчас, до окончания войны, он со всей очевидностью — даже для врагов и нейтральной стороны — является центральным персонажем драмы, новым Агамемноном¹.

На дворе век волшебных сказок. Газеты давно отлучили нас от правды. И даже Союзники² в глупой ненависти своей словно сговорились наделить кайзера всеми достоинствами полубога. На самом же деле своим солдатам он является как Святой Михаил³, сплывшая, ободряя, ведя вперед в бой. Где битва ожесточеннее, там найдешь императора, сурового и бледного, словно Христос, восставшего от молитвы в Гефсимании и идущего навстречу судьбе, чтоб обрести победу и бессмертную славу. От фронта к фронту стремится он, воздевая священный меч своих отцов. Он никогда не щадит себя; каждому солдату в окопах он друг и брат.

Здесь есть чему пленить воображение простого человека. Даже врагам своим он видится Люцифером или Аттилой⁴ — не вполне человеком. Они наделяют его магическими дарованиями; он, как говорят, появляется одновременно на всех полях битвы и сразу в дюжине своих замков. Даже кронпринца убивают сотню раз, но он все равно восстает и снова идет в бой, покрытый новой сияющей славой, ибо пока он продирается сквозь паутину мифа, ее блестящие нити окутывают его, словно покрывало верховной жрицы — серебряный доспех рыцаря Святого Грааля.

1 Агамемнон — легендарный царь Микен, возглавивший поход ахейцев против Трои.

2 В оригинале игра слов: All-lies («все лгут») и Allies («союзники»).

3 Святой Михаил, воинственный архангел. См.: Дан, 10:13.

4 Люцифер — исполненный гордыни архангел-бунтовщик в христианской мифологии; Аттила (ум. 453) — вождь гуннов, завоевавших Европу.

У царя¹ нет таких магических покровов. Из Петрограда он снова и снова мчится на фронт, простой король, едва ли воин, очевидно не священный владыка и тем менее полубог. Но Вильгельм II — подлинный гений своего народа. Он — то же, чем Кастор и Поллукс были для Рима². Он кажется всеведущим, всемогущим, вездесущим, сущим ангелом Господним, ужасным и прекрасным, посланным спасти родину от варварских недругов. Даже если он погибает, он погибает не как человек. Он обретает сияние мильтоновского Сатаны³ и остается в веках как герой великой проигранной битвы за человечество.

Никто не узнает места его погребения. Легенды окутают его образ, как это было со Христом, Бальдром, Адонисом, Артуром, Мухаммедом и Наполеоном⁴. «Он не умер по-настоящему; он еще вернется, дабы привести свой народ к окончательной победе» — так станет говорить любой крестьянин, и на это станет безмолвно и бессознательно надеяться сердце любого аристократа. Поэт знает, что мистически это правда; ибо он знает, что смерти нет, что личность более долговечна, чем плоть и кровь, что люди в действительности — воплощения бога. Он знает, что герой, который есть сгущение мифа, куда более реален, чем историческая фигура как таковая. В воображении больше правды, чем в науке; искусство реально, жизнь же — иллюзия. Ибо в искусстве заключена идея завершенная и чистая, божественная истина, облеченная красотой. Искусство создает божество; из аморфной земли искусство возводит

1 Подразумевается последний император России, царь Николай II (1868—1918).

2 В греческой и римской мифологии Кастор и Поллукс, или Диоскуры, — сыновья Зевса или, соответственно, Юпитера, который оплодотворил их смертную мать, Леду, в облике Лебеда. Возможно, Кроули имел в виду Ромула и Рема, легендарных полубожественных близнецов, основателей Рима.

3 Джон Мильтон (1608—1674) — английский поэт, в чьей поэме «Потерянный рай» (1671; 1674) фигурирует Сатана.

4 В скандинавской мифологии Бальдр — сын Одина; Адонис, согласно греческому мифу, — возлюбленный Афродиты; Артур — легендарный король построманской Британии и глава рыцарей Круглого Стола. Все они в той или иной степени обладают чертами архетипического умирающего и воскресающего божества.

нерушимые дворцы белого мрамора, оникса, порфира и малахита.

Ave, Guglielme! Rex, imperator! Радуйся, Спаситель Мира, облеченный в блистающий золотой доспех, увенчанный шлемом святости, простирающий меч! Радуйся, суверен и спаситель, исцеляющий вековые недуги, изгоняющий язычников из святых пределов.

Добро пожаловать в мир, исполненный страданий, алчущий твоей зари, о, Солнце праведных! Святые короли древности приветствуют тебя; пророки умащают тебя елеем благословения и возлагают на тебя венец Европы. Поэты зрят тебя и знают тебя; песни их свивают шелковую мантию на доспехах твоих!

Ave, Guglielme, rex, imperator!

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В АМЕРИКЕ

Оставшуюся часть времени Кроули активно занимался как физической, так и умственной деятельностью и время от времени фигурировал в прессе в весьма сенсационном ореоле, как того и следовало ожидать.

Вскоре по прибытии в США, в декабре 1914 года, его «проинтервьюировали» репортеры, которые, судя по нижеследующему материалу из нью-йоркского «Уорлда», сочли Кроули «интересным образчиком».

МАГИСТР МАГИИ РАССКАЗЫВАЕТ О ПРИЧУДЛИВЫХ СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫХ РИТУАЛАХ

Алистер Кроули, недавно прибывший в Нью-Йорк, — самый странный человек из всех, с какими мне доводилось встречаться. Его могучий магнетизм привлекает людей или отталкивает их с равной силой. Личность его умножает слухи, следующие за ним повсюду.

Один человек, с которым я говорил о нем, прославлял Кроули как поэта редкостной утонченности, автора «Аве, Марии!» — венка стихотворений, посвященных

1 «Радуйся, Вильгельм! Высший владыка!» (лат.).

Матери Божьей. Другой охарактеризовал его как беспощадного критика американской литературы. Третий назвал обладателем нескольких мировых рекордов по альпинизму. Четвертый предостерегал меня против любых контактов с ним как с крайне дурным человеком, сатанистом или дьяволопоклонником, погрязшим в черной магии, верховным жрецом Вельзевула. Некий актер знал его исключительно как театрального режиссера и дизайнера необычайных сценических костюмов. Издатель поведал мне, что Кроули — известный эссеист и философ, чьи книги, почти все из которых отпечатаны в частном порядке, являются подлинными шедеврами современной литературы. Среди его произведений есть и объемистый трактат по истории и практике магии, демонстрирующий колоссальный объем работы и эрудицию, — весьма авторитетная книга по данному предмету. Еще другие люди живописали мне его как заядлого охотника, азартного игрока, издателя и путешественника. Кто-то говорил о его больших достижениях, кто-то — о том, что он самозванец. Но все сходилось на том, что человек это необычайный.

Будучи в Америке, Кроули много путешествовал по континенту от побережья до побережья, посещая Флориду, Новый Орлеан, Лос-Анджелес, Сан-Франциско и Средний Запад, поднимаясь по Гудзону на каноэ, обитая отшельником на Эзоповом острове — всегда беспокойный и неустанный. В Нью-Йорке он откалывал легкомысленные выходки, не последней из которых стала «Декларация ирландской независимости» 3 июля 1915 года, провозглашенная им у подножия статуи Свободы после демонстративного швыряния в залив «британского паспорта» (на деле — старого конверта) и произнесения следующей напыщенной речи:

Я не просил никакую сколько-нибудь значительную аудиторию прислушаться к этим словам; я, скорее, адресую их непобедимому океану, окружающему мир, и четырем свободным ветрам небесным. Перед лицом восхода я воздеваю руки, а с ними и душу к исполинской фигуре

Свободы, этической спутнице Света, Жизни и Любви, каковыя есть наше духовное наследие. В этом символическом и ужасном религиозном акте я призываю единого истинного Бога, коему само Солнце есть лишь тень, дабы он укрепил мое сердце и руку и дабы мог я утвердить свободу земли моих предков, которую я явился сюда провозгласить.

В это темное мгновение, перед тем, как державный отец нашей солнечной системы воспламенит поцелуем море, я приношу великий обет Революции.

Своими руками я разрываю этот знак рабства, этот надежный договор с порабощателями моего народа [действительно разрывает]; я навеки отказываюсь от верности любому иностранному тирану; я клянусь сражаться до последней капли крови за освобождение мужчин и женщин Ирландии; и я призываю свободных людей этой страны, на чьих гостеприимных берегах пребываю в изгнании, предоставить мне моральную поддержку и помощь в этой задаче — разорвать путы, которые они разорвали для себя уже сто тридцать восемь лет назад.

Я провозглашаю Ирландскую Республику! Я вздымаю ирландский флаг! Eire go Bragh! Боже, храни Ирландию!

Еще одним розыгрышем стала «рекламная стратегия», разработанная плодотворным воображением Кроули для увеличения продаж книги, написанной кем-то из его знакомых¹. Он разместил около сотни маленьких объявлений в провинциальных газетах, обещая, что десять тысяч долларов награды будут уплачены (автором книги) тому, кто вернет ему в непо-

1 «Восстань, Ирландия!» (газльск.).

2 Предположительно это был Генри Клиффорд Стюарт (р. 1864) — бизнесмен в отставке и писатель, нанявший Кроули в качестве редактора своей книги «Пророк в своем отечестве: письма Стюарта Х разным людям по разным случаям. Под редакцией и с предисловием Алистера Кроули» (1916). Одним из адресатов писем Стюарта был Сунь Ятсен (см. далее).

врежденном виде образ Каннон¹, похищенный у Сунь Ятсена² в Шанхае 13 июня 1904 года.

В результате сотни репортеров и фотографов, не говоря уже о детективах-любителях, осадили дом донельзя удивленного этим обстоятельством писателя. По меньшей мере шестьсот газетных статей — некоторые из них на целую полосу, — полных самых поразительных открытий и дичайших спекуляций, появилось в американской прессе. В конце концов Кроули, решив, что шутка зашла слишком далеко, проболтался сам. Но даже и после этого газетчики звонили ни в чем не повинному Сунь Ятсену в далекий Китай и пытались выспросить его версию событий. Президент с достоинством отвечал им, что прожил достаточно долго и наслышан о сумасбродстве газетчиков, но за все эти годы не сталкивался ни с чем настолько глупым.

Во времена «сухого закона» Кроули закатил в Нью-Йорке вечеринку под названием «Кружка бензина», разослав на нее приглашения:

1 ИЮЛЯ — ВЕСЕЛЫЙ ПРАЗДНИК!

Великий Мастер приглашает представителей прессы, участников движения за «сухой закон», духовных лиц, поэтов и полицию на торжественное открытие праздника в честь Кружки Бензина! Празднование начнется в 9 часов вечера по адресу Вашингтон-сквер, дом 63. Любовь есть закон, любовь в согласии с волей.

Один из «представителей прессы» завершил свой отчет о посещенном мероприятии следующими словами:

Выйдя на Вашингтон-сквер, гость несколько раз глубоко вдохнул бензиновые пары и двинулся прочь от дома номер 63. Он шел совершенно ровно, не шатаясь и не сбиваясь с курса; мысли его текли обычным чередом; и лишь один вопрос не давал ему покоя: «Ну и где же обещанная попойка?»

1 Японская форма китайского божества Гуань Инь, она же милосердная бодхисатва Авалокитешвара.

2 Сунь Ятсен (1866—1925) — китайский революционер и государственный деятель.

Но в тот момент он, очевидно, все еще находился под действием бензина, ибо все предшествующие три часа он бойко разглагольствовал о своем «внутреннем «я»» и прочих не менее странных предметах, с которыми до сих пор был лишь едва знаком. И, более того, волшебная сила бензина побудила его завязать самую теплую дружбу с несколькими новыми лицами.

Вот рецепт «Кружки бензина», по мнению докторов и по словам Алистера Кроули, в малых дозах совершенно безвредный:

«Купите обычную канистру бензина, возьмите пипетку и пустые капсулы, накапайте двадцать капель бензина в каждую капсулу и принимайте как пилюли».

Приблизительно в то же время Кроули решил стать художником и произвел настоящую сенсацию в Гринвич-Виллидж¹, разместив в ежедневных газетах следующее объявление:

ТРЕБУЮТСЯ

для позирования художнику: карлики, горбуны, татуированные женщины, девушки Гаррисона Фишера², всевозможные капризы природы, а также цветные женщины, но лишь при условии крайнего безобразия или уродства. Просьба приложить к письму фотографию. Почтовый ящик № 707.

Репортер, посетивший его студию, принес своему издателю красивую «историю от Алистера Кроули»:

Я никогда не изучал искусство и за всю жизнь не написал ни единой картины. Но когда я попытался рисовать, меня это так увлекло, что я бросил свою редакторскую работу в журнале и обратился к живописи. Результаты — вот они, вокруг вас. К какой школе

1 Гринвич-Виллидж — жилой район в Нью-Йорке на западе Нижнего Манхэттена; в начале XX века — пристанище богемы и радикальных политических деятелей.

2 Гаррисон Фишер (1875–1934) — американский художник-иллюстратор, рисовавший красивых женщин для популярных журналов.

я принадлежу как художник? Даже и не знаю, как себя назвать. Не для печати я бы причислил себя к старым мастерам...

«ИНТЕРНЕЙШНЛ»

Придя в этот журнал, смутно тяготевший к радикализму, Кроули быстро преобразил его до неузнаваемости. На протяжении 1916 года он время от времени предоставлял для него статьи, а в августе 1917 полностью взял издание в свои руки и стал практически единолично заполнять все номера, используя, как во дни «Эквинокса», разные псевдонимы. Все невнятные политические умствования и напыщенные разглагольствования были изгнаны с его страниц. Из работ Кроули, опубликованных в «Интернейшнл», особенно примечательны две серии рассказов: детективные истории о Саймоне Иффе, подписанные «Эдвардом Келли», и сборник, переименованный теперь в «Золотые прутья» (ибо источником сюжетов для него послужила «Золотая ветвь» Дж.Дж. Фрэзера), за подписью «Марк Уэллс». Помимо рассказов, Кроули печатал в этом журнале «популярные» очерки по магии и стихи, упоминая о войне лишь изредка, от случая к случаю; одним из таких редких исключений стала статья «Человечество — прежде всего!». В апреле 1918 года контроль над журналом перехватил некто Линдсей М. Кисби, бывший профессор политологии в Техасском университете. Разумеется, издание пришло в упадок и прекратило свое существование.

И СНОВА «ЭКВИНОКС»

Второй том «Эквинокса» так и не был опубликован — в точном соответствии с замыслом, ибо ему соответствовал пятилетний «период безмолвия». Весной 1918 года Кроули приступил к работе над первым выпуском третьего тома, и когда тот увидел свет¹, стало очевидно, что по качеству он не уступает английским выпускам. Второй выпуск третьего тома, насколько я понимаю, тоже был сдан в печать и должен был выйти осенью, однако из-за финансовых проблем издание так

¹ Весной 1919 года.

и не осуществилось — вот еще один гвоздь в крышку гроба легенды о немецком золоте, в котором якобы купался Кроули в тот период.

В итоге Кроули решил, что в Америке ему больше делать нечего, и в 1919 году вернулся в Европу.

Кроули и Америка

Еще в 1899 году, до первого своего визита в Нью-Йорк, состоявшегося годом позже, Кроули написал «Воззвание к Американской республике» — очень юношеское, суинберновское и искреннее, но, тем не менее, удивительным образом опередившее свое время. То была поэма, призывавшая к объединению всех англоязычных народов. На переплете издания были изображены скрещенные флаги — британский «Юнион Джек» и звездно-полосатое знамя Соединенных Штатов. О настроении и стиле поэмы наглядно свидетельствуют следующие отрывки:

*О, прекрасная Республика! Там, далеко, за морями,
широкая синяя зыбь омывает твою плодородную землю.
Владенья твои — как звезда,
укрепленная в небе стальной десницей войны,
дабы вечно сиять среди звезд.
О, могучий новый народ — как орел, что стремится
жаром сердца сравняться с пыланьем дневного светила;
дети нашей земли, внемлите же детям ваших отцов!*

* * *

*Недолго ждать зари освобожденья,
вновь оживает мир, и с ликованием глядят народы,
как на твою страну взирает наше царство;
и, взявшись за руки, они нерасторжимо
величественны в гордой дружбе: каждый — с лучшим.
Твои ветра, наславшие свирепое крушение
на берег наш, улягутся и стихнут —
иль понесут ладьи твои с пшеничным золотом.*

*Не наша ли кровь окрасила пурпуром жилы твои,
и наши с тобою владенья — разве они не бок о бок?
Не единое ль море моет широким приливом
берега наши? Общий цветок — на стебле нашей розы,
и из сердца лозы нашей пурпур единой клятвы течет.
Не довольно ль точить друг на друга нам ядовитые перья?
Разве мы не друзья — и не люди?
Посмотрим же честно друг другу в лицо — а повздорить
всегда успеем!*

В целом поэма насчитывает 39 строф, выдержанных в таком же духе, и я не могу отделаться от мысли, что это один из важнейших документов, имеющих отношение к рассматриваемой части легенды об Алистере Кроули — той части, в которой его заклеили как предателя. Быть может, важнее — только письмо, отправленное Кроули в редакцию «Обсервера» 27 сентября 1914 года и привлечшее в то время некоторое внимание публики:

ПОЭТИЧЕСКОЕ ПРАВОСУДИЕ
(издателю «Обсервера»)

Сэр!

Реймсу можно предложить поэтическую компенсацию¹. Современным строителям вполне по силам перенести туда, камень за камнем, собор из Кельна. И пусть он станет символом и памятником нашей победы.

*Искренне Ваш,
Алистер Кроули.*

В октябре 1914 года «Воззвание к Американской республике» было перепечатано с незначительными поправками в «Инглиш Ревью». Теперь, пятнадцать лет спустя, это пророчество или, быть может, поэтическое прозрение неожиданно стало на редкость злободневным.

¹ Подразумевается «компенсация» за разрушенный германской артиллерией Реймский собор.

Однако не все англичане приветствовали призыв к объединению. К примеру, критик из газеты «Нью Эйдж» так откликнулся на переиздание этой поэмы:

Создается впечатление, что этот презренный континент стал для мистера Кроули чем-то вроде идеализированных суинберновских девушек-блудниц. Как можно говорить таким языком о континенте янки, живущих на германской торговле в Южной Америке в то время, как Англия пытается во что бы то ни стало и даже в убыток себе перекрыть Германии все возможности морских перевозок?

Вот уж и впрямь, нет пророка в своем отечестве!

Впрочем, лирическое восхищение Америкой умерялось у Кроули здравым критическим подходом. Примером тому служит его статья «Искусство в Америке», появившаяся в «Инглиш ревью» в октябре 1913 года. Как в Америке, так и в Англии она привлекла к себе внимание многих читателей. Общее содержание этой нелицеприятной статьи неплохо передает следующий *précis*, опубликованный в газете «Йоркшир Геральд»:

Мистер Алистер Кроули, этот незаурядный молодой джентльмен, довольно резко высказался об Америке в «Инглиш ревью». Перо, которым он клеймит американское искусство, должно быть, пропитывалось ядом с тех самых пор, как его уронил Байрон. «Лонгфелло со своим пугачом, заряженным попкорном, и Уиттьер ничем не лучше Моуди и Сэнки!»¹ Что же до Ченнингов, то достаточно сказать, что дядя был педантом, а племянник — невеждой². Был еще некто Корнелиус Мэтьюз³, чье поэтическое ружье взорвалось при первом же

1 Генри Уодсворт Лонгфелло (1807–1882) и Джон Гринлиф Уиттьер (1807–1892) — американские поэты. Дуайт Лаймен Моуди (1837–1899) — американский проповедник и автор христианских гимнов, вождь ревивалистских кампаний в Англии и США; Айра Дэвид Сэнки (1840–1908) — его помощник.

2 Уильям Эллери Ченнинг (1780–1842) — американский писатель и философ; Уильям Генри Ченнинг (1810–1844) — его племянник, проповедник и поэт.

3 Корнелиус Мэтьюз (1817–1899) — американский романист и критик, один из основателей литературного движения «Молодая Америка».

выстреле». Относительно живописи мистер Кроули заявляет, что пару сносных картин удалось написать разве что Алексу Гаррисону¹, да и то по случайности. Музыки в Америке нет, а единственный известный мистеру Кроули американский скульптор — литовец, живущий в Париже. «Хваленые научные изобретения американцев — пустое место. Все они основаны на чужих открытиях. Эдисон — всего лишь организатор научных мозгов». Но кто из вас слышал хоть что-нибудь о самом Алистере Кроули?

«Таймс» охарактеризовала статью Кроули как «совершенно абсурдную, но довольно забавную тираду». Газета «Нозерн Уиг» прокомментировала:

Этой статьей он навлек на себя гнев не столько отдельных лиц, сколько целой возмущенной нации. Мистер Кроули задел самое больное место наших трансатлантических соседей, объявив их хваленую культуру фальшивкой. <...> Его суждения трудно назвать чересчур снисходительными. <...> Не удивительно, что американские патриоты теперь призывают президента Вильсона подвергнуть мистера Кроули таким же репрессиям, какие первый — уже по собственной инициативе — обрушил на генерала Уэрту².

«Академия» не упустила случая напомнить своим читателям о Диком Западе:

Алистер Кроули написал такую статью об искусстве в Америке, что все американцы, которым дорога честь их страны, должны теперь пуститься за ним в погоню, размахивая заряженными револьверами.

1 Алекс Гаррисон (1885–1970) — американский художник.

2 Томас Вудро Вильсон (1856–1924) — 28-й президент США. Викторiano Уэрта (1850–1916) — мексиканский государственный и военный деятель, генерал, временный президент Мексики (в 1913–1914 гг.); США выступили против него, когда Уэрта отказался от проведения демократических выборов и установил военную диктатуру.

И, наконец, обозреватель из «Нью-Йорк ивнинг пост» попытался продемонстрировать истинно аристократическое превосходство:

Пусть над Америкой и смеются из-за американских туристов, но она, по крайней мере, не производит на свет ничего и вполовину столь же уморительного, как проявивший себя здесь во всей красе тип всеведущего судьи и критика. <...> Эта статья отражает мнение значительного числа англичан, в особенности представителей так называемых нижних слоев среднего класса.

Из вышесказанного следует, что, отправившись в Америку на время войны, Кроули совершенно искренне стремился поспособствовать союзу между Англией и Штатами, столь необходимому перед лицом всемирного кризиса; но из этого же следует и то, что он фактически был обречен гладить самолюбленных американцев против шерсти, ибо считал их отсталой в культурном отношении нацией. Рискнул высказать одно предположение. Если раньше, вследствие долгих путешествий по странам Востока, Кроули начал испытывать духовное отчуждение от английского «болота», то теперь, прожив несколько лет на Западе, он осознал, что Англия с ее традициями все же не настолько отвратительна, как ему когда-то казалось. Впрочем, это всего лишь мои домыслы. Если бы Кроули вернулся в Англию в 1919 году с таким настроением, Джеймс Дуглас и преемники дела Боттомли — куда более истеричные и невежественные, чем всё, с чем он мог столкнуться в «некультурной» Америке, — очень скоро избавили бы его от иллюзий.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Вы можете спросить, почему же Джеймс Дуглас и «Сандей экспресс», с одной стороны, и наследники Боттомли из «Джона Буля» — с другой, выбрали именно Кроули в качестве объекта для столь разнузданной кампании публичного поношения. Жестокость этого мероприятия не имела себе равных в истории британской журналистики, тем более что мишенью оказалось частное лицо. Кайзера во время войны, а сразу после нее Ленина и Троцкого, конечно, ненавидели и ругали, изощряясь в гиперболах, преступавших всякие разумные пределы, но то были общественные деятели, воплощения «варварства» и «большевизма», и пропагандистские атаки на них были частью тщательно просчитанной политики. Это были символы, а не люди. Но на Алистера Кроули нападали именно как на человека, а не персонификацию некой политической линии или идеи. Пропагандистские методики, доселе применявшиеся против «большевиков» и «варваров», сейчас в полном своем всеоружии были обращены против английского писателя.

Не слишком ли фантастическим выглядит следующее вероятное объяснение антикроулианской кампании? В годы войны Флит-стрит под руководством Нордкилффа¹ отработывала техники научной пропаганды, которые можно определить как поливание грязью — с упором на морально-этические ужасы — объекта, специально отобранного для этой цели. Изводить кайзера после Версаля² уже не было смысла, и хотя Ленин и Троцкий поначалу с успехом его заменили и журналистам

¹ Лорд Нордкилфф, Альфред Чарльз Уильям Хармсворт (1865–1922) — газетный магнат.

² Имеется в виду Версальский мирный договор 1922 года, заключенный между Союзниками и Германией.

соответствующего профиля удалось отточить на них свое оружие, после провала союзной интервенции в Россию и забастовки 'Тройственного альянса' британских рабочих в 1921 году, направленной против вторжения, «большевистская угроза» как-то утратила остроту, оставив целое поколение опытных литераторов с Флит-стрит, натасканных на моральное уничтожение противника, практически не у дел.

Тем не менее, мы можем, полагаю, с полным правом допустить, что не только текстовики с Флит-стрит, с отличием окончившие Школу Печатных Оскорблений, но и миллионы их предполагаемых читателей ощутили в жизни некоторую пустоту. И как же ко времени пришелся Кроули для изголодавшихся по ужасам журналистов! Заржавевшие перья были заново отполированы и смазаны свежим ядом. Впрочем, все это лишь гипотеза.

К чести британской журналистики, в какие бы крайности ее ни швыряло в годы войны и большевистской революции, только два издания — а именно «Сандей экспресс» и «Джон Буль» — не сумели или не пожелали провести границу между хулой на политический курс или идею и хулой на частное лицо. Среди всех газет и журналов Флит-стрит только эти два издания нападали на Алистера Кроули с сенсационными «разоблачениями». Само по себе это говорит в пользу сдержанности и благопристойности Флит-стрит как таковой, где «четвертая власть» всегда рассматривалась как сила, долженствующая быть использованной с величайшей осмотрительностью, в особенности когда речь идет о частном лице, поступки которого нужно осветить с негативной стороны.

Тем не менее два упомянутые издания были достаточно популярными, а их мнение считалось весомым. Предпринятая ими атака на Кроули и потенциально, и актуально отличалась по своему эффекту от той, что по сию пору считалась самой ожесточенной газетной кампанией против него, — речь идет о пресловутом инциденте с «Зеркалом», случившемся в 1910 году. Этот последний Кроули высокомерно проигнорировал, посчитав слишком тривиальным, чтобы о нем беспокоиться, — и,

1 Тройственный альянс — альянс профсоюзов британских транспортных рабочих, шахтеров и др. Не путать с политическим Тройственным Союзом (1882 — 1915), заключенным Германией, Италией и Австро-Венгрией.

поистине, таковым он и был, если бы начатую тогда де Фендом Фентоном линию не подхватили в дальнейшем Джеймс Дуглас и «Джон Буль». Кроме того, в те дни Кроули был не настроен предпринимать в свою защиту действия судебного характера; даже если бы ему удалось выиграть иск против «Зеркала», в том, достанет ли у компании или лично издателя средств, чтобы оплатить моральный ущерб, возникали весьма серьезные сомнения. На этот же раз богатство выступивших против него газет было столь колоссальным, что в их платежеспособности в случае победы Кроули не могло возникнуть ни тени сомнения, но, увы, в силу той же платежеспособности издержки, на которые они могли пойти ради своей защиты, были неизмеримо больше чем те, на которые мог пойти Кроули ради их обвинения. Он же между тем был на мели, болел и находился за пределами Англии. Свою атаку они организовали, оградив себя от юридических последствий и наслаждаясь безопасностью не меньшей, чем если бы поливали грязью «гансов» или большевиков. По странной иронии, лишь две категории газет могут позволить себе безнаказанно нападать на частных лиц — те, у кого средств нет вообще, и те, чьи средства не поддаются исчислению. А самый эффективный способ похоронить свою жертву — это нагромоздить столько лжи, собрать обвинения, настолько фантастические и многочисленные, чтобы опровергнуть их с позиций обычного здравого смысла, коим руководствуется суд присяжных, стало уже невозможно. Так «Джон Буль», к примеру, заявил, что Кроули — каннибал. И как, интересно, Кроули мог доказать обычным английским присяжным, что он таковым не является, — притом, что одновременно его обвиняли во всевозможных пороках, каких «не дерзает назвать рассудок»? Даже самый тупой барристер без труда убедит присяжных, что Кроули — не христианин и, более того, активно противопоставляет себя практикам и этике христианства. Таким образом он сыграет на предрассудке номер один тогдашнего общества. После этого многие, конечно же, с легкостью поверят, что перед ними самый настоящий каннибал. И у Кроули не было ровным счетом *никакой возможности доказать обратное* — ни посредством логики, ни при помощи каких бы то ни было свидетельств. И примите также во внимание то, какой эффект произведут на этих «добрых честных

малых» писания Кроули, которые, вне всякого сомнения, будут привлечены к материалам дела в качестве улики обвинения! Мы уже убедились, насколько они впечатляли и озадачивали даже самых искусных критиков. Как их воспримет, спрашиваю я, коллегия присяжных, которой предложат для ознакомления отчеркнутые красным пассажи? И с какими трудностями столкнется ответчик в попытке очистить себя хотя бы от самых абсурдных из предъявленных ему обвинений!

Мне неизбежно приходится до некоторой степени углубиться в психологию тех, кто руководил кампанией против Кроули — насколько она доступна моему постижению — дабы ответить на естественно возникающий у читателей, в иных обстоятельствах испытывавших бы к опальному поэту симпатию, вопрос: *почему же он ничего не сделал?* Сам тот факт, что Кроули был литератором, помещает его в категорию людей ненормальных, так как произведения литератора всегда принимаются по умолчанию в качестве свидетельства о его характере и особенностях личности. О, да, именно такова литература. И, тем не менее, есть вопиющая несправедливость в том, чтобы писателя через призму его произведений оценивала коллегия присяжных — сколь бы замечательной эта судебная институция ни была в иных отношениях. Писатель и, в особенности, поэт редко творит так, чтобы среднестатистический «добрый честный малый» мог понять и принять его работу. И, несмотря на это, он вполне может быть великим писателем. Да, это звучит практически как банальность, но я вынужден еще раз подчеркнуть этот фактор в качестве объяснения того, по какой причине Кроули не стал защищать себя в суде от нападков, которым подвергли его «Сандей экспресс» и «Джон Буль».

Возмездие, которое может обрушить на обидчиков поэт, — дело небыстрое. Байрона при жизни тоже много поливали грязью. В ком же вызывал он такое возмущение? Вероятно, в Джеймсе Дугласе в предыдущей его инкарнации? Никто этого не знает. Рискну предречь, что после того, как нынешний Джеймс Дуглас исчезнет с лица земли и канет в Лету, многие из его «жертв» будут здравствовать и займут прочное место в памяти потомков. И уже по одной той причине, что Джеймс Дуглас напал на Д.Г. Лоуренса и Алистера Кроули, его ждет забвение. Такова месть поэтов.

Для этого рассуждения я выбрал Дугласа, так как именно он инициировал кампанию против Кроули своей рецензией на «Дневник наркомана», написанной в той благочестивой и трепетной манере, которая теперь кажется уже куда более знакомой и не столь внушительной, как в те, первые дни. «Джон Буль» попросту подхватил эстафету «Сандей экспресс», как она сама последовала примеру, поданному в свое время «Зеркалом».

В ноябре 1922 года Джеймс Дуглас призвал запретить «Дневник наркомана». Огромный заголовок гласил: «Книга, которую нужно сжечь». На следующей неделе, дабы еще раз надавить на издателей, текстовики Дугласа сделали сенсационную «новость» на первой странице, написанную в узнаваемой манере «короля Флит-стрит». Эта атака достигла пределов того, на что способна клеветническая журналистика, и даже преступила их. Следующей весной, после смерти Рауля Лавдея в Чефалу, последовали новые «разоблачения». Затем кампания благополучно выдохлась.

Увы, несмотря на то, что из всего пантеона английской журналистики один только печально известный своей глупостью «Джон Буль» продолжал раздувать пламя (остальные издания просто не обратили на интересующую нас историю никакого внимания), этого оказалось довольно, чтобы нанести непоправимый ущерб. Я вовсе не хочу сделать Джеймсу Дугласу комплимент, но вынужден признать, что в своей кампании травли Алистера Кроули он действительно продемонстрировал и власть, и энергию. Не в последнюю очередь благодаря обвинениям в «Сандей экспресс» Кроули был изгнан из фашистской Италии, а затем из Франции. Это было, несомненно, употребление власти. И, столь же несомненно, это был ярчайший пример злоупотребления ею, злоупотребления прерогативой защиты «общественных интересов», которой полагается находиться в руках прессы. Я уже заявлял и не отказываюсь от своих слов: я считаю, что Алистер Кроули на протяжении своей полной приключений жизни часто вел себя глупо и недалёковидно. Но в то, что он действовал преступно, я поверить не могу. Если он совершил преступление, Скотленд-Ярду следует немедленно принять меры, особенно теперь, когда Кроули живет в Англии. Может быть, Джеймс

Дуглас снова выступит с обвинениями и тем или иным способом разрешит уже эту двусмысленную ситуацию? Нет, этого он делать не станет.

Но если Джеймс Дуглас и «Сандей экспресс» не станут пытаться засадить Кроули за решетку, быть может, они пожелают взять свои слова обратно или, паче чаяния, как-то исправить или опровергнуть сделанные ими в то время демонстративно ложные заявления, прекрасным примером которых может послужить нижеследующий текст:

(Выдержка из статьи под названием «Сицилийские оргии Алистера Кроули», от 26 ноября 1922 года)

ЖЕНЩИНЫ-ЖЕРТВЫ

Алистер Кроули держит там постоянно трех женщин для своих оргий. Всех их он вывез из Америки два-три года тому назад. Одна — гувернантка франко-американского происхождения, другая — бывшая школьная директриса, и еще одна — киноактриса из Лос-Анджелеса¹.

Всякий раз, как он начинает испытывать нужду в деньгах и не может получить их от свежей жертвы, он посылает женщин на заработки на панель в Палермо или Неаполь.

Однажды Кроули уже отбывал срок в американской тюрьме за использование юных девушек в тех же целях.

Таким образом, эта статья обвиняет Кроули не только в том, что он совершает преступные действия, но и в том, что он — осужденный уголовник. Три женщины, личности которых вполне можно установить, в свою очередь, обвиняются в том, что занимаются проституцией. Казалось бы, никакой профессиональный издатель не посмеет публиковать подобные заявления, не будучи в состоянии нести ответственность за каждое свое слово.

¹ Речь идет о Нинетт Шамуэй, Лие Хирсиг и Джейн Вульф соответственно. Хирсиг в прошлом была не директором, а преподавательницей пения в Бронкской средней школе.

Каковы же факты? Можно ли опровергнуть подобные обвинения в судебном порядке?

Прежде всего, бремя доказательств должно лежать на газете, выдвигающей обвинения. Несправедливо требовать от обвиняемого лица, чтобы оно доказывало свою невиновность, особенно если заявления настолько абсурдны. Однако ясное и определенное утверждение, что Кроули некогда сидел в тюрьме, относится уже к иному порядку. Обвинитель должен быть готов назвать время и место, а также привести все детали приговора, подкрепленные документальными свидетельствами официального характера.

Если сделать это невозможно, подобное заявление есть не что иное, как грязная ложь и клевета. Я совершенно уверен в том, что Кроули не только никогда в жизни не сидел в тюрьме, но и не выступал обвиняемым ни по какому делу ни в одном суде ни одной страны мира.

Быть может, несмотря на то, что прошло так много времени, «Сандей экспресс» пожелает доказать или отозвать свои обвинения? Мне было бы действительно интересно получить ответ на этот вопрос! Может быть, мы, тем временем, будем считать Кроули невиновным, пока какой-либо суд не признал обратного? Это, между прочим, краеугольный камень британской юридической процедуры. И если Кроули, паче чаяния, невиновен, то что следует сказать об издателе «Сандей Экспресс»? Все это дело нуждается в самом тщательном расследовании.

* * *

Теперь нам, сдерживая изо всех сил тошноту, придется перейти к рассмотрению документов единственного дела о компенсации ущерба, открытого в настоящий момент.

Прежде чем воспроизводить статью Джеймса Дугласа, с которой началась лавина грязи, посмотрим, какое впечатление о «Дневнике наркомана» можно было составить по трем рецензиям, помещенным во влиятельных газетах того времени. Эти рецензии приведены здесь полностью:

«Таймс Литерари Сапплмент», 16 ноября 1922 года.

Мистер Кроули не обладает ни литературным очарованием де Куинси, ни энергией и жестким реализмом

Золя¹. Самые значительные его таланты — это кипучее воображение и невероятно цветистый слог. И во взлетах, падениях и возрождениях сэра Питера и леди Пендрагон, ярых служителей кокаина и «героина», которые можно добыть в Раю (у сэра Питера) и Аду (у леди Пендрагон), а также в Чистилище (снова у сэра Питера) мы, разумеется, не имеем возможности прикоснуться ни к какому реальному человеческому опыту — хотя автор и претендует на то, что это «совершенно правдивая история». Они колесят по Парижу и по всей Европе, трепеща от «внутреннего экстаза и опьяняющего ощущения, будто весь мир восхищается и завидует нам». Они «одним прыжком сравнялись в границах со всей вселенной» и так далее; они потонули в «безбрежном блаженстве», но течение постепенно сносило их «в медлительную и темную реку инерции, текущую в застойные, зловонные болота безумия»; и, пройдя через ужасы отчаяния, они наконец достигают Телемского аббатства, где планомерное уменьшение доз и размышления о жизни и ее смысле, упражнения в самоконтроле и кредо Единой Гностической церкви Света, Жизни, Любви и Свободы позволяют им овладеть своей волей и вырождающимися эмоциями и уверовать в то, что нет в природе ничего такого — даже наркотиков, — что нельзя было бы использовать себе во благо. Книга изобилует идеями и бесконечными перипетиями сюжета и дает поразительно богатый урожай многословия. Не рискуем утверждать, что хотя бы в какие-то мгновения жизненного пути сэра Питера и его супруги нам удалось соприкоснуться с реальностью. Это настоящая фантазмагория экстазов, страданий, но прежде всего — красноречия.

«Обзервер», 10 декабря 1922 года.

«Я взяла еще одну дозу и положила ее в рот. Он разъярился, схватил меня за волосы и насильно разжал мне

¹ Томас де Куинси (1785–1859) — английский эссеист, автор «Исповеди англичанина, любителя опиума»; Эмиль Золя (1840–1902) — французский романист, глава и теоретик натуралистического движения в литературе.

челюсти указательным и большим пальцем. Я дра-лась, и пиналась, и царапалась, но он был слишком си-лен. Он вытащил пакетик у меня изо рта и сунул его в собственный. А потом, не успела я подняться, уда-рил меня в лицо». Это выдержка из дневника моло-дой женщины, пристрастившейся к кокаину. Когда она принимается петь: «О, твой аромат подобен сладост-ным цветам, несомым ветром по лазурным воздушным лугам! Преклоняюсь перед тобою! Эвоз! Преклоняюсь перед тобой, И.А.О.!» — это несколько не соответ-ствует стилю, что лишь подчеркивает противоре-чивость произведения в целом и демонстрирует, что в качестве господ эти наркотики ни в малейшей сте-пени не способны улучшить манеры — сколь бы велики ни были их достоинства как слуг. Мистер Кроули вне-запно оставляет эту вызывающую некоторое отвра-щение среду и переносит своих юных героев в чудесное место, где их ждет исцеление — по большей части пу-тем воззваний и песнопений. Он утверждает, что ме-сто это существует и на нашем земном шаре, и готов выступить в качестве посредника для тех читателей, кто привычно завтракает героином, но был бы не прочь вернуться к яичнице с беконом. В описаниях деграда-ции есть некое непреодолимое очарование. Они вы-глядят более правдивыми, чем пассажи, относящиеся к области чистой фантастики, — хотя и они доста-точно достоверны лишь в качестве грубого перевода на наш повседневный язык с того, что доступен слу-ху и пониманию лишь в пучине (пусть даже экстатиче-ской) ужаса и бесчеловечности.

«Дэйли Геральд», 15 ноября 1922 года.

Наркотики, судя по «Дневнику наркомана» (ав-тор — Алистер Кроули, издательство «Коллинз», цена 7 шиллингов 6 пенсов), — предмет, поначалу кажущий-ся совершенно неинтересным. Однако затем идея утра-ты контроля над собственными умственными спо-собностями стала вызывать у меня активную непри-язнь, а необычайная привлекательность наркотиков

представилась результатом того, что они порождают в сознании человека ложное чувство поразительного могущества и наслаждения — до тех пор, пока их сила не истощается и они не перестают производить какое бы то ни было действие, помимо страстного желания, вынуждающего принимать дозы регулярно.

Единственным оправданием для такой книги может послужить наличие в ней хоть какой-то надежды для жертв этого порока; и надежду Алистер Кроули дает — описывая теории, образ жизни и внешний облик места, куда отправляются герой-злодей и героиня-злодейка, дабы вернуться из пучин безумия, открыв истинный труд своей жизни.

Эту книгу нельзя назвать приятной, но мистер Кроули призывает всех, кто заинтересовался описываемой в ней системой тренировки, обращаться непосредственно к нему. И, несомненно, многие жертвы этой мании и их родственники примут его приглашение.

По этим рецензиям совершенно очевидно, что книга эта буквально воспринималась как предостережение против наркотиков и как свод методов умственной дисциплины, при помощи которых эту пагубную привычку можно преодолеть.

Однако Джеймс Дуглас за чтением этой книги едва не обезумел, словно получив инъекцию чистого ужаса. Вот его реакция:

КНИГА, КОТОРУЮ НУЖНО СЖЕЧЬ
Джеймс Дуглас
(«Сандей экспресс», 19 ноября 1922 года)

Некоторое время назад, когда наши умники, или, как им нравится себя называть, наша интеллигенция, все как один восхваляли «Улисса» Джеймса Джойса, я рискнул пригвоздить его к позорному столбу как воплощение непристойности и разврата. Но благодаря хвалам высоколобых интеллектуалов и пособничеству уважаемых издателей в британские дома смог проникнуть роман, слепленный по той же отвратительной скабрёзной

модели. Существует лишь два способа обращения с порнографической литературой. Один — полностью игнорировать ее, дабы отсутствие рекламы пагубно отразилось на продажах. Другой — настолько возбудить против нее общественное мнение, чтобы тираж был изъят из оборота самими издателями либо арестован властями.

Свобода искусства

В пользу первого метода можно сказать многое. Со стороны критиков недопустимо подогревать интерес к гнусной книге, расписывая ее гнусность. Более того, критики не должны ограничивать свободу литературы или пытаться стреножить искусство художника. В случае сомнений свободе должен быть отдан приоритет. С другой стороны, если порнографические романы игнорировать, они от этого станут лишь еще более порнографическими и очень скоро перейдут все границы дозволенного. На молодых писателей это возымеет губительнейший эффект, так как введет в соблазн перепутать непристойность с современным стилем, сладострастие — с дерзновением, неприличие — с независимостью. И этим искусству художника будет нанесен двойной ущерб. Когда публика возмущается против чего-то возмутительного, всех художников мажут одним дегтем, а свобода искусств неоправданно урезается. Маятник качается от крайней вседозволенности к крайней стыдливости. И самая профессия литератора оказывается измаранной и запятнанной, так как начинает ассоциироваться с моральными париями.

Экстатическая эволюция

По этой причине я решил воспользоваться вторым методом и сделать все от меня зависящее для немедленного уничтожения «Дневника наркомана» (издательство «Коллинз»), написанного Алистером Кроули. Это роман,

живописующий оргии порока, которые практикует группа моральных дегенератов, разжигающих свою вялую от пресыщения похоть кокаином и героином. И несмотря на попытку автора выдать книгу за простое исследование распада личности, причиной которого является кокаин, на деле это подлинная экзотическая евология наркотикам и их воздействию на тело и разум. Торговцы кокаином будут горячо приветствовать ее как средство вербовки, способное привести в их тенета тысячи новых жертв <...>

Коварные богохульства

Персонажи романа крайне отвратительны <...> Проповедь, которую несет эта книга в мир, такова: «Твори свою волю, таков да будет весь закон». Непристойности приправлены коварнейшими богохульствами <...>

Там есть даже пародия на святой Символ веры. А на самые низменные и еще более чудовищные ужасы этой книги мы не смогли бы и намекнуть — даже если бы сочли это нужным.

Возникает вопрос: как же такая книга смогла найти себе издателя? Увы, очень немногим издателям хватает времени читать то, что они публикуют, и даже сами читатели подчас лишь пролистывают купленные книги, не вчитываясь всерьез. Полагаю, книга эта просочилась в публикацию под видом разоблачения вреда и ущерба, причиняемых наркотиками. Но истинная ее природа остается очевидной, невзирая на все искусные ухищрения и подтасовки. Это книга, которую нужно сжечь. К чему сажать в тюрьму торговцев кокаином, если мы терпим романы, восхваляющие это вещество?

И, дабы подкрепить эту добродетельнейшую попытку добиться «немедленного уничтожения» романа, неделю спустя «Сандей экспресс» опубликовала статью, занявшую целую полосу и приводимую здесь *in extenso*:

ПОЛНОЕ РАЗОБЛАЧЕНИЕ АВТОРА

«ДНЕВНИКА НАРКОМАНА»

Темные хроники Алистера Кроули

Хищник собирает под крыло развратников в своем аббатстве

Распутство и порок на Сицилии

На прошлой неделе «Сандей экспресс» потребовала запрета книги «Дневник наркомана», написанной человеком по имени Алистер Кроули. «А на самые низменные и еще более чудовищные ужасы этой книги мы не смогли бы и намекнуть», — писал мистер Джеймс Дуглас.

Издатели заявляют, что намерены и далее продвигать продажи этого плетворного сочинения.

В целях защиты читающей публики и ее интересов «Сандей экспресс» провела полное расследование карьеры и деятельности автора.

И это расследование повлекло за собой самые поразительные откровения.

Человек по имени Алистер Кроули является организатором сообществ, устраивающих языческие оргии.

Во время войны он занимался прогерманской пропагандой.

Он публиковал бесстыдные нападки на Его Величество.

Он демонстративно отрекся от своего британского происхождения.

Он объявил себя «королем Ирландии».

Он украл деньги у некоей женщины.

Сейчас он заправляет «аббатством» на Сицилии.

Месяц назад он побывал в Лондоне тайно от всех, за исключением узкого круга особо приближенных.

Это человек, все последние работы которого представляют собой намеренное собрание непристойностей, бесстыдств и богохульств.

В 1911 году его портрет написал Огастус Джон, а в нынешнем году — Джейкоб Креймер¹. Картина последнего сейчас выставляется в Лондоне под названием «Зверь 666» — именно таким увидел его художник.

«Сандей Экспресс» снова повторяет требование изъять его книгу из употребления и выражает уверенность, что эти откровения побудят издателей — компанию с самой высокой репутацией — пересмотреть свое решение.

Ниже следует полная история жизни и деятельности этого низменного человека.

Алистер — ранее Алистэр — Кроули заслужил дурную славу в Лондоне еще до войны. У него было несколько вымышленных имен, которыми он пользовался в тех или иных обстоятельствах, в том числе А.Э. Кроули, граф фон Зонареф, Аластэр Макгрегор и граф Миддлсекский.

По его собственному утверждению, родился он 12 октября 1875 года в Лимингтоне, по слухам — в семье некоего кентского пивовара. Далее, как сообщают, он поступил в Тринити-колледж (Кембридж) в 1896 году.

«Поклонение Исиде»

По профессии Кроули — писатель и журналист, а также поэт, добившийся — несмотря на всю нездоровость и извращенность его работ — несомненно-го признания. Подпольная его деятельность при этом не столь известна. В поле зрения полиции он попал в 1900 году, когда украл двести фунтов стерлингов у вдовы, с которой сожительствовал; впрочем, дама отказалась преследовать его в судебном порядке. По собственному своему заявлению, в 1902 году Кроули занимался некими изысканиями в Кашмире под эгидой австрийского правительства.

¹ Огастус Джон (1879—1961) — валлийский художник и офортист; Джейкоб Кремер (Яков Крамер, 1892—1962) — английский художник украинского происхождения.

Снова объявившись в Англии в 1903 году, он женился в Стратпепффере на молодой вдове, миссис Скеррет, бывшей мисс Розе Келли, после чего объявил себя «Макгрегором из Болескина». Затем он отправился в Париж, где устраивал нечто именуемое «обрядами Исиды». Жена его развелась с ним, после чего он немедленно женился на скрипачке по имени Лейла Уоддел.

С молодых ногтей главным интересом Кроули были самые грязные формы оккультизма, которые он использовал как средство выколачивания денег. Неоднократно он предпринимал безуспешные попытки добиться признания со стороны британских масонов. Он основал общество, известное как А.А. (Адепты Атлантиды), а затем вступил в розенкрейцерскую организацию под названием О.Т.О. (Ordo Templi Orientis).

Его адепты каждое свое письмо или беседу начинают с приветствия «Твори свою волю, таков да будет весь закон» (почерпнутого, очевидно, еще у Рабле: «*Fay ce que voudrais*»), а заканчивают словами: «Любовь есть закон, любовь в согласии с волей».

В 1910 году Кроули собирал публику в Кэкстон-холле на представления так называемых «Элевсинских обрядов»; также он заправлял аморальным сообществом, где поклонялись богу Пану, и устраивал всевозможные порочные ритуалы, среди которых были «Культ Жука» и Черная Месса.

Германский пособник...

Начало войны положило конец деятельности Кроули в Англии. В ноябре 1914 года он уехал в Соединенные Штаты, где вступил в теснейшие контакты с деятелями прогерманской пропаганды. Он стал редактором «Интернейшл» (издававшейся в Нью-Йорке немецкой пропагандистской газеты, которой заправлял печально известный Георг Сильвестр Фирек), где публиковал, помимо всего прочего, непристойные нападки на Его Величество и похвалы кайзеру.

Параллельно с этим он продолжал заниматься оккультизмом, за что получил прозвание «Багряный жрец». Через некоторое время он публично уничтожил свой британский паспорт у подножия статуи Свободы, высказался за провозглашение Ирландской Республики и театрально «объявил войну» Англии. По другой версии тех же самых событий, он провозгласил себя при этом «королем Ирландии».

...и революционер

Во время своего пребывания в Америке Кроули сошелся с организацией под названием «Тайный Революционный Комитет», работавшей над установлением Ирландской Республики. Кроме того, он известен как автор пораженческого манифеста, циркулировавшего во Франции в 1915 году.

Во Францию Кроули прибыл в начале 1920 года, а оттуда отправился на Сицилию, где возглавил сообщество родственных душ, обосновавшееся на вилле «Санта-Барбара», переименованной в «Ad Spiritum Sanctum»¹. Одним из основных их догматов, судя по всему, было свободное совокупление.

Его книги

В этом году Кроули вернулся в Лондон и поселился в Челси. На улице его можно встретить в основном в тартановом килте и шотландской шапке с лентами.

Кроули — автор многочисленных книг, как стихов, так и прозы. У некоторых из его работ весьма говорящие названия: «Алиса: Адюльтер», «Иезавель», «Пожиратель бога», «Rosa Inferni»². Какое-то время он издавал объемистый журнал под названием «Эквинокс», предназначенный для его адептов и напичканный каббалистическими знаками и фотографиями обнаженных женщин весьма сомнительного свойства.

В 1911 году Огастус Джон написал его портрет.

1 «К Духу Святому» (лат.).

2 «Адская роза» (лат.).

Разумеется, это было не все. Далее следовали полторы колонки, содержавшие уже цитированные обвинения в торговле белыми рабами, а также историю о его «последнем визите» в Лондон и «интервью» с некоей дамой, проживавшей в «фешенебельном районе» Лондона:

Я думала, Кроули просто излагает теорию, основанную на необходимости для человека хорошо узнать самого себя.

Даже сейчас я не вполне понимаю его идеи, но понимаю, насколько они предосудительны, судя по тем картинам, которые висят в его жилище: невыразимо гадкие вещи, живописующие античные оргии и самые отвратительные пороки. Он прочитал пару лекций у меня дома, но я в обоих случаях отсутствовала. Приглашения он рассылал под именем «мастера Терриона».

* * *

Я уехала на несколько дней: присутствие этого человека сделало мой собственный дом для меня невыносимым. Пока меня не было, он из какого-то источника узнал, что полиции известно о его пребывании в Лондоне, после чего немедленно собрался и съехал. Я знаю, что несколько ночей он провел в Турецких банях в Вест-Энде, а потом покинул страну.

Столкнувшись с необходимостью перевести дух, прежде чем продолжать цитировать эту фантазмагорию, я хочу выразить надежду на то, что одно только воспроизведение этих статей сегодня, семь лет спустя, очевидным образом докажет их абсурдный, извращенный и истерический характер. Вопрос в том, был ли написавший их журналист искренним глупцом или имел свои тайные причины поступать подобным образом? Я склонен полагать, что он был просто умным профессионалом, способным выжать из чего угодно захватывающую сенсацию. Получив задание оговорить Алистера Кроули в максимально сенсационной манере, он дотошно и безжалостно выполнил инструкции. Моральная сторона его действий — уже

другой вопрос, в особенности если не забывать, что все эти небыллицы были состряпаны о частном лице, в чью частную же жизнь бесцеремонно вторглись с «расследованием». Сколькие из нас смогли бы благополучно пережить подобное расследование, предпринятое журналистами, поднаторевшими в разоблачениях и цветистой фразировке? Каковы были бы личные летописи сексуальной жизни большинства других поэтов и художников, не говоря уже о банкирах и коммивояжерах? Пока мы рассматриваем предъявленные Кроули обвинения, эту мысль стоит все время держать в голове. Он — человек исключительный во многих смыслах, и жизнь его была куда красочнее, чем у многих людей. Но если бы любой из нас, людей, куда более обычных, чем он, написал книгу, на которую положил бы глаз Джеймс Дуглас, и если бы «Сандей экспресс» решила нас «разоблачить» (убедившись предварительно, что мы не пожелаем или не сможем преследовать ее судебным порядком), то кто из нас сумел бы избежать ядовитого пера журналистов? Сколько всего могли бы порассказать английские виллы на Ривьере или в Италии? Но пристрастие Кроули к религиозным церемониям дало Джеймсу Дугласу, этому мастеру эффектных выходов, величайший шанс его жизни:

Истории о чудовищных оргиях Алистера Кроули на Сицилии звучат как бредни чокнутого преступника, сошедшего с ума от собственной порочности. Их поведала вчера представителю «Сандей Экспресс» женщина, только что вернувшаяся в Лондон из указанного места.

Оргии проводятся под видом мистических религиозных обрядов в старом фермерском доме близ деревеньки Чефалу, что на Сицилии. В главной комнате нет окон, а пол вымощен плиткой. На нем нарисован большой оранжевый круг, обведенный светло-желтым. Внутри круга — переплетенные черные треугольники. Комната освещена свечами.

Воскурения

На треножнике, поддерживаемом тремя маленькими фавнами, горит благовоние из пережженной козлиной

крови и меда. В буфете — груды маленьких печений, приготовленных из козлиной крови, меда и зерна, некоторые уже испеченные, некоторые еще сырые. Сырые уже испортились и наполняют комнату своим зловонием.

В этой комнате проводятся невыразимые оргии, которые невозможно описать словами. Достаточно будет сказать, что они превзойдут любые опасения приличных людей.

Насколько, по-вашему, можно доверять приверженцу «единственно верной религии», описывающему практики язычников (которые он в действительности даже не видел)? Протестантско-евангелический фанатик вполне может уверовать, что Мария Монк рассказывает чистую правду о том, что происходит в католических монастырях¹.

Но вспомним, что в нашем случае «разоблачения» последовали за разгромной рецензией мистера Джеймса Дугласа, а рецензия эта была посвящена книге «Дневник наркомана». Следовательно:

В Чефалу приезжает множество женщин, все — с деньгами, так как чего бы ни потребовал от них в дальнейшем Кроули, деньги для него всегда будут прежде всего. На то, чтобы добывать наркотики, которые он принимает практически непрерывно, — гашиш, кокаин, героин, опиум, морфин, все снадобья, какие только известны от Запада до Востока, — требуется много денег.

Как видно, тема разговора уже ушла достаточно далеко от литературной критики. Впрочем, в завершении статьи к последней еще вернулись:

Каков же литературный послужной список мистера Кроули?

Мистер Алистер Кроули — автор довольно значительного количества книг, большая часть которых была

¹ Имеется в виду книга Марии Монк «Ужасные разоблачения Марии Монк: тайны и секреты женского монастыря» (1836).

издана в частном порядке. Его работы, если рассматривать их в целом, — это смесь богохульств, грязи и бреда. Причем бреда, приправленного мистицизмом. Не надо быть глубоким знатоком в области психических патологий, чтобы с уверенностью отнести автора к одному хорошо известному типу.

В качестве примера его идей можно взять посвящение к его опусу «Почему Иисус плакал»: «Каждому нерожденному ребенку, который, ознакомившись с сей драмой, смог бы научиться избегать добра и выбирать зло с точки зрения западных, или христианских, стандартов».

Отвратительные стихи

Многочисленные аллюзии на нечто вроде смутного буддийского мистицизма окутаны покровом чувственности. Большая часть стихотворений носит порнографический характер, многие из них просто отвратительны, и все без исключения — продукт больного ума и испорченной личности.

В середине длинной поэмы «Алиса: адюльтер» появляется следующее примечание: «Издатель сожалеет, что не может опубликовать данную строфу». Заглавия книг Алистера Кроули по большей части либо взяты из Библии, либо откровенно сексуальны: «Иеффай», «Иезавель», «Ахелдама», «Почтенная распутница».

Все его работы пронизаны ненавистью к христианству, а мистеру Г.К. Честертону он делает честь, нападая на него лично как на один из последних оплотов устаревшей веры.

Он много писал о церемониальной магии и о состоянии, именуемом «экстаз», освобождающем человека от скуки и монотонности нормальной жизни. «Мой разум чреват безумными лунами и солнцами», — пишет он.

Он непрерывно одержим сексом и сексуальными образами.

Многие из его книг отпечатаны в частном порядке (некоторые из них — в Париже). Они либо совершенно

непонятны, либо омерзительны, а обычно и то, и другое.
Его стиль — стиль извращения, а идеи не стоят и выеденного яйца.

Думаю, этого вполне достаточно, чтобы продемонстрировать количество и качество оскорблений, с которыми эти бесовские журналисты обрушились на поэта. История литературы не знает эпизодов, подобных этому, — возможно, потому, что в истории литературы до недавних пор попросту не было такого явления, как сенсационная журналистика. Интересно, как бы «Сандей экспресс» «разоблачила» Байрона? Какими словами описали бы они «Дон Жуана»¹ и какими эпитетами наградили бы его любовные приключения? Что мы увидели бы на первых страницах воскресных газет, специализирующихся на изъяснениях морального негодования и обличительных речах, окажись их предметом частная жизнь Шелли и Китса?² Представьте себе, что какой-нибудь дуглас порешил бы напасть на «Путешествия Гулливера» и разоблечь *подлинные отношения* между деканом Свифтом и Эстер на первой полосе в ближайшее воскресенье?³

Не стоит совсем уж терять голову на том только основании, что мы с вами живем в двадцатом веке. Отношение наших современников к Кроули представляет для нас не только интерес, но и в некоторой степени пользу — если воспринимать это отношение как предупреждение об опасностях эпохи, в которую нам довелось жить. Хочется надеяться, что подобной злобой и ничем не подкрепленной грубости на нашем веку больше не будет. Кроули пришлось стать первой и самой несчастной из жертв «четвертой власти», самомнение которой за годы войны и миллионных тиражей чудовищно возросло. Если бы «Сандей экспресс» решило продолжить атаку Джеймса Дугласа на «Колодец одиночества» парой колонок развязных личных оскорблений в адрес мисс Рэдклифф Холл, общественное мнение, безусловно, впало бы в ужас — но не перед писательницей,

1 Имеется ввиду поэма Байрона «Дон Жуан» (1821).

2 Перси Биши Шелли (1791–1822) и Джон Китс (1795–1821) — английские поэты.

3 Декан — следующий по старшинству после епископа духовный ранг в англиканской церкви. Имеются в виду назначение Свифта в 1713 году деканом собора Святого Патрика и его брак с Эстер Джонсон.

а перед газетой¹. Сейчас «Сандей экспресс» спускает Джеймса Дугласа с поводка куда реже и с куда большей осмотрительностью. Можно только скорбеть о том, что Кроули не повезло стать первой и последней жертвой совершенно недозволительной (даже по меркам сенсационной журналистики) политики. Что же может послужить ему утешением? Признает ли «Сандей экспресс», что зашла слишком далеко? Остается только гадать.

«ДЕВОЧКА-ЖЕНА»

Бетти Мэй² — прелестная маленькая леди, хорошо известная в лондонских артистических и «богемных» кругах. У нее была интересная жизнь. В своей недавно опубликованной автобиографии³ она рассказывает, что родилась в омерзительно живописном Лаймхаузе⁴ и провела детство в таких экзотических жилищах, как, например, курсирующая по Темзе баржа. Повзрослев, она возжелала «чего-то большего», оставила красоты Ист-Энда и стала честно зарабатывать себе на жизнь как модель для художников. Несколько лет до и во время войны она была завсегдатаем бесшабашного «Кафе Ройял». В какой-то момент она переехала в Париж и присоединилась к банде апашей, среди которых получила прозвание «женщина-тигрица». Возвратившись в Англию, она дважды вышла замуж, став по очереди вдовой и разведенной. Все это случилось задолго до того, как она познакомилась с Алистером Кроули. Первый ее муж был наркоманом, и Бетти тоже отдала должное этой привычке:

*Даже тогда я принимала около ста гранов кокаина (десять уже составляют смертельную дозу для непри-
выкшего человека) в день, перемежая их инъекциями мор-
фина, и мой разум и тело ощущали на себе неизбежные*

1 Имеется в виду нашумевший лесбийский роман Маргарет Рэдклифф Холл (1880—1943) «Колодец одиночества» (1928). Джеймс Дуглас в печати призывал запретить продажу этой книги. По решению британского суда все экземпляры романа были изъяты из обращения и уничтожены. Публикация романа в США была разрешена только после долгого судебного разбирательства.

2 Бетти Мэй — супруга оксфордского студента Рауля Лавдея, погибшего в Чезалу в результате несчастного случая.

3 Имеется в виду книга Бетти Мэй «Женщина-тигрица: моя история» (1929).

4 Лаймхауз — лондонские трущобы.

в таких условиях изменения. У меня развилась болезненная мания преследования, и я часто пыталась покончить с собой по самым абсурдным причинам.

Своему второму мужу она пообещала, что «бросит пить и принимать наркотики в его отсутствие».

Обещание я не сдержала. Я просто не могла. Я встречалась со старыми друзьями, с которыми ходила на вечеринки с наркотиками, и постепенно искушение наслаждаться прежними радостями и самый факт одиночества пересилили меня, и я снова стала принимать разные вещества. Однажды Рой вернулся и застал меня с похмелья после одной такой вечеринки, которая продлилась три дня и три ночи. Он снял свою офицерскую портупею и отделал меня, как никогда в жизни. Это живо вывело меня из комы, в которую я провалилась. Это было кошмарно. Даже сейчас я содрогаюсь при одном воспоминании об этом¹.

Позже она развелась с этим «настоящим мужиком» и встретила Рауля Лавдея, который на тот момент еще учился в Оксфорде. Лавдей активно интересовался оккультными материями, и этот интерес привел его к Алистеру Кроули, с которым они подружились. Из собственных слов Бетти Мэй явствует, что еще задолго до встречи с Кроули она была женщиной, мягко говоря, с богатым опытом. Я чувствую себя обязанным привлечь внимание к этому факту не для того, чтобы дискредитировать Бетти Мэй, которая по сей день остается прелестной маленькой леди, пользующейся заслуженной популярностью у «богемы», но исключительно ради того, чтобы читатель понял, что на самом деле стоит за развязанной в скором времени травлей Кроули, инициаторы которой сделали ставку на «юность и невинность» Бетти, оставшейся в Чефалу один на один с жутким «Зверем» после внезапной смерти ее несчастного супруга. В действительности героиня этой истории была более чем способна сама позаботиться о себе в любой ситуации, сколь бы из ряда вон выходящей или даже трагичной та ни была.

¹ Ibid. p. 113-114.

Лавдей страстно хотел изучать оккультизм под руководством Кроули. Ради исполнения своих планов он готов был работать секретарем Кроули в Чефалу. В октябре 1922 года Кроули написал ему следующее:

Надеюсь, вы приедете в д[ва] с[чета] и привезете с собой Бетти. Честно скажу вам, что единственная ваша надежда на нормальную супружескую жизнь — это вырваться из гадкой атмосферы «богемного» Лондона. Давеча в «Арлекине» меня чуть не вывернуло от омерзения. Песни ваши были хороши — но что за публика! Вы — настоящий оксфордец, и не хотите же вы, чтобы ваша жена восседала в углу на куче отбросов!

Нелепо давить на человека за следование старым программам. Выйдя замуж за приличного человека, Бетти надо было отсечь всю эту шушеру ножом поострее. Ну, и вам следовало бы присмотреть, чтобы она действительно это сделала <...>

Простите, что я разыгрываю тут Сурового Отца; но вы оба настолько мне нравятся, что самая мысль о катастрофе, притаившейся за углом, для меня невыносима. Вы оба привыкли к определенному комфорту и пристойности; и — помните, как там у Китса начинается вторая часть «Ламии»?¹ Именно сейчас, под влиянием любви, Бетти может порвать с липким прошлым. Но это вы должны дать ей шанс дышать чистым воздухом и вести чистую жизнь. Чефалу и есть этот шанс.

Вас удивляет, что печально известный своей безнравственностью А.К. пишет такие вещи? Если так, вы до сих пор не поняли, что он — человек со зверским здравым смыслом, а также верный друг. Так что приезжайте и живите на свежем воздухе среди красот Природы. <...> Бик-стрит и Фицрой-стрит — ужасы, каких не сыщешь даже в Риме, а Рим — выгребная яма по сравнению с Чефалу. <...>

¹ Имеется в виду стихотворение Китса «Ламия» (1819); начало второй части гласит: «Любовь и черствый хлеб среди нищих стен — // Прости, Амур! — есть пепел, прах и тлен» (рус. пер. С. Сухарева).

Сообщество ученых, свободных женщин и очаровательных детей станет для Бетти замечательной альтернативой; именно это ей сейчас нужно больше всего. Она — женщина не только прелестная, но еще и добрая; сообщите ей правильное окружение — и в ней разовьются невиданные достоинства. В Лондоне не было ничего, что могло бы хорошо на нее повлиять, — кроме вас одного; но как бы искренне и глубоко она ни любила вас, она не сможет вечно противиться «*la nostalgie de la bouie*»¹. <...>

(Из оригинального письма, хранящегося в архиве Кроули).

Итак, в ноябре 1922 года Лавдей и Бетти оставили Лондон и отправились в Чефалу. В феврале 1923-го Рауль Лавдей погиб. Бетти вернулась в Лондон и дала интервью корреспондентам «Сандей экспресс», после чего газета предприняла еще одну атаку на Кроули, две недели без устали печатая на первой полосе сенсационные статьи в манере ноябрьской, но еще более жестокие.

Прежде чем перейти к их рассмотрению, давайте изучим самый последний по времени отчет Бетти Мэй о смерти ее супруга, помещенный в «Женщине-Тигрице». Независимо от того, что она в свое время рассказывала репортерам, — или что, *по их утверждениям*, она им рассказывала, — эта версия событий представляется куда более обдуманной.

... Когда ему стало определено хуже и мы вызвали доктора, я узнала, что причина его недомогания — энтерит, совершенно обычная болезнь в тех местах. Именно тогда я вспомнила, как он, скорее всего, ее подхватил. Однажды Мистик сказал нам с Раулем отправиться вместе на прогулку. Он был в добродушном настроении и сказал, что Раулю нужно как следует отдохнуть. Он предложил нам навестить красивейший монастырь, расположенный от нас мильх в тринадцати, где монахи непременно нас угостят. Однако он предупредил, чтобы мы ни под каким видом не прикасались ни к какой воде.

1 «Ностальгия по грязи» (фр.).

Мы очень обрадовались и пустились в путь немедленно. Это был один из самых замечательных дней на моей памяти. Мы прибыли в монастырь, где монахи угостили нас хлебом и супом и показали все, что там было. По дороге обратно жара стала уже невыносимой. Нам обоим ужасно хотелось пить; было непонятно, что можно сделать в таких обстоятельствах. Вдруг мы увидели горный источник, бывший прямо из земли. Испытание было жестоким. Не думаю, что в тот момент кто-то из нас понимал, как важно не притрагиваться к воде. И хотя Мистик сделал все что мог, живописуя нам ужасы питья сырой воды, источник выглядел таким прохладным и освежающим, что Рауль не устоял. Он опустился на колени и стал пить, я же, несмотря на жажду, сумела удержаться, хотя и с величайшим трудом. Думаю, тем самым я спасла себе жизнь. Как бы там ни было, я уверена, что именно так Рауль подцепил смертельную болезнь. Ему сразу же оказали необходимую медицинскую помощь, но улучшения не последовало, и он стремительно угас. <... >

У нас нет никакой возможности удостовериться в том, что подробности этой истории более точны, нежели те, что приписывали Бетти «интервьюировавшие» ее репортеры «Сандей экспресс». Имеет значение лишь то, что Кроули таким образом оказывается совершенно очищен от подозрений в том, что прямо или косвенно стал причиной смерти Рауля Лавдея. Для спасения жизни Лавдея было сделано все, вплоть до должного медицинского наблюдения, и это факт. А теперь поток грязи от «Сандэй Экспресс»:

НОВЫЕ ЗЛОВЕЩИЕ ПОДРОБНОСТИ ОБ АЛИСТЕРЕ КРОУЛИ

*Университетский студент, заманенный в «аббатство», мертв
Ужасные испытания юной жены
Что планирует Кроули?*

Недавние откровения «Сандей экспресс» о непристойных оргиях, которые Алистер Кроули — «Зверь 666»,

как он сам себя называет, — проводит в своем «аббатстве» в Чефалу, что на Сицилии, получили продолжение в виде события ужасного и трагического.

До нас только что дошла информация о двух его последних жертвах. Одной из них стал блестящий молодой английский студент и писатель — и он мертв.

Его юная жена, прекрасная девушка, известная в артистических кругах Лондона, вернулась в столицу два дня назад в состоянии полного изнеможения. Она смогла лишь слегка намекнуть нам на те ужасы, от которых ей посчастливилось спастись.

Еще ужаснее!

Тем не менее, она сообщила представителям «Сандей экспресс», что истории о сексуальных дебошах и наркотических оргиях, ранее опубликованные на страницах этой газеты, преуменьшают ужасы жизни в «аббатстве» на Чефалу, где Кроули держит своих женщин и практикует черную магию.

Эта юная особа, чье имя, как и имя ее супруга, «Сандей экспресс» не намерена разглашать из уважения к скорби безутешных родителей, рассказала, что прошлой осенью в Лондоне Кроули предложил ее мужу место своего секретаря. Этот «Зверь» обладает вкрадчивой улыбкой и обходительными манерами. Молодая пара и понятия не имела о том, что в действительности творится там, куда их приглашают. И поскольку предложение подразумевало путешествие и подходящую работу, юный супруг — которому исполнилось всего двадцать два года — принял его.

Однако прибыв на Сицилию, они обнаружили, что попались в ловушку: то был настоящий ад, водоворот грязи и распутства. Подлинной целью Кроули было развратить их обоих и использовать в своих нуждах.

Они сопротивлялись Кроули и его женщинам изо всех своих сил. Жену молодого студента принудили заниматься готовкой и всей работой по кухне для девяти домочадцев.

Затем юный супруг неожиданно слез с энтеритом из-за антисанитарных условий, царивших в этом месте. Увезти его оказалось невозможно — он был слишком слаб. Девочке-жене пришлось одной сражаться со Зверем 666. Поскольку она сумела отказаться от повиновения ему и сохранить себя в чистоте от зверств и ужасов «аббатства», однажды ночью он ее попросту выгнал. До самого утра она была лишена возможности вернуться в «аббатство», расположенное в холмах над Чефалу, и не могла ходить за своим умирающим мужем. Через два дня юноша скончался.

Этой молодой женщине, проявившей невиданное мужество в борьбе со Зверем, который твердо вознамерился ее уничтожить, британский консул выделил некую сумму денег, чтобы она могла вернуться домой, в Англию. Кроули вынужден был отпустить ее, однако не преминул прямо пригрозить мстью в случае, если она расскажет то, что знает.

Она не рассказала нам ничего сверх того, что уже публиковалось в нашей газете, но, увы, все еще пребывает в опасности со стороны Зверя. «Сандей экспресс» передает факты, связанные с этим делом, в руки Скотленд-Ярда.

Все это видят дети!

Именно среди чистых умом и неопытных ищет он себе новых жертв. Случившаяся трагедия ясно высветила планы Зверя 666: основать в Чефалу колонию оксфордской молодежи. Там он, по-видимому, станет посвящать их в непристойные ритуалы своей не описуемой никакими словами черной магии.

Надеемся, что эти планы можно будет сорвать. Но Кроули продолжает рассылать юным студентам Оксфорда приглашения приехать к нему в Чефалу. Он знает, как убедить их, в какие слова облечь свои увещания, и не дает ни единого намека на детали своей

«религии», говорить о которых нам не позволяют приличия, пока жертва не окажется непосредственно у него в когтях.

Детали эти настолько невероятно грязны, что приводить их на страницах газеты нет никакой возможности, ибо они связаны с сексуальными оргиями и падением в глубочайшие бездны порока. Все это замешано на уловках сомнительного мистицизма, «Багряным жрецом» которого именует себя Кроули.

Невинные дети, которым не исполнилось еще и десяти и которых Зверь держит у себя в «аббатстве», вынуждены становиться очевидцами ужасающих, потрясающих всякое воображение своей отвратительностью сексуальных буйств. В комнате без окон, где Зверь проводит свои ритуалы, воскуряются мерзкие благовония и поедаются печения, изготовленные из козлиной крови и меда. Остальное время Зверь лежит у себя в комнате, увешанной картинами непристойного содержания, которые он собирал по всему миру, и услаждает себя наркотиками.

Надежды Зверя

«Сандей Экспресс» только что получила весьма интересную информацию. Кроули, оказывается, уже перерос свое «аббатство» в Чеффалу. Он жаждет расширить свою деятельность, но для этого у него пока что недостаточно денег. Этот вопрос он поставил перед кое-кем из духов, присутствующих на его ритуалах.

«Подай иск на “Сандей экспресс” на сумму в пять тысяч фунтов стерлингов и построй на эти деньги новое “аббатство”», — пришел приказ.

Зверь предвидел трудности. Он не мог рискнуть выступить истцом сам, так как вся информация, приведенная в нашей газете, соответствует действительности. Если бы это было не так, он подал бы иск уже давно. И тем не менее «дух» настаивал.

«Пять тысяч на новое аббатство!»

Поэтому Зверь послал в Лондон одну из своих женщин¹ и ждет теперь, что из этого выйдет.

«Сандей экспресс» обещает Кроули, что будет продолжать свое расследование со всей беспощадностью и обязуется к следующему воскресенью снабдить его дальнейшими материалами, на основании которых он сможет предпринять любые удобные ему действия.

Самый гнусный пассаж в этой «беспощадной» журналистской оргии, по моему мнению, — как раз финальный, где Дуглас насмехается над неспособностью Кроули опротестовать действия газеты в судебном порядке. На деле насмешка эта представляет собой не более чем похвальбу богатством хозяина газеты. В «Сандей экспресс» прекрасно знали, что Кроули в то время был материально беззащитен против клеветнических атак, пусть даже и ложных, поскольку сразу же после «разоблачений» «Дневника наркомана» он написал письмо лорду Бивербруку, в котором просил Его Светлость о независимом расследовании предъявленных ему обвинений — хотя бы в интересах честной игры². Уведомления о получении этого письма он так и не получил. Эти факты взяты мною из брошюры одного из друзей Кроули, Норманна Мадда, бывшей в ходу в то время.

Нет нужды пачкать эти страницы и далее грязными оскорблениями; за смертью Рауля Лавдея последовала подлинная «оргия» охотников за сенсациями. Составить о ней впечатление достаточно легко по тому, что уже было процитировано. Или, если читателю нравится оргиастическая журналистика, он может самостоятельно изучить подшивки «Сандей экспресс». Дабы продемонстрировать общую тональность, ограничусь лишь цитатами из самых первых абзацев второго интервью с Бетти Мэй:

1 Речь идет о Джейн Вульф.

2 См. «Открытое письмо лорду Бивербруку», стр. 237.

РАССКАЗ ЮНОЙ СУПРУГИ ОБ АББАТСТВЕ КРОУЛИ
«Сандей Экспресс», 4 марта 1923 года

Ужасные сцены

*Наркотики, магия и отвратительные ритуалы
Испытания девушки, спасенной консулом*

Сегодня «Сандей экспресс» во всеоружии полной ответственности за публикуемую информацию помещает историю юной супруги, только что вернувшейся из расположенного на Сицилии «аббатства» Алистера Кроули.

В прошлое воскресенье мы уже рассказывали о смерти мужа этой юной особы, блестящего молодого ученого, недавно окончившего университет. Из уважения к его родителям, его имя тогда и сейчас остается тайной.

Зловещая личность

Этот Кроули — поистине одна из самых зловещих фигур нашего времени. Это наркоман, автор развратных книг и распространитель непристойных ритуалов. И, тем не менее, его интеллектуальные достижения и очарование его ума настолько велики, что заставляют уважаемые издательства публиковать его работы и привлекают к нему мужчин и женщин самого разного общественного положения и состоятельности.

Молодая жена известна в артистических кругах под именем «Бетти». Она вышла замуж за своего возлюбленного, как только он окончил Оксфорд.

Вскоре после этого они познакомились с Кроули. Муж нашей героини, как и многие другие студенты, интересовался магией. Кроули совершенно его очаровал. Он предложил молодому человеку пост секретаря в своем «аббатстве». Супруга возражала против этого, но в конце концов присоединилась к мужу в поездке.

Было и еще несколько колонок совершенно нелепого «интервью» с Бетти Мэй, чье живое воображение в сочетании

с фантазией репортеров, приправленной, надо полагать, политической редакторского отдела, породили поразительную галиматью.

Изо всех английских газет только наиглупейшая, а именно «Джон Буль», продолжала радостно эксплуатировать эти утки. Боюсь, читатели не поблагодарят меня за воспроизведение любой из их статей в полном объеме. Однако несколько заголовков и наиболее кричащих пассажей все же не помешают:

КОРОЛЬ ПОРОКА (10 марта 1923 года)

САМЫЙ ПОРОЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК НА СВЕТЕ (24 марта 1923 года)

ПРИБЫТИЕ КОРОЛЯ ПОРОКА (14 апреля 1923 года)

ИСКУСИТЕЛЬНИЦА В ЛОВУШКЕ (28 апреля 1923 года)

КАННИБАЛ НА СВОБОДЕ (апрель 1923 года)

ЧЕЛОВЕК, КОТОРОГО МЫ БЫЛИ БЫ НЕ ПРОЧЬ ПОВЕСИТЬ (май 1923 года)

ЗВЕРЬ В ЧЕЛОВЕЧЬЕМ ОБЛИЧЬЕ ВОЗВРАЩАЕТСЯ (30 августа 1924 года).

Две из этих статей истерически предостерегали, что Кроули уже в Лондоне, и вопили, что его нужно немедленно арестовать, хотя на самом деле он все это время находился за границей.

«Джон Буль», однако, всего лишь вышивал по канве «Сандей экспресс». Вот весьма характерный фрагмент одной из статей:

Были, однако же, в «аббатстве» и иные роды деятельности, требующие более подробных обвинений. К ним относится способ Кроули выплачивать свои многочисленные долги на острове — посылая своих женщин в качестве заложниц тем, кто соглашался принять такой предосудительный способ оплаты.

Другой — в значительной степени затруднивший наше расследование и, по всей вероятности, рассчитанный на то, чтобы воспрепятствовать расследованиям, уже ведущимся министерством внутренних дел и Скотленд-Ярдом — заключается в том, что Кроули завлекает выдающихся и высокопоставленных граждан Чезалу и Палермо в свое аббатство и убеждает принять участие в сексуальных оргиях, перемежаемых наркотическими, которые

в совокупности составляют основную часть «религиозных обрядов», проводимых в его обители.

Мы без колебаний передадим властям имена этих высокопоставленных посетителей и другие подтвержденные присягой свидетельства, если только, как мы надеемся, официальные представители властей острова пожелают инициировать правительственное расследование.

Необходимо также заметить, что одна из его женщин, содержащихся в аббатстве, вскоре ожидает рождения еще одного ребенка, отцом которого является видный банкир из Палермо, друг британского консула.

Можно еще упомянуть, что на момент сдачи этой статьи родственники юного оксфордского студента, скончавшегося в аббатстве четыре недели тому назад, не получили ни свидетельства о смерти, ни какого бы то ни было ответа от британского консула в Палермо на те встревоженные запросы, что делали относительно безвременной гибели юноши его убитые горем мать и сестра.

О каннибализме же говорилось следующее (апрель 1923 года):

Будучи в некоторый период времени обладателем довольно значительных денежных средств, он проникал в самые отдаленные уголки Египта, Алжира, Марокко, Индии, Бирмы, Сиамы, Мексики, Японии и Китая, в Ост-Индию и даже в «запретную страну» — Тибет. Об этих путешествиях и многочисленных охотничьих экспедициях Кроули ходят поразительные слухи, которые он же сам не устает распускать.

Одна история повествует о том, как, покинув поутру, незаметно даже для местных жителей, свой лагерь где-то в Кашмире, Кроули по возвращении рассказал, что успел самолично и голыми руками убить двоих тигров, одного из которых для доказательства и принес — или приволок — с собой обратно на стоянку. Жители тех частей Индии, где побывал Кроули, подтверждают, что он и вправду обладал способностью при помощи неких магических приемов усмирять и убивать диких зверей.

Во время некоей одиночной альпинистской экспедиции — и тому имеются доказательства — Кроули, страдая от нехватки провианта, убил двоих носильщиков из местного населения и съел их! Этот вопиющий случай каннибализма «Зверь» цинично подтверждал и сам. <...>

Эти сплетни уже сами по себе гадки, но нижеследующий абзац (май 1923 года) в своей святой простоте побьет даже их:

Постепенно информация из Чефалу начала просачиваться наружу, и когда наши публикации достигли Италии, одним из последствий этого стал полицейский налет на аббатство. Оно было обыскано на предмет опиума и прочих наркотиков, но обыск не принес никаких результатов.

Кроули был чрезвычайно доволен. Он смог продемонстрировать своим последователям, как легко ему обвести полицию вокруг пальца. После этого эпизода сеансы возобновились во всей своей богохульственной непристойности.

Журналистские методы «Джона Буля», разумеется, сами по себе недостаточно эффективны — именно вследствие прямолинейности и грубости утверждений, как то было наглядно продемонстрировано на вышеприведенных примерах. Пожалуй, наилучшим возможным комментарием к уровню работы Джеймса Дугласа и, *a fortiori*¹, лорда Бивербрука будет как раз тот факт, что один только «Джон Буль» усмотрел в их клевете на поэта повод к конкуренции. Увы, от зарубежных газет невозможно было ожидать уважения к традиционным принципам английской журналистики, привычно питаемого английскими же читателями. Весь мир перепечатывал клевету на Кроули под сенсационными заголовками. Вот лишь несколько «шапок» из американских газет; все они предваряют полнополосные статьи, снабженные весьма причудливыми и тщательно детализированными иллюстрациями:

¹ «Тем более» (лат.).

Дьяволопоклонники довели его до самоубийства!

Развратные подвиги «Пикового туза» — тайной организации, охотящейся за суеверными женщинами и шантажирующей их или запугивающей до смерти, заставляя поверить, будто бы ими владеет Сатана.

Закулисные тайны дьяволопоклонников

Юная невеста-англичанка, чудом бежавшая из сицилийского аббатства новой порочной религии с лозунгом «Твори, что захочешь», разоблачает развратные ритуалы, отправляемые там «Верховным Жрецом» и его поклонниками.

Ангельское дитя, «узревшее ад» и сумевшее вернуться

Искренние признания художественной модели, превращенной в бандитку и пристрастившейся к наркотикам; и как истинное видение удержало ее на самом краю.

А вот то, что вся «история» широко циркулировала по континентальным газетам, в том числе и по итальянским, было уже куда более серьезно. Возможно, в том числе и поэтому Муссолини, ведущий в то время войну против «тайных обществ», принял решение изгнать Кроули из страны. В ответ была организована петиция, подписанная всеми значительными жителями Чифалу, у которых не было никаких недоразумений с Кроули, являвшимся, между прочим, одним из них и пользовавшимся всеобщим уважением. Тем не менее, ему пришлось уехать. Этот факт заставил «Сандей экспресс» возликовать, что, впрочем, не стало неожиданностью. Кроули отправился в Тунис и продолжил писать свой *magnum opus*¹ — автобиографию в шестьсот тысяч слов, по ранее заключенному контракту с лондонскими издателями². Однако после всего случившегося издатели отказались продолжать совместную работу. Поэтому Кроули перебрался в Париж и договорился о публикации

1 Фундаментальный труд (лат.).

2 Имеется в виду издательство «Коллинз».

впечатляющего специального труда по магии, над созданием которого работал уже много лет¹. В процессе работы ему неожиданно нанесла визит парижская сыскная полиция, с величайшим подозрением отнесшаяся к находившейся во владении Кроули кофеварке, которую сочла не то перегонным кубом для производства наркотиков, не то анархистской бомбой. И хотя ничего более преступного за ним не нашлось (за исключением чисто формального «преступления» — просроченного удостоверения личности), остаться во Франции Кроули не позволили. И вот теперь он действительно в Англии.

На этом, насколько мне известно, история заканчивается. На всем ее протяжении я старался беспристрастно излагать известные мне факты. Едва ли кто-то попытается отрицать, что клеветническая кампания против Кроули действительно зашла слишком далеко. О том, насколько во всем этом повинен сам Кроули, пусть судит читатель; однако, я полагаю, в проявленной по отношению к нему несправедливости сомневаться не приходится, равно как и в намеренном оскорблении, состоявшем в допущении грубой атаки на частное лицо и в лишении оногo лица возможности опровергнуть предъявленные ему обвинения в том же источнике и в таком же объеме печатного пространства. Иск лорду Бивербруку и Джеймсу Дугласу был в достаточно нелицеприятной форме предъявлен в памфлете мистера Норманна Магга². Этот памфлет был издан небольшим тиражом и имел хождение в частном порядке, но сумел до некоторой степени реабилитировать Кроули в глазах тех немногих, кто в разгар разоблачений думал, что «за этим все-таки что-то должно стоять». Если настоящий труд сможет продолжить процесс реабилитации, значит, он был не напрасным. Мало кто позавидует той работе, которую я на себя взвалил, — работе по обелению Алистера Кроули. Возможность быть измазанным тем же дегтем из-за этой неблагодарной задачи я предвкушаю без малейшего удовольствия. И, тем не менее, хотя бы после публикации этой книги интеллектуальная публика, возможно, сумеет более объективно оценить историю английского писателя, чей литературный талант невозможно отрицать, что бы там ни говорили недоброжелатели.

¹ Подразумевается часть III «Книги Четыре» — «Магия в теории и на практике».

² См. «Открытое письмо лорду Бивербруку», стр. 237.

Лондонское общественное мнение — это гидроглавое чудовище; и все же не следует удивляться при виде практически беспрецедентного события, а именно — ситуации, когда все эти головы гидры устремились к единой цели — обличению мистера Алистера Кроули и всех его работ.

Для молодого джентльмена, всего несколько лет назад окончившего Кембридж, это поистине замечательное достижение. Чтобы возмутить общественное мнение до состояния активной оппозиции, нужна серьезная цель, и вопрос при этом возникает только один: есть ли такая цель у мистера Кроули? <...> Приходится сделать вывод, что этот молодой человек — примечательное порождение ничем не примечательной эпохи. <...> Мощь его самовыражения невероятна; его воздушный змей парит в поднебесье, но он не забывает — не без некоторой насмешки или пародии на пафос — вовремя спустить его на землю, и при виде этого всякий раз возникает вопрос: пробудит ли он опять в общественном мнении ту живительную враждебность, которую оно приберегает лишь для самых опасных мыслителей?

— Флоренс Фарр, «Нью Эйдж», 1907.

Мы, англичане, обожаем поэзию, но не любим поэтов, если только они не благопристойны до невозможности, — тогда мы венчаем их лаврами; ибо, разыскивая по всей стране то, что мы называем настоящей личностью, мы тщательно избегаем сумасбродств, которыми чреват гений. Сегодня каждая школьница читает Шелли, но как же плохо мы с ним обращались! Байрону не позволили покоиться с миром в «углке поэтов»¹. А к Суинберну мы относились так, словно он был Криппеном².

1 Часть Вестминстерского аббатства, где похоронены великие поэты Англии.

2 Подразумевается Хоули Харви Криппен (1862–1910) — американский врач, повешенный в Лондоне за убийство своей жены.

И наше отношение к мистеру Алистеру Кроули немногим от того отличалось. А между тем мистер Кроули — один из немногих наших настоящих поэтов. Из-под его пера вышли вещи, которые никогда не умрут. Главная наша проблема с мистером Кроули как раз в том и заключается: он — настоящий поэт, и он не может идти на компромисс. Преследования злодеев и глупцов нанесли ему жестокую рану. И сейчас писательская братия обязана выйти и встать с ним плечом к плечу.

— «Инглиш Ревью», 1912.

Этот Кроули — поистине одна из самых зловещих фигур нашего времени. Это наркоман, автор развратных книг и распространитель непристойных ритуалов. И, тем не менее, его интеллектуальные достижения и очарование его ума настолько велики, что заставляют уважаемые издательства публиковать его работы и привлекают к нему мужчин и женщин самого разного общественного положения и состоятельности.

— «Сандей экспресс», 1923.

Самый порочный человек в Англии.

— «Джон Буль», май 1929 года.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ I

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ 1983 ГОДА. ИЗРАЭЛЬ РЕГАРДИ

Все постоянно меняется, но при этом не меняется ровным счетом ничего. Сама книга Стивенсена и мое введение к ней, написанное в 1969 году, свидетельствуют о том, что литературные обозреватели со своими точками зрения — одно из самых постоянных явлений в нашем изменчивом мире. В 1970 году, опубликовав «Исповедь Алистера Кроули», господа из нью-йоркского издательства «Хилл энд Уонг» попросили меня выступить на телевидении в каком-нибудь ток-шоу и прорекламировать эту книгу. Стыдно признаться, но я отказался. Алистер Кроули — не такая фигура, чтобы открыто обсуждать его в эфире перед консервативной публикой, да еще и с интервьюером, отягощенным собственными предрассудками из прошлого. Решившись на подобное, кто угодно выставит себя дураком, а я в то время совершенно не был к этому готов.

И, тем не менее, по моей просьбе «Хилл энд Уонг» переслали мне копии всех американских рецензий на «Исповедь», какие только смогли найти. За это я глубоко им признателен. Если бы «Легенда об Алистере Кроули», переизданная в 1969-м, распродавалась достаточно бойко и понадобилось бы еще одно переиздание, я включил бы эти современные рецензии в послесловие к нему. Но, к сожалению, как и первое издание, выпущенное в начале тридцатых, оно пылилось на складах. Посмотрим, зародилась ли теперь, с наступлением восьмидесятых («восьмидесятые склоняются предо мною в страхе и посрамлении»¹), у читателей хоть толика уважения к тому монументальному труду, который проделал Кроули за свою жизнь. Пока что я в этом не уверен. Ибо, несмотря на то, что

1 Цитата из «Книги Закона», III:46.

многие из его работ, прежде не публиковавшихся, стали в той или иной форме доступны широкой публике, и на то, что обстановка в обществе сейчас существенно отличается от той, что имела место сорок лет назад, старые беспочвенные предрассудки по-прежнему клубятся вокруг него, как миазмы в застоявшемся воздухе.

Ни Джон Саймондс, ни Кеннет Грант, под редакцией которых вышла «Исповедь», не сделали почти ничего, чтобы исправить эту ситуацию. Злопыхательская биография Саймондса, переизданная под названием «Зверь», и эгоистические потуги Гранта представить себя главой О.Т.О. (каковым он не является и никогда не был) только усугубили проблему. Ни тот, ни другой даже не попытались хоть немного вразумить так называемых писателей, которые занимаются рецензированием книг.

И все же в подборке материалов 1970 года, которую прислали мне из «Хилл энд Уонг», обнаружилась пара примечательных заметок. В то время они, возможно, не привлекли к себе особого внимания, но теперь могут оказаться интересны, в особенности для людей молодых, не имевших возможности ознакомиться с первоисточником или уже испытавших на себе тлетворное влияние тех рецензий, авторы которых приложили все усилия, чтобы заронить в души читателей отвращение и ненависть.

Одним из самых приятных для меня сюрпризов при новом пересмотре упомянутой подборки (которая, напомним, так и пролежала без дела больше десяти лет) стала рецензия Алана Уотса, знаменитого западного дзен-буддиста. Она была опубликована в «Сан-Франциско экземинар» 28 февраля 1970 года. Уотс — автор множества книг по восточным традициям, превосходных с литературной точки зрения и принесших ему заслуженную славу. В рецензии, о которой идет речь, он говорит о Кроули, Распутине, Гурджиеве и других: «Я назвал бы их истовыми и вдохновенными шарлатанами или “завзятыми мошенниками” — людьми, которые были настоящими гуру, наделенными необычайной силой и духовностью, но, тем не менее, по христианским стандартам аморальными или очень дурно воспитанными. <...> Кроули хватило духу написать эту *автобиографию*, то есть автобиографию святого, — книгу, от начала и до конца почти неизменно увлекательную, остроумную,

высокомерную, нескромную и при этом, как ни странно, мудрую. <...>

...главная, сокровенная, неизреченная и самая священная тайна “завязтых мошенников” проста: следуй своей природе и делай именно то, к чему ты склонен, — без колебаний, без сожалений, без чувства вины. <...> Автобиография Кроули — это всего лишь описание эксперимента, поставленного одним человеком, который решил выяснить, чего же он на самом деле хочет <...> и эта история оказалась причудливой до крайности. <...> И все же некоторые люди считают его настоящим буддой».

«Лично я отказываюсь делать на этот счет какие бы то ни было выводы, — продолжает Алан Уотс. — Теоретически, мошенник может возвести свое мошенничество на недостижимую высоту и превратить в настоящую магию. С другой стороны, человек исключительно мудрый и сострадательный может притвориться мошенником, дабы не сделаться кумиром для других людей и не стать основателем формальной религии. Великих и могущественных религиозных деятелей некоторые всегда считают богами, а некоторые — демонами».

Для научного сотрудника фонда Боллингена¹ и автора десятка с лишним первоклассных научных работ — это, пожалуй, высочайшее из возможных прозрений. Вопреки всем консервативным, приземленным и, как ни печально, весьма многочисленным рецензиям, выходявшим за последние пятьдесят лет в расчете на заурядного представителя среднего класса, Уотс обращается к более просвещенному читателю и говорит ему: смотрите, какой человек! Не «самый порочный человек на свете», а духовный гений, который осознал, кто он такой и что должен делать, не хуже, чем самый просветленный и твердолобый дзен-буддийский роши².

Столь же неожиданно — и в той же самой подборке мусора (не могу подобрать другого слова для этих так называемых рецензий), которую прислали мне более десяти лет назад из «Хилл энд Уонг», — обнаружился еще один примечательный

1 Фонд Боллингена — образовательный фонд в Нью-Йорке, действовавший в 1945–1968 гг. и посвященный распространению учения и работ Карла Густава Юнга.

2 Роши — наставник в дзен-буддизме.

и достойнейший текст. Роберт Антон Уилсон *сносит читателю крышу* в самом хорошем смысле этого выражения. Когда-то он написал книжку под названием «Космический триггер». И она *снесла мне крышу* до такой степени, что я закупил ее оптом — больше тридцати экземпляров, — чтобы раздать некоторым своим друзьям и бывшим пациентам. Многие из них отозвались о ней с восхищением; они не могли оторваться от нее и даже не спали по несколько ночей, чтобы дочитать до конца. Для некоторых знакомство с этой книгой оказалось самым волнующим опытом за многие годы.

Издатели «Реалиста», по-видимому, дали Уилсону возможность отрецензировать «Исповедь» так, как она того заслуживала, и в результате обзор, опубликованный в сентябрьско-октябрьском номере 1971 года, занял девять или десять полных журнальных полос. Я чуть было не обратился за разрешением воспроизвести здесь эту статью полностью — до последней строчки, до последнего слова. Понятно, что это было бы невозможно, и все же рецензия Уилсона стала первой и единственной (не считая отзыва Уотса), автор которой рискнул выразить открытое восхищение той интеллектуальной и духовной утонченностью, которую Кроули проявлял во всех своих ипостасях — и как писатель, превосходно владеющий пером, и как великий мистик, и как блестящий поэт (вопреки бытующим ныне мнениям), и как отважный и необыкновенно талантливый альпинист.

«Друзья и ученики отметили его похороны черной мессой... по крайней мере, так было заявлено в газетах, — насмешливо замечает Уилсон. — В действительности то была месса Единой Гностической церкви (даже Джон Саймондс, автор самой недоброжелательной биографии Кроули, признаёт, что ее можно назвать на худой конец серой, но уж никак не черной, — и обратите внимание на расистский и христианско-шовинистский подтекст подобной терминологии!), но, разумеется, она не имела ничего общего с ортодоксальным римско-католическим или англиканским богослужением. Я хочу сказать, что в какой-то момент в ходе этой церемонии жрица, о ужас, раздевается и остается совершенно голой, и они смеют называть это мессой, просто с ума сойти!»

К слову сказать, Бобби Мазерс из «Детройт фри пресс» заявлял: «В наши дни Кроули со своими наркотиками, расширяющими

сознание, благовониями, колокольчиками, облачениями и заклипаниями, со своими гексаграммами из "И цзин", со своим изучением восточного и западного мистицизма оказался бы всего лишь одним из мальчишек, играющих в хипповских пещерах. А групповой секс, которым ученики Кроули занимались в его святилище на Сицилии и из-за которого его затем выгнали из Италии, сейчас, в 1970-м, удостоился бы разве что пары абзацев в каких-нибудь заштатных газетенках».

Конноли Коул писал в «Панораме» (ежедневной чикагской газете) от 14–15 марта 1970 года: «Скалолаз, поэт, писатель, естествоиспытатель, путешественник и адепт эзотерических таинств, Кроули предстает во всей этой фантазмагории масок как доподлинная реинкарнация универсального человека эпохи Возрождения, и его литературный слог, исполненный чистейшего чванства, свидетельствует о том же. Жизнь его была по большей части пуста и эгоистична. Однако его спортивные достижения все же реальны (он действительно достиг незаурядного мастерства как альпинист), несмотря на всю эту нескончаемую отрыжку самолюбования, сопутствовавшую ему до самой смерти, которая постигла его в возрасте семидесяти пяти лет в каком-то захолустном английском пансионате <...> Несмотря на все свои шумные эскапады, он оставался продуктом своей среды. Он обладал особым чутьем на пороки, но не имел возможности воплотить свою воображаемую порочность в жизнь. <...> Он обожал символы и жертвенные обряды, но случайного жертвоприношения какого-нибудь подвернувшегося под руку козла вполне хватало, чтобы насытить эту его страсть, которая в своей наивности смахивала не столько на смертельно опасные оккультные штудии, сколько на невинную салонную игру». А теперь можно вернуться к Роберту Антону Уилсону. Вышеприведенные отрывки указывали лишь на то, что Уилсон, как и Алан Уотс, сумел воспринять личность Кроули во всей полноте, тогда как другие видели в нем такое же пустое место, как они сами. Далее в своей рецензии Уилсон подробно рассматривает все этапы развития философии и магии Кроули, касается его подхода к проблеме добра и зла и прочих тем, которые затрагивал Кроули в своих работах. Завершается же этот анализ (но еще не вся рецензия) следующим длинным абзацем:

«И все же... все же, — как напоминает нам Мэнсон, как напоминают нам братья и сестры по Движению¹, как напоминают нам подчас наши собственные неожиданные поступки, — подобные пророческие голоса часто раздавались и в прошлом, но возвещали отнюдь не Золотую Зарю, а всего лишь ложный рассвет. Если задуматься о том, какой же из уроков, преподанных нам Зверем, — самый главный, то это окажется не “Твори свою волю: таков да будет весь закон” (призыв, известный еще со времен Рабле); и не более глубокое и афористичное “Каждый мужчина и каждая женщина — звезда”; и даже не формула Совершенного Оргазма, которую столько лет и столь громогласно и отчаянно разыскивал Норманн Браун². Нет, главный его урок — это его юмор, его скептицизм, его ирония, заключенная в самом звании Зверя (а подчас и Осла); его рациональность, помогающая не доверять безоговорочно любым видениям и тем самым не пасть жертвой безумия; его здравый смысл, заявляющий: “Даже если на абсолютном плане добро и неотлично от зла, человек, живущий на плане относительном, все равно не получает удовольствия от зубной боли и нуждается в самооправданиях для того, чтобы обчистить карманы своего ближнего”; его суровое предостережение о том, что Таинство сможет завершиться лишь тогда, когда маг изольет *последнюю каплю крови своей жизни* в Чашу и умрет; и, наконец, превыше всего, простая летопись его собственной жизни, свидетельствующая о том, что, при всем его рвении, при всей самоотдаче и страсти, ему, тем не менее, понадобилось целых восемь лет (четыре месяца из которых прошли в настоящем безумии), чтобы сокрушить стену, отделяющую эго от истинного “Я”, а это “Я” — от Вселенной».

В этой рецензии, разросшейся до настоящего трактата, Уилсон, как обычно, блещет остроумием; однако мишенью его насмешек оказывается отнюдь не Кроули, как может показаться на первый взгляд, а та «широкая публика», которая его осуждает. Примером тому служит, в частности, и предисловие

1 Имеется в виду движение хиппи.

2 Норман Браун (1913–2002) — американский ученый, филолог-классик, психолог и культуролог, исследователь роли эротики в истории человечества, автор трудов «Жизнь против смерти: психоаналитический смысл истории» (1959), «Тело любви» (1966) и др.

Уилсона к моей книге «Око в треугольнике»¹ (опубликованной в 1982 году издательством «Фолкон-пресс»): «Знаете, один критик (не помню, как его звали) написал, что в игре Лутоши² чувствуется “абсолютная искренность и какая-то сумасшедшая сентиментальная поэтичность”. И лично мне кажется, что эти слова, словно старый черный плащ с алым подбоем, скроены точно по мерке Мастера Териона. То Mega Thegion, Великий Зверь, Алистер Кроули. Это последняя ступень падения, это живое воплощение анархии, это олицетворенный бунт, это ходячее скопище противоречий — человек по имени Кроули, которого современники называли “королем разврата”, “самым порочным человеком в мире”, “каннибалом, сорвавшимся с цепи”, “человеком, которого мы были бы не прочь повесить”, “зверем в человеческом обличье” и, несколько снижая планку, “прогерманским пропагандистом и революционером”.

Прошли годы, и нам с вами он видится чудачком. Хуже того — чудачком старомодным. И еще того хуже — давно навязшим в зубах. Мы уже не в силах поверить, что с 1912 года он приносил в жертву по сто пятьдесят человек ежегодно.

Но, клянусь вам, я вовсе не сам придумал все вышеперечисленные дружеские прозвища. Все они при жизни Кроули фигурировали на страницах “Джона Буля” в его героической и почти бесконечной кампании за спасение Англии от тлетворного влияния Зверя».

На этом простимся с Уилсоном и обратимся к другой рецензии, опубликованной в «Нью-Йорк таймс» 17 января 1970 года. Автор ее, Томас Лэск, дал ей подзаголовок «Тщеты, мечты и несколько пороков». В целом он пишет о Кроули не с такой откровенной неприязнью, как подавляющее большинство простых американских критиков, перечислять которых поименно мы не станем, дабы не испытывать терпение читателя. Свой отзыв он начинает так: «Проще простого было бы с ходу объявить, что этот пространный, велеречивый и подчас бессвязный панегирик собственной персоне гроша ломаного не стоит.

1 «Око в треугольнике» — биография Кроули, написанная Израэлем Регарди в 1970 году.

2 Бела Лугоши (1882–1956) — американский киноактер венгерского происхождения, исполнявший роли в классических фильмах ужасов («Дракула» и «Знак вампира» Тода Броунинга, «Белый зомби», «Франкенштейн встречает Человека-Волка» и др.).

Бесконечный поток самовосхвалений постепенно превращается, по сути, в самопародию. Отдельный повод для скепсиса подают постоянные заявления об успехах в оккультных материях. Высокопарные эвфемизмы, в которых описывается каждое очередное сексуальное приключение, сменяются прямолинейными, как голливудская реклама, констатациями. Напористая самоуверенность юнца мало-помалу уступает место нытью брюзгливого старца. И, вдобавок, огромные отрезки этого жизнеописания окутаны туманом всевозможных мрачных тайн, которые автор изобретает и тщится разъяснить по ходу повествования. <...>

К скромным достоинствам "Исповеди" надо причислить тот факт, что Кроули в ней предстает эффектным противовесом нашей собственной эпохе. Во времена всеобщей тоски, отчуждения и потерянных поколений, во времена, когда столь многие из нас страшатся утраты собственного "я", Кроули являет собою образец спокойной убежденности в своем достоинстве, веры в свою гениальность и твердой уверенности в своих действиях, при виде которых читатель невольно радуется, как ребенок. Его высокомерие и снобизм преодолевают любые препятствия исключительно силой дерзания. Быть может, эти качества присущи ему в некотором избытке, но, тем не менее, он несет на себе все признаки подлинного героя андерграунда».

Итак, Лэск, в отличие от многих других, не осуждает Кроули безоговорочно. Но, с другой стороны, рецензия его заканчивается следующими словами: «Мы сознательно обошли молчанием все многочисленные сочинения и рассуждения Кроули о магии, разнообразных тайных орденах, масонстве, сверхъестественных опытах и тому подобном. Все это — такое болото, в котором непосвященный увязнет и утонет, не успев и шагу ступить. "Исповедь", которой, откровенно говоря, не повредил бы строгий редактор, — не из тех книг, что способны доставить ничем не омраченное удовольствие; и некоторые, возможно, найдут ее совершенно неудобоваримой. Однако метаморфозы человеческой личности, представляющие на ее страницах, всегда будут манить к себе читателя, возбуждая искреннее любопытство».

«Лайбрери джорнал», известный своим солидным консерватизмом, весьма удивил меня, опубликовав 15 февраля 1970 года рецензию настолько объективную, насколько вообще можно

было ожидать от подобного издания. Иногда надежды все же оправдываются.

«Кроули <...> — человек волевой и решительный, любитель секса и гедонист, необыкновенно магнетическая личность. Он занимался литературным творчеством, был мастером спорта по шахматам, выдающимся альпинистом и путешественником. Лидер по характеру, он привлекал немногочисленных, но рассеянных по всему миру последователей, а своими знаменитыми оргиями доводил современников и государственные власти до белого каления (здесь напрашиваются аналогии с нынешним поколением хиппи) <...>

Эта «Книга Закона» <...> полностью устраивает многих его последователей и, более того, может оказаться небезынской нашим современникам, ибо многие молодые люди сейчас искренне могут повторить вслед за ним: «Как бог идет, так я иду»¹. И, как отмечают редакторы, он начал пользоваться «И цзин» для предсказания будущего задолго до того, как эта книга приобрела популярность среди западных интеллектуалов. Таким образом, ввиду тесной связи между философией Кроули и современными веяниями, эта автобиография может оказаться одной из самых читаемых работ данного жанра на ближайшие несколько лет».

Из тех немногих по-настоящему глубоких и подробных рецензий, что были опубликованы в рассматриваемый период, особого внимания заслуживает статья Найджела Денниса, озаглавленная «Признаки будды» и напечатанная в «Нью-Йорк ревью» 12 марта 1970 года. Это пронизательное и тонкое исследование, полное юмора и сарказма, но совершенно далекое от того озлобленного невежества, которое отличает большинство других рецензий.

Свой отзыв Деннис начинает следующими словами: «Я не нашел в этом человеке вины», — сказал Понтий Пилат по одному небезызвестному случаю, и я вынужден последовать его примеру применительно к случаю нынешнему. Я не нахожу никакой вины в рецензируемой книге; она явилась в наш мир если и не для спасения рода людского, то уж, по крайней

¹ Эти слова представляют собой не цитату из «Книги Закона», а фразу из магического дневника Кроули, относящуюся к достижению степени Совершеннейшего.

мере, ему на радость <...>. Прочитывая описание, которое Кроули дает Джеральду Келли, своему шурину, рецензент отмечает в связи с этим пассажем: «Кроули честно признается в одном роковом изъяне своего характера, а именно — “ужасной привычке верить в лучшее в каждом человеке”. Не думаю, что причина этому — в том, что он “чересчур англичанин”. В том, чтобы быть англичанином, по-моему, нет ничего плохого: это придает человеку такую уверенность в себе, какую бесполезно было бы искать у представителей других наций». Высказав ряд наблюдений о «представителях других наций», Деннис замечает: «Да и в какой еще книге, кроме английской, встретишь такую фразу: “Я <...> отправился к Алану, которого уже повысили в его чунге с простого бхикку до саядо”?»

Нет, проблемы начинаются лишь тогда, когда подлинную “английскость” пятнают иностранные влияния. Нельзя, как это делал Кроули, объявлять своей любимой песней “Правь, Британия, морями” и в то же время надеяться достичь “саммаса-ти, правильного воспоминания, седьмой ступени Благородного Восьмеричного Пути”. <...>

Лично у меня его друзья-мужчины вызывают больше симпатии, чем его женщины: они гораздо интереснее. Например, человек из Бриджпорта (Коннектикут), который пользовался самой банальной *американизированной* подписью “Сэмюэл А. Джейкоб” — а на поверку оказалось, что это не кто иной, как САМУИЛ бар АЙВАЗ бен ИАКОВ из ШЕРАБАДА¹. И все это как-то связано с магической формулой О.Т.О., возродившей неким образом Утраченное Слово вольных каменщиков, числовое соответствие которого — 418, “число Магической Формулы Эона”. Мне симпатичен Верховный Казначей Ordo Templi Orientis, который был глухонемым²; <...> они с Верховным Секретарем сбежали, прихватив с собою все деньги Ордена, пока Кроули посвящал некую Сестру Киприду³ в таинства страстей, “не менее бурных, чем в ‘Трозовом перевале’”. <...> Но лучший из всех мужчин — Эккенштейн,

1 Подробнее см.: Алистер Кроули. Магия в теории и на практике. М.: Ганга, Телема, 2009, стр. 371–373.

2 Имеется в виду Джордж Макни Коуи (Брат Fiat Pax), посвященный VIII° О.Т.О. и Неофит А.:А.:.

3 Сестра Киприда — магическое имя Нинетт Шамуэй, любовницы Кроули, жившей вместе с ним в Телемском аббатстве в Чефалу.

выпускник Оксфорда и альпинист немецкого происхождения, вместе с которым Кроули попытался взять приступом Канченджангу и досконально исследовал горы в Мексике. Эккенштейн был для Кроули тем же, чем Виттгенштейн — для Оксфорда, и читать о том, как он страдал “спастической астмой” и во цвете лет был унесен в могилу неизлечимым сочетанием “чахотки с супружеской жизнью”, весьма печально. Дорого бы я дал за книгу под названием “Crowley’s Gespräche mit Eckenstein”¹!

Кроули был англичанином старой закалки, и, полагаю, если бы дядя Том² его не испортил, из него вышел бы перво-классный попечитель каких-нибудь туземцев. Он обожал облачения и шествия; он любил горы и дикую природу; он схватывал на лету самую суть экзотических религий; и он сознавал, что, если позволить индийцам посещать Лондонскую школу экономики, то очень скоро они начнут спать с английскими девушками и наводнят собою всю Империю. Опасность же кроется в том, что избранному им образу жизни могут начать подражать **мелкие людишки**, напрочь лишённые всякой оригинальности и силы характера, но воображающие, будто с лёгкостью могут уподобиться ему и тоже стать сначала Магом, затем Святым, а в конечном счете и Богом. <...> Мощная проза, уморительные истории, великолепная самоуверенность — все это осталось при Кроули и после того, как он из обычного Святого перекалвалифицировался в Бога. Никакая критика, на мой взгляд, не может быть справедливой, если она замешана на зависти».

Статейка под названием «Эгоист», опубликованная в кэмденской газете (Нью-Джерси) 11 марта 1970 года, после этих цитат кажется особенно глупой. Ее автор, Фрэнк Фанк, ударяется в резонерство: «Должно быть, для человека, всю жизнь изгонявшего демонов, боровшегося с дьяволом и запросто беседовавшего с людьми, для которых каббала была как таблица умножения — для шестиклассника, немалым потрясением стало то, что ангела смерти изгнать невозможно». (Подобные явления невольно наводят на мысль, что сам Фрэнк Фанк боится смерти до чертиков.)

1 «Беседы Кроули с Эккенштейном» (англ.-нем.).

2 См. примеч. к стр. 93.

Ничтожество другого рода явил миру Джулиан Митчел в «Книжном обозрении "Нью-Йорк таймс"» от 22 февраля 1970 года. Его статья начинается довольно интересно, но затем вырождается в совершеннейший вздор. Второй абзац еще подает надежды на осмысленное продолжение, но вскоре становится ясно, что ловить здесь нечего. «Когда благородные священники выступают в английских судах в защиту Д.Г. Лоуренса на том основании, что секс может расцениваться как христианское таинство, никто уже не осмеливается заявить, что наркотические трипы не могут считаться "достоверным" мистическим опытом. Мы не понимаем, на каком мы небе или в каком круге ада. Мы живем в эпоху Алистера Кроули, Зверя 666, мага, альпиниста и зануды. <...>

Он писал безостановочно и прескверно, публикуя книги за собственный счет и уверенной поступью пролагая себе путь наверх по ступеням Герметического ордена Золотой Зари. Он созерцал видения, принимал наркотики и ставил сумасшедшие эксперименты; ответить на вопрос, до какой степени сам он верил в то, что делает, очень трудно. Один из его друзей стал буддийским монахом, но Кроули был чужд какой бы то ни было дисциплине...»

Уже одно это свидетельствует о том, как мало рецензент знает о жизни Кроули, большую часть которой тот провел в строжайшей дисциплине, осваивая одну за другой всевозможные мистические системы.

«Редакторы весьма снисходительны в своей оценке притязаний, высказанных в этой книге, однако я полагаю, что ровным счетом ничего в ней нельзя принимать на веру. В каком-то смысле "Исповедь" заслуживает того, чтобы стать настольной книгой для всех наших современников: мир объят хаосом до такой степени, что никакое безумство не покажется сейчас чрезмерным и не поддающимся освящению тем или иным авторитетом <...> Но самое удивительное в этой книге — то, что она вообще увидела свет. Кроули умер в 1947-м. Его слава сошла на нет еще раньше. Кого из американцев или англичан он может заинтересовать в наши дни? Но, скрепя сердце, я вынужден признать, что таких людей, по всей вероятности, найдется немало.

Алистер Кроули не был сверхчеловеком; он был вздорным занудой специфически английского склада — человеком,

который живет ради того, чтобы быть “джентльменом” (чего, разумеется, не станет делать ни один настоящий джентльмен). Он — апофеоз дилетантства. Его проза — сплошная напыщенность; его поэзия — сплошная суинберновщина. От его беспардонного хвастовства звенит в ушах, как от нытья попрошайки. Он — сноб, и, как всякого сноба, его терзает неуверенность в себе. <...> Этот необъятный том раз и навсегда ответит на вопрос о его месте в истории. Это острый кол в самое сердце Зверя 666. Но одному только Богу известно, какие чудовища явятся ему на смену». Вот таких литературных обозревателей подбирает «Нью-Йорк таймс»!

«Детройт фри пресс» справляется с этой задачей не намного лучше, хотя Бобби Мазер, тамошний рецензент, несколько более забавен, чем его многочисленные коллеги. «Кроули можно рассматривать по-разному: как искателя высшей истины или как дегенерата, погрязшего в самообмане; как человека, овладевшего могучими силами бессознательного, или как претенциозного дурака. Но всем его законом было “Твори свою волю”, и он сам, по крайней мере, применял на деле то, чему учил. Кем бы он ни был в действительности — последним Великим Магом или первым Великим Свингером, — он в любом случае остается интереснейшей личностью».

Примерно на том же уровне пишет Мелвин Мэддокс из «Кристиан сайенс монитор»: «Перед молодым Алистером открывалась более или менее прямая и обыденная дорога в жизнь. Он учился в Кембридже и был первостатейным эстетом: шелковые рубашки, свободные галстуки и так далее, обязательная в его положении книжица стихов... Но затем начались странности. <...> Кроули сильно смахивает на эдакого ходульного бунтовщика, мильтоновского Люцифера “для бедных”, особенно когда, набравшись храбрости, с пафосом изрекает: “Не понимаю, почему я должен ограничить себя одной-единственной жизнью”. Что ж, хотя бы раз в жизни ему удалось высказаться от лица всех и каждого!»

Обозреватель из «ЛАЙФа», по крайней мере, забавен по-настоящему: «На одной из множества занимательных картинок, украшающих “Исповедь” Святого Кроули, перед нами предстает нечто среднее между французским арестантом, добропорядочным английским сельским джентльменом и актером

студенческого театра, изображающим Пух-Баха из «Микадо»¹. И это лицо покорило Гималаи и ввергло женщин в пучину алкоголизма и самоубийственных страстей? И это лицо затесалось среди «людей, которых мы любим», на обложке битловского «Сержанта Пеппера»?!

Назад к Вольтеру, дети мои, пока не поздно!»

Это написал Ричард Фридмен — литературный критик, писатель и преподаватель английского в Симмонс-колледже. Надеюсь, он еще не раз порадует нас своими новыми сочинениями!

И на этом мой пространный постскрипtum к «Легенде об Алистере Кроули» подходит к концу. Всё указывает на то, что эта старая легенда жива и поныне, и остается только надеяться, что немногочисленные осмысленные комментарии и критические статьи все же пробили первую брешь в броне ослиной тупости, которую никак не желают сбросить с себя рецензенты — а вслед за ними и читающая публика.

Материалы, на которых основана эта книга, охватывают период без малого в восемьдесят лет. И все инсинуации, «обличения» и оскорбления восьмидесятилетней давности остаются в ходу и поныне. Выдержать их, не сломавшись, и хотя бы отчасти скрыть обиду и горечь за великолепным юмором Алистера Кроули помогли только исключительная сила духа, богатейший духовный опыт и осознание своей Миссии.

Я все еще не теряю надежды, что «Легенда об Алистере Кроули» и книги самого Кроули не останутся навсегда достоянием лишь горстки ценителей, но что «круги по воде» будут расходиться от них все шире и шире, пробуждая к новой жизни эпоху, которая, по всей очевидности, собралась погрузиться в долгий сон разума. В «Книге Закона» есть слова, которые сам Кроули так до конца и не понял: «Я — воин-Владыка Сороковых; Восьмидесятые склоняются предо мною в страхе и посрамлении».

Ну что ж, посмотрим!

Израэль Регарди,
Аризона

¹ «Пух-Бах, Верховный Владыка Всего Остального» — персонаж комической оперы А. Салливана и У.С. Гилберта «Микадо».

ПРИЛОЖЕНИЕ II

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ГАЗЕТНЫЕ СТАТЬИ АЛИСТЕРА КРОУЛИ, 1933 — 1935 ГГ.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ЛОРДУ БИВЕРБРУКУ

*Норманн Мадд и Алистер Кроули
достопочтенному лорду Бивербруку¹*

Милорд,

Я подаю вам эту апелляцию как пэру Англии, то есть правомочному защитнику публичной чести и достоинства, а также как владельцу «Сандей экспресс», дабы исправить весьма серьезный и непростительный ущерб, причиненный данной газетой общественной репутации, жизни и работе английского джентльмена и писателя, а также личной чести трех благородных женщин, поступившихся своими личными амбициями, дабы помочь ему в этой работе.

1. Дело заключается в следующем:

В ноябре 1922-го — марте 1923 года «Сандей экспресс» опубликовала серию сенсационных статей, в которых, прикрываясь соображениями общественного долга, претендовала на изложение правдивой и подлинной информации о жизни и работе Алистера Кроули, исследователя, драматурга, поэта, философа и художника.

Эти статьи представляли собой сплошную ложь.

Они были лживы от начала и до конца не только по духу (ибо скрывали от читателя истину во всех сколько-нибудь значимых отношениях), но также и по букве, если не считать

¹ Уильяму Максвеллу Эйткену (1879—1964), владельцу газеты «Сандей экспресс».

отдельных утверждений, тривиальных или безвредных самих по себе. Два из этих ложных заявлений настолько недоказуемы с точки зрения фактов и столь противны всем правилам приличий и честной игры, что в общественных интересах и ради чести и достоинства британской прессы они должны быть опровергнуты раз и навсегда.

2. В выпуске «Сандей экспресс» от 26 ноября 1922 года появился следующий материал:

*Сицилийские оргии Алистера Кроули
Женщины-жертвы*

Алистер Кроули держит там постоянно трех женщин для своих оргий. Всех их он вывез из Америки два-три года тому назад. Одна — гувернантка франко-американского происхождения, другая — бывшая школьная директриса, и еще одна — киноактриса из Лос-Анджелеса¹.

Всякий раз, как он начинает испытывать нужду в деньгах, и не может получить их от свежей жертвы, он посылает женщин на заработки на панель в Палермо или Неаполь.

Однажды Кроули уже отбывал срок в американской тюрьме за использование юных девушек в тех же целях.

Оба сделанных здесь заявления абсолютно лживы. Первое из них ложно и бессмысленно обвиняет женщин, чьи личности без труда поддаются установлению, в том, что они являются рабынями-проститутками.

Второе столь же ложно и бессмысленно обвиняет хорошо известного писателя в том, что он является осужденным уголовным преступником.

Вкупе эти два заявления демонстрируют, что некие неустановленные негодяи, пользующиеся средствами крупной газетной организации, могут — не юридически, но в реальной

¹ Речь идет о Нинетт Шамуэй, Лие Хирсиг и Джейн Вульф соответственно. Хирсиг в прошлом была не директором, а преподавательницей пения в Бронкской средней школе.

действительности — свободно организовать против любого человека, не пользующегося достаточной социальной защитой, беззастенчиво лживую и неприличную кампанию, которая, судя по ее последствиям, с моральной точки зрения неотличима от убийства.

3. Такое положение дел создает беспрецедентно серьезную угрозу жизни и деятельности любого гражданина, а также самым основам общественной морали.

Утверждение, что некто был заключен в тюрьму за владение белыми рабами, способно причинить репутации обвиняемого колоссальный ущерб.

Очевидно, если подобного рода утверждение является совершенно ложным, то оскорбление самого принципа справедливости в подобной ситуации носит практически беспрецедентный характер. Ложь, настолько грубую и пагубную, необходимо немедленно опровергнуть, открыто, в полной мере и как можно более публично. Отказ в абсолютном праве истины и справедливости на немедленную защиту в рассматриваемом деле должен, вне всяких сомнений, быть противен вашему чувству чести.

Мистер Кроули не только не отбывал срок в американской тюрьме за владение белыми рабами, но и никогда не обвинялся ни в одном преступлении ни одним судом ни одного государства.

Таким образом, заявление, сделанное в «Сандей экспресс», есть абсолютная ложь. Ваш издатель знает, что это ложь. И вы, милорд, теперь можете окончательно убедиться, что это ложь.

Я заявляю, что на вас как на владельца «Сандей экспресс» — одной из влиятельнейших сил в нашем газетном мире и в общественной жизни страны — возложена очевидная обязанность выяснить истинное положение дел в этом вопросе и приказать вашему издателю опубликовать информацию о нем таким образом, чтобы ущерб, нанесенный его грязной ложью, был исправлен.

4. Утверждение издателя о том, что мистер Кроули немедленно возбудил бы против газеты судебное преследование по делу о клевете, если бы приведенная информация не была целиком

и полностью истинной, представляет собой грубую и циничную попытку игнорировать очевидную невозможность для человека, находящегося за пределами страны, небогатого или целиком поглощенного творческой работой, предпринимать действия юридического характера против богатой и влиятельной корпорации. Для него судебный иск, будучи возможным с чисто формальной точки зрения, тем не менее, повлек бы за собой финансовый хаос и бессрочный паралич в работе. Более того, клевета, пусть даже совершенно безосновательная с точки зрения фактов, настолько вредоносна по умыслу и так бессовестно разжигает самые жестокие общественные страсти, что заранее лишает свою жертву нормальных средств для восстановления справедливости.

Писатель особенно уязвим перед сенсационными наветами средств массовой информации. Каждый редактор и издатель вынужден считаться не столько с правдой об авторе, не столько с уравновешенным мнением образованного читателя или просто человека, умудренного жизненным опытом, сколько со страстями и предрассудками масс. И если только писатель не достаточно богат, чтобы безотлагательно привлечь хулителя к суду перед лицом закона, абсолютная ложность газетной клеветы не помешает ей сразу же причинить ущерб не меньший, чем если бы она была полностью доказанной истиной. В мгновение ока ее жертва может перейти от достатка к бедности или же от бедности к абсолютной нищете. На весь начальный период, столь критичный в любом разбирательстве, она подорвет его средства к существованию, а за то время, что неизбежно пройдет, пока он сумеет добиться слушания, ложь уже благополучно сделает свое дело и причинит невосполнимый ущерб (не только лично писателю, но и такой безличной материи, как искусство и литература в целом), исцелить который не представится возможности никакими средствами.

Ложь вашего издателя уже причинила этот ущерб — и не только этот.

Во Франции, как вам, милорд, без сомнения, известно, каждое лицо, подвергнувшееся нападкам в прессе, имеет законное право ответить на оскорбления на страницах того же издания, что их опубликовало, и ответ его должен быть напечатан тем же самым шрифтом и на том же самом месте, что и первоначальная

атака. Этот закон примечательно справедлив и мудр. Благодаря ему во Франции был положен конец этой чуме анонимной клеветы, используемой либо как средство журналистского вымогательства, либо как инструмент выколачивания денег на сенсациях. И настоящее дело в полной мере показывает, как писатель, не имея возможности говорить в свою защиту, может быть выставлен издателем газеты на публичное поношение самого жестокого и убийственного рода.

5. В начале июля 1922 года, когда мистер Кроули еще жил в Лондоне и за много месяцев до развязывания клеветнической кампании, он подписал со своими издателями контракт на написание и публикацию своей автобиографии¹. Работа над ней началась в Лондоне и была в разгаре, когда в конце октября указанного года мистер Кроули оставил столицу и отправился на Сицилию. Две недели спустя «Сандей экспресс» развернула свою кампанию лжи, напечатав собственную версию биографии Кроули — то есть, уместив в колонку «полную историю жизни и деятельности этого нечестивого автора». На всем протяжении этих нападков и уже после них мистер Кроули упорно работал, написав книгу общим объемом в шестьсот тысяч слов в условиях исключительных трудностей и завершил первый набросок своей автобиографии к сентябрю 1923 года. Это поистине *magnit opus* мистера Кроули и одна из самых человеческих и просветительных из всех когда-либо написанных книг. Это то самое независимое утверждение положительной истины, которое Ньюман² с полным правом провозгласил единственно возможной и правильной защитой от вала безответственной анонимной клеветы. Это настоящее подтверждение невинности мистера Кроули — и подтверждение на все времена, — а также его защита от любых оскорблений его чести, будь то честь художника, патриота или человека.

Противозаконность ситуации, созданной непростительной ложью вашего издателя, наглядно демонстрирует тот факт, что

1 Контракт был заключен с издательством «Коллинз».

2 Джон Генри Ньюман (1801–1890) — английский кардинал, один из ведущих теологов католической церкви. В 1850 году Ньюман был признан виновным в клевете на итальянского священника-еретика Ахилли, высказанной им в цикле лекций «Положение католиков». Газета «Таймс» назвала это решение судебной ошибкой.

издатели мистера Кроули, при всей своей симпатии и доброй воле, в настоящее время не чувствуют себя способными продолжать публикацию его работ. Они заявляют, что книготорговцы и библиотеки как в Англии, так и за ее пределами будут бойкотировать издание с самого момента его выхода, если только разоблаченная здесь ложь не будет заблаговременно опровергнута раз и навсегда.

Вся эта ситуация иллюстрирует совершеннейшую необходимость введения у нас права публичного ответа, которое предоставляют законы Франции. Ни при каких иных условиях частное лицо не сможет применить для своей защиты ничего сопоставимого по степени публичности со средствами нападения.

Если же лжец тщательно выберет момент и если его не останвят нормы порядочности или правила честной игры, может даже случиться так (о чем свидетельствует настоящее дело), что жертва его лишится какого бы то ни было шанса сделать публичное заявление вообще или даже возможности дать общественности понять, что молчание ее носит отнюдь не добровольный, но вынужденный характер.

6. Когда выпуск «Сандей экспресс» от 26 ноября 1922 года достиг находившегося на Сицилии мистера Кроули, он незамедлительно написал вам лично. В своем письме он указал, что в настоящий момент находится в положении, материально уязвимом для атак из Лондона — пусть даже ложных. Он убеждал вас, что ввести игру в честные рамки (а это было вполне в вашей власти) — в ваших же собственных интересах не менее, чем в его, и просил о независимом расследовании предъявленных обвинений.

Письмо было направлено вам его издателями, но ни уведомления о доставке адресату, ни тем паче ответа ни они, ни лично Кроули до сих пор не получили. Вместо этого 25 февраля и 4 марта «Сандей экспресс» поместила гротескный и нелепый рассказ, «разоблачающий» его жизнь в Чефалу и сопровождавшийся оскорбительными подстрекательствами наполнить свой кошелек посредством судебного иска о клевете. Эту новую ложь частично воспроизвели на своих страницах многие итальянские газеты, хотя и не на самой Сицилии, и в конце апреля мистер Кроули был выдворен с итальянских территорий

и депортирован в Тунис, невзирая на петицию протеста против подобных действий властей, направленную синьору Муссолини и подписанную всеми выдающимися гражданами Чефалу. Никаких объяснений факту изгнания, равно как и никаких обвинений обнародовано не было, но ваш издатель, вне всяких сомнений, прав в своих утверждениях, что событие это стало прямым результатом его лжи¹.

В итоге мистер Кроули, страдавший в то время от затяжной и опасной болезни, оказался в состоянии крайней нищеты. Вследствие предписания покинуть пределы страны в течение семи дней он оказался оторван от семьи, а также от библиотеки и прочих инструментов своего ремесла, и был вынужден жить в Северной Африке на самые скудные средства, в то время как дело его жизни остановилось на неопределенный срок. Эффективно опровергнуть лживые наветы «Сандей Экспресс» в таких условиях стало для него менее возможно, чем когда-либо.

7. Обстоятельства привели к тому, что я взял на себя задачу разрешить то отчаянное положение, в которое внезапно оказались ввергнуты семья и домочадцы мистера Кроули, — задачу, к которой он, будучи без гроша в кармане и с подорванным здоровьем, не мог даже приступить. Таким образом, я из первых рук получил впечатления о той гнусной подлости, которую можно сотворить с людьми невинными и беззащитными посредством злоупотребления властью прессы, подобного тому, в котором повинен ваш редактор. И я решил отложить мою собственную научную работу, дабы лично явиться в Англию и потребовать полного возмещения ущерба, причиненного этой вопиющей несправедливостью. В июне этого года я обратился с письменным изложением обстоятельств дела к мистеру Джеймсу Дугласу, литературному редактору газеты «Сандей экспресс», который положил начало клеветнической кампании, напечатав под своим именем совершенно оскорбительную рецензию на роман мистера Кроули «Дневник наркомана». В его статье была дана в корне неверная интерпретация морального содержания этой книги, охарактеризованная в многочисленных рецензиях деятелей литературы, помещенных в весьма

¹ Имеются в виду клеветнические статьи о смерти Рауля Лавдея в Телемском аббатстве Кроули в Чефалу.

уважаемых изданиях, как подлинная оргия злословия и отъявленной лжи.

Копию этого изложения я предоставил редакционной коллегии «Сандей экспресс», указав при этом, что утверждение, будто мистер Кроули отбывал тюремное заключение (будь то в Америке или где бы то ни было еще, за указанное мистером Дугласом преступление или какое-либо иное правонарушение) представляет собой откровенную ложь, и попросив всего лишь о полном и открытом опровержении конкретно этой лжи.

В то же самое время я послал вам лично полное изложение обстоятельств указанного дела, подкрепленное документами, не только обосновывающими безосновательность клеветы вашего издателя, но и содержащими важные и неоспоримые факты о жизни и деятельности мистера Кроули, доказывающими, что кампания, развязанная газетой «Сандей экспресс» была лживой как по форме, так и по содержанию.

Я сделал все от меня зависящее, чтобы эти документы были представлены вашему вниманию. Но и в этом случае я не получил ни уведомления, ни ответа.

8. Столь упорное молчание, каковы бы ни были его причины, вынудило меня попытаться привлечь к рассматриваемому делу ваше внимание в таком, более публичном порядке.

Ваш редактор утверждает, что мистер Кроули отбывал срок в тюрьме за использование юных девушек в бесчестных целях.

Правда же заключается в том, что мистер Кроули никогда не обвинялся ни в каком преступлении никаким судом никакого государства мира.

Никакому честному человеку ни на мгновение не придет в голову, что для доказательства абсолютной лживости этого заявления может понадобиться судебный процесс. Приговоры по уголовным делам фиксируются публично и документально, и утверждения, подобные сделанному вашим редактором, нуждаются в неумолимо точных обоснованиях или опровержениях, как и любой другой аспект официально документируемой общественной жизни.

Именно этот очевидный факт, внятный любому читателю, делает данную ложь такой подлой. Любому читателю на уровне

инстинктов понятно, что никто не станет из безответственности или злого умысла обнародовать открытую и явную ложь касательно столь жизненно важного вопроса, который по самой своей природе без труда может быть прояснен полностью и окончательно. Любой читатель согласится, что никакой издатель не может быть столь преступно или самоубийственно беспринципным, чтобы публиковать в своей газете такую опасную и вредоносную клевету, не будучи при этом способным в любой момент доказать справедливость своих заявлений, уточнив время и место предполагаемого тюремного заключения и сославшись на официальные судебные документы. Следовательно, любой читатель не колеблясь придет к заключению, что подобное утверждение обвинительного характера, опубликованное намеренно и на страницах известной газеты, должно быть истинным.

9. Вы, милорд, как владелец «Сандей экспресс» можете потратить несколько минут на то, чтобы лично убедиться в очевидной истине: ваш редактор не в состоянии указать ни время, ни место предполагаемого отбывания мистером Кроули судебного приговора.

Вы можете принудить его к признанию, что он опубликовал эту вредоносную и немыслимую клевету, даже не попытавшись проверить ее либо не сумев этого сделать.

Вы можете убедиться, что у него нет и никогда не было ни единого доказательства в пользу его голословного утверждения.

10. Я ни на мгновение не сомневаюсь, что вы придадите этим фактам такое же этическое значение, как и любой другой честный человек; а именно, согласитесь, что ваш издатель проявил себя человеком крайне безответственным и беспринципным, лишенным какого бы то ни было уважения к истине, общественной морали и правилам честной игры.

Принимая во внимание обстоятельства, в которых оказался в настоящее время мистер Кроули, — обстоятельства, прекрасно известные вашему издателю, — эту бесчестную ложь следует признать совершенно убийственной, ибо ядовитая клевета может довести человека до гибели куда вернее и немилосерднее, чем самые смертельные яды.

11. Милорд, вам не удастся избежать самой суровой личной ответственности за это дело. Ваш издатель не мог бы, пользуясь только собственными частными средствами, организовать длительную клеветническую кампанию в прессе. Именно, и в особенности, ваши финансы стоят за мистером Дугласом, когда он насмешливо призывает мистера Кроули наполнить свои карманы за счет судебного процесса. Это ваш капитал, в самых разных смыслах этого слова, он использует для сбора анонимных сплетен, покупки клеветнических интервью и для предания своих измышлений гласности в буквально мировом масштабе. Вам не удастся избежать моральной ответственности за те бесчестные злоупотребления властью, которую именно вы и никто иной вложили в его руки. Если вы не могли предотвратить его позорную клевету, теперь, когда она поставлена вам на вид, вы обязаны исправить причиненный ущерб.

Вложив в руки беззащитных клеветников власть доводить невинных и не имеющих возможности защитить себя людей до нищеты и голода, вы — пэр королевства, один из избранных защитников его публичной чести и достоинства, представитель прославленных традиций английского рыцарства, — способствуете ниспровержению стандартов общественной этики и чести.

12. Ваш редактор — исключительно ради того, чтобы еще раз бросить грязью в мистера Кроули, — избрал из числа коллег последнего трех дам, достаточно благородных и бескорыстных, чтобы отказаться от собственной профессиональной карьеры ради помощи в его работе.

Эти дамы не являются британскими подданными, но ваш редактор охарактеризовал их личности в достаточно очевидной форме, так, что они могут быть узнаны в своих профессиональных, семейных и личных кругах. Ему хватило подлости обвинить их — без каких бы то ни было оснований — в занятии публичной проституцией в иностранных городах:

Всякий раз, как он начинает испытывать нужду в деньгах и не может получить их от свежей жертвы, он посылает женщин на заработки на панель в Палермо или Неаполь.

Однажды Кроули уже отбывал срок в американской тюрьме за использование юных девушек в тех же целях.

Последнее из этих утверждений — преднамеренная и доказуемая ложь, но она делает первое из них еще более грубым, вредоносным и непростительным.

13. Сначала опубликовав подобную ложь — и прекрасно осознавая при этом, что он не сможет доказать истинность своих утверждений, — а затем уйдя от ответственности за свои действия, ваш издатель проявил себя не только лжецом, но и трусом.

Это неприемлемое оскорбление английских общественных приличий — то, что подобная скотина, чувствуя себя безнаказанной из-за вашего богатства, имеет возможность поведать всему миру свои грязные измышления, порочащие личную честь благородных женщин.

Пэр Англии — соучастник в таком злостном и грязном преступлении?

Покорнейший слуга Вашей Светлости,

Норманн Мадд¹,
магистр искусств Кембриджского университета,
выпускник Тринити-колледжа;
впоследствии преподаватель прикладной математики
в Грей-Юниверсити-колледже (Южная Африка).

37а, Трессилиан-роуд,
Брокли, Лондон.
Август 1924 года.

¹ Норманн Мадд, познакомившийся с Кроули еще в 1910 году, стал в дальнейшем профессором в Грей-Юниверсити-колледже в Блумфонтейне, где исполнял обязанности заведующего кафедрой математики (1911—1912), а затем кафедрой чистой математики. В 1920-е годы он отказался от поста в Школе астрономии Южноафриканского университета и отправился к Кроули в Чезалу. В 1934 году он покончил с собой.

Я был чрезвычайно заинтригован недавними рассказами о явлениях некоего ужасного чудища футов тридцати длиной и с глазами, по отзывам очевидцев, «как автомобильные фары», якобы скрывающегося в глубинах Лох-Несса². Причиной моего интереса стал тот факт, что в течение какого-то времени в ходе своих магических изысканий я владел усадьбой Болескин и Абертарфф, расположенной на юго-восточном берегу Лох-Несса, на середине пути между Инверфаригайгом и Фойерсом³, и издавна пользующейся мрачной славой.

Я говорю о мрачной славе, потому что уже задолго до того, как я купил усадьбу, то было место, овеянное многочисленными легендами. Все они были крайне загадочного свойства.

Так люди верили, что по коридорам этого старого дома катается туда-сюда голова старого лорда Ловата, обезглавленного после «сорок пятого»⁴.

Была и другая легенда: некий безумец умертвил здесь свою мать, разбив ей голову о стену, и с тех пор она время от времени возвращается собирать свои мозги.

1 Статья была опубликована в «Эмпайр ньюс» 12 ноября 1933 года.

2 Кроули говорит о первых в наши дни случаях наблюдения Лох-Несского чудовища. В июле 1933 года мистер и миссис Джордж Спайсер выступили с заявлением, что видели, как существо высотой в четыре фута и длиной в двадцать пять пересекло дорогу прямо перед их автомобилем, направляясь в озеро.

3 Болескин и Абертарфф — формальное название прихода Болескин и Абертарфф (под которым здесь подразумевается шотландская деревня или группа деревень и селений). Термин «приход» первоначально был церковным обозначением, но с XVII века приходы в Шотландии превратились в гражданские административно-территориальные единицы, в рамках которых осуществляется налогообложение. Приход Болескин и Абертарфф был создан в 1845 году и упразднен в 1975-м. Усадьба Болескин и Абертарфф, или просто Болескин, как Кроули ее называл, была построена в конце XVIII века достопочтенным Арчибалдом Фрейзером (1736—1815). Кроули купил усадьбу в 1899 году.

4 Последнее якобитское восстание (1745 года), возглавленное Чарльзом Эдвардом Стюартом («Красавчиком принцем Чарли»), потерпело поражение в битве при Куллодене в 1746 году. Саймон Фрейзер, 11-й лорд Ловат (1677—1747) принимал участие в восстании и был обезглавлен на Башенном холме. Титулатура Фрейзера как якобитского пэра была упразднена (восстановлена в 1854 году уже в порядке пэрства Шотландии), однако его преемник, Томас Фрейзер, в 1837 году получил титул барона Ловата из Ловата в графстве Инвернесс, став пэром Соединенного Королевства.

Одного этого уже было бы вполне достаточно для дурной репутации, и то, что случилось там со мной, ни в коей мере ее не преуменьшило.

«Никогда не сдается»

Итак, вы поймете мой интерес к недавним событиям на озере Лох-Несс, окруженным столь невероятным количеством слухов.

Я обратил внимание, что чудовище видели некоторые вполне уважаемые люди, говорившие о нем исключительно в тоне благоговейного ужаса; некоторые из них предполагали, что это может быть чудом оставшееся в живых доисторическое животное, освобожденное из некоего убежища в недрах земли вследствие недавно проводившихся в окрестностях подрывных работ.

Другие считали, что это таинственная тварь из глубин моря, каким-то чудом проникшая в озеро и теперь не имеющая возможности выбраться.

Я не знаю. Мне известно лишь то, что живущие по его берегам люди всегда называли Лох-Несс «озером, которое никогда не сдает своих мертвецов».

Водолазы, погружавшиеся на двести футов в глубины озера, рассказывали о громадных полостях и кавернах на дне, в то время как промеры глубины лотом показали местами более семисот футов.

Об этом монстре у меня нет никаких достоверных сведений, но об усадьбе Болескин — предостаточно, равно как и о разных жутких событиях, происходивших во время моего пребывания там.

Еще на самом раннем этапе своих магических штудий я решил подыскать себе подходящее место, где мог бы спокойно подготовиться к «операции Священной Магии»¹.

Дом непременно должен был находиться в уединенном месте, а комната, в которой я намеревался устроить часовню, — выходить дверью на север.

¹ Имеется в виду методика, изложенная в «Книге Священной магии Абрамелина-мага».

Тайный учитель

За дверью снаружи я должен был соорудить террасу, покрытую чистым речным песком, а в конце ее — небольшое помещение, где могли бы собираться духи.

Все эти указания я получил от моего тайного учителя, принадлежащего к Ложе, в которой я получил посвящение¹.

В то время я был молод, обладал состоянием в сорок тысяч фунтов стерлингов и готовностью потратить все вплоть до последнего пенни на достижение своей цели. Впрочем, мне пришлось прочесать всю страну вдоль и поперек в поисках подходящего жилища, прежде чем я нашел Болескин, полностью удовлетворивший всем моим требованиям².

Великую операцию необходимо было начать на Пасху. Я отвел юго-западную часть длинного низкого строения под работу и разбил террасу с маленьким домиком для духов снаружи у дверей самой большой комнаты, в которой и устроил должным образом свою «часовню».

Это была большая деревянная конструкция, окаймленная зеркалами, которые я привез из своего лондонского храма.

Предполагаемая работа должна была занять у меня по меньшей мере шесть месяцев. Ввиду определенных опасностей, грозивших со стороны некоего соперничавшего со мной мага, я пригласил другого посвященного составить мне компанию³.

1 Речь идет о Герметическом ордене Золотой Зари. Под «тайным учителем», скорее всего, имеется в виду Сэмюэль Лиддел «Макгрегор» Мазерс, чьим переводом «Книги Абрамелина» пользовался Кроули.

2 Кроули купил Болескин у его прежней владелицы, Мэри Ройз Бердон, за сумму, в два раза превышавшую рыночную стоимость усадьбы.

3 Посвященным, которого Кроули пригласил составить ему компанию в Болескине, был Чарльз Рошер, его коллега по Ордену Золотой Зари и друг магического наставника Кроули, Алана Беннета. Рошер пробыл в усадьбе недолго и однажды утром отбыл на лодке в Инвернесс, ничего не сказав хозяину. В своей «Исповеди» Кроули не упоминает ни о каком «соперничающем маге», но замечает по поводу операции Абрамелина, что «... ввиду опасностей, возникших ранее при одном только намерении осуществить ее, было бы только благоразумно, если бы на месте проведения по возможности присутствовал другой посвященный». Весьма вероятно, что за написанием этой статьи для популярной газеты около тридцати трех лет спустя после указанных событий, Кроули обратился за сведениями к «Исповеди» и несколько подкорректировал события ради тематического единства. Дальнейшие упоминания о «соперничающем маге» в тексте статьи относятся, без сомнения, к Мазерсу, с которым Кроули рассорился лишь в 1904 году. Однако описываемые события происходили в 1899—1900 годах, когда Кроули был еще дружен с Мазерсом и почитал его как учителя.

Не пробыв там еще и месяца, он счел напряжение невыносимым. Одним прекрасным утром я вышел к завтраку и обнаружил, что он исчез.

Дворецкий удивился моей неосведомленности о том, что мой друг собирался уплыть на первой же утренней лодке. Я узнал, что еще на рассвете он спешно спустился к озеру и попросту испарился; прошли годы, прежде чем мы увиделись вновь.

Однажды я вернулся с прогулки по окрестным холмам и обнаружил у себя в кабинете священника. Он явился сообщить мне, что мой сторож, всегда строжайше воздерживавшийся от каких бы то ни было алкогольных напитков, беспробудно пьет уже три дня и пытался прикончить свою жену и детей.

Затем ко мне приехал погостить старый кембриджский приятель, но уже через несколько недель у него проявились симптомы паники и необычные страхи; он утверждал, что в этом месте чувствуется некое «присутствие», причем злой природы. Наконец он покинул меня, и я продолжил свое дело в одиночестве.

Я полностью посвятил себя задаче подготовки талисманов, представлявших собой квадратной формы пергаменты, надписанные китайской тушью; дабы облегчить себе труд, я занимался этим в самой солнечной комнате дома.

И все-таки даже в самый солнечный день мне приходилось пользоваться искусственным светом из-за зловещей тьмы, заполнявшей комнату. Эту тьму можно было почувствовать.

Казалось, сама моя зрительная способность страдает от некоего постороннего вмешательства. Тем не менее, я закончил работу над талисманами, а затем послал в Лондон к Вождям Второго ордена за некими документами, правом на которые наделило меня пройденное в Париже посвящение¹.

¹ Лондонские адепты Золотой Зари отказали Кроули в допуске во Второй орден «*Rosea Rubra et Aurea Crucis*» (Алой розы и Золотого Креста). Хотя сам Кроули писал это на зависть к его стремительному продвижению по степеням Внешнего ордена Золотой Зари, куда более вероятно, что у Второго ордена были определенные опасения относительно характера Кроули; также их заботили слухи о его сексуальной неразборчивости. Не желая смириться с поражением, Кроули отправился в Париж, где был посвящен во Второй орден лично Мазерсом. Лондонские адепты отказались признать это посвящение и выслать ему учебные материалы, на которые давала право его новая степень. В итоге это решение привело к расколу и закату Золотой Зари. Подробнее см.: Эллик

От них я получил отказ, вследствие чего мне пришлось предпринять специальное путешествие в Париж. Как раз в это время в Ордене вспыхнул бунт, и в результате мне пришлось отложить свою «операцию»: для ее продолжения мне теперь неминуемо предстояло ждать следующей Пасхи.

Поцелуй дирка

Какое-то время я путешествовал и взбирался на горы в Мексике в компании великого альпиниста Эккенштейна¹.

Наконец я вернулся в Болескин и обнаружил, что его дурная репутация невиданно укрепилась против обычного. Местные жители отказывались ходить мимо него с наступлением темноты.

И все же лично я всегда буду ощущать некоторую благодарность Болескину за то, что он подарил мне мою жену, хотя в последующие годы этот союз, принесший так много нам обоим, превратился в домашнюю трагедию.

Меня пригласили покинуть на некоторое время Болескин и погостить у друга. Именно там я и встретил Розу². Она была помолвлена с богатым американцем, которого совершенно не любила, а была вместо того влюблена в одного местного слюнтя.

Американец уезжал через несколько недель, и она призналась мне, что ненавидит самую мысль о свадьбе с ним, ибо влюблена в другого мужчину.

«Мы это немедленно исправим, — сказал я ей. — Выходите за меня, это сразу положит конец притязаниям американца, а вы сможете поселиться со своим возлюбленным».

Предложение само по себе было достаточно безумным, но Роза прямо-таки подпрыгнула при этой мысли. Мы отправились к адвокату в Дингуолл и заключили брак, просто объявив, что считаем друг друга мужем и женой.

Чтобы добавить столь прозаическому эпизоду романтики, я вытащил свой дирк и поцеловал его в знак клятвы.

Хоув, Маги Золотой Зари: Документальная история магического ордена. М.: Энигма, 2008.

1 Имеется в виду друг и наставник Кроули, английский альпинист немецкого происхождения Оскар Эккенштейн (1859–1921).

2 Речь идет о первой жене Кроули, Розе Эдит Келли (1874–1932).

Розу я при этом не целовал. Именно в это мгновение брат невесты¹ кинулся на нас с намерением немедленно прекратить это безумие, но тут Роза взяла все в свои руки и сообщила ему, что он может отправляться к дьяволу, а она уезжает со мной.

Не знаю, мое ли к ней безразличие или некоторая благодарность за вызволение из западни в итоге очистили ее сердце от пристрастия к прежнему возлюбленному, но факт остается фактом: Роза влюбилась в меня.

Более того, полет ее экстаза воспламенил любовь и во мне. Она была красивой и пленительной женщиной большого ума, и последовавший за этими событиями медовый месяц обернулся непрерывной летописью блаженства.

Мы поехали путешествовать. Приехав в Каир, мы отправились по окрестностям и провели ночь в царской камере Великой пирамиды, а затем отбыли вглубь страны на охоту.

Зловещие силы

Роза весьма интересовалась моей магической работой. По возвращении в Болескин я снова начал готовиться к великой «операции». Внезапно я узнал, что маг-соперник, о котором я уже говорил, собирается напасть на меня².

В то время я держал свору блаухандов, и ему удалось уничтожить их одного за другим. Никаких признаков болезни у них не было. Они просто умерли. Слуги тоже постоянно заболели, то с одними симптомами, то с другими. Необходимо было действовать.

Однажды утром мы услышали крики и ругательства со стороны кухни. Один из наших рабочих внезапно обезумел и напал на мою жену, совершавшую обычный утренний обход дома.

Мы скрутили его и заперли в чулане для угля до прибытия полиции.

Возможно, само озеро Лох-Несс страдает теми же феноменами, что и Болескин. Мне об этом ничего не известно. Однако я крайне заинтересован в результатах исследований по поводу существования чудища, ставшего причиной таких волнений.

¹ Друг Кроули, художник-портретист, а впоследствии президент Королевской Академии живописи, сэр Джеральд Фестус Келли (1879—1972).

² Речь идет о Мазерсе. События относятся к 1904 году.

ОНИ НАЗЫВАЛИ МЕНЯ РЕНЕГАТОМ!¹

ПРАВДА О ТАЙНОЙ ГЛАВЕ В ХРОНИКЕ

ВАРВАРСТВ ПОДВОДНЫХ ЛОДОК

Боттомли, этот великий патриот (а впоследствии осужденный за уголовное преступление)², во время войны выступил против меня с двухполосной атакой за мою деятельность в пользу Германии.

Он охарактеризовал меня как ренегата, негодяя, альпиниста, черного мага и дегенерата, а также наградил многими другими прозвищами.

Все это меня чрезвычайно позабавило, поскольку Боттомли, как и многие другие, не умеет читать между строк и не смог проникнуть в истинный смысл происходящего. Он не понял, что я, выступая, казалось бы, на стороне Германии, на самом деле работаю на Британию.

То, что я чувствую себя неотъемлемой частью этой Англии и, более того, крайним лоялистом, — неоспоримый факт. И именно в силу этой верности я не восторгаюсь и не одобряю огульно любые действия моей страны, а напротив без колебаний высказываю критику.

Но, будучи англичанином, я не придаю значения тому, права или неправа моя страна. Я — это не только философия, и когда разразилась война, моей единственной мыслью было: «Могу ли я хоть как-то, всем моим сердцем и всем моим разумом, послужить Британии?»

Отказ в Уайтхолле

С августа по октябрь 1914 года я всеми силами пытался заставить правительство пустить меня в дело — без малейшего успеха.

С одра разбившей меня в Париже болезни, страдая от флебита и не годный к жизни в окопах, я написал статью, горячо защищающую воинскую повинность. Далее я объявил, что все

1 Статья была опубликована в «Эмпайр ньюс» 17 декабря 1933 года.

2 Речь идет о Горацио Боттомли (1860–1933) — британском финансисте, журналисте, газетном магнате, политике, а также владельце журнала «Джон Буль», в 1922 году приговоренном к семи годам тюрьмы за финансовые махинации.

происходящее — не просто континентальная свара, но вопрос жизни и смерти для Британии¹.

Как только мне стало лучше, я кинулся в Англию, где повстречался со старым другом, почтенным Э.Б., братом Эрла К.²

«А как же я? — спросил я его. — Я специалист по шифрам, читаю и пишу по-французски не хуже, чем по-английски, и неплохо знаком с дюжиной других языков».

Он улыбнулся. «О тебе ходят слухи, будто ты совершил все возможные преступления — от убийства до взяточничества и поджога. Боюсь, с нами тебе делать нечего».

Итак, я отправился в Нью-Йорк с твердым намерением всемерно тупить германские штыки, пользуясь всякой подвернувшейся к тому возможностью.

В скором времени меня представили некоему Георгу Сильвестру Фиреку³, занимавшемуся германской пропагандой в Штатах.

Однако подлинным вождем, с которым мне предстояло работать, тайным руководителем германской пропаганды, был профессор Хьюго Мюнстерберг⁴, которого я тут же принялся умасливать посредством простейшего приема: непрерывно объясняя ему, как он восхитительно прав.

Я стал ярым сторонником Германии. Я читал их орган пропаганды «Фазерленд» и пришел к заключению, что дело их представлялось в печати с утонченным мастерством и логикой, странно контрастирующими со злобными и глупыми потугами наших собственных пропагандистов.

Отрезанный от мира

Довольно скоро я понял, что это подобающее государственным мужам здравомыслие — на особый лад, свойственный

1 Эта статья под названием «Насквозь» («Thorough») осталась неопубликованной. Кроули упоминает о ней в эссе «Последняя соломинка» (см. стр. 156).

2 Лорд «Энтони Боулинг», персонаж романа Кроули «Лунное дитя», прототипом которого послужил distinguished Фрэнсис Эверард Филдинг (1867–1936), кандидат в члены А. : А. : и брат графа Денбигского. Филдинг был барристером и сотрудником Управления цензуры, а во время войны работал на британскую разведку.

3 См. стр. 159.

4 Хьюго Мюнстерберг (1863–1916) — американский психолог немецкого происхождения, профессор, подвергавшийся в годы войны жесткой критике за поддержку Германии. См. стр. 159.

американцам в то время, — крайне опасно для британских интересов. Именно это и побудило меня к действиям, вызвавшим возмущение Боттомли, одного из величайших обманщиков, каких знал свет.

Но перейти к действиям означало на какое-то время пожертвовать деньгами, друзьями и честью. То была отвратительная работа, полная унижений и лишений. Я отрезал себя от всех и вся, кто хоть что-либо для меня значил, и вынужден был связаться с теми, самая внешность которых вызывала во мне омерзение.

Но мне сопутствовал успех. Я знал, что единственный доступный мне способ борьбы с влиянием германской пропаганды в Соединенных Штатах, — это полностью отождествиться с ней и, сделав ее отвратительной любому здравомыслящему существу, постепенно заставить умы американской публики воспротивиться ее вероломному очарованию.

Я стал писать статьи для «Фазерленда». Я так обработал мозги Фирека, что от относительно здравых нападок на Англию он перешел к совершенно нелепым эскападам и стал в итоге публиковать самый поверхностный бред, выходящий из-под моего пера.

Так, к примеру, после потопления «Лузитании» я сел и написал статью, доказывающую, что это судно было военным кораблем¹.

Я раскопал все старые грешки короля Леопольда Бельгийского².

Я украсил статую Гинденберга³ золотым нимбом — и в итоге пришлось ко двору у главарей немецкой банды.

Так мне удалось овладеть тайнами величайшей важности, которые я и передал в соответствующие инстанции.

1 В мае 1915 года британский пассажирский транспорт «Лузитания» был потоплен германской подводной лодкой. Из находившихся на борту 1959 пассажиров погибло 1198. Это преступление потрясло мир, а гибель ста двадцати восьми ни в чем не повинных американских гражданских лиц разгневала нейтральную Америку.

2 Подразумевается король Леопольд II (1835–1909), основатель и владелец Свободного Государства Конго. Король стал объектом порицания во всем мире за нарушение прав человека (прежде всего в области торговли каучуком и слоновой костью).

3 Имеется в виду немецкий фельдмаршал и государственный деятель Пауль Людвиг Ганс Антон фон Бенкендорф и фон Гинденберг (1847–1934).

Успех добавил мне амбициозности, и я написал забавный портрет кайзера (именовавшегося в нашей прессе в то время не иначе как «Кровавым Вилли») в образе Парсифаля¹.

Бедный старый Вильгельм, Ревнитель Христианства, со всей его мегаломанией и одинаковыми театральными солдатиками в униформе! Настоящая кинозвезда! Я изобразил его в духе фильма «Возвращение короля Артура»²!

Это было грубо. И все же мне представилась возможность продвинуть статью для публикации в Англии — и бедняга книготорговец, исполнявший обязанности агента при переговорах с газетой, сел на три месяца в тюрьму за это безрассудство³.

Величайшую скорбь мне причинял тот факт, что англичане приняли все это всерьез и не увидели фигу у меня за спиной.

Они не смогли понять, что я просто пытаюсь подорвать немецкую пропаганду, выставляя ее смехотворной и нелепой.

Истинная моя цель, однако, состояла в том, чтобы снискать расположение противоположной стороны и, обретя полнейшее ее доверие, предать ее планы Англии.

На этом основании я замыслил рискованную эскападу. Я сочинил Декларацию Независимости и приписал ее Ирландии.

После этого я пригласил молодую скрипачку, обладавшую некоторой толикой ирландской крови⁴, и еще четверых знакомых, которых мне удалось застать на пороге *delirium tremens*⁵; мы все сели на моторную лодку на заре 3 июля и отправились

1 Имеется в виду кайзер Вильгельм II (1859–1941), последний германский император и король Пруссии. См. стр. 167.

2 Кроули перефразирует здесь куда более красочное описание из «Последней соломинки»: «Бедный старый Вильгельм, Ревнитель Христианства, со всей его мегаломанией, мелодраматичностью, бестолковым лютеранским Gott [нем. «богом»], иссохшей рукой и словно сошедшей с экрана галактикой кинозвезд — одинаковых солдатиков в униформе! Это новый мессия! Что за прототип для “Возвращения короля Артура”!»

3 Английская публикация этой статьи неизвестна. В США статья увидела свет в американском журнале «Опен корт» (№29, 1915 год), который печатал материалы по религии, философии и науке и пользовался международным признанием, что придает достоверности упоминанию Кроули о британском книготорговце. Редактором «Опен корт» был немецкий ученый доктор Пауль Карус, которого Кроули считал пропагандистом Германии, работавшим заодно с Фиреком и Мюнстербергом.

4 Речь идет о Лейле Уоддел; см. примеч. 1 на стр. 300.

5 Термин обычно используется для обозначения симптомов алкогольной абстиненции.

к этой кошмарной статуе, которую американцы по наивности считают Свободой, озаряющей мир.

Тамяторжественно зачитал свою Декларацию Независимости и чрезвычайно кинематографическим жестом швырнул в залив старый конверт, сообщив, что там был мой британский паспорт. Разумеется, его там не было.

Далее мы подняли ирландский флаг, скрипачка сыграла «Я ношу зеленый», а команды интернированных немецких кораблей разразились такими приветствиями, что эхо прокатилось по всему Гудзону.

«Нью-Йорк таймс» посвятила нам три колонки; остальные газеты последовали ее примеру и тоже не поскупились.

Англия оцепенела от ужаса. Мой друг, достопочтенный Э.Б., прочитав опубликованные там сообщения, тут же написал мне с вопросом, что это все означает.

Я знал, что болтать он не станет, и написал ответ, объяснив в нем свои цели. Он, однако же, не мог уполномочить меня делать что бы то ни было, не посоветовавшись со своим начальством.

К этому времени, будь у меня должная помощь, я уже мог бы добыть у немцев важнейшую информацию.

Даже невзирая на это, я все равно мог время от времени поставлять ценные сведения.

Итак, я играл в одиночку против всех. Постепенно мне удалось заставить немцев поверить, что высокомерие и жестокость будут здоровой политикой, а вероломство — наилучшей из дипломатий.

Я защищал «неограниченную подводную войну». У власти в то время был фон Бернстофф¹, и когда он обнаружил, что его друзья осыпают меня похвалами, я умудрился склонить его к своей точке зрения.

Он отозвал свои протесты против безрассудной brutality и варварства, и так я исполнил одну из задач, которые поставил себе, когда впервые осознал опасность германской пропаганды.

1 Граф Иоганн Генрих фон Бернстофф (1862–1939) — германский посол в США, отозванный в 1917 году. Его считали умеренным политиком, не пользующимся доверием кайзера, однако, несмотря на это, после объявления Германией неограниченной подводной войны, ставшей жестоким ударом по морским торговым перевозкам США, его положение оказалось крайне незавидным. Политика неограниченной войны была введена первоначально в 1916 году, но затем отменена после протестов США.

Фон Бернстофф не был психологом. Зато я был. Я прекрасно понимал, что такое неприкрытое попрание всех человеческих законов станет той самой последней каплей, которая заставит Америку сбросить бремя нейтралитета.

Так оно и случилось. Америка объявила войну. Фон Бернстофф не сумел откалибровать мозги американцев. Он не сумел разглядеть тот простой факт, что Америка одолжила союзникам баснословные суммы денег и в случае победы Германии не получит попросту ничего.

В отличие от моей родной страны, американцы не замедлили воспользоваться моей помощью.

У Министерства юстиции сразу же объявилась куча дел. Они самым тщательным образом оценили Фирека и, сочтя, что интеллеktуал в тысячи раз опаснее какого-нибудь тупицы, просто взрывающего не имеющие стратегического значения мосты, оказали мне всю возможную помощь, которая была в их силах.

Они даже были мне благодарны (весьма меня тем удивив), и сведения о моих услугах по сию пору хранятся в их архивах.

Единственное, что ранило меня, — это появившиеся в британских газетах репортажи, обвинявшие меня в том, что я жирую на немецком золоте.

Могу сказать, что своими собственными делами я пренебрегал настолько, что лишь через некоторое время после войны смог навести в них некоторый порядок и раздобыть денег для возвращения в Англию.

Как уже, наверное, понятно, меня не волнует общественное мнение, по каковой причине различные нападки на себя я оставляю без внимания.

Но сейчас я заявляю публично и в печати, что, сколько бы меня ни бичевали, сколько бы ни плевали на меня, сердце мое взмывает высоко при мысли о том, что каждое его биение свидетельствует о слепой любви к моей стране. Англия — плоть от израненной плоти моей, кость от пронизанной болью кости, и тем я счастлив.

За это время я едва избежал голода и претерпел всевозможные унижения. Те, кто некогда были моими друзьями, теперь презирали меня, но мне было достаточно того, что я остался верен Англии.

И раз уж зашла речь об этом предмете, позвольте мне сказать еще вот о чем. Несколько лет назад против меня были предприняты яростные атаки в разных газетах. Обо мне рассказывали совершенно невероятные истории и даже заявляли, что я не дерзну вернуться в эту страну из страха немедленного ареста.

Я не обращал на них внимания, потому что давно уже привык к ним и не забочусь о том, что люди обо мне говорят.

Однако же, приехав в Англию, я счел для себя необходимым явиться в Скотленд-Ярд со словами: «Вот он я! Если у вас что-нибудь на меня есть, я готов ответить по любым обвинениям...».

Они только посмеялись. Насколько им было известно и, как я и предполагал, на меня у них ничего не было, и вот я остался и остаюсь по сию пору здесь, свободный и невредимый.

МОИ СТРАНСТВИЯ В ПОИСКАХ АБСОЛЮТА¹

Единственное стоящее приключение на свете — это приключение Великого Делания; все остальные — лишь интерлюдии в низменном фарсе Жизни и Смерти, кладущем предел всем чисто человеческим устремлениям.

Вышеизложенной малой посылке научила меня любимая проповедь моего отца². Он имел обыкновение читать ту главу из Книги Бытия, в которой цепочка праведников жила веками, порождала сыновей и дочерей и умирала. Смерть делает жизнь тщетной и бессмысленной.

* * *

Глухое отчаяние есть плодородная черная почва, на которой произрастает романтика. О себе я мог думать не иначе как только о герое.

А поскольку факты столь бесстрастны, придется мне добавить себе таинственности: не Белый Папа, а Черный; Парсифаль Грааля, а не Зигфрид Меча.

¹ Эта автобиографическая статья была опубликована в «Рефери» 10 марта 1935 года.

² Отец Кроули, Эдвард Кроули был проповедником секты плимутских братьев.

Но эти факты! От природы я склонен к математике и точным наукам; разум мой пропитан горечью скепсиса.

Покойный Джон Генри, кардинал Ньюман¹ мальчиком мечтал, чтобы «Сказки тысячи и одной ночи» оказались былью, и с трудом верил в кровь святого Януария². *Vox populi* для него воистину был *vox dei*³. В отличие от Его Преосвященства, я не сомневался, что «Тысяча и одна ночь» была чистой правдой. Я верил, что философская основа сказок истинна: поскольку все на свете — иллюзия, человек, вооруженный достаточными знаниями, волей и воображением, может так организовать имеющиеся в его распоряжении материалы, чтобы создать из них любую картину по своему вкусу.

* * *

Короче, вы утверждаете, что сказки — ложь? Я сделаю их былью! Так на волне избытка жизненных сил, свойственного отрочеству, я намеренно сделал из себя романтического героя.

Я брал с собой сенбернара, когда ездил в горы⁴, или бульдога, когда был Молодым Повесой. Я стал тайным агентом якобитов и сражался за реставрацию Дона Карлоса на испанском престоле⁵. Я был вождем шотландских горцев по праву сомнительной прапрабабушки⁶.

Что за нелепый бред!

1 См. примеч. 2 к стр. 241.

2 Имеется в виду одна из святынь католической церкви — сосуды со свернувшейся кровью претерпевшего мученическую кончину епископа Януария, трижды в год чудесным образом становящейся снова жидкой.

3 Лат. «глас народа» и «глас божий».

4 В 1894 году Кроули занялся скалолазанием и поставил несколько рекордов на морских утесах в Британии, а также в швейцарских и австрийских Альпах.

5 31 декабря 1896 года, будучи в Стокгольме, Кроули был посвящен в Военный Орден Храма, поддерживающий Дона Карлоса, претендента на испанский престол. Там Кроули получил также свое карлистское рыцарство, вызывающее многочисленные споры; кроме этого, его посвятитель приобщил его к однополую любви.

6 В период так называемого «кельтского возрождения» поддержка шотландских якобитских претензий на британскую корону пережила краткий, но выразительный всплеск в качестве позиции противодействия истеблишменту. Происхождение упомянутой прапрабабушки исследователям проследить не удалось, но теоретически она могла происходить из семейства Грантов, награжденного англичанами титулом вождя клана Макгрегоров за предательство шотландских якобитов при Куллодене.

Нет; мне уже под шестьдесят, но я утверждаю с полной ответственностью: это был вовсе не бред.

Увы, моя лошадь-качалка сбросила меня, и я оказался в старой грязной канаве смертности.

* * *

Это случилось в начале моего третьего курса в Кембридже¹.

Я заболел чем-то совершенно пустячным, но пришлось удалить зуб. Врач сэкономил на закиси азота, и из наркоза я вернулся во вселенную, в которой не было ничего, кроме Абсолютной Боли.

Думаю, этот опыт окончательно поколебал мои привычные представления о реальности.

Черная магия

Я понял, что на плане земном все усилия тщетны. Необходимо было отыскать нетленный материал, на котором я смог бы основать свою работу.

Я устремился на поиски «незримого мира». В таких делах хорошо помогает привычка к науке. Наука — полная противоположность материализму, что окончательно и бесповоротно продемонстрировал Хаксли.

Феномены (что означает «вещи явленные») сами по себе ничто; они — лишь гипотетические причины перемен в поведении наших инструментов.

Более того, весь ход исследований последнего столетия был направлен на символическое и даже мистическое разрешение «незыблемых фактов Природы».

Герц, Рентген и Кюри обратили всю науку в конструктор для подающих надежды математиков².

Так что мне совсем не составило труда предположить существование различных неизвестных форм энергии, способных

¹ Кроули поступил в Кембридж в октябре 1895 года.

² Каждый из этих ученых работал с «незримыми силами». Генрих Рудольф Герц (1857–1894) — немецкий физик, занимавшийся электромагнитной радиацией. Другой немецкий физик, Вильгельм Конрад Рентген (1845–1923), открыл рентгеновское излучение. Французский физик Пьер Кюри (1859–1906) более всего известен своими исследованиями радиоактивности совместно с женой, Мари Кюри (1876–1934), с которой они получили Нобелевскую премию.

вытворять с «материей» такое, о чем авторы «Тысячи и одной ночи» не могли бы даже помыслить.

* * *

Круг моего чтения и тогда уже был широк, и вскоре я обнаружил, что пасусь на традиционном жнивье античности. Я занялся изучением «черной магии» и алхимии.

Первая меня не заинтересовала. Слухи о ее «порочности» оказались полным бредом.

(Классическая «черная магия» не имеет ничего общего с сатанизмом и еще того менее — с ведовством. О традиции черной мессы в то время я еще ничего не знал; этому явлению следует отвести должное по хронологии место.)

Ритуалы гримуаров суть молитвы, подкрепленные определенными формальностями.

Обращаются они к библейскому Иегове, и иногда — к Иисусу, но лишь в отдельные моменты.

* * *

«Черная магия» гримуаров чаще всего — фальшивка, смесь учености и невежества, во многих случаях крайне незрелая. Однако по сути своей она — сплошное благочестие, хотя и благочестие непросвещенное.

И в ней нет ничего, что смогло бы причинить вред даже самой трепетной из дев или возмутить даже самого безупречно-го из архидьяконов.

* * *

Другое дело — алхимия. Это мать современной химии. Ее знатоки были самыми образованными людьми своего времени, как то явствует из их ожесточенных диспутов. Они творили такое, что нам и сегодня не под силу воспроизвести.

Знаю я одного современного химика, который по их методам «закрепил ртуть» — то есть получил химически чистую ртуть, остававшуюся твердой при нормальной температуре английского воздуха.

Я верю, что они умели делать золото. Не могу представить себе, чтобы короли годами содержали алхимиков в роскоши, если бы их труды не приносили каких-то весьма осязаемых результатов.

Но язык их крайне труден для понимания. До сих пор никто так и не понял, что в действительности интересовало каждого отдельно взятого автора: материальная химия, трансцендентальная химия или же возвышенные духовные практики.

* * *

Я читал и ничего не понимал. И все же чтение мое не было тщетным.

Летом 1898 года я оказался с компанией повес в *bier-halle*¹ где-то в Церматте. Я решил покрасоваться и принялся излагать законы алхимии.

И вот один² из состава нашего симпозиума пошел со мной обратно в отель, признавшись по дороге, что он опытный алхимик!

И по сию пору при воспоминании об этом меня охватывает горький стыд. И все же то, как взвился он в ответ на мое идиотическое фатовство, стало ответом Учителей на искреннее отчаяние моей души!

Я кинулся искать его на следующее утро; оказалось он уже покинул долину. Я, как безумный, метался по округе; я отыскал поезд; я разослал телеграммы по всей округе и все-таки настиг его.

Тайный Орден

Это происшествие привело к моему посвящению в Тайный Орден, занимающий важное место в моей карьере только потому, что он вооружил меня инструментарием магического алфавита, на основе которого я смог построить универсальный язык, понятный как китайским даосам, так и суфиям сиди исавийи³; и потому, что он наставил меня в азах истинной «белой магии»; но, самое главное, — потому, что в этом Ордене я познакомился с Аланом Беннетом.

Мы звали его «Белым Рыцарем» из «Алисы в Зазеркалье». Он был такой милый, такой безвредный, такой непрактичный!

1 «Пивная» (нем.).

2 Имеется в виду Джулиан Л. Бейкер, состоявший в ордене Золотой Зари под девизом «Causa Scientiae» и занимавшийся аналитической химией.

3 Сиди исавийя (букв. «прыгающие праведники») — мусульманское религиозно-магическое братство, основанное мистиком Абу Абдаллахом Мухаммадом ибн Исой (1465 — 1523 или 1526).

Но он был Рыцарем! И Белым — никогда по земле не ходило человека белее. Да и по земле-то он не ходил!

* * *

То был человек науки, самый многообещающий ученик Бернарда Дайера¹, но ужасающе слабое здоровье не давало ему исполнять никакую работу, и он был отчаянно беден.

Я раздобыл ему комнату рядом со своей квартирой на Ченсери-лейн и принялся выуживать у него ценные идеи.

Ибо он был известен всему Лондону как единственный маг, способный делать действительно выдающиеся вещи.

Была, к примеру, одна вечеринка у Сидни Колвина², который коллекционировал необычных людей. Разговор зашел о «громовом жезле» магов, или «люстре», как его еще называют, и кто-то имел неосторожность громко посмеяться на этот счет.

Алан вытащил из кармана свой жезл (действительно деталь люстры) и наставил его на неверующего. Пятнадцать часов спустя врачи наконец сумели привести последнего в чувство.

* * *

Таковы простые факты. Терпеть не могу «сочинять сказки»; мой яростно скептический и почти пуритански научный разум возражает даже против «художественного изображения» явлений. Так что я не стану этого делать.

Не буду я и мучить своих читателей — и оскорблять свою собственную научную мысль — гипотезами по поводу подобных происшествий. Прежде чем ударяться в гипотезы, нужно накопить гораздо больше фактов, хорошо подтвержденных, хорошо зафиксированных и хорошо классифицированных.

Итак, я приступил к изучению и практике магии под руководством Алана Беннета и при частом участии еще одного члена Ордена³.

Судя по всему, у меня есть природный дар заставлять вещи слушаться. Мы получили множество результатов, хотя, должен

1 Бернард Дайер — аналитический химик-консультант, в чьей лаборатории работал Беннет.

2 Сэр Сидни Колвин (1845—1927) — английский писатель.

3 Имеется в виду Джордж Сесил Джонс.

признать, по большей части они были совсем не такими, как мы рассчитывали.

Мне представляется (тогда это впечатление было довольно смутным, но сейчас утвердилось со всей определенностью), что отправление ритуалов с соответствующими цветами, огнями, благовониями, завываниями, мистическими перемещениями, жестами, стуками и прочими церемониальными действиями и аксессуарами тем или иным образом высвобождает некую неизвестную форму энергии, воздействующую на мир наших чувств и даже на неодушевленные предметы.

Так, люди, проходившие по лестнице мимо нашей квартиры, постоянно испытывали недомогание или даже падали в судорогах.

Как-то раз вся утварь в нашем тщательно запертом храме оказалась разбросанной по всей комнате. И мы определенно видели фигуры, пытающиеся обрести форму в густых облаках дыма от благовоний.

Имела также место и весьма конкретная битва с черным магом, который умудрился подослать мне вампира¹.

Все эти феномены представляются мне всего лишь побочными следствиями утечки той неизвестной, но крайне тонкой и могущественной энергии, что высвобождается при магических операциях. Короче говоря, это результаты мальчишеских ошибок.

Белое Искусство

Но были у нас и кое-какие успехи. В основном они касались замечательно эффективных талисманов, которые прекрасно делали свое дело — именно то, для которого и предназначались.

И с течением времени опыт научил меня, как со всем этим управляться.

Однако Алан — и это казалось мне ужасно странным — по мере обретения мастерства в Белом Искусстве скорее терял к нему интерес, нежели входил во вкус. Меня это откровенно тревожило.

С еще большей откровенностью я так ему об этом и сказал. И уже с совершенно невероятной откровенностью он объяснил мне, почему.

¹ См. стр. 275 и далее.

Он доверил мне свою тайну, не известную никому из его лондонских друзей.

Магия на самом деле вовсе его не интересовала; он считал, что этот путь никуда не ведет.

Единственным же, что его интересовало, была йога.

* * *

Здесь требуется отступление. Я уже упоминал, довольно-таки между делом, что вступил в некий Орден. Но этот Орден ни в малейшей степени не был — по крайней мере, в своих внешних проявлениях — тем, о котором я мечтал.

Первым моим учебником по мистицизму стало «Облако над святилищем» советника фон Эккартсхаузена¹. Он писал о некоем «сообществе» (члены которого, впрочем, никогда между собою не общались) мужчин и женщин, обладающих духовным знанием и тайными силами, превосходящими все наши представления о человеческом.

Все они принесли клятву использовать свои достижения на благо человечества.

Таковы были и мои собственные притязания, и я готов был заплатить означенную цену. Мои первые посвящения уже очистили меня от эгоистического отчаяния, вызываемого мыслью о тщетности всего сущего. Теперь моего так тщательно освященного для жертвы козла оскверняла идея бессмысленности всего эволюционного процесса!

Я понимал, что методы этих адептов были по своей природе магическими, но способ их саморазвития носил мистический характер. Иными словами, то был европейский аналог последователей йоги.

* * *

На этом этапе йога вызывала у меня глубочайшее отвращение. Молоко для Младенцев или даже «Гиннес» для Силы, которого я алкал, невозможно было заменить чушесофским вздором².

¹ Имеется в виду немецкий писатель Карл фон Эккартсхаузен (1752–1803), чья книга «Облако над святилищем» (1802, англ. пер. 1896) оказала большое влияние на формирование идеи Великого Белого Братства в работах Кроули.

² Чушесофы (toshosophists) — в работах Кроули насмешливое именованное теософов.

Мне вовсе не улыбалось болтаться на крюке, как говяжий филей¹; разуму же моему не хватало механистичности, чтобы заделаться ревностным приверженцем Джаганнатха. (Если вы произнесете это как «Джаггернаут», я закричу, ей-богу!²)

Итак, признание Алана в тайном пристрастии к йоге, живо спустило его акции вниз по шкале воздушного термометра куда-то в окрестности абсолютного нуля.

И все же слова его меня взволновали.

Я вынужден оговорить, что Алан страдал от одного совершенно ужасного в нашем деле изъяна: он был не в состоянии визуализировать. Если он смотрел на картинку со зданием или даже простым геометрическим узором, а потом закрывал глаза, у него в памяти не оставалось никакого ее отпечатка.

Так что если ему все же случалось что-нибудь увидеть, то можно было не сомневаться, что это существует в действительности, хотя впечатления его о том, что же именно он увидел, могли оказаться совершенно ложными. Вышесказанное имеет особое значение ввиду самого первого его опыта в этой области.

* * *

В возрасте лет восьми или около того ему сказали, что Дьявол непременно появится перед тем, кто прочитает «Отче наш» задом наперед. Обладая скептическим и практическим умом человека, рожденного при восходящем Скорпионе, он немедленно заявил: «Так это же совсем просто! Я это сделаю!»

И он действительно сделал. В результате он увидел нечто и с криками кинулся к матери. Однако пережитый опыт, скорее всего, убедил его в существовании иных миров, помимо доступного нашим чувствам.

В восемнадцать лет с ним произошел случай, надо думать, уникальный в своем роде. Он определил всю его дальнейшую жизнь.

1 Подразумевается индийский обычай, принятый в культе богини Кали, согласно которому человек, страдающий от тяжелой болезни или других несчастий, добровольно давал себя подвесить и раскачивать на крюке, чтобы умилостивить гневную богиню.

2 Английское слово «Джаггернаут» — искажение санскритского эпитета Кришны «Джаганнатх» («Властелин мира»).

Две наиболее важных ступени йогической практики называются *атмадаршана*¹ и *шивадаршина*². На первой из них вся Вселенная постигается как однородное единство, очищается ото всех ограничений и категоризаций (таких, как способность отдельных ее элементов воздействовать на чувства или иные инструменты восприятия, а также ее обусловленность пространством, временем и причинно-следственными связями) и соединяется с чистым Сознанием йогина, точно так же освобожденным от каких бы то ни было ограничений, в едином высшем Акте. И результатом этого — несмотря на то, что не остается более ни субъекта, ни объекта, — становится некое *позитивное* состояние.

На второй же ступени уничтожается и это состояние.

* * *

В восемнадцать лет Алан Беннет без какой либо практики и подготовки спонтанно вошел в *шивадаршану*!

Разумеется, его тут же выбросило обратно. Даже на человека, подготовленного многими годами суровой практики, это состояние подчас производит абсолютно сокрушительный эффект. Просто чудо, что Алан остался в живых и сохранил разум.

Но он действительно сохранил его, как и достаточно ясную память об этом событии, чтобы поклясться себе: «Это единственная стоящая вещь на свете; и я не стану заниматься в жизни ничем другим, кроме как поисками пути возвращения туда».

Мог ли я думать, когда Алан рассказал мне обо всем этом, что через пару лет и сам начну это головокружительное восхождение?!

1 Санскритский термин, объединяющий корни «атман» («самость, индивидуальная реальность») и «даршана» («видеть что-либо»; «постижение, видение»). Кроули классифицирует эту стадию как «первое подлинное самадхи» и пишет: «В атмадаршане Все предстает как Единое: это Вселенная, освобожденная от всяких ограничений. Уничтожаются не только все идеи и формы, но и понятия, имплицитно заложенные в самих идеях этих идей. Каждая часть Вселенной стала целым, и феномены более не противопоставляются ноуменам» («Книга Четыре», часть I, глава 7).

2 Санскритский термин, объединяющий корни «шива» (букв. «хороший» или «благоприятный», а также имя индуистского бога разрушения) и «даршана» («видеть что-либо»; «постижение, видение»). В «Книге Четыре» Кроули характеризует это состояние как самадхи гораздо более высокого порядка.

Нижеследующие откровения о происходящем во храме черной магии, расположенном в самом сердце Лондона, проистекают от исследователя, обладающего международной репутацией, и заслуживают полного доверия. Это бесстрашное разоблачение одного из очагов тайного зла, скрывающегося сегодня среди нас.

Черная магия в Англии?

Кто-то непременно станет потешаться над этой идеей и спишет ее на бред безумца.

И все же я с полной ответственностью утверждаю, что черная магия — одно из величайших зол, существующих сегодня среди нас.

Всего в нескольких сотнях ярдов от Пикадилли скрывается храм черной магии, и по всей стране разбросано множество других — тайных, ревностно охраняемых, со своими верховными жрецами и жрицами.

Я намерен разоблачить ужасающие последствия любительского увлечения черной магией, будь она реальной практикой или сплошным мошенничеством; ибо и в черной магии есть шарлатаны, как есть они в спиритуализме.

Независимо от того, настоящий ли это черный маг или фальшивый, опасность безмерна, ибо апеллирует он к пресыщенным удовольствиям невротикам современного общества, готовым на все ради новых сенсаций.

Контролируемая истерия

Существуют Храмы и Ложи, где по велению «мастеров», чьи личности окутаны глубочайшей тайной, проводятся ритуалы и церемонии черной магии.

Посвященный обязан подчиниться строжайшей дисциплине и пройти подготовку, «дабы преодолеть свои слабости».

Ученика побуждают потворствовать всевозможным проявлениям истерии, дабы он мог полностью победить свои чувства.

Говорят, что это дает им полную власть над собою, а также помогает развить магические силы.

¹ Эта статья была опубликована в «Эмпайр ньюс сандей эдишн» от 3 сентября 1933 года.

Иногда разум посвященного рушится под натиском ужасов происходящего, ибо, как вы сами увидите в дальнейшем, церемонии эти не могут не производить колоссального воздействия на рассудок.

Черный маг жаждет истерии. Но он хочет, чтобы она была контролируемой. Ему нужна истерия, повинующаяся плети страха, ибо посвященные убеждены, что, если они не будут исполнять в точности все предъявляемые требования, результатом могут стать безумие и даже смерть.

Как и наркотики, черная магия по природе своей вероломна, но куда более опасна. Она овладевает чувствами, возбуждает воображение и подавляет все моральные инстинкты.

Она превращается в простое вожделение к силам, которые призвана пробуждать, и я намерен показать это на примере практик, имеющих место в храме, о котором уже шла речь.

Храм

В двухстах пятидесяти ярдах от Пикадилли-серкус есть простая, неприметная дверь, ведущая в небольшой дом.

По лестнице вы поднимаетесь в квартиру, где вас встречает прекрасный образчик мулатского подвида женщины. Девушка, прекрасная в своем особом роде, привлекательная — и соблазнительная. На превосходном английском она обращается к вам так, словно вы с ней давно знакомы. Дальнейшее происходит без затруднений.

Вы просто проходите через дверь в следующее помещение, где три комнаты объединены в одну и обставлены как настоящий храм черной магии.

Стены затянуты темной тканью, разукрашенной различными рисунками. Есть среди них и человеческие фигуры, но большинство изображений носят чисто символический характер. Причудливые мистические знаки, в которых человек сведущий распознает сигилы или сигнатуры «демонов».

Низкий диван окаймляет комнату с трех сторон, оставляя юг свободным. Там стоит алтарь, на котором находится лоснящийся западноафриканский идол футов четырех в высоту, омерзительно безобразный и демонический обликом.

Он вырезан из мореного дерева и отполирован постоянными касаниями человеческих рук и тел в процессе поклонения.

На вид он злобен и в мгновение ока способен оказать могущественное влияние на тех, кто погружается в черную магию в первый раз или ничего не знает о магии как таковой.

Могущественные травы

Вокруг идола и на алтаре находится множество предметов, используемых обычно знахарями.

Крокодиловы зубы, верблюжий мочевой пузырь, бивни гиппопотама и тонкие полосы его же шкуры, все это причудливо расписанное.

Перед алтарем — два или три боевых барабана, которые издают, если тереть их определенным образом, вибрирующий, рокочущий звук, особым образом возбуждающий чувства.

На алтаре перед идолом помещаются калабасы из тыквы-горлянки, в которых плавают в масле или растопленном сале фитили, горящие зеленым пламенем и источающие самый отвратительный запах.

Пламя коптит и отбрасывает на стены причудливые тени, из которых складываются разные фигуры. Повсюду расставлены вазы и блюдца, в которых верующие жгут благовонные палочки.

На полу стоит большая раскрашенная корзина, где лежат травы, обладающие некими таинственными свойствами, предназначенные как для сжигания, так и в пищу — их кладут в некую похлебку, которую варит со святотатственными песнопениями верховный жрец.

Травы эти оказывают разное воздействие. Одни усыпляют, другие стимулируют; некоторые вызывают чувственный экстаз, близкий к безумию.

Вот в таком окружении верующие и отправляют свои ритуалы и церемонии.

Рев боевых барабанов, запах курений, сладострастные движения исполняющего обряд жреца, бормотание нечестивых заклинаний — все это способствует утрате посвященным самого или самой себя, ибо женщин там не меньше, нежели мужчин.

Иллюзии

Чувственные движения танца постепенно приводят участников ритуала в состояние так называемой «демонической»

одержимости. Ритмичные, гипнотические, они ввергают ум в пучину иллюзий, освобождая сознание от контроля.

И кто же эти люди, что ходят туда? Чаще всего — те, кто пресытился всеми прочими ощущениями, так что лишь фантастическое еще способно их возбуждать.

Есть и другие, чьи намерения еще более ужасны. Они жаждут обрести магические силы, с помощью которых смогут добывать деньги. Они хотят заручиться покровительством этого «дьявольского идола», чтобы отомстить своим врагам.

Они бросаются исполнять обряды с яростной энергией и верят, что их истерия есть результат одержимости «демоническим идолом», которому они поклоняются.

Они идут туда, чтобы достичь этой одержимости и насладиться властью, которую, согласно своим верованиям, обретают.

Женщины отдаются идолу. Они ложатся на алтарь и погружаются в иллюзии.

Бичевания

Другие принимают травы, делающие их нечувствительными к боли, а затем их безжалостно бичуют тонкими полосами гиппопотамовой кожи, взятыми с алтаря. Они воображают, будто магические силы, обретенные ими благодаря преданности Владыке, позволяют им не чувствовать ничего, кроме волнения от самого факта избияния.

Третьи режут и ранят себя ножами, посвященными идолу, а затем с богохульными заклинаниями трутся своими истекающими кровью телами о мерцающий в полумраке образ.

Время от времени они проводят церемонии в полном ритуальном облачении: жрец предстает в магических одеждах, его разнообразные помощники наряжаются сходным образом. В этих случаях храм бывает полон так, что яблоку негде упасть.

Это может быть посвящение какой-нибудь юной девушки, поддавшейся на уговоры кого-нибудь из мужчин-посвященных, в каковом случае с нее сорвут посвячительные одеяния на глазах у всех присутствующих, положат на алтарь, умастят мерзко пахнущими зельями и преподнесут идолу.

Наилучшее время для этого — лунное или солнечное затмение либо убывающая луна. Молодая луна больше годится для

начала магический операций, а ущербная — для их завершения, и это верно не только для Черной, но и для Белой Магии.

Ужасные заблуждения

У жреца есть пара помощников, производящих на нормального человека совершенно отталкивающее впечатление. Они кажутся бескровными и лишенными всего человеческого. Они так долго воспринимали материальные объекты лишь как символы, что чувство реальности окончательно их покинуло.

Главная цель церемонии — заставить присутствующих поверить в то, что идол обретает жизнь, и они **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** в это верят.

Они верят, что их обряды, заклинания и эвокации сообщают ему настоящую жизнь, и безумие истерии, в которую они себя загоняют, или, скорее в которую исподволь вводит их Черный Маг, таково, что впоследствии они станут рассказывать, как обрели могущество и его милости благодаря слиянию со зловердным идолом на алтаре.

А Черный Маг всемерно поощряет эти иллюзии. Он следит за тем, чтобы никто из верующих не впал в отчаяние. Он бдит и готов удовлетворить все порочные устремления, чтобы сохранить власть над своими учениками.

Отдаваясь в его власть, они верят — по его указке, — что победили свои слабости и преодолели препятствия, преграждающие им путь к обретению магических сил¹.

1 Кроули завершил эту статью такими словами: «В следующей статье я намерен разоблачить методы, используемые “Мастерами” для вербовки новых жертв». См. статьи «Я убил их» и «Нелепые обвинения» в настоящем издании (стр. 275 и 282). Хотя Кроули старался подать эту статью как автобиографическую и исследовательскую, все в ней описанное почти наверняка является вымыслом. В бумагах и дневниках Кроули нет никаких данных, подтверждающих эти события, да и подан материал в довольно «творческом» стиле. Обстановка храма вполне могла быть списана с «черного» святилища, которое Кроули устроил в молодые годы у себя в квартире на Ченсерилейн. Он описывал его как «просто шкаф, в котором помещался алтарь, поддерживаемый изваянием негра, стоящего на руках. Правящим гением этого места был человеческий скелет, которого я время от времени кормил кровью, мелкими птичками и тому подобным. Идея заключалась в том, чтобы дать ему жизнь, но все, чего мне удалось добиться, — это чтобы кости покрылись гадкой слизью» («Исповедь»). Следует отметить, что во время написания данной статьи Кроули активно пропагандировал себя как «белого мага» — после серии обвинений в «черной магии». Эта статья, скорее всего, была частью его стратегии, направленной на восстановление собственной репутации. Годом ранее Кроули подавал иск против своей бывшей ученицы, Нины Хэмнетт, за клеветнические, по его словам, предположения о связи его,

Я пишу эти строки, заранее представляя себе улыбку неведения, которую мой рассказ может вызвать у тех, кто смеется над черной магией и рассматривает вампиров как отсталый пред-рассудок Средних Веков.

Кроули, с черной магией, сделанные в ее автобиографии «Смеющийся торс» (1932), а в мае 1933 года выиграл иск о клевете против книготорговца, сделавшего его книгам сенсационную рекламу. В июле 1933 года Кроули безуспешно пытался добиться судебного запрета на распространение мемуаров Этель Мэннин (1900–1984) «Признания и впечатления», где он упоминался как «этот верховный жрец черной магии». В 1934 году дело Хэмнетт наконец дошло до суда. На слушаниях Кроули яростно нападал на черную магию и утверждал, что является белым магом, служащим человечеству.

Описание ритуала в данной статье вполне могло быть вдохновлено его супругой никарагуанского происхождения, Марией Феррари де Мирамар. В письме к Джеральду Йорку Кроули описывал ее как «верховную жрицу вуду» (28 ноября 1928 года). Он часто называл ее так и в других источниках. Согласно дневнику Йорка за 1928 год, Мария утверждала, что несколько раз вызывала дьявола в Никарагуа, танцуя вокруг костров. Также в дневнике Йорка содержится запись об импровизированном «ритуале духа огня», который Мария и Зверь провели для него (и Израэля Регарди) и в ходе которого Мария плясала вокруг пламени под групповые ритмические песнопения с восклицаниями и заклинаниями. С одной стороны, все это непохоже на обычную ритуальную и церемониальную эстетику Кроули, укорененную в стилистике Золотой Зари; с другой — напоминает о его постоянных попытках соединить западный церемониал с эвокативной и стихийной энергией музыки и спонтанности (проявившейся очень наглядно в цикле «Элевсинских мистерий»). Йорк рассказывает, как Мария «пела, склонившись над огнем, протягивая к нему руки и переступая ногами в пламени... танец был чрезвычайно эффектен. Все это время она вызывала своего "дьявола". В заключение она простерлась на земле в ожидании знака». Ко времени написания этой статьи Кроули и Мария уже расстались, и последняя была заключена в психиатрическую клинику Колни-Хетч, где убеждала всех и вся, что является сестрой принца Уэльского и женой Великого Зверя Апокалипсиса.

Также весьма интересно, что домовладелец Кроули в 1930-е годы, Алан Бернетт-Рей, в своих мемуарах вспоминает, что познакомил их не кто иной, как автор книг по колдовству и вуду из Вест-Индии, Ролло Ахмед. Бернетт-Рей пишет, что Ахмед «чрезвычайно интересовался магией и вуду, считал себя «адептом», а Алистера Кроули — «очень высоко развитой личностью». В 1930 году Ахмеда посадили в тюрьму по обвинению в получении денег нечестным путем и, согласно более поздним сообщениям в газетах, в «черной магии». Газеты прозвали его «Ролло — Черным Магом». Хотя Бернетт-Рей полагает, что познакомился с Кроули в 1934 году (то есть после того, как была написана эта статья), отношения между Ахмедом и Кроули по настоящий момент еще не достаточно хорошо исследованы и потому оставляют открытой возможность того, что Кроули сам пробовал практиковать вуду по указаниям Ахмеда или каким-то образом черпал вдохновение из его образа, его книг или газетных статей о нем. В дневниках Кроули Ахмед упоминается между 1936 и 1938 годами (Зверь называет его «черным человеком, приносящим удачу»), но о том, когда они познакомились или когда Кроули услышал о нем впервые, никаких сведений нет.

1 Эта статья была опубликована в «Эмпайр ньюс» от 10 сентября 1933 года.

Они с готовностью забыли последние вампирские убийства на континенте¹, а о многочисленных случаях нападения вампиров на Балканах, вероятно, и слыхом не слыхивали.

Мне известны случаи, когда юных девушек находили мертвыми, причем в жилах их не оставалось ни капли крови после нападения вампира.

Как минимум дважды я лично **ВИДЕЛ** вампиров и едва избежал их когтей. Итак, я говорю о том, что сам хорошо знаю.

И в наши дни тоже существуют вампиры, не менее могущественные, чем те, кто и вправду сосет кровь своих спящих жертв, — вампиры, питающиеся жизненной силой и разумом своей добычи точно таким же образом, как первая разновидность питается силой, заключенной в крови.

«Душа компании»

Многие среди вас встречались с ними, сами того не осознавая. То были вампиры рангом пониже, вампиры поневоле, но, тем не менее и совершенно очевидно, вампиры.

Без сомнения, случалось вам находиться в комнате, полной народу, где все пребывает в гармонии и равновесии. И вот входит еще одно создание. Холодная, вялая, смерти подобная личность, одно явление которой словно порывом холодного ветра проносится над собранием, высасывая самую жизнь из всех присутствующих.

С другой стороны, однако, это может быть вполне крепкий, цветущий субъект, подлинная душа компании, но все то время, пока он рядом, вы чувствуете, как вокруг сгущается странная подавленность, ощущение физического и ментального изнеможения, словно он эту самую душу из присутствующих и вынимает.

Мало кто никогда не испытывал ничего подобного, но лишь немногие из них понимали, что, скорее всего, имеют дело с низшим вампиром.

¹ Скорее всего, Кроули имеет в виду преступления так называемого «дюссельдорфского вампира» — серию убийств, совершенных в 1929 и 1930 годах. В июне 1930 года был арестован 47-летний кучер по имени Петер Кертен, во всех прочих отношениях милейший человек. Он признался в семи убийствах и шести нападениях на женщин и девушек в Дюссельдорфе. Орудием убийства был перочинный нож.

Но не о них я намерен написать, а о более злобной и вредоносной разновидности, что являлась мне, когда я занимался магическими штудиями.

То было одно из первых моих столкновений с черной магией — вскоре после окончания Кембриджа, в то время, когда я работал под руководством одного из величайших мастеров столетия, Алана Беннета.

Ревнивый враг

Мне удалось добиться некоторого признания в литературных кругах, и это возбудило вражду ко мне со стороны одного поэта, хорошо известного и поныне живущего, чье имя я открыл редактору «Эмпайр ньюс». Он вознамерился уничтожить мое нарождающееся могущество.

В то время он жил с художницей, над которой возымел гипнотическую власть, и использовал ее в качестве ясновидящей.

В эту даму был также влюблен известный лондонский издатель, ныне покойный. Все эти трое занимались черной магией.

Впоследствии издатель отыскал дочь палача и женился на ней — лишь затем, чтобы потчевать себя нездоровыми рассказами — во всех подробностях — о казнях, которые исполнял ее отец.

Поэт ужасно ревновал ко мне. У меня были деньги и положение в обществе; считалось, что я могу достичь величия на поэтическом поприще.

Должен сказать, что родители в то время не одобряли рода моих занятий, и дабы оставить их относительно последнего в полном неведении, я принял в качестве псевдонима титул русского дворянина и назвался графом Владимиром Сваревым.

Моя посетительница

Я жил на Ченсери-лейн, где устроил себе храм. Там я изучал и практиковал магию с моим другом Беннетом.

Он предостерег, что впереди меня ждет некая опасность, и увещевал, чтобы я ни при каких обстоятельствах не имел дела с гоэтией¹ или черной магией. Он наставлял меня в упражне-

¹ Гоэтия, или низшая магия, мыслится противоположной теургии, или высокой магии. Она работает с духами, ведающими более практическими сторонами человеческой жизни, такими как здоровье, богатство, любовные дела и знание. Трактат под названием «Гоэтия, или Малый ключ царя Соломона»

ниях и ритуалах, которые мне надлежало исполнять, и воспретил мне отступить от них.

В один прекрасный день, когда я отдыхал у себя на квартире, дверь внезапно распахнулась, и вошла _____ (любовница поэта, о котором шла речь выше). Я почувствовал, что она пришла с некими оккультными целями, и понял, что дама стоит на краю пропасти и практически готова броситься в объятия черной магии.

Я решил проверить ее и призвал немедленно, здесь и сейчас, войти в мой храм, принять Путь Правой Руки и свергнуть своего «черного властелина» раз и навсегда.

Она же лишь улыбнулась и сказала, что зайдет в храм, когда придет ко мне в следующий раз.

Мы немного поговорили, а перед уходом она намеренно оцарапала мне руку застежкой броши, что принесла с собою.

Я даже не подумал об этом в тот момент, и только на другой день осознал все последствия.

Я отправился спать в обычное время, но, проснувшись утром, обнаружил, что едва могу встать, настолько я был слаб. Я посмотрел в зеркало и узрел нечто ужасное.

Глаза мои были тусклы и безжизненны, лицо заливала зловещая бледность; казалось, сила была высосана из меня до последнего атома.

Убей его!

Тут пришел Беннет и, увидав меня, тут же понял, что творится неладное.

«Ты играл с гоэтией! — объявил он и, принюхавшись, заключил: — Я чую зло».

Я заверил его, что не делал ничего помимо обычных своих упражнений и ритуалов, которые он предписал мне исполнять. Тогда он спросил, кто приходил ко мне сегодня.

представляет собой компендиум соломониической астрологической магии, содержащий ритуалы вызывания семидесяти двух духов. Эту книгу, вчерне подготовленную к изданию С.Л. Мазерсом, Кроули отредактировал, прокомментировал, снабдил вводными текстами и опубликовал в 1954 году (рус. пер. см.: Гоэтия Алистера Кроули. М.: Ганга, Телема, 2008).

Вышеприведенное предписание Беннета соответствует содержащемуся в поздних работах Кроули предупреждению о том, что практики «Малой Работы» (т. е. гоэтии) непременно должны предваряться достижением Познания и Собеседования с личным даймоном, или Священным Ангелом-Хранителем.

После моих объяснений он мрачно улыбнулся.

«Я так и знал, — сказал он. — Придется нам поработать».

Он велел принести ему кое-какие редкие вещества и аккуратно их все надписал.

Закончив, он протянул мне готовый талисман и велел перед сном положить его под подушку.

«И помни, та капля крови на застёжке броши, — сурово сказал он мне, — была добыта, дабы причинить тебе вред. На тебя нападут. _____ пошлет их на тебя через ту каплю крови. Что бы ни напало на тебя, убей его! Убей его, или оно убьет тебя».

Он был смертельно серьезен, и слова его произвели на меня глубочайшее впечатление.

Женщина

Как вы, без сомнения, понимаете, в ту ночь, отходя ко сну, я со всею тщательностью поместил под подушку сделанный для меня Беннетом талисман. Вскоре я уснул, но снов не видел.

Внезапно я обнаружил, что бодрствую. Я знал, что случилось нечто крайне важное, но ужасное и нечестивое.

Я поднял голову от подушки и увидел подле себя одну из прекраснейших женщин, что встречались мне на моем веку.

Пока я глядел на нее, очарованный, покорный некоей властной силе, влекущей меня к ней и не поддающейся анализу, женщина завела приятные и милые речи.

Через мгновение она уже была в моих объятиях. Она осыпала меня пламенными поцелуями, но вдруг меня неожиданно охватило ужасное отвращение.

Я вспомнил слова Беннета: «Убей его, что бы это ни было!»

Я воспротивился подчинившим меня чарам, стараясь вырваться из объятий, и, освободившись наконец могучим усилием, сомкнул пальцы на мягком горле извивавшейся рядом со мною твари.

Вспоминая тот миг, я до сих пор содрогаюсь от ужаса, ибо не в живую плоть погрузились мои пальцы. На ощупь она была как пневматическая шина, податливая и упругая, но совершенно неживая.

Я сжимал и сжимал эту тварь, напрягая все свои силы и вопя что есть мочи: «Убей ее — Адонаи — Адонаи!» — пока внезапно

не осознал, что в объятиях моих — пустота.. Вампир снова перешел в состояние, лишенное формы.

Десять ночей кряду повторялась одна и та же сцена, после чего моя гибельная посетительница прекратила докучать мне.

Когда я сообщил об этом Беннету, он сказал, что я все равно должен быть настороже, ибо _____ истощила силу той капли крови, что взяла ранее, и, скорее всего, вернется за новой.

Поразительная сцена

И действительно, не прошло и нескольких дней, как она явилась ко мне на Ченсери-лейн, и на этот раз я твердо вознамерился заставить ее войти в мой храм, где раз и навсегда она смогла бы сделать выбор между тьмой и светом.

Мы снова проговорили некоторое время. Затем я сказал, что она должна сдержать обещание и войти в мой храм. Я открыл дверь, и как только она вошла внутрь, поспешно вбежал следом и захлопнул дверь за собою.

Никогда не забуду я разыгравшуюся затем сцену! Я заранее подготовил храм к этому событию, которое, как заверил меня Беннет, не замедлит произойти.

Там стоял тускло освещенный алтарь зла, покоящийся на изваянии негра из черного дерева. Подле находился испятнанный кровью скелет с ухмылкой на черепе.

_____ стояла какое-то время, остолбенев. Затем, словно повинувшись некоей силе, превосходящей мою, она медленно подошла к скелету и заключила его в свои объятия.

В следующее мгновение она дико закричала и, кинувшись прочь из этого места, стала биться об дверь, пока я наконец не отпер ее. После она говорила, что помнит только, как оказалась дома. Как она туда добралась, она не знала.

Выбор свой она сделала.

Когда я рассказал о случившемся Беннету, он выразил глубокое удовлетворение и сказал, что беспокоиться мне больше не о чем.

У этой истории было трагическое продолжение — трагическое для бедной _____. Ее фантомоподобный любовник-поэт страшно взбесился, узнав о неудаче в ее попытках покорить меня, и бежал, оставив записку, гласившую:

«Дура! Теперь они гонятся за мною. Жизнь моя в опасности. Проклинаю тебя!»

И это человек, которому она принесла в жертву свою душу!

Не удивительно, что она ушла к издателю, который всегда желал ее.

И именно этот человек, влачивший скучную на события жизнь в Вест-Энде, женился на дочери палача ради нездорового пристрастия к ее рассказам.

* * *

Я знаю, все это может выглядеть фантастическим и нереальным.

Но позднее я надеюсь продолжить свой рассказ о Беннете и о том, что угрожало его жизни¹.

¹ В этом довольно-таки фантастическом повествовании о магической битве поэтов трудно отделить факты от вымысла. Кроули кратко упомянул эти события в «Исповеди», а также осветил их в художественном ключе в своем рассказе «На развилке дорог», опубликованном в «Эквиноксе» (I, 1, 1909). В «Исповеди» Кроули характеризует «На развилке дорог» как «во всех отношениях правдивый рассказ об одном эпизоде, имевшем место в этот период». Поэт, выведенный Кроули в этой статье, — не кто иной как Уильям Батлер Йейтс (1865–1939). В 1899 году, то есть, во время событий, о которых пишет Кроули, он был коллегой Кроули по ордену Золотой Зари, и эти джентльмены — оба поэты и маги — относились друг к другу с крайней неприязнью и были ожесточенными соперниками. Женщина, упоминающаяся в статье, — поэтесса и художница девяностых годов XIX века по имени Алтея Джайлс (1868–1949). Йейтс описывает Джайлс — не называя ее открыто по имени — в «Трепете завесы» (1922) как «странную рыжеволосую девушку, все помышления которой были устремлены к живописи и поэзии... и этим образом она отдала себя в жертву с истинно азиатским фанатизмом». Издатель, о котором идет здесь речь, — Леонард Чарльз Смитерс (1861–1907), ключевая фигура декадентского движения. Согласно Нельсону, роман Смитерса и Джайлс начался где-то осенью 1899 года, что вполне соответствует кроулиевской версии событий. В свете декадентской — в буквальном смысле слова — репутации Смитерса в кругу художников, писателей и мистиков, к которому принадлежала Джайлс, роман был сочтен скандальным.

За несколько месяцев до кончины Кроули в 1947 году его навещал биограф Оскара Уайльда, Ричард Эллман, которому тот снова пересказал историю магического поединка с Йейтсом. Эллман держал сторону Йейтса и считал Кроули черным магом, однако уже после смерти последнего подтвердил сведения Кроули в своей статье в «Партизан ревью» (1948) и добавил комментарий: «Так, во всяком случае, поведал мне сам Кроули в Гастингсе за несколько месяцев до своей смерти». Интересно, что Кроули придерживался этой версии событий целых сорок восемь лет, до самой своей смерти.

Самые кощунственные и чувственные церемонии черной магии вершатся в наши дни в Лондоне, Ливерпуле и прочих британских городах.

Я сам был обвинен в их отправлении, но о том, насколько нелепы подобные предположения, можно судить по одному тому факту, что проводить такие ритуалы не может никто, кроме священника — причем священника-апостата². А я — не священник и никогда им не был³.

Сходка рабочих, собравшихся ради того, чтобы, никому не мешая, поиграть немного в азартные игры, очень быстро привлекает внимание полиции, равно как и глупенькие мальчишки и девочки, что пьют и пляшут за баснословные деньги в запрещенные часы.

1 Эта статья увидела свет в «Эмпайр стейт» от 31 декабря 1933 года.

2 То есть священника, отступившегося от своей веры и церкви.

3 В письме к своему ученику Чарльзу Стенсфилду Джонсу от 13 марта 1919 года Кроули, тем не менее, утверждал: «Я — рукоположенный священник и епископ и архиепископ, посвященный в сан посредством наложения рук». Источник и контекст этой информации неясны. Он вполне мог говорить об *Ecclesia Gnostica Catholica* (Единой гностической церкви) О.Т.О. или о Девятой степени Ордена. Возможно, он также имел в виду — хотя и в художественно преувеличенном виде — присвоенное ему недавно звание почетного члена IX^о Американского общества розенкрейцеров. Признание этого Общества Кроули получил благодаря его основателю и Верховному Магу X^о — Его Высокопреосвященству Джорджу Уинслоу Пламмеру (1876–1944). В своей церковной ипостаси организация Пламмера была известна как Вселенская англиканская церковь. Согласно Мартину Старру, «Пламмер был также духовным лицом неустановленного происхождения», чья мистическая христианская церковь склонялась к восточной ортодоксии и впоследствии была переименована в «Священную православную церковь в Америке (восточно-католическую и апостольскую)». В письме к Кроули Пламмер утверждал: «Обладатель диплома Девятой степени пользуется всеми правами, привилегиями и преимуществами, причитающимися должным образом рукоположенным и правомочным духовным лицом в этой стране [США]» (от 9 апреля 1913 года). При жизни Пламмера его Церковь так и не получила признания со стороны восточных церквей. К 1917 году Пламмер рассорился с Кроули из-за того, что писали о Звере в британской прессе в годы войны, и отменил его членство в Церкви. Кроули со своей стороны насмешливо выставил Пламмера в своем романе «Лунное дитя» (1929) как священника-апостата. В 1934 году Пламмер получил формальное православное рукоположение. В данной статье Кроули обращается к тем, кто не осведомлен о подробностях его эзотерических приключений, и его слова ясно свидетельствуют о том, что, каковы бы ни были претензии или действительные линии апостольской преемственности неогностических церквей, с которыми он в тот или иной период своей жизни имел дело, лично для себя он их не считал важными. Гораздо важнее для Кроули было то, что он являлся пророком Телемы — духовного течения, не имеющего никакого отношения к христианской апостольской преемственности.

Но кто хоть однажды слышал о налете на храм черной магии или о генералах, барристерах, бывших священнослужителях, титулованных дамах, публичных фигурах и писательницах — членах некоей Черной Ложи, отправляющей черную мессу со всеми ее отвратительными оргиями?

В Кенсингтоне

Мистер Гарри Прайс, изучающий сверхъестественные явления, являющийся директором Национальной лаборатории психических исследований и хорошо известный читателям «Эмпайр ньюс», не так давно заявил, что черная месса проводится в Британии и в наши дни¹.

Храм Черной Магии существует в Кенсингтоне, совсем недалеко от того места, где мистер Прайс проводил кое-какие свои важнейшие исследования сверхъестественных явлений, и в храме том не только Черная Месса, но и прочие отъявленные святотатства творятся на постоянной основе.

Агенту полиции не составит особого труда проникнуть в одно из этих мест, и вот что он там найдет.

¹ Гарри Прайс (1881—1948) — британский парапсихолог и писатель. Хотя эта статья продолжает серию художественно-образных текстов Кроули о черной магии, она вполне могла быть вдохновлена состоявшимся в 1932 году визитом Прайса на гору Броккен в Германии с целью проведения черномагического эксперимента, приуроченного к столетию со дня смерти И.В. Гете и связанному с попыткой превратить козла в молодого человека. Эксперимент успехом не увенчался, и тогда Прайс провел церемонию (основанную на имевшемся в его распоряжении древнем манускрипте), направленную на борьбу с языческими предрассудками в данной сфере как противоположности научному методу, который он считал единственно подходящим для подлинных исследований паранормальной сферы. Впоследствии Прайс писал об этом событии: «В наши дни циник, принадлежащий к принципиально новому типу, скажет вам, что веры в колдовство и черную магию более не существует. Само подобное предположение выглядит нелепо. Некоторое время назад группу сельских жителей с юга Германии посадили в тюрьму за то, что они едва не убили “ведьму”, предположительно “сглазившую” их скот. В округе Гарц — последнем оплоте язычества в Германии — в колдовство все еще верят, как мне удалось установить самому во время визита в те места». Что немаловажно, эксперимент Прайса в 1932 году привлек значительное внимание прессы, которое, в свою очередь, могло привлечь Кроули к Прайсу, а прессу — к Кроули. Прайс также отмечал: «Большинство газет поняло, что освещать подобные эксперименты стоит свеч. Так, “Ивнинг стандарт” 18 июня 1932 года замечает, что “подобные исследования — это шаг вперед в научном прогрессе. <... > Настоящий ученый исследует смысл и значение всех явлений без предубеждений”. Это созвучно собственному стремлению Кроули сопрягать магические феномены и мистический опыт с научным скептицизмом.

Пол в храме покрыт землей, собранной с грязного болотистого берега застойного омута, в котором утопились несколько человек.

Верующие присутствуют на церемониях босиком, дабы их нагая плоть соприкасалась с этой грязью.

Ее орошают серой, испускающей едкие испарения, и в этой сернистой пыли нарисован круг, причем борозда, очерчивающая его, заполнена угольным порошком.

Внутри круга нарисован треугольник, вершиной обращенный вниз, прочь от стола, задрапированного мрачной черной тканью, над которым подвешена фигура Люцифера.

Помещение погружено в жуткий, зловещий мрак, едва озаряемый лишь тусклым, нечестивым светом черных свечей.

Гипнотический запах

Когда все присутствующие занимают свои места, тихая музыка раздается в пределах храма. Обычно это какая-нибудь священная музыка, ибо цель всей церемонии — профанация.

В зал входит девушка, облаченная в одежды дьякона или служки и размахивающая кадилом, из которого поднимаются жгучие дымы возжигаемых трав, окутывающие все вокруг гипнотическим запахом.

Следом за ней иногда входит другая женщина — предпочтительно тоже юная дева, ибо акт лишения невинности есть еще одно приношение их властелину, Дьяволу.

Облачена она в длинный черный плащ, выдающий очертания прекрасно сложенного тела.

Сразу же за ней шествует верховный «жрец» — человек, предавший свою церковь, дабы заключить договор с Дьяволом.

Он берет за руку деву в плаще и возводит ее на помост, распевая тем временем заклинания.

Верующие падают на колени в знак почтения к своему сатанинскому повелителю и присоединяются к песнопению.

Следует пауза, во время которой девушку заставляют воздеть руки в поклонении фигуре Люцифера.

Тотчас женщина-дьякон выступает вперед и быстрым движением срывает с девы черный плащ.

О том, что говорится и делается во время той церемонии, рассказать здесь нет никакой возможности.

Кровное единство

Достигнув состояния исступленной истерии, все присутствующие приступают к оргии, долженствующей усладить их «властелина», громоздя при этом одно на другое ужасающие оскорбления всему тому, что их нечестивая месса призвана высмеять.

Иногда участники наносят себе раны ножами, окропляя текущей кровью тело девушки на алтаре, чтобы еще теснее слиться с Дьяволом благодаря кровному единству.

Бывают и другие мессы, призванные причинить зло врагу, ничуть не менее омерзительные и отталкивающие по ритуалу.

Мне стало известно об одном случае, когда молодую и прекрасную девушку полюбили двое мужчин — честный юноша из хорошей семьи, наследник значительной собственности, и его старший кузен, который унаследовал бы земли в случае смерти первого.

Старший брат долгое время практиковался в черной магии под руководством хорошо известного мастера.

Девушка тем временем вышла замуж за младшего, которого горячо любила. Старший едва не сошел с ума от отчаяния и отправился к своему Черному Владыке, дабы заручиться его помощью.

Через несколько месяцев молодая пара была обрадована известием о том, что у них вскорости будет ребенок.

Именно тогда мастер-маг провел ужасающую церемонию, в процессе которой проклятия призывались на головы несчастной пары и их еще не рожденного ребенка.

Скептики, возможно, посмеются над тем, что случилось дальше, и скажут, что причиной тому чистое совпадение. Но многие серьезные исследователи полагают, что эти черные маги и вправду обладают вполне реальными злыми силами.

Проклятие

Как бы то ни было, я могу лишь добавить, что молодой супруг вскоре после этого таинственным образом скончался от тропической болезни, хотя в тропиках никогда в жизни не был.

Вдова его — через несколько месяцев после рождения сына, также умершего внезапной смертью, — вышла замуж

за кузена. Я знаю ее лично, и это одна из несчастнейших женщин в мире¹.

А между тем магические силы можно применять — и часто так и бывает — с совершенно благими и праведными намерениями.

Мой добрый друг Алан Беннет продлил себе жизнь на тридцать лет посредством весьма любопытной церемонии, получив таким образом возможность выполнить важнейшую работу в области магической науки.

В то время Беннет был на грани смерти от астмы и осложнений после прочих заболеваний. Мы, работавшие вместе с ним над этими магическими исследованиями, понимали, что жизнь его важна для человечества, и решили спасти ее магическими средствами.

Было решено призвать духа Буэра — демонический разум, хорошо известный магам и обладающий способностью вершить чудеса исцеления².

Буэр так далек от нас, что одни лишь высочайшие фракции человека могут войти с ним в соприкосновение, да и то в исключительно редких случаях.

Шлем великана

Наша задача заключалась в улучшении физического состояния Беннета. Мы знали, что Буэра необходимо вызывать под строжайшим контролем, если мы хотим добиться успеха и не причинить Беннету никакого вреда.

Мы с человеком по имени Джонс³ провели церемонию по всем правилам торжественного ритуала. Мы декламировали слова вызывания, творили разнообразные обряды, и вот по ходу церемониала дымы воскурений собрались в той части комнаты, где был начертан магический треугольник.

Они поднялись столпом густого дыма, который медленно начал принимать иную форму.

1 Установить личности особ, о которых пишет Кроули, так и не удалось; возможно, все вышесказанное является плодом художественного вымысла.

2 Буэр — 10-й готический дух, «исцеляющий человека от любых душевных расстройств».

3 Имеется в виду Джордж Сесил Джонс.

Мы продолжили ритуал, и дымная форма постепенно обрела очертания человека. То была зыбкая фигура из тени, но, тем не менее, ясно различимая. На голове ее можно было разглядеть шлем, а высотой она была около десяти футов — гигантская и исполненная мощи.

Шло время, и она становилась все более ясно видимой. Храм, казалось, находился во власти могущественного духа.

В правильно выбранный момент я отдал приказание сохранить жизнь Беннету и исцелить его недуг, и тут же снова некое волнение прошло по всему храму. Определенно чувствовалось, что что-то происходит.

С этого момента Беннет чудесным образом поправился и, как я уже говорил, прожил еще тридцать лет¹.

Если бы магическая наука сосредоточилась исключительно на том, что благотворно и хорошо, что за сила это была бы, способная послужить на благо человечества!

¹ Кроули лишь частично и в популярной форме освещает здесь события, окружавшие магическую операцию, проведенную для его учителя, Алана Беннета. В «Исповеди» он описывает вызывание Буэра как «удавшееся лишь отчасти». Кроули счел обряд относительно успешным, так как вскоре после него получил от бывшей любовницы, Лоры Хорниблоу, сто фунтов, которые потратил на переезд Беннета на Цейлон: тамошний теплый климат больше подходил для слабого здоровья его друга. Хотя Кроули вполне мог оплатить путешествие Беннета целиком и полностью из своего кармана, он решил, что это поставило бы под удар его отношения с учителем. По собственным словам Кроули, он сообщил Хорниблоу, что ее эгоизм может испортить ей всю жизнь, и что он даст ей «шанс совершить совершенно бескорыстный поступок». Этот инцидент был интерпретирован его врагами из Золотой Зари как форменное вымогательство.

Гэотический дух Буэр традиционно дарит хороших духов-помощников, и приведенный Кроули в «Исповеди» отчет об истории с Беннетом позволяет сделать вывод, что именно к их категории он и причислил Хорниблоу.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

САМЫЙ ДУРНОЙ ЧЕЛОВЕК НА СВЕТЕ¹

Если и есть на свете тема, которую я ненавижу, так это Алистер Кроули. С другой стороны, ничего таинственного в теме этой нет. Поэтому, если всем это так уж интересно, приступим!

На мне стоит английское государственное клеймо. Меня называют «самым дурным человеком на свете». Меня обвиняли буквально во всем — от убийства женщин и кидания их трупов в Сену до торговли наркотиками вразнос.

Кое-кто из известных журналистов не отказал себе в удовольствии подвергнуть меня нападкам в печати. Джеймсу Дугласу угодно было охарактеризовать меня как «чудовище порока». Гораций Боттомли заклеил меня «грязным дегенератом», каннибалом и прочими словами, какие только мог придумать.

Убийство моего секретаря

Некоторые, однако, были более точны в своих обвинениях. Автор попавшей ко мне недавно книги рассказывает, как на Сицилии я убивал кошек в ходе ужасного ритуала².

Кое-какие безответственные газеты обвинили меня, ни много ни мало, в убийстве собственного секретаря!

О том, чего стоит весь этот бред, говорит тот факт, что я вернулся в Англию, исколесив большую часть мира, и сделал это беспрепятственно.

Никаких обвинений какого бы то ни было рода мне предъявлено не было³.

1 Эта популярная автобиографическая статья представляет собой первую часть вышедшей в течение трех недель серии, написанной Кроули для лондонской газеты «Сандей диспатч». Номер, в котором она была помещена, вышел 18 июня 1933 года.

2 Принимая во внимание дату публикации статьи, Кроули почти наверняка имеет в виду книгу Нины Хемметт «Смеющийся торс» (1932).

3 Через год после выхода этой статьи, в 1934-м, Кроули все же предъявили обвинение в преступном присвоении украденных писем, которые он использовал в ходе «процесса по делу о клевете, связанной с черной магией».

Легенды гласят, что мое досье в Скотленд-Ярде занимает целую комнату. Рассказывают также, что лорд Бинг по вступлении в должность обнаружил целое крыло отныне подведомственного ему здания, необыкновенно обширное и охраняемое строже прочих.

— А там что? — спросил лорд.

— Дело Алистера Кроули, — ответили ему.

— Господи, помилуй нас!

— Правда, за последний месяц мы ничего не добавляли.

Места маловато.

— Это нужно немедленно прекратить! Мы не можем строить новые корпуса каждую пару недель. Закройте дело!

Никто не провожает меня взглядами на улице. Выгляжу я, надо полагать, как простой деревенский джентльмен, выбравшийся в город на уик-энд.

Вся моя дурная слава объясняется тем простым фактом, что я — маг.

Я — Мастер Терион.

Практически вся моя жизнь была посвящена занятиям магией.

Глупая болтовня о черной мессе

Глупцы говорят, что я — черный маг, что я имею привычку служить черную мессу и праздновать ведьмовские шабаши, что я питаюсь новорожденными младенцами и летаю по небу на метле.

Говорят, что Сатана — мой властелин, а я — его преданный слуга.

Но на самом деле я — белый маг, а не черный. Я состою в тайном Ордене, у которого есть представители по всему миру; и все мы работаем на благо человечества, а не во зло ему.

Позвольте заметить, что настоящий маг не может быть темной личностью. Ему нет никакого дела до приличий, но добродетели его должны быть непоколебимы. Сила его ограничена лишь им же самим.

Человек, отправлявший странные обряды и ставший пьяницей или же наркоманом, со всей очевидностью не состоялся как маг. Он потерял хватку.

Это подводит меня вплотную к вопросу о том, что есть магия. Человек обычный скорее посмеется над этим словом.

Он скажет, что это фантом нездорового и невежественного ума, пережиток древности и Средневековья.

И, тем не менее, он сам достаточно суеверен, чтобы верить в знаки и знаменья, в астрологов и хиромантов, что претендуют на умение читать судьбу по звездам и линиям руки.

Если бы какому-нибудь англичанину всего одно-два поколения назад показали небольшую черную коробочку и сказали, что если он повернет вот эту ручку, с ним будет говорить президент Соединенных Штатов, он бы поднял эту идею на смех.

Магия сегодня... Наука завтра

А если бы кто-то смог убедить его, что голос действительно принадлежит президенту, англичанин был бы вынужден прийти к заключению, что коробочка эта магическая.

Сейчас же мы знаем, что ничего невозможного в этом нет, а единственная скрытая в коробочке магия — это то, что непосвященные теперь называют «радио».

То, что сегодня мы называем магией, завтра становится наукой. Индусы «поклоняются идолам». Да! Но что именно они под этим подразумевают? Как мне лично случилось наблюдать, от «поклонения» своего они получают весьма интересные результаты.

Мы на просвещенном Западе говорим, что их вера — невежественный предрассудок, а любые результаты — простое совпадение. Но не похожи ли мы в этом на нашего мифического англичанина, слушающего шум из черной коробочки?

Свастика у меня на сердце

В моем учебнике «Теория и практика магии»¹ можно найти определение термина «магия» (хотя я предпочитаю писать его по-другому²), как способности отличать подлинное от ложного.

Это также «наука и искусство вызывать перемены в согласии с волей».

Мы, маги, суть люди науки, которые, практикуя свое ремесло, умеют держаться впереди обычных популярных представлений.

¹ Книга Кроули «Магия в теории и на практике» в машинописном варианте носила название «Теория и практика магии».

² «Magic» и «magick» соответственно. Звучание слова при этом остается неизменным; подробнее см.: Алистер Кроули. Магия в теории и на практике. М.: Ганга, Телема, 2009, стр. 37.

В результате на протяжении всей нашей жизни нас понимают неверно и всячески поносят.

После нашей смерти — иногда через несколько столетий — мир догоняет наши знания и внезапно обнаруживает, что мы были благодетелями человечества, а вовсе не негодьями.

Я пишу эти статьи ради того, чтобы дать объяснение магии. К сожалению, мое имя повсеместно отождествляется с этим предметом, так что, боюсь, я неизбежно и сам окажусь на арене. Позвольте же мне сгустить историю моей жизни в несколько коротких абзацев.

Я родился в Лимингтоне (графство Уорикшир) 12 октября 1875 года. Отцом моим был Эдвард Кроули, коллега Джона Нельсона Дарби, основателя Плимутского Братства.

Уже при рождении я обладал тремя отличительными признаками Будды. У меня была укороченная уздечка языка и некая перепонка, нуждавшаяся в операции, а, кроме того, ровно против сердца на груди — четыре волоска, закручивающиеся слева направо и повторяющие в точности форму свастики.

Итак, прежде нежели был Гитлер, я есмь¹.

В школьные годы я страстно увлекся поэзией и химией. Кроме того, меня инстинктивно тянуло к шахматам; практика быстро доказала мои способности. Я никогда никому не проигрывал, пока в Кембридже не познакомился с Г.Э. Аткинсом², семикратным чемпионом Британии среди любителей.

Именно в Кембридже постиг я тщетность мирских устремлений. Я хотел стать поэтом и достичь величайших успехов на дипломатическом поприще, которое прочил мне покойный лорд Солсбери³.

Тайная община святых

Внезапно все обычные жизненные устремления показались мне пустыми и ничего не стоящими. Время пожирает все;

1 Парафраз речения Иисуса из Ин. 8:58: «...прежде нежели был Авраам, Я есмь» и намек на глубокую древность символа свастики, изначально не имеющего никакого отношения к нацизму.

2 Имеется в виду британский чемпион по шахматам Генри Эрнест Аткинс (1872—1955). В 1950 году Мировая шахматная федерация наградила его титулом международного мастера спорта.

3 Роберт Артур Тальбот Гаскойн-Сесил, лорд Солсбери (1830—1903) — британский государственный деятель, трижды занимавший пост премьер-министра.

необходимо найти подлинно долговечный строительный материал. Я отчаянно искал помощи, света. Я прочесал все библиотеки и книжные лавки университета.

Одна из книг поведала мне о тайной общине святых, владеющих всеми духовными дарами, всеми ключами к сокровищнице природы¹. Члены этой церкви вели тайную, исполненную святости жизнь в миру, озаряя светом и любовью всех, кто оказывался подле них.

Возвышенность этого образа глубоко взволновала меня; он полностью удовлетворял моему стремлению к романтике и поэзии. Я возымел горячее намерение сделаться достойным и привлечь к себе внимание этого таинственного братства.

Тогда-то мне был открыт один из первых принципов магии.

Крайне важно желать того, что желаешь, со всей своей силой. Ты, кто читаешь сейчас эти строки, — ты можешь сделать все, на что будет твоя *воля*. Вопрос лишь в управлении средствами к достижению цели.

Первым полученным мной доказательством этой чудотворной способности, скрытой абсолютно в любом человеке, стало следующее: еще до того, как я послал зов о помощи и наставничестве, рядом появился человек, готовый ответить на него.

Первый зов — 1898 год. В *bier-halle*² у склонов Маттерхорна я повстречался с алхимиком.

Он был одним из самых известных технических химиков Лондона³. Одним из его научных достижений было «закрепление» ртути (то есть перевод ее в твердую форму при обычной температуре), которое ему удалось произвести посредством презренных средневековых алхимических процессов.

Сто тысяч фунтов на билет в один конец

Он был членом Герметического ордена Золотой Зари, жалкие подражания которому стали причиной стольких скандалов в последующие годы.

1 То была книга Карла фон Эккартсхаузена «Облако над святилищем»; см. примеч. 1 на стр. 267.

2 «Пивная» (нем.).

3 Речь идет об английском химике Джулиане Бейкере (1873–1958). Кроули познакомился с ним в швейцарской деревушке Церматт после восхождения на Шенбюльский ледник, расположенный в швейцарских Альпах; см. стр. 264.

Благодаря его посредничеству я был посвящен в этот Орден в ноябре 1898 года.

Я понял, что обрел ключ к безграничному знанию и силе, что вступил на путь, позволяющий человеку подняться над всеми страданиями и разочарованиями жизни.

Путь! Мог ли я предугадать, что этим путем я проследую по всем самым темным и опасным закоулкам планеты и что этот билет в один конец обойдется мне ни много ни мало в сто тысяч фунтов?!

Путь! Одна из последних тайн — о, слушайте! — заключается вот в чем. Не та невыразимая слава и восторг, кои приходят с достижением цели, но самый Путь со всеми его опасностями, трудностями и горестями — вот в чем наидрагоценнейшая награда!

Церемония посвящения была впечатляющей. Мои поручители доставили меня к дверям тайного храма (даже сейчас я не имею права раскрыть его местонахождение¹) и препоручили Глашатаю — человеку в золотых одеждах и с обнаженным мечом.

Он провел меня меж первых двух Великих Столпов. Связанный, ослепленный повязкой, окропленный очистительной водой и освященный огнем, я стоял во тьме, насыщенной дымами курений.

Меня поставили на колени перед алтарем и велели повторить грозную клятву. Я поклялся хранить верность, соблюдать тайну и избегать любых действий, способных поколебать мой самоконтроль.

Затем повязку сняли с моих глаз, и в полумраке на западе я различил трон. Путь мне заступил служитель в черном капюшоне, представляющий бога Хора.

Он дал мне первое наставление: «Страх — это поражение. А посему будь бесстрашен, ибо в сердце труса нет места добродетели. Теперь ты знаешь меня. Проходи».

Затем я приблизился к престолу востока, где служитель, представляющий бога Осириса, дал мне следующее наставление — о том, что путь к Достижению пролегает через знание и совершенное равновесие, справедливость, праведность и истину.

1 Посвятительная церемония, которую описывает Кроули, была проведена в лондонском доме масонов Метки на Грейт-Куин-стрит.

Наконец меня развязали и предложили занять место на севере, в месте величайшей тьмы, — дабы показать, что я сделал лишь самый первый шаг на этом долгом и трудном пути.

Путешествия на астральном плане

Весь этот ритуал может показаться читателю совершенно ненужным. Однако цель его — неизгладимо запечатлеть произнесенные наставления в памяти, в более глубоких частях духовного существа человека, нежели поверхностная страта сознательного ума.

Мне запрещено упоминать имена тех, кто посвящал меня, но среди них были одни из самых выдающихся мужчин и женщин Империи в области литературы, искусств, политики, театра дипломатии и армии.

Так я стал Неофитом — новым созданием, рожденным в новом мире. К старому миру обманов и материальных иллюзий, доступных нашему чувственному восприятию, я не вернулся никогда.

Ставшие магами могут путешествовать на астральном плане, посещая дальние края, пока тело их остается дома в совершенном покое. Они приготовили и опробовали эликсир жизни; нередко вокруг них можно увидеть ауру сияющего света.

Я самолично проверил все эти притязания и нашел их истинными. Возможностям достижения нет пределов!

Однако все это суть вещи поверхностные. Магия же превосходит пространство и время. Все возможно для адепта, но суть знания и власти его такова, что они исчезнут, если он попытается использовать их в эгоистических целях или ради личной выгоды.

На самом деле слова эти — «эгоистический» и «личный» — теряют для посвященного всякий смысл. Он развивается и обретает себя через утрату своего прежнего ограниченного «я» во всем сущем: ибо «все живое священно»¹.

На следующей неделе я расскажу о моем паломничестве по всему миру в поисках магического Достижения.

1 Цитата из поэмы У. Блейка «Бракосочетание Неба и Ада».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Я СДЕЛАЛСЯ НЕВИДИМЫМ¹

На прошлой неделе Алистер Кроули рассказал о своем посвящении в тайный Орден, о том, как его связали, завязали глаза и заставили повторять сложнейшую клятву перед закутан-ными в черные капюшоны служителями, и о том, как в итоге он стал «новым созданием, рожденным в новом мире».

После посвящения я казался сам себе дикарем, угодившим на завод по производству взрывчатки. Мне предстояло заново выучить законы жизни с самого начала.

Я все время думаю о «Первых людях на Луне» мистера Уэллса². Как быть человеку, когда изменились основополагающие условия его жизни? Всегда есть опасность сделать какую-нибудь роковую ошибку.

Необходимая часть магической практики — призывание божественных и ангельских существ, а также вызывание слепых сил, иные из которых, с точки зрения обычных людей, являются «злыми».

Конечно, бывают силы определенно злотворные. Магу нет никакой необходимости иметь с ними дело, если только он, подобно бактериологу, не изучает возбудителей болезни, дабы выяснить их природу и победить.

К 1899 году я уже прошел семь ступеней посвящения³ и стал Адептом, но всякие странные происшествия вокруг меня не прекратились.

Храм в лондонской квартире

В своей квартире на Ченсери-лейн я соорудил частный храм. Это был зеркальный зал, назначение которого состояло в сосредоточении призываемых сил. Там был алтарь из дерева

1 Вторая часть вышедшей в течение трех недель серии, написанной Кроули для лондонской газеты «Сандей диспатч». Номер, в котором она была помещена, вышел 25 июня 1933 года.

2 Речь идет о романе Герберта Уэллса (1866—1946), впервые опубликованном в 1901 году.

3 То есть степени Неофита (0°=0°), Ревнителя (1°=10°), Теоретика (2°=9°), Практика (3°=8°), Философа (4°=7°), Владыки Путей ко Вратам, ведущим в Усыпальницу Адепта (степень без номера) и Младшего Адепта (5°=6°).

акации с золотой столешницей и кое-какие тайные символы и регалии Ордена.

Однажды вечером после церемонии, в которой моим руководителем был один известный химик-аналитик¹, я запер дверь и отправился с ним поужинать. Когда мы вернулись, дверь была широко распахнута, хотя замок — вовсе не взломан, а все содержимое храма оказалось разбросано по комнате в дичайшем беспорядке.

Но главное веселье началось после. Мы увидали — а мой учитель даже сумел опознать — сотни форм, странных «полуформленных лиц», толпящихся в комнате и даже исполняющих некие фантастические танцы.

То были силы, со всей очевидностью злоторные — демоны, которых магу потребно изучить и победить.

Позднее, когда я перевозил оборудование в свой дом в Шотландии, я нанял двоих рабочих снять зеркала. В ходе работы на них внезапно напали какие-то незримые противники и вышибли из них дух. На то, чтобы привести бедняг в чувство, ушло несколько часов.

Люди, проходившие мимо моей двери, неожиданно падали в корчах. После того, как я покинул ее, квартира еще несколько лет оставалась без жильца. А все потому, что у меня не хватало опыта, чтобы должным образом контролировать эти силы.

Именно по указанию самого главы Ордена я отправился в Шотландию, в свое поместье Болескин, расположенное в двух-трех милях от фойерских водопадов.

Вспомогательной моей целью (основная слишком священна, чтобы о ней говорить) было, выражаясь простым языком, обретение контроля над «Четырьмя великими князьями» мирового зла².

В соответствии с установлениями магии я соорудил террасу с видом на север и засыпал ее речным песком.

Я сидел у себя в столовой и работал над талисманами, необходимыми для достижения моих целей. Солнце потоком текло в комнату, но вотще: там царила тьма, осязаемая буквально

1 Имеется в виду Джордж Сесил Джонс.

2 Кроули говорит об операции священной магии Абрамелина, цель которой — Познание и Собеседование со Священным Ангелом-Хранителем и установление контроля над князьями зла.

физически. Демоны, силы зла обступали меня столь тесно, что заслоняли ото всякого света. Все это меня весьма утешало: сомнений в действенности операции быть более не могло.

Я продолжал упорно работать, даже несмотря на то, что мне приходилось зажигать лампу — хотя снаружи ярко сияло солнце.

Демоны собирались также и в маленьком строении, которое я возвел на террасе. Это все еще были смутные формы, едва различимые лица. Я уже привык к ним.

Мой опасный путь к силе

Они производили в окрестностях всяческие любопытные эффекты. Часть главной дороги из Инвернесса в Форт-Огастус шла через мою усадьбу. Вскоре окутавшие ее суеверия заставили местных жителей избегать ее. Люди отказывались ходить по ней после наступления темноты.

Даже суровые, сильно пьющие трудяги из Глазго, нанмавшиеся на работы в Фойерсе, предпочитали заложить порядочный крюк, чтобы только не связываться с этой зловещей дорогой.

Случались происшествия и похуже. Мой сторож (не прикасавшийся к алкоголю целых двадцать лет) внезапно напился и едва не прикончил жену и детей. И это был только один из множества сходных случаев.

Летом перемерло больше половины своры моих блаухаундов. Слуги мои постоянно болели.

Один из работников, которых я нанял, чтобы разбить лужайку для гольфа, вдруг взбесился и попытался убить мою жену. К тому времени я уже понял, что мой путь к силе будет бесконечно труден и полон опасностей. Но назад я не оглядывался.

Я отправился в паломничество в далекие края. Мексика стала первой моей целью. Меня послал туда глава Ордена, дабы посвятить жреца в служение «Лампаде Незримого Света»¹.

В Мексике же я провел первые эксперименты по достижению невидимости. Призвав бога безмолвия, Гарпократа, по-

¹ Кроули побывал в Мексике в 1900–1901 гг. и познакомился там с доном Хесусом де Медина-Седонией, высокопоставленным масоном, устроившим посвящение Кроули в нерегулярную ветвь 33° Шотландского устава масонства. Кроули помог ему организовать орден под названием «Лампада Незримого Света», но после отъезда из Мексики в апреле 1901 года никаких контактов с Мединой-Сидонией больше не поддерживал.

средством должного ритуала, проведенного перед зеркалом, я постепенно добился того, что отражение мое начало мерцать, подобно образам на экране старомодного синематографа. Полностью оно так и не исчезло. На самом деле эксперимент этот показал мне, что я нахожусь на ложном пути. Успех заключается не в оптической невидимости, но в силе чар. «Имеющие глаза не увидят»¹.

Как бы то ни было, я вышел из дома в ало-золотой мантии и короне, украшенной камнями, и, пройдя в таком виде через город, не привлек к себе ничего внимания. Меня просто не видели.

То были лишь самые начала искусства, которое сослужило мне хорошую службу несколько лет спустя в Калькутте². По дороге через туземный квартал посреди ночи на меня напали грабители.

Увидав нож, я понял, что это уже не шутка; хотя меня схватили за руки, я все же умудрился разрядить свой револьвер. Сотни местных жителей, слышав шум, кинулись искать меня, но я сумел незаметно пройти прямо через толпу и благополучно улизнуть.

Жертвоприношение в Священном Городе

Странствия привели меня на Цейлон, где я предался изучению йоги³.

Я поселился в хижине в Канди и стал получать наставления в основах искусства. Йогу можно преподавать в восьми словах: «Сиди смиренно! Прекрати думать! Заткни пасть! Выйди вон!» Что действительно трудно — так это научиться делать все это по-настоящему.

Мои успехи в йоге были столь велики, что это стало опасно. Ради своего собственного блага я оставил практику на два года, покинул Цейлон и уехал в Индию.

Однажды со мной произошел любопытный случай. В Мадураи я пошел в храм и принес в жертву козла. Вскоре после этого я полностью замел все следы, отправившись в мор-

1 Парафраз Мк. 8:18.

2 Описываемый эпизод относится к октябрю 1905 года.

3 Это было в 1901 году.

ское путешествие, — на море был сильный шторм, а я оказался единственным, кто взошел на борт.

Через какое-то время я вернулся в Индию и посетил кого-то из друзей, ничего не знавших о том, чем я занимался в Калькутте.

Они рассказали мне, что их слуги были чрезвычайно взволнованы странными слухами о том, как я принес в жертву козла в Мадураи, самом священном городе Южной Индии.

Сущность обретает форму

Откуда же взялась у местных жителей такая информация? Они получили ее по «местному телеграфу».

Далее я отправился в Египет, где — к моему величайшему удивлению — меня настиг вызов от тайных вождей Ордена. Мне было велено вернуться в Англию, воссоздать там систему организации и записать ее тайны, так как Внешний орден оказался разрушен из-за того, что пал главный его посланник в миру «пред Завесой»¹.

Я собрал и опубликовал указанные материалы в периодическом издании под названием «Эквinox». Штаб-квартира в то время располагалась в студии на Виктория-стрит. Там в свободное время мы начали отправлять Элевсинские обряды².

Некоторые из этих ритуалов приносили странные результаты. Несколько раз мы видели и ощущали незнакомую личность среди нас, но когда зажигали свет, никого постороннего в комнате не оказывалось.

Итак, наши церемонии побуждали некую сущность принимать человеческую форму и становиться видимым среди нас.

Воодушевленный успехом этих частных ритуалов, я снял Кэкстон-холл для семи представлений, открытых для публики³. Боттомли обрушился на ритуалы, охарактеризовав их как непристойные и кощунственные. Однако он просто отражал в печати развращенность своего собственного ума.

1 Герметический орден Золотой Зари в 1900 году претерпел кризис. Вождь, о котором говорит Кроули, — Сэмюэль Лиддел Макгрегор Мазерс, один из основателей и главный теоретик Золотой Зари. Кроули опубликовал большую часть ритуалов Золотой Зари в «Эквinoxе» в составе серии автобиографических очерков под общим названием «Храм царя Соломона».

2 «The Rites of Eleusis», The Equinox I(6) (1911).

3 Ритуалы в Кэкстон-холле проходили еженедельно по средам, начиная с 19 октября 1910 года.

Призывание духа Марса

Во время ритуалов одна девушка играла на скрипке. Она была прекрасной скрипачкой, а под влиянием церемоний и вообще превосходила сама себя. Когда на нее была направлена магическая инвокация, она играла грандиозно, как высочайший виртуоз¹.

Во время одного из обрядов, проведенного в июле 1909 года в студии на Виктория-стрит, мы призвали Барцабеля, духа планеты Марс.

В ритуале участвовал видный адмиралтейский чин, капитан, слишком известный, чтобы здесь можно было упомянуть его имя². Он спросил духа, призванного в тело специально очищенного и освященного человека³, «восстанет ли народ на народ».

Барцабель ответил утвердительно. Будучи вопрошен еще, дух сказал, что война разразится в течение пяти лет и что сокрушены будут Турция и Германия.

Пророчество о великой войне

За две недели до истечения этого пятилетнего срока разразилась Великая война.

Моряк был Адептом Ордена и сыграл в ней значительную роль. Всякий раз, как дела мира достигают критического этапа, за сценой непременно присутствует кто-то из Адептов.

Рудольф Штайнер, человек, ответственный за поражение Германии, был Великим Мастером австрийского отделения О.Т.О. — полумасонского ордена, Великим Мастером которого в Англии был я⁴.

1 Речь идет о Лейле Иде Нериссе Батерст Уоддел (1880–1932), она же Sogor Agata в А.: А.:, «Лайла» в «Книге Лжей» Кроули и Великий Генеральный Секретарь О.Т.О. Она была выдающимся музыкантом, играла на «Гварнери» (превосходной скрипке от мастера, уступающего одному лишь Страдивари), а репертуар ее во время ритуалов включал такие виртуозные пьесы, как «Танец ведьм» Паганини.

2 Имеется в виду капитан третьего ранга Дж.М. Марстон.

3 Виктора Нойбурга.

4 Рудольф Штайнер (1861–1925) — австрийский мистик и писатель. Он познакомился с Верховным Братом О.Т.О. Теодором Ройссом в Лугано (Швейцария), где и получил хартию на «руководство Ложей Ordo Templi Orientis, включенной в Великую Ложу Ордена Востока» 6 января 1906 года. Некоторое время он управлял этой ложей вместе со своей помощницей (впоследствии женой) Марией фон Сиверс. Согласно Кроули, Штайнеру было трудно принять сексуально-магическое учение, которое Ройсс при основании

Штайнер откололся от Ордена, испугавшись одного из испытаний, через которые ему предстояло пройти. Таким образом он отпал от истинной магии, но стал зато тайным советником фон Мольтке¹.

Советы Штайнера привели к тому, что фон Мольтке не сумел взять Париж, когда тот был практически у него в руках, и к ошибке, стоившей Германии всей войны. Штайнер расписался в собственной неспособности стать великим магом; вероломные силы заставили его привести свою страну к поражению.

О.Т.О. добавил к Древнему и Изначальному уставу масонства. В своем комментарии к «Liber 65» (V:48) Кроули отмечает, что разум Штайнера «не вынес нагрузки при столкновении с Тайной О.Т.О.», добавляя в неопубликованном письме к У.Б. Кроу от 16 июля 1944 года, что Штайнер «узнал, что на самом деле подразумевается под тайной IX степени, и немедленно сбежал». В 1913 году Штайнер основал Антропософское общество.

¹ Имеется в виду граф Гельмут Карл Бенхард фон Мольтке (1800–1891), прусский фельдмаршал и глава Генерального штаба до 1888 года; таким образом, он ушел со своего поста задолго до описываемых событий. По-видимому, Кроули путает его с Гинденбургом или Людендорфом.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЧЕРНАЯ МАГИЯ — ВОВСЕ НЕ МИФ¹

Черная магия — вовсе не миф. Это абсолютно ненаучная и эмоциональная форма магии, но и она приносит свои результаты — хотя и весьма недолговечного характера. Последствия, обрушивающиеся на тех, кто ее практикует, ужасны.

Это все равно, что искать утечку газа с зажженной свечой. Пока ищут, неудач не боятся!

Чтобы практиковать черную магию, нужно преступить все принципы науки, приличий и разума. Нужно стать одержимым безумной идеей о неизмеримой важности каждого мелкого объекта ваших жалких и эгоистичных желаний.

Меня обвиняли в том, что я — «черный маг». Это самое глупое из всех утверждений, когда-либо звучавших в мой адрес. Я презираю эту область до такой степени, что едва могу поверить в существование людей, достаточно глупых и испорченных, чтобы практиковать ее.

Черная месса

В Париже и даже в Лондоне есть заблудшие люди, отдающие свой бесценный духовный дар на поругание ради обретения мелких и временных преимуществ посредством указанных практик.

«Черная месса» — совершенно иное дело.

Я не смог бы отправлять ее, даже если бы захотел, ибо не являюсь рукоположенным священником христианской церкви.

Проводить ее должен именно священник, так как самая идея этой практики состоит в профанации таинства Евхаристии. Иными словами, вы должны верить в истинность культа и действенность его ритуалов.

Священник-отступник собирает вокруг себя конгрегацию охотников за ощущениями и религиозных фанатиков: только тогда церемония профанации может возыметь продолжительный черномагический эффект.

¹ Третья часть выходявшей в течение трех недель серии, написанной Кроули для лондонской газеты «Сандей диспатч». Номер, в котором она была помещена, вышел 2 июля 1933 года.

Существует множество способов поругания таинства. Один из самых знаменитых — так называемая «обедня святого Секария»¹, цель которой — извести врага.

Во время этой «обедни», которая всегда служитя в каком-нибудь тайном месте, лучше всего — в заброшенной часовне, в полночь, священник выступает в каноническом облачении.

Но даже в облачение это вносятся кое-какие зловещие изменения, некое извращение их символической святости.

Должен непременно присутствовать алтарь, но свечи на нем будут из черного воска. Распятие же обращается вершиной вниз.

Роль диакона исполняет женщина, а ее платье, на первый взгляд кажущееся церковным облачением, на самом деле более подобно костюму из какого-нибудь похотливого реву. Его нарочно переиначивают так, чтобы сделать как можно более непристойным.

Сама церемония представляет собою пародию на каноническую мессу с различными богохульными добавлениями.

Священник, однако же, должен освятить гостию совершенно традиционным образом. Вино причастия смешивают

¹ Этот обряд описывается в главе IV «Золотой ветви» Дж.Дж. Фрэзера: «Гасконские крестьяне также верят, что, для того чтобы отомстить своим врагам, злые люди иногда склоняют священника отслужить обедню, называемую обедней святого Секария. Знают эту обедню очень немногие, и три четверти из них ни за что на свете не согласились бы ее отслужить. Только недобрый священник отважится исполнить этот отвратительный обряд, и может быть уверены, что на страшном суде он дорого за это заплатит. Викарий, епископ и даже архиепископ города Оша не имеет права отпустить такой грех. Одному лишь папе римскому принадлежит это право. Служить обедню святого Секария можно только в разрушенной и запущенной церкви, где ухажут ко всему безучастные совы, где в сумерках бесшумно летают летучие мыши, где по ночам останавливаются на ночлег цыгане и где под оскверненным алтарем притаились жабы. Сюда-то и приходит ночью недобрый священник со своей возлюбленной. Ровно в одиннадцать часов он начинает задом наперед бормотать обедню и заканчивает ее, как только часы зловеще пробьют полночь. Священнику помогает его возлюбленная. Гостия, которую он благословляет, черна и имеет форму треугольника. Вместо того чтобы причаститься освященным вином, он пьет воду из колодца, в который было брошено тело некрещеного младенца. Знак креста он чертит на земле, и притом левой ногой. Делает он также много других вещей, на которые ни один добрый христианин не мог бы даже взглянуть без того, чтобы его до конца жизни не поразила слепота, глухота и немота. А тот, по чьей душе отслужили такую обедню, малопомалу усыхает. Никто не может сказать, что с ним. Врачи и те ничего не могут понять. Им и невдомек, что его медленно губит обедня святого Секария».

См. также одноименный рассказ Кроули, впервые опубликованный в «Интернейшнл» (XII:2, февраль 1918 года), а затем посмертно — в сборнике «Золотые друзья» (1988).

с магическими снадобьями, такими как белладонна и вербена, но священник, тем не менее, должен обратить его в кровь Христову.

Кошмарная основа этой обедни — в том, что божество принудительно заточают в хлебе и вине, которые затем становятся объектом ужасной профанации.

Неописуемое

Предполагается, что все эти действия должны высвободить силы зла и склонить их к союзу. (Только представьте мышь, пытающуюся подружиться с кошкой!)

Если черная месса проводилась в присутствии «прихожан», священник, завершив свои мерзкие деяния (а они, откровенно говоря, неописуемы), разбрасывает частицы гостии по полу, а присутствующие дерутся за эти перепачканные землей остатки, обладание которыми, как они полагают, будет споспешествовать их жалким и злоторным целям.

Самый запоминающийся личный опыт, связанный с результатами черной магии, относится к тому времени, когда я жил в Шотландии. Вследствие махинаций одного деградировавшего и отверженного члена Ордена¹ мои собаки умерли, а мои слуги заболели. Борьба длилась до тех пор, пока поток ненависти не развернулся и не сокрушил неудачливого колдуна.

Эффекты эти объясняются тем, что страстная вера в свое намерение добиться какой-либо цели действительно дает возможность исполнить задуманное. Мои враги утверждают, что отправление «черной мессы» было еще самым безобидным из моих занятий на Сицилии и во Франции. «Иначе почему же его изгнали из обеих этих стран?» — вопрошают они.

Спиритуализм

Ответ на вопрос, почему мне пришлось уехать, совершенно прост и несколько не сенсационен. Я снял виллу в Чефалу на Сицилии для работы и отдыха. Мы начинали день с молитвы в кругу семьи; время от времени мы проводили церемонию полурелигиозного характера, известную как Гностическая месса.

¹ Имеется в виду Сэмюэль Лиддел Мазерс.

Кое-кто из тех, кто гостил у меня в «аббатстве», затем описали свои впечатления в сугубо художественной форме¹.

А потом к власти пришли фашисты, и некоторых корреспондентов иностранных газет попросили вон из страны.

Среди них оказался и я. Никакого грубого выдворения не было. Со мной обращались с величайшей любезностью.

Причиной моего отъезда из Парижа стал отказ властей продлить мою *carte d'identité*². Никаких обвинений мне предъявлено не было, и никаких объяснений не предоставлено.

Один человек, с которым я поссорился, обратился к властям и сумел убедить их, что я — нежелательная персона³.

Спиритуализм — или, если выражаться точнее, спиритизм — не является разновидностью черной магии.

Посредством медиумических актов спиритам иногда удается захватить распавшиеся частицы ментального аппарата какого-либо недавно умершего человека.

Аппарат этот уже утратил руководство, которое при жизни осуществляет духовная составляющая человека, и, вероятно (а зачастую именно так и происходит), оказался во власти стихийных духов злой природы, которые используют в самых низменных целях.

Таким образом, спириты играют с крайне зловредными силами.

Ведовство же — разновидность черной магии, пригодная для одиночной практики⁴.

1 Самыми художественными из них были скандальные отчеты Мэри Баттс и Бетти Мэй о жизни в аббатстве, помещенные в прессе. Так возникли байки о том, что Рауль Лавдей умер, выпив по требованию Кроули кошачьей крови, о том, что Кроули отправлял трех женщин (Лию Хирсиг, Нинетт Шамуэй и Джейн Вульф) на панель, а также о том, как Кроули перерезал горло козлу во время копуляции его (козла) с Багряной Женой. Кроули яростно отрицал все эти небылицы. В своей автобиографии («Женщина-тигрица», 1929) Бетти Мэй дала совершенно другой — и куда более достоверный — отчет о жизни в Чифалу.

2 «Удостоверение личности» (фр.); подразумевается вид на жительство.

3 Во время пребывания Кроули во Франции некое влиятельное лицо предложило ему подтвердить астрологическую совместимость одной просватанной пары в обмен на крупную сумму денег. Кроули отказался, и вскоре после этого к нему нагрянула полиция по подозрению в хранении наркотиков (разумеется, они ничего не нашли). Затем его виза была аннулирована. Кроули полагал, что за этими событиями стояло упомянутое лицо.

4 Кроули написал это в 1933 году, за много лет до неоязыческого возрождения, возглавленного Джеральдом Гарднером, Алексом Сандерсом и другими лицами, благодаря которым слово «ведьма» стало ассоциироваться с полноценной новой религией под названием «Викка».

Ввергая себя в дьявольский экстаз, ведьма может достичь успеха в своих замыслах. Она готова принести своего первенца в жертву (обычная цена, требуемая демоном) или продать свою душу.

И ради чего же? Чтобы лишиться молока соседскую корову; чтобы отправить неприветливого соседа на одр болезни.

Результат оказывается совершенно смехотворным по сравнению с затратами духовных сил.

Истинный маг — превыше злобы и яда. Он старается получить результаты, ради которых работает, не путем внезапно-го и разрушительного вмешательства в существующий порядок вещей, но посредством медленных естественных процессов.

Эликсир жизни

В теории у магической силы нет пределов. Маг подобен математику: пока он придерживается правил, он обладает полной властью над символами.

Я приготовил эликсир жизни, магический напиток, дающий вечную юность. Но, как и прикосновение царя Мидаса, это благо оказалось вовсе не беспримесным.

Впервые я изготовил его, когда мне было сорок¹. Сделал я его поспешно, а знания мои тогда были еще несовершенны. Я принял семь доз, поскольку первые две или три не возымели никакого явного эффекта, — и последствия оказались необычайно сильными.

Однажды утром я проснулся и обнаружил, что напрочь утратил всю свою зрелость. Духовно и физически я превратился в глупого юнца. Единственное занятие, которое приходило мне в голову, — это отправиться рубить дрова!²

Я тогда жил в хижине в Нью-Гэмпшире и по пятнадцать часов в день валил деревья. Я работал как безумный. Любой физический подвиг был мне по плечу.

Этот фантастический прилив сил длился около двух месяцев, а за ним последовала реакция. На полгода я впал в ужасное истощение. Я понял, что играл с крайне опасным рецептом.

¹ Сохранившиеся записи показывают, что впервые Кроули изготовил эликсир в 1912 году в возрасте тридцати семи лет, но систематические эксперименты начал действительно около сорока.

² Это произошло в 1916 году. Сведения об этом эпизоде имеются в «Liber 73, Дневнике Мага» Кроули.

Шесть лет спустя я снова провел эксперимент с эликсиром, приняв все необходимые предосторожности, дабы избежать столь катастрофических результатов¹. В результате в сорок семь я стал могучим атлетом и не уступал тридцатилетним здоровякам.

Благотворное воздействие этого опыта по большей части не рассеялось и до сих пор.

При этом моя умственная активность не только сохранилась, но и усилилась, а физически я полон сил и пребываю в добром здравии по сей день.

¹ Указанные события относятся к 1922 году.

ПРИЛОЖЕНИЕ III

АЛИСТЕР КРОУЛИ

ЛУИС УИЛКИНСОН¹

После смерти Алистера Кроули о нем стали писать так много, что, садясь за работу, я задумался прежде всего не о том, что упомянуть здесь, а о том, чего говорить не стоит. Помимо нескольких журнальных статей, за последнее время вышло пять книг. Это, во-первых, официальная биография Кроули, «Великий Зверь», написанная Джоном Саймондсом и представляющая Кроули, по мнению многих его учеников, в неоправданно дурном и отталкивающем свете²; во-вторых, более лаконичное повествование Чарльза Кэммела, трактующее достижения Кроули как Поэта и Мага по большей части одобрительно, а подчас и панегирически, но никоим образом не «обеляющее» его личность³. Остальные три книги, в которых он фигурирует, — дружелюбный и забавный очерк Клиффорда Бакса «Я был

1 Луис Умфревилль Уилкинсон (1881–1966) — английский писатель, критик и мемуарист, более известный под литературным псевдонимом «Луис Марлоу». Уилкинсон был дружен с Алистером Кроули на протяжении сорока с лишним лет; публикуемый здесь очерк увидел свет в составе сборника «Семеро друзей» (1992), в котором Уилкинсон также делится воспоминаниями об Оскаре Уайльде, Уильяме Сомерсете Моэме и других известных британских писателях.

2 Джон Саймондс (1914–2006) — английский писатель, романист, драматург и биограф. С Кроули он познакомился за год до смерти последнего, в 1946-м. Кроули назначил Саймондса своим литературным душеприказчиком и завещал ему авторские права на свои работы, чем Саймондс, по воспоминаниям многих современников, постоянно злоупотреблял и спекулировал. За свою жизнь он опубликовал четыре биографических книги о Кроули: «Великий Зверь» (1952), «Магия Алистера Кроули» (1958), «Король в царстве теней» (1989) и «Зверь 666» (1998); все они полны преднамеренных искажений и фактических неточностей, что исследователи объясняют стремлением Саймондса нажиться на сенсационной «легенде об Алистере Кроули».

3 Чарльз Ричард Кэммел (1890–1968) — шотландский поэт, писатель, драматург и критик искусства, познакомившийся с Кроули в 1936 году. Их связывали теплые дружеские отношения; упомянутую в тексте книгу — «Алистер Кроули: человек, маг, поэт» — Кэммел опубликовал в 1951 году.

неплохо с ним знаком», «Магия моей юности» Артура Колдер-Маршалла и «Рыба-меч и Стромболи» Дениса Кларка¹.

В моей жизни Кроули играл важную роль с 1907 или 1908 года и вплоть до самой своей смерти в конце 1947-го. За период с 1915 по 1919 годы, в Америке, я узнал его лучше; еще ближе мы сошлись за семь лет до Второй Мировой; но теснее всего мы общались в последние пять-шесть лет его жизни. В отличие от большинства других авторов, писавших о нем, я не был его «учеником». Даже не припомню, чтобы мы когда-либо говорили о магии. Да и о сексе речь заходила нечасто. Эти два предмета, конечно же, ассоциируются у читателя с Алистером Кроули в первую очередь; по сути, не будет преувеличением заявить, что в массовом сознании никаких других ассоциаций с его именем и не возникает; что его слава — или его бесчестье — в глазах общественности зиждется лишь на двух этих могучих основаниях — сексе и магии; и эти два необыкновенно притягательных столпа всегда влекут к себе многих и многих с неустойчивой силой.

В первые недели Второй Мировой войны недовольный Уильям Джойс² заявил по радио, что от наших молебнов слишком мало толку — лучше бы мы пригласили Кроули отслужить в Вестминстерском аббатстве черную мессу. В то время Кроули лежал тяжело больной в Торки и писал мне, что репортеры

1 Все три книги увидели свет в 1951 году.

Клиффорд Бакс (1886–1962) — английский писатель, драматург, журналист, критик, поэт и переводчик. В 1908–1914 гг. Бакс был редактором теософского журнала «Орфей», а в 1922–1924 совместно с художником и магом Остином Османом Спэрсом издавал журнал «Золотая лань». Под его редакцией вышли на английском языке труды великого немецкого мистика Якоба Бёме; Кроме того, Бакс был дружен с Аланом Беннетом (которому помогал в работе по распространению буддизма в Англии) и с композитором Густавом Хольтом, автором музыкальных композиций на астрологические темы (к астрологии его приобщил именно Бакс). С Алистером Кроули Бакс был знаком с 1904 года. В 1937 году благодаря Баксу Кроули познакомился с художницей Фридой Харрис, совместно с которой впоследствии создал колоду «Таро Тота».

Артур Колдер-Маршалл (1908–1992) — английский писатель, романист, биограф и критик. «Магия моей юности» — его воспоминания о знакомстве с Кроули и Виктором Нойбургом, относящиеся к периоду первого тома «Эквинокса» (1909–1914). Книга Дениса Кларка, полное название которой — «Рыба-меч и Стромболи: жизнь бродяги на Сицилии», затрагивает период Телемского аббатства в Чефалу (1920–1923).

2 Уильям Джойс (1906–1946), прозванный в Британии «Лорд Гав-Гав», — нацистский пропагандист, ведущий англоязычных передач на германском радио, впоследствии казненный британскими властями за государственную измену.

засели в розовых кустах под окнами его отеля, «дожидаясь, когда объявят о моей смерти». Тогда я ему не поверил, сочтя, что и он сам, и Джойс преувеличивают его общественную значимость. Но несколько лет спустя, когда он действительно умер, в связи с его кончиной и похоронами поднялась такая шумиха в прессе, что мои сомнения в правдивости его слов отчасти развеялись. Почти все газеты разместили новости о его смерти на первых полосах и почти все осветили это событие в одном и том же тоне: «Кроули умер!» — «Самый испорченный человек в Британии» — «Худший человек на свете» — «Прощай, черная магия!» — «Кремация Великого Зверя» и так далее. Еще один заголовок гласил: «Умер врач Алистера Кроули». Врач его и впрямь умер в один день с ним; и, разумеется, пошли слухи, что Кроули его проклял.

После похорон Кроули, прошедших весьма необычно, пресса взволновалась еще больше; появились новые и более пространственные репортажи. Кроули умер в Гастингсе, и день накануне похорон я провел там, в местном отеле. В номере не умолкал телефон: звонили люди, желавшие выяснить подробности о предстоящих похоронах и имена предполагаемых участников. Это было утомительно, особенно ввиду того, сколько всего надо было успеть сделать. Наконец у меня лопнуло терпение: когда позвонил очередной репортер, я в довольно резких выражениях отказался назвать ему искомые имена и заявил, что все это — «частное дело».

На поверку же церемония, проведенная в Брайтоне, в часовне, открытой для последователей всех вероисповеданий, вышла весьма своеобразной и далекой от того, что обычно подразумевается под словом «частная». По одну сторону стояли те, кто пришел проститься с усопшим (по большей части женщины, наряженные так, что их одеяния удостоились подробных описаний в прессе), а по другую — репортеры. Перед лицом собрания, столь непримиримо расколотого надвое, я продекламировал — во исполнение последней воли покойного — сначала его «Гимн Пану»¹, затем отрывки из «Книги Закона», которая, по его глубокому убеждению, была вручена ему свыше некой сверхъестественной сущностью, а затем молитвы из «Гностической мессы». Чтение «Гимна Пану» время от времени прерывалось

¹ См. стр. 330.

экстатическими возгласами «Ию, Пан!», доносившимися из рядов его приверженцев; кроме того, последние перемежали всю декламацию исполненными религиозного пыла фразами, которыми Кроули начинал и заканчивал все свои письма: «Твори свою волю: таков да будет весь Закон!» и «Любовь есть закон, любовь в соответствии с волей». По мере чтения среди тех, кто пришел проводить своего учителя в последний путь, нарастало волнение, тогда как на лицах репортеров все более явственно читались недоумение и растерянность. Когда гроб стал опускаться, какая-то красивая девушка бросила на крышку букет гвоздик. Брайтонский муниципалитет на следующем собрании постановил, что впредь не допустит проведения таких языческих и богохульственных церемоний на подведомственной ему территории — и, тем паче, на освященной земле. Последовал очередной заголовок в прессе: «Святая земля осквернена черной магией!» Можно с уверенностью утверждать, что таких похорон, каких удостоился Кроули, в Англии до тех пор не случилось — по крайней мере, публичных. Не успели мы выйти из часовни, как репортеры набросились на нас, требуя объяснений. «Последите лучше за своим языком, когда будете писать! — отбрил одного из них мой коллега-душеприказчик. — Кроули вас и с того света достанет!» Что это был за день! В окружении Кроули, как и в окружении Уайльда, я известен только в одной ипостаси — как человек, в данном случае, «который читал “Гимн Пану” на похоронах Зверя».

По случаю первой годовщины со дня смерти Кроули был устроен поминальный обед в индийском ресторане. Репортеры об этом пронюхали и весь день донимали звонками всех, кто так или иначе был связан с Мастером. Некоторые ученики, возмущенные тем, как непочтительно пресса обошлась с Кроули после его смерти и похорон, открыто высказали газетчикам свое недовольство. По-видимому, общественный интерес к нему не угас и позже, когда было официально утверждено (за восемнадцать фунтов стерлингов) его завещание. Я к тому времени покинул Лондон, но один репортер ухитрился раздобыть мой загородный номер телефона, и мы с ним проговорили минут двадцать, должно быть, введя газету в немалые расходы, потому что часов для междугородних переговоров со скидкой в то время еще не было. В тот раз

я решил вылезти из кожи вон ради Кроули. На вопрос: «Какую цель ставил перед собой Кроули?» — я ответил: «Духовное возрождение мира», — и добавил, что храмы Кроули действуют по всей планете «и даже за “железным занавесом”», а прах его ныне освящает алтарь главного из этих храмов, расположенного в Соединенных Штатах. Доказать правдивость этих заявлений, по-видимому, было бы невозможно; но, в то же время, в них не было и ничего откровенно ложного. «Наверное, это и впрямь был выдающийся человек», — сказал репортер, и в голосе его я не услышал иронии. «Он и по сей день остается выдающимся», — ответил я.

И это — чистая правда. Утверждая это, я даже не беру в расчет все его магические способности, поскольку ничего в них не смыслю. Жаль, что у него был такой маленький нос, — иначе он непременно достиг бы неоспоримого величия и как писатель, и как религиозный лидер. Что ему постоянно мешало, так это тщеславие. Он был слишком уверен в своей гениальности, чтобы адекватно оценивать собственные работы и рассматривать их критически. Он был убежден, что все вышедшее из-под его пера прекрасно. Торопясь увидеть свои труды опубликованными и желая, чтобы каждое издание было отпечатано на лучшей бумаге и переплетено со всею мыслимой роскошью, он редко утруждал себя поисками издателя. В результате его книги выходили частным образом и очень маленькими тиражами, а те, которые все же прошли через руки издателей, — такие как «Дневник наркомана» и «Лунное дитя», — следует, пожалуй, отнести к наихудшим образцам его творчества. Впрочем, в полной мере безупречной не стала ни одна из его книг. Стихи его бывали то превосходны, а то — просто из рук вон; проза — то чисто подражательной, то совершенно великолепной; но, кажется, сам он никогда не мог отличить одно от другого. Еще он мастерски сочинял стихотворные пасквили. Лучшим из них, пожалуй, следует признать «Стройную золотистую душу» — сатиру на Альфреда Дугласа, этого «Гитона, Иуду и Тартюфа», как он его называет¹. Она была опубликована в книге «Оскар

¹ Альфред Дуглас (1870—1945) — возлюбленный Оскара Уайльда, которого тот назвал «стройной золотистой душой» в одном из своих писем (это письмо впоследствии было украдено у адресата и использовано в качестве обвинительного материала на судебном процессе против Уайльда). Гитон — персонаж романа Петрония «Сатирикон», ветреный и лицемерный юноша.

Уайльд и Черный Дуглас»¹. Примером сатиры, выдержанной в более серьезном ключе, могут послужить другие, актуальные ныне стихи: «Да стинут люди! Минут времена // — И сыщет в закромах своих Природа // Забытые до срока семена // Не столь безмерно гнусного народа»². В равной мере «кроулианскими» можно назвать и эти полные ликования, одухотворенные строки: «О, Козерог! Колючий терн // И снежно-белая лилея! // Сияет золотом твой убор, // И лук рогов над ним алеет»³, — и этот типичный образец эпиграмматической лирики: «О, англичанка — смесь младенца с сукой»⁴.

Из стихотворений Кроули следовало бы составить антологию, ибо настоящих его стихов, действительно лучших (к которым едва ли можно причислить те, что вошли в «Оксфордскую книгу мистической поэзии»⁵), хватило бы на целый полновесный том. Та антология, которую он составил сам и опубликовал под названием «Горшок» незадолго до смерти, ставила своей целью представить все многообразие его поэтического творчества; в ней есть и хорошие стихи (в особенности два, написанные им уже под конец жизни), но немало и таких, которые слишком заметно уступают им по качеству. Кроули и слышать не желал моих советов по поводу «Горшка». Он всегда считал, что я недооцениваю его как поэта. Прочитав одну мою книгу, в которой я уделил излишнее внимание его кулинарным талантам (действительно заслуживавшим самой высокой похвалы), он написал на форзаце: «Бессмертные боги сыграли над Кроули шутку: // Он славы искал за стихи, а обрел — за печеную утку».

Что ж, его мистические стихи по большей части мне и впрямь непонятны, хотя некоторые из них все же находят отклик в моей душе — например, вот эти строки, которые я цитирую здесь по памяти:

1 Мемуарно-биографическое издание, подготовленное маркизой Квинсберри и Перси Колсоном и опубликованное в 1949 году.

2 Стихотворение Кроули «Оптимист».

3 Из стихотворения Кроули, посвященного Пану и фигурирующего в «Обряде Луны» из «Элевсинских мистерий» (1910), а также в описании Ату XV («Дьявол») в «Книге Тота».

4 Из поэмы Кроули «Мировая трагедия» (1910).

5 Имеется в виду антология, подготовленная Д. Николсоном и А. Ли и опубликованная в 1917 году. В нее вошли стихотворения Кроули «Странствие», «Неофит» и «Роза и Крест».

*И вот, измерив мир своим жезлом,
Я увидал, что на весах вселенной
Добро уравновешено со злом:
Со шлюхой пляшет схимник вдохновенный;
Где Дьявол пал, там Бог парит орлом...
Равняя чёт и нечет,
Мне Знак Козла заменит эти речи¹.*

Зато я в полной мере могу оценить другие его достоинства — такие, как вышеупомянутый кулинарный талант, а также вкус в выборе вин и выдержанного бренди. Никогда не забуду тот безупречно сцеженный и охлажденный до идеальной температуры мартинес 1912 года, которым Кроули угостил меня после ужина по случаю моего дня рождения; и мне в жизни не доводилось пробовать ничего вкуснее блюд, которые он готовил собственноручно. Особенно карри, его *specialité de la maison*², — оно было просто изумительно! Чересчур острое для меня — но я все равно уписывал за обе щеки, наслаждаясь самой его *чрезмерностью*. Что до стейка, то Кроули готовил его не менее виртуозно, но не с таким жгучим пылом; так что карри в его исполнении обрели более громкую славу, но стейки доставляли больше удовольствия. Эти стейки под бутылку ришбура или кортона (всем винам он предпочитал бургундское и портвейны) — вот то, о чем я вспоминаю с самой глубокой благодарностью. При этом Кроули не мог заставить себя прикоснуться к пище, не превращенной в произведение искусства.

Впрочем, никакая кулинария, пусть даже самая грандиозная и утонченная, не оставляет следов на песках времени. Грядущая судьба имени Кроули так или иначе зависела в основном от его литературных трудов. Едва ли не важнейшим из них он считал свою книгу о Таро, опубликованную, как и вышеупомянутая антология, уже в последние годы его жизни; но я недостаточно компетентен, чтобы высказать свое мнение по поводу этого солидного тома. Что касается иллюстраций к нему, собственно карт Таро в исполнении Фриды Харрис, то некоторые из них ошеломляют своей необычностью и почти

1 «Сад Януса», XXXI.

2 «Фирменное блюдо» (фр.).

все — завораживают. Оригиналы, выставившиеся в Оксфорде и Лондоне, естественно, производят еще более сильное впечатление. Отпечатана эта книга о Таро просто роскошно; ничего удивительного, что она продается по десять гиней. Кроули сказал мне, что за три месяца она ему принесла полторы тысячи фунтов. «Видишь теперь, — добавил он, — какой это идиотизм — связываться с издателями!» На это я заметил, что, вероятно, в дебет следует записать огромные расходы на производство. Кроули удивленно уставился на меня: «Ну да, конечно... Если автору хватает глупости платить за печать и переплет из собственного кармана...» Я не стал напоминать ему, что в старые добрые времена ему самому хватало на это глупости. Тогда он был богат; когда же растратил все деньги (на самые разнообразные предприятия и с поистине феерической расточительностью), то расходы на издание его книг стали оплачивать его последователи, а все доходы, если таковые случались, шли ему.

То, что Кроули брал эти деньги как причитающиеся ему по праву, очень для него характерно. Он совершенно искренне и, если вдуматься, не столь уж нелогично предполагал, что оплачивать издание его магических (и не только) книг должны другие — точно так же, как это было его собственной обязанностью в те времена, когда у него были на это деньги. И если люди, у которых водились деньги, — теперь, когда у него самого денег не было, — оплачивали заодно и его личные нужды, позволяя ему тем самым «вершить великую работу», то и это представлялось только разумным. Подобный подход не имеет ничего общего с позицией вульгарного шарлатана, выкачивающего деньги из легковверных жертв. Подход этот можно назвать наивным и, в некотором смысле, таков он и был; однако самому Кроули он казался совершенно естественным и справедливым. И его ученики, поддерживавшие деньгами его дело и своего учителя лично, действительно получали от него очень много — и он давал им то, чего не мог дать никто другой.

Сам я никогда не участвовал в подобных вложениях, однако он дал очень много и мне — ничуть не меньше, чем если бы дело обстояло иначе. В наших беседах он рассыпал сокровища щедрой рукой. Сколько удовольствия я получал от разговоров с ним во все периоды наших сближений! Исключением стали только последние несколько недель его жизни, когда он почти

непрерывно находился под воздействием обезболивающих препаратов. «Обидно, что ты потратил время на визит к бревну», — это были последние слова, которые я от него услышал; и очень скоро после этого он скончался. К тому времени он истощил последние силы; его покинули и его знаменитое чувство юмора, и непредсказуемый, не знавший покоя ум, столь часто изумлявший собеседников своими блистательными вольтами. Однако и в юности, и в расцвете сил, и еще долгие годы спустя он производил на людей неизгладимое впечатление, привлекая и завораживая их неким неповторимым своеобразием. Не думаю, что его когда-нибудь забудут. То, что о нем написали в книгах, несомненно, поможет чисто физически донести его образ до потомства; но как доктор Джонсон пережил бы века без Босуэлла¹, так и Кроули мог бы благополучно обойтись без современных ему биографов. Правда, это сравнение ему бы не понравилось: он презирал доктора Джонсона и утверждал, что тот воплотил в себе все самое худшее, что только есть в английском характере. Интересно, что сказал бы о нем доктор Джонсон?

Что касается нравственного облика Кроули, то в тех обвинениях, которые так обильно возводили на него, упрекая в беспринципности и даже в том, что большинство людей сочли бы порочностью, доля истины, несомненно, есть. Многие из этих обвинений абсолютно беспочвенны, но некоторые основаны на подлинных фактах. И все же по-своему он был безупречно честен. Когда он жил в Париже в двадцатые годы, ему предложили за солидное денежное вознаграждение построить гороскопы некой просватанной пары и убедить жениха, что с астрологической точки зрения они с невестой идеально друг другу подходят и созданы для счастливого брака. Предложение это исходило от *sale individu*², который получил бы большие комиссионные, если бы свадьба состоялась: невеста была богата. Кроули отказался, хотя в тот период был крайне стеснен в средствах. Тогда заказчик заявил, что имеет возможность помешать продлению его визы и непременно ею воспользуется, если Кроули не согласится принять участие в этой афере. Зная, что

¹ Сэмюел Джонсон (1790—1784) — английский лексикограф, критик и поэт, составитель знаменитого толкового словаря английского языка. Джеймс Босуэлл (1740—1795) — его друг и прижизненный биограф, автор книги «Жизнь Сэмюела Джонсона» (1791).

² «Гнусный тип» (фр.).

этот человек не лжет и действительно располагает нужными связями, чтобы исполнить свою угрозу, Кроули, тем не менее, остался непреклонен — и в результате был вынужден покинуть Париж по предписанию властей и приобрести очередное позорное клеймо изгнанника.

О честности его натуры свидетельствуют и последние годы его жизни, когда у него возникла нужда в профессиональной сиделке. На вопрос одной из приятельниц, почему он не наймет таковую, Кроули ответил, что у него на это нет денег. «Но у вас же почти пятьсот фунтов в сейфе!» — воскликнула она. «Это не для личных нужд, — возразил он. — Это деньги из Америки, присланные специально для Ордена». В конце концов, подруга убедила его, хотя и с некоторым трудом, что доброе здоровье руководителя для Ордена не менее важно, чем многие другие цели, и он уступил. Если бы не этот эпизод, мне как душеприказчику впоследствии было бы гораздо труднее объяснить официальному ликвидатору, что наличные, оставшиеся в распоряжении Кроули на момент его смерти, — около четырехсот пятидесяти фунтов, — в действительности были переданы ему для определенных целей, целей религиозных; что это были не его собственные деньги и, следовательно, не подлежали разделу между его кредиторами, — их следовало отослать обратно отправителю, в Америку (что и было исполнено).

Ввиду того, что Кроули приобрел репутацию человека, всегда обращавшегося с деньгами без особой щепетильности, необходимо обращать внимание на все обстоятельства, сопутствовавшие проявлениям этой «недобросовестности». С моей точки зрения, в его отношении к деньгам некоторые и впрямь предосудительные черты соединялись с привлекательными и достойными восхищения. Унаследовав в юности крупное состояние, он истратил его на те красочные, полные фантазии, творческие увлечения, которые могут привести человека на паперть куда быстрее, чем обычные роскошества. Всю силу и страсть своей неповторимой души этот человек направил на то, чтобы израсходовать все, что имел. Он обращался со своим состоянием, как с игрушкой. Если экипировать альпинистские экспедиции, постоянно публиковать частным образом роскошные издания своих стихов, пьес и магических трактатов, покупать усадьбы в Шотландии и повсюду, куда бы вы ни приехали,

жить как князь и развлекаться как махараджа, то никакого состояния не хватит надолго. Но до тех пор, пока его хватает, — какой же это *panache*¹, какой *élan* и *brio*²! Мотовство может быть глупым, но в том, как предавался мотовству Кроули, была фантазия и даже своего рода возвышенная вера. Кроули можно назвать каким угодно, но уж никак не «скаредным». А между тем один журналист писал о нем: «...скаредный и убогий шарлатан». Разумеется, человек может жить на широкую ногу и при этом оставаться скаредным и убогим; но к Кроули это никоим образом не относится.

Когда у него были на руках все эти тысячи фунтов, я еще не был знаком с ним. Мы подружился уже после того, как он все растратил. Но он всегда производил впечатление беззаботного богача — и неким чудом ему всегда удавалось сохранять этот образ, за исключением одного случая в тридцатые годы, когда я застал его в Паддингтон-Грин на какой-то ужасной съемной квартире. Я так и не понял, что же произошло. Вполне возможно, что это объяснялось не бедностью, а какими-то совершенно иными причинами. Он тратил много денег на свою магию, на свою религию; быть может, и в Паддингтон-Грин он поселился из неких религиозных соображений. В основе самых безумных его поступков всегда лежала холодная, неумолимая логика. И даже тогда он лишь на мгновение показался мне обнищавшим, а после вся окружающая обстановка словно исчезла. Помню, он жег благовония; должно быть, это сыграло свою роль. Так или иначе, квартира на Паддингтон-Грин очень скоро снова сменилась домами на Пикадилли и Джерман-стрит. Мне всегда представлялось, что Алистер по праву должен был богат, — учитывая, как много на свете людей, богатых не по праву.

Он, несомненно, мог производить впечатление хвастуна и даже кичливого «шарлатана», не только из-за маски *grand seigneur*³, которую подчас на себя натягивал, но и в силу причудливости костюма: он носил брюки с серебряными пряжками восемнадцатого века, огромный зеленый шарф и массивный перстень-печатку с символами Таро, а лицо его украша-

1 «Щегольство, рисовка» (фр.).

2 «Порыв души» и «блеск, виртуозность» (фр.).

3 «Богатый вельможа» (фр.).

ла китайская бородка. Его сравнивали с Уильямом Бекфордом¹, но определение «кичливый» лучше подходит как раз Бекфорду, который всегда выставлял свои деньги напоказ, зависел от них и от своего положения в обществе, эксплуатировал свою чудаковатость и самомнение, но не обладал подлинной силой личности. Скромной жизни он бы не вынес. Другое дело — Кроули: в последние годы у него вновь появились средства на то, чтобы вернуться к былой роскоши, но он предпочел поселиться в неприятельном пансионе в Гастингсе — просто потому, что ему нравились владелец этого заведения и его супруга, а он нравился им. За ним там хорошо ухаживали, это место устраивало его во всех отношениях, но, со всей очевидностью, человек кичливый ни за что не согласился бы на такие условия. Перебраться туда ему по моей просьбе помог мой сын, который в то время жил в Гастингсе и очень скоро начал делиться со мной в письмах впечатлениями о «нежном обаянии» и «беспечном остроумии» Кроули. Правда, мой сын, как и многие другие, наслушался сплетен о чудовищности и бесчеловечности Кроули и считал его «очень опасным». Но он сумел оценить его юмор, его живой ум и, в особенности, его необычность, так что они неплохо поладили. На некоторых людей Кроули и впрямь оказывал опасное, подчас даже роковое влияние. Но я сомневаюсь, что он когда-либо действовал «разлагающе» на «личности», основательно не разложившиеся ко времени знакомства с ним и без его помощи.

Был ли Кроули человеком «нравственным» или нет, я всегда буду вспоминать с неизменным и глубочайшим удовольствием его признание, сделанное уже под конец жизни: его слова о том, что я — его лучший друг. В тот период я сблизился с ним теснее, чем когда-либо, отчасти потому, что лучше стал его понимать, а отчасти — потому, что он стал вызывать (по крайней мере, у меня) некое сострадание, глубоко волнующее душу. Возможно, он осознавал это, хотя никогда в жизни не давил на жалость намеренно. Я и прежде ему сочувствовал, но в последние годы трагизм его личности вышел на первый план,

¹ Уильям Томас Бекфорд (1760—1844) — английский писатель, критик искусства и политик; более всего известен как автор готического романа «Ватек». Бекфорд был весьма состоятельным человеком (в наследство от отца ему досталось около миллиона фунтов стерлингов) и славился своей расточительностью.

и в результате я полюбил его, как никогда прежде. Он к тому времени понял, что не смог добиться всего, чего хотел, что замыслы его осуществились лишь отчасти; он сознавал, что ему всегда — по крайней мере, при жизни — будет сопутствовать не столько слава, сколько позор. Когда его здоровье снова резко пошатнулось, за год или два до смерти, он вручил человеку, который за ним преданно ухаживал, книгу с дарственной надписью: «Такому-то, который спас мою никчемную жизнь», — и вполне вероятно, что временами, под настроение, он и впрямь расценивал свою жизнь как никчемную. Так выворачивалось наизнанку его тщеславие, порой доходившее до грани мегаломании.

Думается мне, что успех и признание в обычном смысле слова могли бы благополучно свести это тщеславие на нет, если бы он их добился, — ибо тщеславие это в значительной степени служило их суррогатом. Он был великим *tanqué*¹, и это выводило его из себя. Он ударялся в саморекламу, становившуюся все более навязчивой по мере того, как разуверился в своей способности достичь поставленной цели. Когда-то он верил, что эта цель достижима — и без труда! — посредством сил, заключенных в нем же самом в таком изобилии. Только под старость лет он понял, что это не так, — и в том была его трагедия. Но, как бы то ни было, несмотря на свое поражение на чисто материальном плане и на всю боль, которую оно ему причиняло, Кроули никогда не опускался до «покаяния». Последние дни его не омрачились отвратительными сценами эксгибиционизма, подобными тем, которые устраивал настоящий Жиль де Ре² — негодяй, чьи мелодраматические признания и «раскаяния» почти настолько же тошнотворны, как и его преступления. «Я ничего не понимаю», — вот и все, что произнес Кроули, испуская дух³.

В том, что он действительно верил в свое великое предназначение как религиозного лидера — способствовать духовному возрождению человечества; в том, что он глубоко и твердо

1 «Неудачник» (фр.).

2 Имеется в виду Жиль де Ре, каким его представляют большинство современных историков, — в противовес романтическому образу, который Кроули создал в своей лекции об этом историческом персонаже.

3 По данным современных исследователей, эта версия «последних слов Алистера Кроули» неверна.

веровал в собственную религию, которую основал на «Законе Телемы» и которая должна была приблизить мир к тому, что он называл «божественностью», — во всем этом у меня нет ни малейших сомнений. Я слишком хорошо знал его, хотя, повторюсь еще раз, в его религии я никогда не был даже послушником, не говоря уже о посвящении в ее таинства. Но мне не раз доводилось видеть, как он преображается во внезапной вспышке вдохновения. Я видел собственными глазами, как им овладевает некий доподлинно священный дух, по своей сути и движущей силе близкий восточному религиозному экстазу. Один из таких эпизодов пришелся на период Второй Мировой. Мы с Кроули посетили леди Аберконуэй¹, а после ланча отправились вместе с нею к нему на Джерман-стрит. Он сел и начал читать нам вслух из некой огромной Магической Книги, которую держал на коленях. То был текст на каком-то странном, неизвестном языке. Кристабель Аберконуэй сидела подле его кресла на полу, расположившись с той бессознательной грацией и естественностью, какие в подобной позе возможны только для человека, наделенного природной и совершенной красотой. Ее прекрасные глаза широко распахнулись от избытка чувств, переполнявших и мою душу. «Какой это язык?» — спросила она. «Это язык ангелов», — ответил Кроули. Несмотря на весь восторг, на все лучезарное сияние, омывавшее его свыше и исходившее на нас через его посредство, я не смог удержаться от мысли, какую замечательную карикатуру нарисовал бы на эту сцену Макс Бирбом²: «Алистер Кроули читает для леди Аберконуэй на языке ангелов».

Приблизительно в тот же период я попытался выудить из Кроули его воспоминания о прошлых инкарнациях. Я спросил его о том моменте, когда ему впервые открылось одно из прошлых воплощений, — разве это было не грандиозно? Нет, ответил Кроули, это все происходит не так: сначала всплывает какой-то осколок воспоминаний, как правило, совершенно

¹ Кристабель Аберконуэй, баронесса Макларен (в девичестве Кристабель Мэри Мелвилл Макнахтен, 1890–1974) — супруга британского политика и промышленника Генри Дункана Макларена, знаменитая в литературно-художественных кругах светская леди и покровительница искусств.

² Макс Бирбом (1872–1956) — английский писатель, художник-карикатурист и книжный иллюстратор, теоретик дендизма. Славился блестящими литературными пародиями и графическими карикатурами на известных современников.

незначительный, а потом мало-помалу являются и другие; причем по-настоящему важные воспоминания приходят обрывками, смутно и постепенно, через долгие промежутки времени.

«Реинкарнация! Язык ангелов!» До чего же легко посмеяться над Кроули, превратить его в мишень для издевок! Даже легче, чем сделать из него чудовище. Кое-какие его проявления действительно могли показаться комичными. В некоторых отношениях он был до смешного невинен — невинностью Пьеро или Чарли Чаплина. В нем так и не развились ни взрослое чутье на поживу, ни взрослый взгляд на мир; о последнем он знал слишком мало, чтобы эффективно с ним управляться. Он раз за разом делал самые грубые промахи, потому что никак не мог понять, что представляет собой этот мир. Будь у него хоть капля житейской мудрости или даже обычного здравого смысла, он ни за что не затеял бы этот абсурдный процесс о клевете — который он, разумеется, проиграл, стал банкротом и так и прожил банкротом до самой смерти, около двадцати лет.

Та же самая колоссальная наивность отличает Кроули и как писателя. Он стремился привлечь широкую аудиторию, но не сумел, потому что ничего о ней не знал. И тогда, подобно Роберту Браунингу (вызывавшему у него такое восхищение), он стал считать себя узким специалистом. Именно по этой причине книги Кроули никогда не распродавались большими тиражами, несмотря на то, что большая часть их увидела свет в прекрасных изданиях. Даже самые легкие его произведения зачастую перегружены плодами его эрудиции — массой аллюзий и редких слов, которые большинству читателей остаются непонятными и потому раздражают. Когда я сказал ему об этом, он возразил: «А кто им мешает пользоваться словарями?» — по-видимому, так и не осознав, что расчет на читателей, которым придется пользоваться словарями, автоматически означает, что читателей этих будет не так уж много. Впрочем, Кроули просто не представлял себе, как вообще можно что-либо читать, не обложившись горами справочной литературы. К тому же, он не чувствовал, что привлекает, а что отталкивает читателя; он не знал никаких уловок и трюков писательского ремесла. Когда мы с ним обсуждали «популярное» издание его комментариев к «Книге Закона», он предложил включить в книгу еще один комментарий, от другого лица.

Остроумие его было безупречно, но своим юмором, как и многими другими чертами, он напоминал не по годам развитого школьника. Подобно многим англичанам, он до конца своих дней оставался вечным мальчишкой. Он все время изобретал всякие словесные игры и играл в них просто гениально — зачастую доводя других игроков до белого каления своей находчивостью. Та же мальчишеская изобретательность проявлялась у него и в обычной речи, и на письме, когда он внезапно — и просто развлечения ради — начинал говорить несурезицы, настолько изощренные и перегруженные, что зачастую от них становилось скучно. Впрочем, он мог быть и весьма лаконичным, как, например, в своей однострочной рецензии в «Эквиноксе» на книгу некоего человека по фамилии Холли: «Холли, Холли, Холли, Господь Бог Вседержитель!»¹

Не менее лаконично он ответил как-то и Теодору Драйзеру². Дело было в Нью-Йорке, в годы Первой Мировой. Драйзер, выступив со страстным протестом против зависимости американской литературы от английской традиции, обратился к Кроули: «Ну вот вы, например, — что *вы* можете нам предложить?» И тот произнес в ответ одно-единственное слово: «Покровительство». Я до сих пор помню, как взбесился тогда Драйзер, — это было чудесно! Кроули в то время экспериментировал с пейотлем и устраивал «пейотлевые вечеринки». Я уговорил Драйзера посетить одно такое собрание. Он пришел, хотя и не без некоторых опасений. «Чтобы раскатать Драйзера, понадобится тройная доза», — заметил Кроули, готовя для него «смесь». Драйзер, и глазом не моргнув, выпил свой стакан залпом (ему вообще была свойственна эдакая напускная храбрость). Через какое-то время он почувствовал недомогание и осведомился у Кроули, нет ли где поблизости хорошего врача — «просто на случай, если что-то пойдет не так». «Насчет врача я не знаю, — ответил Кроули, — но на углу 33-й стрит и Шестой авеню есть первоклассное похоронное бюро». Драйзер несколько секунд помолчал, а потом отрезал: «Мне такие шутки не по нраву!» Под действием пейотля

¹ В оригинале игра слов — аллюзия на Откр. 4:8: «Holy, holy, holy, Lord God Almighty» («Свят, свят, свят Господь Бог Вседержитель»).

² Теодор Драйзер (1871–1945) — американский писатель-реалист и общественный деятель.

приходят красочные видения, удивительные и волнующие; но лично я чувствовал себя потом неважно, поэтому принимал его всего два или три раза в жизни. Драйзер же под его влиянием стал красноречив и, по-видимому, его недомогание быстро прошло. Он лежал на спине на кровати рядом с каким-то миниатюрным английским актером, которому «смесь» явно не пошла впрок, и, в своей тяжеловесной манере, всегда подрезавшей крылья его могучему таланту, повествовал нам о пейзажах и существах, проходивших перед его глазами в ярких видениях. Время от времени он повторял — по-видимому, изрядно драйзеруя их в процессе, — какие-то безумные, фантастические инвокации и заклинания, звучавшие у него ушах. Чем-то это смахивало на чтение вслух какого-нибудь из его романов; но разница все же была. Крошка-актер на своей половине кровати, над которой красовалась надпись «Иисус плакал», все это время прерывисто постанывал и общался с тазиком, цепляясь за этот спасительный предмет, как утопающий — за соломинку. Дело было на съемной квартире.

После того Драйзер наивно поинтересовался у меня: «Скажите, а этот ваш приятель — ну, этот парень, Кроули, — он, часом, не проходимец?»

Тем не менее, они встретились снова: Драйзер милостиво соизволил угоститься знаменитым кроулиевским карри. Обед ему понравился, но Кроули опять ухитрился вогнать его в приступ бешенства, так хорошо знакомого всем, кто хоть мало-мальски знал Драйзера. Тот как раз подыскивал синоним для выражения «молодой лебедь», чтобы вставить его в качестве сравнения в одно из своих пространственных и довольно запутанных описаний; и, наконец, сдавшись, воззвал к Кроули: «Ну как же это будет? Вот вы — как бы вы назвали молодого лебедя?»

«Почему бы вам не назвать его Альфредом?» — ласково предложил Кроули. Вся степенная тевтонская натура Драйзера встала на дыбы при виде такого несносного английского легкомыслия. Можно не сомневаться, что с той минуты он еще более страстно возжелал нам проиграть войну. А Кроули никогда не отказывал себе в удовольствии ткнуть этого могучего быка в бок своей бандерильей.

Такое беспечное легкомыслие (знаменитый английский «нонсенс») проскальзывало в репликах Кроули довольно часто.

Одной леди, обратившейся к нему за советом, в какой женский колледж лучше отдать дочь, он с серьезным видом отвечал: «Лучше всего — Рэдклифф-Холл». И сила его внушения была такова, что дама с благодарностью записала название, даже не заподозрив подвоха, — несмотря на то, с каким шумом только что запретили «Колодец одиночества»¹. Несколько поиному беспечен был ответ Кроули на вопрос, как он умудрялся лет сорок тому назад, во время путешествия в Россию, спать в постелях, кишевших клопами. «Я передвинул границу», — отшутился он. И эта шутка была очень в его духе — он произнес ее со своей особенной, неповторимой важностью, со своим особым широким взмахом руки. Она была почти религиозной, эта шутка, ибо за ней стоял некий полусерьезный намек на веру в невозможное. Грандиозная, фантастическая шутка человека, не знающего меры ни в чем (и, кстати, она живо напоминает мне его отношение к деньгам). Столь же грандиозным и фантастическим был его план по окультуриванию Америки, рассчитанный на пять тысяч лет («Слишком оптимистично, я знаю. Но я всегда верю в лучшее»). Он бывал исключительно остроумен не только в разговорах, но и в книгах; реплику из его «Домашних богов» — «Это мальчик? А кто же я тогда?!», — взятую в контексте, можно смело назвать одним из самых смешных восклицаний за всю историю литературы.

Избыточность, расточительность, столь часто отмечавшая его юмор, была глубоко укоренена в самой его натуре. Это, можно сказать, был его культ, его мания — доходить до крайности во всем: и в писательской работе, и в опытах с наркотиками, и в курении крепчайших сигар и трубок, и в выпивке — хотя ни мне, ни кому-либо из моих знакомых ни разу в жизни не довелось увидеть его пьяным. Он от природы был настолько крепок, что, подозреваю, мог совершенно безнаказанно опрокинуть подряд не меньше дюжины коктейлей собственного сочинения: «Три части выдержанного бренди, три части выдержанного кирша, одна часть абсента, 6 мл табаско, спирт или эфир по вкусу. Взболтать со льдом». Тем же узнаваемым духом чрезмерности пропитано и адресованное мне письмо за декабрь 1912 года — ответ на приглашение погостить у меня в Чизвике: «К счастью, я сохранил полный комплект своего гималайского

¹ См. примеч. 1 на стр. 204.

снаряжения, а все, чего не хватает, я докуплю в течение дня. Тронусь в путь завтра же на рассвете, если смогу раздобыть мулов». Он обожал сумасбродства и гиперболы У.С. Гилберта¹; то был один из его любимых авторов.

Особую слабость он питал к розыгрышам — и в них нередко тоже хватал через край. Иногда, впрочем, получалось невероятно забавно — как в той истории, которую поведал мне его шурин². Кроули тогда был молод и еще достаточно богат. Он жил в шотландском поместье Болескин и именовал себя «лордом Болескином». Гораздо позже, в Париже, он снизил планку до скромного «сэра Алистера Кроули». У меня до сих пор хранится его визитка с тех времен, украшенная вдобавок дворянской короной.

Итак, один швейцарский знакомец Кроули приехал к нему в Болескин и принялся гордо перечислять, на каких зверей он за свою жизнь успел поохотиться. «Я собираю головы, — добавил он. — Все они хранятся у меня дома, в Женеве». После чего внезапно поинтересовался: «А что такое хаггис³?» «О! — воскликнул Кроули. — Вы обратились по адресу! Я — один из очень и очень немногих, кто отважится вам ответить на этот вопрос» (а надо сказать, что голосом и интонациями он зачастую сильно смахивал на Уинстона Черчилля). Хаггис, — перешел он к объяснениям, — это такой особый баран-«отшельник», встречающийся только в Шотландии, — вроде небезызвестных в других частях света слонов-«отшельников», которых отвергло стадо и которых туземные племена окружают почитанием как фетиши или табу. Подобные животные всегда священны. Так и шотландский хаггис, — продолжал Кроули, — есть животное священное и чрезвычайно редкое. Когда его все же встречают на охоте, никто не смеет к нему прикоснуться, кроме вождя клана. На гостя этот рассказ произвел большое впечатление и весьма его заинтересовал.

Как только представилась возможность, Кроули распорядился купить в Инвернесе и тайком доставить в Болескин старого, дряхлого барана. Этого барана он отвел в холмы над усадьбой

1 См. примеч. 1 на стр. 135.

2 Джеральд Келли; см. примеч. 3 на стр. 68.

3 Хаггис — национальное шотландское блюдо из бараньих потрохов, измельченных с луком, салом и приправами и отваренных в бараньем желудке.

и там стреножил, после чего пригласил своего приятеля-охотника за стол — было как раз время ланча. Но не успели они приступить к трапезе, как в столовую ворвался загодя подученный слуга, и, всем своим видом изображая глубокое волнение, припал на одно колено перед хозяином дома с громкими воплями: «Милорд! Милорд! Там на холме хаггис!» Кроули с полным самообладанием поднялся из-за стола и отдал необходимые распоряжения. Охота началась! Карабкаясь по крутому склону со своим простодушным гостем, Кроули строго-настрого предупредил его ни под каким видом не приближаться к «хаггису», однако охотника охватил такой азарт, что он выстрелил, едва завидев цель, и сразил жертву наповал. Кроули схватил его за руку: «Если вам дорога жизнь, ни шагу больше! Подойти к этому священному животному вправе только я!» Прodelав остаток пути вместе со слугой, Кроули стащил тушу бедного старого барана вниз. «Я пошел на такое чудовищное святотатство только ради нашей дружбы! — заявил он швейцарцу. — Я ведь был до сих пор верховным вождем всей Шотландии, а теперь из-за вас рискую потерять это место!» Должно быть, голова того барана и по сей день висит на почетном месте среди других трофеев на стене упомянутого дома в Женеве, а под ней красуется табличка с золотыми буквами: «Хаггис. Застрелен в Шотландии», — и датой этого памятного события. Единственное, что во всей этой истории прошло не совсем гладко, — то, что слуга вбежал в столовую раньше времени и Кроули так и не успел заморить червячка до самого конца охоты. Но что, если швейцарский джентльмен с самого начала знал, что такое хаггис? Что, если все это время он втайне потешался ничуть не меньше, чем Кроули?

Еще один замечательный розыгрыш, учиненный Кроули, столь же хорошо подкреплён свидетельствами, но не требует столь долгого повествования. Однажды Кроули выбрал какого-то прохожего на улицах Нью-Йорка, пристроился за ним и пошел след в след, шагая точно в таком же темпе, — а потом внезапно упал. Человек, шедший впереди и ничего не видевший, тоже упал сей же миг, словно подкошенный какой-то незримой силой. Кроули помог ему подняться, выразил сочувствие и вместе с ним принялся искать коварную апельсиновую корку, которой там, конечно же, не было и в помине. В этом эпизоде

Кроули выступил сразу в двух своих ипостасях — и как маг, и как любитель абсурдных шуток.

Пройдут еще годы, прежде чем этого человека увидят в истинном свете. Всегда нелегко разглядеть целостный образ того, кого одни превозносят сверх всякой меры, а другие столь же безудержно поливают грязью. А в случае с Кроули проблема усугубляется еще и тем, что в характере его соединилось великое множество свойств, зачастую, казалось бы, совершенно несовместимых друг с другом. Я никоим образом не претендую на то, что способен разгадать тайну его природы и его поступков. Я всего лишь радуюсь, что он был таким, каким был, и что я был знаком с ним. И главное из чувств, которые я к нему испытываю, — это глубокая личная благодарность, ибо из тех, с кем я общался за свою жизнь, почти никто не дал мне больше, чем он, и не произвел на меня более сильного впечатления.

ГИМН ПАНУ¹

Алистер Кроули

«О, трепет радости! Я окрылен, ликую!

Ио! Ио! Пан! Пан!

Пан, о странник морской, явись,

Божественных хороводов царь,

Покинь Киллены кремнистый кряж

С бурей снежной, о Пан! Сойди!»

Софокл, «Аякс» (перевод С.В. Шервинского)

Жаждой света трепещи, желанный

Муж мой, страстью пьян!

Мчись во весь опор из ночи Пана!

Ио Пан!

Ио Пан! Приди из-за морей,

Из Сицилии, Аркадии твоей!

Вакхом-странником со свитой сатиров,

Фавнов и менад, пантер и тигров,

Из земель заморских, на спине

Белого осла — ко мне! Ко мне!

О, прекрасный Бог! Веди с собою

Аполлона в свадебном уборе

(Пифия, пастушка!);

вслед за ним —

Артемиду (легок, словно дым,

Шелк ее сандалий); под луной

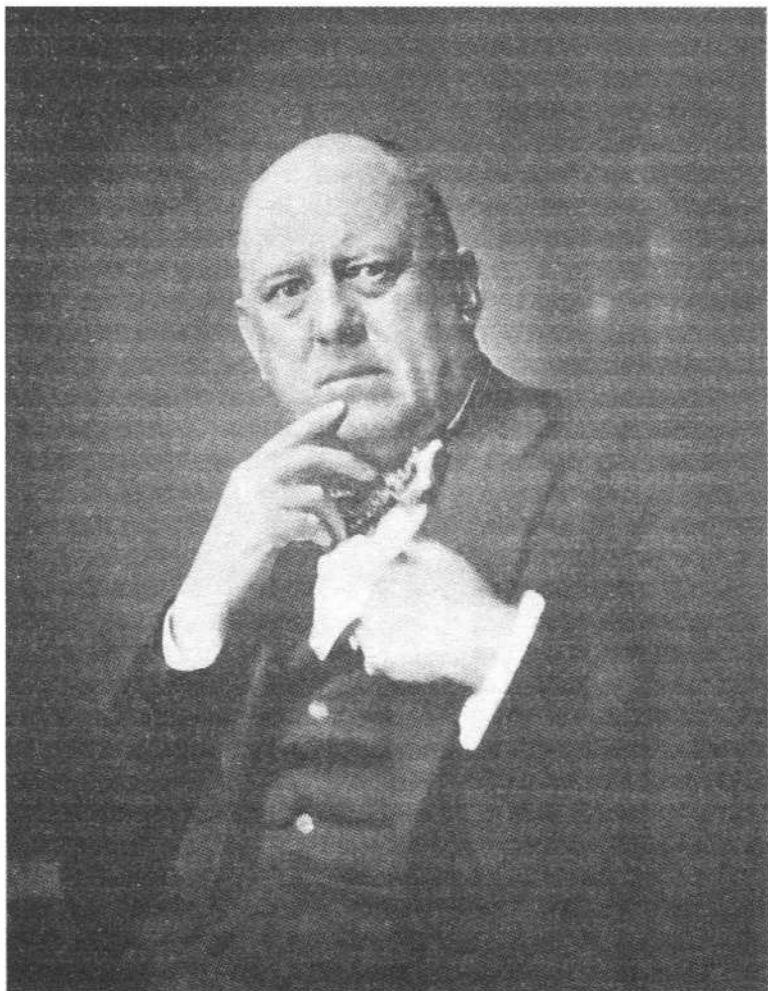
Белое бедро свое омой

Там, где беломраморный утес

¹ «Гимн Пану» Кроули написал в 1913 году в Москве и впервые опубликовал в журнале «Эквинокс» (III, 1, 1919), а позднее (но, по-видимому, в том же году) отдельной брошюрой. В «Исповеди» он называет это произведение «самым мощным из всех написанных мною заклинаний». — Примеч. перев

Над лесами грудь свою вознес
И родник мерцает янтарец,
Словно зыбкий сумрак пред зарей.
Пурпур вождельня окуни
В жар святыни, в алость западни,
Душу потрясенную взнеси
В горнюю всевидящую синь:
Пусть дивится со своих высот,
Как вскипает сладострастный сок
Древа жизни — духа и души,
Разума и плоти... Поспеши,
Мой желанный — дьявол или бог —
Муж мой!
Без дорог
Мчись! Ко мне, ко мне — из дальних стран!
(Ио Пан! Ио Пан!)
Тишь развей пронзительной трубою
На холме!
Взрокочи тимпаном пред собою
Вслед зиме!
Пусть зовет весну твоя свирель!
Я ли не созрел?
Я ль не истомился в тяжких путах,
Меж землей и небом, без приюта?
Тщетно бьюсь, как лев, и вьюсь, как змей!..
О, скорей!
В груди моей
Жажду дьявольских объятий
Уголи, Всепожиратель,
Всеотец! Разбей клинком
Звенья тягостных оков!
Око Зрячее даруй мне,
Шип терновый чресел буйных,
Слово тайны и безумья!
О Пан! Ио Пан!
Ио Пан! Ио Пан Пан! Пан Пан! Пан,
Я — человек пред тобой:
Твори свою волю, как может великий бог,
О Пан! Ио Пан!

Ио Пан! Ио Пан Пан! Я ото сна восстал:
Змея обвила мой стан,
Когтями и клювом терзает орел;
Се — отступают боги —
Великие звери грядут, Ио Пан! Я обрел
То, для чего я родился, — гибель на роге
Единорога!
Я — Пан! Ио Пан! Ио Пан Пан! Пан!
Пан! Я — твой муж, тебе под стать,
Я — золото, я — бог, я — вожак твоих стад,
Я — плоть от твоей кости, цветок твоего жезла.
Грохочут по скалам стальные копыта козла:
Сквозь упрямый солнцеворот
К равноденствию мчусь — вперед! —
И беснуюсь; и мир без конца и без краю
Истяжаю, насилую, рву, раздираю —
Кукла, дева, менада, муж, человек —
Во власти Пана вовек.
Ио Пан! Ио Пан Пан! Пан! Ио Пан!

Алистер Кроули в годы сотрудничества с «Мандрейк-пресс»

ЛЕГЕНДА ОБ АЛИСТЕРЕ КРОУЛИ

Перевод Алексей Осипов, Анна Блейз

Корректор Алексей Осипов

Дизайн обложки и макет Надежда Саламахина

Верстка Надежда Саламахина

ООО «Издательство «Ганга»

196143, Москва, ул. Голубинская, 17/9, 501

GANGA.RU

Подписано в печать 10. 10. 2009. Формат 84x108/32

Объем 11 п.л. Тираж 1500 экз. Заказ № 4581

Гарнитура OriginalGaramond BT. Печать офсетная

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных материалов в ОАО «Дом печати — ВЯТКА».

610033, г. Киров, ул. Московская, 122

Факс: (8332) 25-58-83, 53-53-80

<http://www.gipp.kirov.ru>

e-mail: pto@gipp.kirov.ru